

СБОРНИК ПЬЕС
КОРЕЙСКИХ АВТОРОВ

**ДОРОЖКА ФЕИ
В САДУ**

Алматы
«RUAN»
2006

*Посвящается
75-летию Республиканского корейского театра
музыкальной комедии
и
70-летию проживания корейцев
в Казахстане*

*Авторский коллектив выражает благодарность
Ассоциации корейцев Казахстана,
Алматинскому корейскому национальному центру
и Творческому объединению «Огни рампы»
за помощь в издании сборника*

СБОРНИК ПЬЕС
КОРЕЙСКИХ АВТОРОВ

**ДОРОЖКА ФЕИ
В САДУ**

ББК 84Р7-6

Л 45

Л 45 Дорожка феи в саду. Сборник пьес корейских авторов.
/ Сост. Лаврентий Сон – Алматы: «RUAN», 2006. – 352 стр.

ISBN 9965-9804-6-2

Двенадцать пьес, включенных в сборник «Дорожка феи в саду», различны по времени происходящих событий – от XVIII-го века до наших дней, и драматургические приемы авторов своеобразны – от реализма до метафизики. Тем не менее они отображают духовную и социально-историческую судьбу корейцев, проживающих на этнической родине и за ее пределами.

А 4702010203
00(05)–06

ББК 84Р7-6

ISBN 9965-9804-6-2

© «RUAN», 2006
© Л. Сон, 2006

ЯНБАНДЕН

(по мотивам новеллы Пак Ди Бона)

Музыкальная комедия-фарс
(2 действия, 6 картин)

Адаптированная редакция и перевод – Лаврентий СОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Янбан.
Жена янбана.
Дольсе, слуга янбана.
Богач.
Жена богача.
Бобя, служанка богача.
Управляющий.
Заместитель управляющего.
Сарен, исполнитель.
Се-тонгсе, крестьянин.
Кя-тонгсе, крестьянин.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Перед закрытым супером, пританцовывая, поет слуга по имени Дольсе.

Дольсе. Будем рады, рады очень,
Если вам понравится,
Что случилось, между прочим,
В веке восемнадцатом...
Эль-са, дель-са, между прочим,
Эль-са, дель-са, в веке восемнадцатом!
Чем намеками похож
Анекдот с усами?
Что тут правда или ложь –
Догадайтесь сами...
Эль-са, дель-са, правда или ложь,
Эль-са, дель-са, догадайтесь сами!

Супер открывается. Двор янбана. По всему видно, что хозяйство влечит бедное существование – накренившийся забор с дырами, скудная свалка дров, покосившаяся дверь в подсобку, болтающаяся калитка.

Голос яббана. О, небо! Что за жизнь? Скоро уже обед, а с утра еще ни ро-синки во рту... Эй, Дольсе! Принеси-ка воды, горло промочить!

Дольсе. Слушаюсь, мой господин! *(В сторону)*. Можно подумать, что нутро вывалится наружу, если сам зачерпнет ковшом воды... *(Уходит. Возвращается с водой в тыквенном ковше и уносит его яббану)*.

Голос Жены яббана. Где мой туфель? Найди и принеси его мне!

Дольсе. Слушаюсь, моя госпожа! *(В сторону)*. Была бы одноногой, обош-лась бы одним туфлем! *(Уходит. Появляется, пиная туфель)*.

Голос яббана. Дольсе, иди туда и принеси сюда!

Дольсе. Слушаюсь! *(Убегает с туфлей и возвращается)*.

Голос Жены яббана. Дольсе, иди сюда и отнеси туда!

Дольсе. Слушаюсь!

Голос яббана. Дольсе, иди сюда!

Голос Жены яббана. Дольсе, иди туда!

Голос яббана. Живо сюда!

Голос Жены яббана. Живо туда!

Голоса раздаются все быстрее. Дольсе только успевает вертеть головой. Наконец, голоса прекращаются. Дольсе садится на пол.

Дольсе. Слава богу, что меня зовут Дольсе... А назывался бы я каким-нибудь Кя-тонсе или Се-тонсе, давно бы отдал концы. С утра до ночи верчусь, будто юла на льду, даже умереть некогда...

Жена яббана *(появляясь)*. Варе-варе-варе... Дольсе, ты не видел моей со-бачонки, моей Милашки?

Дольсе. Видел! Она только что резвилась с псом соседнего богача.

Жена яббана. С соседским псом?.. Как бы ни был богат наш сосед, он же простолюдин! Где это слыхано, чтобы пес простолюдина запросто разгуливал по дворянскому хозяйству?

Дольсе. А ему приглянулась ваша Милашка.

Жена яббана. Боже, какой позор! И почему ты не прогнал его?

Дольсе. Да как его прогонишь? Я за ним, а он то в одну дыру, то в другую юркнет и все пристраивается к Милашке!

Жена яббана. Заткнул бы дыры!

Дольсе. Так сколько их, этих дыр в заборе? Все заткнуть, тряпок не хватит... Должен отметить, что вапа Милашка сама подставляется, бесстыжая!

Жена яббана. Прикуси язык, поганец, и делай то, что говорят тебе! Не-медленно заделай все дыры в заборе! *(Уходит)*.

Дольсе. Покорно повинуюсь, госпожа! *(Выносит большой узел и разяз-зывает. Тряпками начинает затыкать дыры в заборе)*. Бог ты мой! Из-за одной скромненькой дырки сколько приходится затыкать дыр в хозяйст-ве нашего яббана! А чего толку, спрашивается, затыкать дыры, когда фундамент рассыпается!.. *(Затыкая одну дыру за другой и пританцовывая при этом, поет)*.

Продырявился весь свет,
Кроме дыр на свете нет.

Вот дыру заткну рубашкой —
Нет прохода для Милашки!
А вот этим полосатым
Путь закрою я богатым!
И позвольте вас спросить,
Чем все дыры мне закрыть?
Продырявился весь свет,
Кроме дыр на свете нет.
Ненасытная утроба
Рот-дыра у богача,
Растянулся он до гроба,
Не хватает кирпича!
И позвольте мне спросить —
Чем все дыры мне закрыть?

Явбан (*появляясь*). Дольсе! Ты не знаешь, где моя шляпа?

Дольсе. Я закрыл ею дыру в заборе.

Явбан. Ты с ума сошел! Моей единственной шляпой, шляпой благородного дворянина заткнуть дырку в заборе!.. (*Вынимает шляпу и расправляет*).

Дольсе. Госпожа велела заткнуть все дыры в заборе, а тряпок не хватило.

Жена явбана (*появляясь*). Дольсе, ты не видел мой шелковый платок?

Дольсе. Я заткнул им дыру в заборе.

Жена явбана. В своем ли ты уме? Моим платком закрыть дыру! (*Изаляет платок из дыры и разглаживает*).

Явбан. Надо с негодника спустить шкуру!

Жена явбана. Пусть сначала приведет ко мне мою собачонку Милашку!

Дольсе. Думаю, сейчас ей не до вас.

Явбан. Это почему же?

Дольсе. Я же говорил, она крутит любовь с соседским псом.

Явбан. С псом простолюдина?

Дольсе. Должен вам напомнить, что дыра в заборе простолюдина ничем не отличается от дыры в заборе дворянина.

Жена явбана. Немедленно приведи Милашку домой, пока этот пес не осквернил ее честь!

Дольсе. В таком деле трудно разобраться — осквернил или уважил честь...

Явбан. Что мелет твой язык, негодник? Запомни раз и навсегда, честь явбана превыше всего и никто не смеет осквернить его!

Явбан и его Жена уходят рассерженными. Появляется Управляющий.

Управляющий. Дома ли почтенный хозяин?

Дольсе. Дома, господин управляющий. Сей же час доложу! (*Не сходя с места, кричит*). Мой господин! К вам с почтением господин управляющий!

Явбан (*появляясь*). Добро пожаловать, уважаемый гость!

Управляющий. О, почтеннейший хозяин! Когда не вижу вас, пусть даже один день, я не нахожу себе места, аж под ложечкой сосет!

Янбан. Истинная правда! Ведь мы с вами друзья еще с каких пор? Общайся и помогай друг другу, мы укрепляем порядок в этом мире...

Управляющий. И общество наше живет в мире и согласии!

Янбан. Дольсе! Принеси угощение! Водку неси!

Дольсе. Пусто в винной бутылки, как в желудке моем.

Янбан. Сходи и купи!

Дольсе. Не получается брать водку без денег, не научился.

Янбан. Мне, янбану, неприлично думать о деньгах. Иди и принеси в долг.

Дольсе. Опять в долг?... И потом, госпожа велела срочно отыскать собачонку, а не то...

Янбан. Какая еще собачонка, когда в гости пришел управляющий! Сначала принеси водку, потом ищи собачку госпожи!

Дольсе. Слушаюсь! Принести собачку для угощения и найти водку для госпожи!

Янбан. Наоборот, болван!

Дольсе. Слушаюсь! Сначала водку для госпожи, затем собачку для высокого гостя!

Янбан. Нет! Сначала для высокого гостя, понял?

Дольсе. Для высокого гостя госпожу, для собачки водку?

Янбан. Убью!

Дольсе. Бегу исполнять ваше указание! *(Убегает)*.

Янбан. Ну и времена настали! Чуть дашь послабление, так каждый старается ушипнуть тебя, посмеяться над тобой. Вон чернь какая и то зубоскалит и паясничает...

Управляющий. Пороть их надо всех, в кулаке держать!

Янбан. Не к лицу мне, янбану, кнутом махать. Вам сподручнее такие дела. А мне всевышним предназначено умом решать мирские дела!

Управляющий. Вот за этим я и пришел к вам, за мудрым советом.

Янбан. А что случилось?

Управляющий. От крестьян чудовищная жалоба поступила.

Янбан. Убили кого-нибудь?

Управляющий. Если бы так... Дело поковарное!

Янбан. Извольте изложить суть дела.

Управляющий. В одной деревне... жили два быка. Сегодня утром один из них забодал другого насмерть!

Янбан. Так я и знал!

Управляющий. А теперь хозяин убитого быка требует от хозяина быка-убийцы возместить убытки. Как быть?

Янбан. Да... Задача в самом деле не из легких.

Управляющий. Прошу вашего мудрого совета.

Янбан. Значит, этот убил того. Или наоборот?

Управляющий. Наоборот!

Янбан *(берет книгу и листает)*. Тогда еще сложнее...

Управляющий. Прошу вас, постарайтесь.

Янбан. Чтобы с неба пошел дождь, оно должно покрыться тучами...

Управляющий. Вот-вот-вот!

Янбан. Чтобы родилась мудрая мысль, надо чтобы помутилось в голове.

Управляющий. Что вы говорите!

Явбан (*прекращая листать Книгу мудрости*). Дольсе!

Дольсе (*выбегая*). Я тут!

Явбан. Принеси лекарственную воду!

Дольсе убегает и возвращается с бутылкой, помешивая в ней бамбуковой палочкой.

Дольсе, что ты мешаешь палочкой?

Дольсе. В бутылку муха залетела. Ее трупный запах перебивает запах водки.

Явбан. Болван! Выбрось эту водку и принеси другую, да поживее!

Дольсе. Будет сделано! (*В сторону*). Сегодня у бедного крестьянина Боксе поминки, а на столе ничего, кроме воды. Отнесу-ка ему эту водку, пусть справит поминки как следует! (*Убегает*).

Управляющий. Как славно, что есть на свете такие мудрецы, как вы! Я всегда преклонялся перед высоким званием янбанства!

Явбан. Но так мало людей, могущих оценить многотрудное, хотя и почетное, звание янбанства! Дольсе!..

Прибегает Дольсе с новой бутылкой водки. Разливает и подает стопки хозяйну и гостю.

Пожалуйста, угощайтесь.

Управляющий (*отпив*). Отменная вещь!

Явбан (*отпив и будто по секрету*). Должен вам сказать, что самая вкусная водка та, что пьется в долг. У меня она всегда вкусная!

Управляющий. Никаких сомнений! Сама льется!

Явбан (*еще раз отпив*). Давеча я говорил вам — чтобы дождь пошел, небо должно покрыться тучами. А чтобы мудрая мысль родилась, в голове должно помутиться, говорил?

Управляющий. Говорили, мудрейший!

Явбан. Сейчас мою голову заволакивает пелена тумана и скоро ливнем потечет мудрая мысль.

Управляющий. Великолепно!

Явбан. Вот она, полилась...

Управляющий. Уже?

Явбан. Льется как из ведра! (*Покачивает головой*).

Управляющий. Держите голову, умоляю вас, мысли расплескаются!

Явбан (*торжественно*). Итак!.. Поскольку бык уже издох, прикажите снять с него шкуру.

Управляющий. Так-так-так...

Явбан. А того быка, что остался жив, прикажите приволочь к вам в управление! Таким образом вы разрешите их трудный спор!

Управляющий. Воистину гениально!

Оба закатываются от смеха.

Разрешите откланяться?

Янбан. Посидите еще немного...

Управляющий. Не терпится огласить мудрое решение!

Янбан. Ваша светлость... Мне неловко опять обратиться к вам с пустяшной просьбой...

Управляющий. Я весь внимание!

Янбан. Одолжите еще десять малъ риса из ваших уездных запасов. Разумеется, в долг.

Управляющий. Самый вкусный рис тот, что сварен и съеден в долг?

Янбан. На днях я рассчитаюсь со всеми долгами, вы мне верите?

Управляющий. И вы, и я — мы люди уважаемые, а посему обязаны верить друг другу. Тем более, что рис из уездных закромов, хоть сто малъ!

Янбан. Вы щедры как никогда! Дольсе!

Дольсе. Я здесь.

Янбан. Проводи почтенного гостя и возвращайся с рисом!

Дольсе. Опять из уездных складов?

Янбан. Какое твое дело? И вообще, рис не отличается вкусом, откуда он ни взят!

Управляющий. Будьте счастливы, почтенный!

Янбан. Счастливого пути!

Управляющий и Дольсе уходят. Выходит Жена янбана.

Жена янбана. Как же мы расплатимся с долгами?

Янбан. Когда умрем, и долги спишутся. Ведь не пойдут же кредиторы за нами в могилу.

Жена янбана. А если придут, когда я овдовею?

Янбан. Ты по возрасту старше меня, да и цвет лица далеко не свежий. Так что скорее всего ты умрешь раньше меня и нечего тревожиться!

Вбегают запыхавшийся Дольсе.

Дольсе. Госпожа, госпожа!

Янбан. Почему ты вернулся без риса?

Дольсе. Госпожа, я нашел вашу собачонку!

Жена янбана. Где же она?

Дольсе. В соседнем дворе. Похоже, она согрешила с псом богача.

Жена янбана. С псом простолоюдина?! А куда же ты смотрел?

Дольсе. Я обслуживал господина управляющего.

Жена янбана. Но Милашка дворянского звания!

Дольсе. А у почтенного управляющего уездные склады с рисом!

Янбан (жене). Он прав!

Жена янбана. Сегодня же подам в суд на негодника!

Дольсе. На меня?

Жена янбана. На этого наглого богача! Он думает, что если наворовал богатства, то можно и унизить честь янбанской собачки! Не выйдет!..

Свет гаснет.

Картина вторая

Площадь перед уездным управлением. Два крестьянина — Се-тонгсе и Кя-тонгсе — трясут друг друга за грудки.

Се-тонгсе. Верни быка!
Кя-тонгсе. Твой бык сам сдох!
Се-тонгсе. Отдай мне деньги за него!
Кя-тонгсе. А вот этого не хочешь?
Се-тонгсе. Разбойник!
Кя-тонгсе. Сам разбойник!

Привлеченный шумом, выбегает уездный исполнитель Сарен.

Сарен. Что расшумелись, голодранцы! Марш со двора!
Се-тонгсе. Я на него в суд подам!
Кя-тонгсе. Его бык сам сдох!
Сарен. А у тебя имеется разрешение подать на него в суд?
Се-тонгсе. Какое еще разрешение?
Сарен. Оно стоит один лян.
Се-тонгсе. Имеется... *(Отдает один лян)*.
Кя-тонгсе. Его бык сам сдох!
Сарен. А у тебя имеется разрешение предстать перед судом?
Кя-тонгсе. Нет у меня такого разрешения, да и не хочу я!
Сарен. Еще как предстанешь!

Появляется Богач.

Тыше, голодранцы! Почтенный господин удостоил чести явиться сюда!
Богач. Уважаемый! Есть дело.
Сарен. Полагаю, оно стоящее?
Богач. Стоящее, уважаемый.
Сарен. Тогда следует обратиться к заместителю управляющего.
Богач. Будь добр, позови его.
Сарен. Но мне надо убедить его, что дело стоящее.
Богач. Убеди.

Сарен не двигается с места. Богач сует ему в руки монеты и тот уходит. Появляется с Заместителем управляющего.

Доброго здоровья вам, уважаемый!
Заместитель. Я вас слушаю, почтеннейший.
Богач. Видите ли, мой сосед, янбан, подал на меня в суд...
Заместитель. Вы надеетесь на справедливое решение?
Богач. А как же? Дело в том, что моя собака...
Заместитель. Собачьи дела решает его светлость управляющий. Я могу доложить ему суть дела.

Богач. Покорнейше благодарю!

Заместитель. ...или не доложить. Все зависит от...

Богач. Все понял! (*Сует тому мешочек с монетами*).

Заместитель. Для принятия верного решения пяти лянв маловато.

Богач. Там двадцать лянв!

Заместитель. Полагаю, что этого хватит. (*Уходит. Возвращается с Управляющим*).

Богач. О, вапа светлость! Если бы вы знали, как я рад видеть вас во здравии!

Управляющий. Говорите.

Богач. Видите ли, мой сосед, янбан...

Управляющий. Не вы, а вы говорите! (*Приказывает крестьянам. Те слегка замешкались*).

Се-тонгсе. О, мудрейший господин! Бык этого наглеца забодал моего быка насмерть.

Кя-тонгсе. Его бык сам сдох!

Се-тонгсе. Он даже не хочет возместить ущерб!

Заместитель. Мой господин! Они ждут вашего мудрого решения этого труднейшего вопроса.

Управляющий. Чтобы с неба полил дождь, надо чтобы оно затянулось тучами... Чтобы родилось мудрое решение, необходимо сначала затуманить голову.

Заместитель. Сарен, живо принеси лекарственную воду!

Сарен убегает и возвращается с маленьким подносом, на котором чарка с водкой. Управляющий выпивает.

Управляющий. Туман-дурман в голове витает, мудрому решению родиться помогает... О, полилась...

Заместитель. Что полилась?

Управляющий. Мудрая мысль... Эй, слушайте вы, плебеи!

Се-тонгсе. Слушаем?

Кя-тонгсе. Его бык сам сдох!

Управляющий. В любом случае он мертв. А раз так, следует снять с него шкуру и сдать в уездную скорняжную мастерскую!

Кя-тонгсе. Снять шкуру и сдать!

Управляющий. А быка, что остался в живых, препроводить в уездное Управление для пополнения казны!

Се-тонгсе. Сдать для пополнения казны!

Заместитель. Мудрейшее решение, мой господин! А вы, голодранцы, марш исполнять решение высочайшего суда! Попробуйте только не исполнить, шкуру спущу!

Крестьяне, словно побитые, уходят.

Управляющий (*обращаясь к богачу*). Ваш черед говорить!

Богач. Благодарю вас! Мой пес позволил себе необдуманную шалость по отношению к сучке, которая принадлежит моему соседу-янбану.

Управляющий. Какую такую шалость?

Богач. Обыкновенную...

Управляющий. Если хотите справедливого решения суда, прошу излагать факты со всеми подробностями!

Богач. Какие могут быть подробности у собак? Шалость, говорю, обыкновенная, какую допускают в этом мире все без исключения, вследствие чего у людей появляются дети, а у собак щенята.

Управляющий. И сколько у вас детей?

Богач. У кого, у меня?

Управляющий. Да.

Богач. У меня трое. Но я о своем псе: это он напалил.

Управляющий. Стало быть, не вы напалили?

Богач. Да нет же!

Управляющий. Откуда же у вас дети? Попрошу не вводить высокий суд в заблуждение. Кто же все-таки напалил?

Богач. Мой псе! Ему понравилась сучка-вертихвостка с соседнего янбанского двора, вот он ее и того... Разумеется, с ее согласия.

Управляющий. Тогда какие она имеет претензии?

Богач. Она-то никаких, она, полагаю, даже очень довольна!

Управляющий. Почему вы так уверены?

Богач. Я знаю своего пса. Если что-либо делает, так основательно!

Управляющий. Так в чем тогда дело?

Богач. А дело в том, что претензии имеет хозяйка этой сучки.

Управляющий. Чем же ваш псе не угодил ей?

Богач. Да не к нему она имеет претензии, а ко мне.

Управляющий. Значит, это вы сплеховали?

Богач. Да что вы! Я и не посмею приблизиться к ней без особого приглашения.

Управляющий. Приглашение было?

Богач. Было! Их сучка пригласила моего пса, а он так необдуманно напалил. А хозяйка недовольна!

Управляющий. Почему?

Стремительно появляется Янбан в сопровождении своего слуги Дальсе.

Янбан. Потому что собака, служащая янбану, дворянского рода, а его паршивый псе — плебейского!

Воцарилась тишина.

Управляющий. Та-а-ак... Чрезвычайно сложный вопрос. Разрешение его требует дополнительного пополнения... уездной казны. Те пять лянов, которыми вы осчастливили казну, отнюдь недостаточны!

Богач. Как пять лянов? Я же передал вашему заместителю двадцать лянов! Вот он свидетель! *(Указывает на Сарена).*

Сарен. Я ничего не видел.

Богач. Как не видел? Кстати, ты тоже получил за старания. Пять лянов.

Заместитель. Выходит, старания Сарена и уездная казна оцениваются тобой одинаково, в пять лянов?

Богач. Я дал вам двадцать лянов, и вы сказали, что этого хватит для принятия справедливого решения!

Управляющий (*заместителю, грозно*). Если бы вы пожертвовали в казну хотя бы половину той суммы, что передал вам этот человек, я бы еще простил. Но вы дали только половину половины, куда это годится?! Приказываю немедленно пополнить уездную казну должным порядком! (*Подставляет зев огромного кармана своего платья*).

Богач (*судорожно шаря в своем кошелке*). О, вот еще пять лянов! (*Бросает монету в карман управляющего*).

Управляющий. Что за времена настали? Сколько сил и нервов приходится тратить, чтобы пополнить казну! Пока деньги дойдут до меня, неслышанно тают...

Янбан. Разрешите и мне, уважаемый, пополнить вашу казну? (*Подходит и опускает мешочек с монетами в карман управляющего*). Сто лянов!

Управляющий. Похвально, высокочтимый человек. Вы настоящий янбан! С каким бы вопросом вы ни пришли ко мне, правда на вашей стороне. Говорите!

Янбан. Вы согласны с тем, что сказано в Книге мудростей: любая тварь, принадлежащая янбану, имеет янбанскую честь?

Управляющий. Воистину так!

Янбан. А его паршивый, безродный пес унизил эту честь!

Управляющий. Этот факт мне известен доподлинно.

Янбан. Так вот моя оскорбленная жена, она тоже янбан, поскольку она моя жена, подала в суд на хозяина бесстыжого и наглого пса, то есть на этого господина.

Управляющий. Ваше требование?

Янбан. Пусть заплатит двести лянов за оскорбление чести янбана!

Богач. Двести лянов? Никогда!

Управляющий. Как вы смеете возражать янбану в моем высочайшем присутствии? Взыскать с него двести лянов в пользу уважаемого янбана и столько же в уездную казну! (*Открывает зев широкого кармана*).

Богач. Четыреста лянов? За что?!

Управляющий. За пререкания еще дополнительно сто лянов!

Сарен. Есть взыскать еще сто лянов!

Управляющий. И наказать десятью палками! Как сказано в Книге мудростей!

Сарен. Есть наказать десятью палками!

Управляющий. Приступить к исполнению приговора!

Сарен. С чего начать, мой господин?

Управляющий. Начни палками! Быстрее отдаст деньги!

Сарен (*бьет богача палкой*). Раз!

Богач. Это несправедливо!

Сарен. Два!

Богач. Не я же гулял с этой сучкой!

Сарен. Три!

Богач. Господин заместитель, вы обещали мне помочь!

Заместитель. Дал всего пять лянов и просишь помощи? (*Уходит*).

Сарен. Четыре!

Богач. Господин управляющий, пощадите!

Сарен. Пять!

Управляющий. Сарен, я не вижу старания! Всыпь покрепче!

Богач. Хорошо, хорошо! За оставшиеся пять палок я плачу по сто лянов, только остановите, господин управляющий, этого изверга!

Управляющий. Остановись, Сарен! Забери у него тысячу лянов, пусть пополнится казна! (*Раскрывает широкий карман своего платья*).

Богач развязывает мешочек, трясущимися пальцами отсчитывает монеты. Сарен вырывает мешочек и несет Управляющему.

Янбан. Двести лянов мой! (*Запускает руку в мешочек. Лишние монеты возвращает назад*). Пусть знает, как унижать честь янбана!

Врывается возбужденный Заместитель.

Заместитель. Мой господин! По всем уездам разъезжает ревизор!

Управляющий. Опять?! Что же ему надо?

Заместитель. Все склады проверяет! У нас обнаружена недостача, тысяча секов!

Управляющий. Всего-то?

Заместитель. Это на первом складе. До других еще не добрался!

Управляющий. Нельзя этого допустить! Головой ответите!

Заместитель. А как быть с первым складом?

Управляющий. Тысячу секов взял в долг нап уважаемый янбан. Вам придется срочным порядком вернуть их назад!

Янбан. Я не отрицаю, что занимал тысячу секов, но каждый раз половину оставлял вам. Стало быть, я должен вернуть пятьсот секов.

Управляющий. Нет, тысячу и немедленно! Иначе подам на вас в Верховный в суд. Будем судиться в столице! А там у меня друзья!

Заместитель. Мой господин! Ревизор пригрозил, что именно вас он посадит в тюрьму, если тысяча секов не окажется на месте!

Управляющий. Никогда этому не быть! Слишком дорого обошелся мой путь к служению народу, чтобы так бесславно закончилась судьба! (*Янбану*). А вот вас, уважаемый и почтенный янбан, я вынужден буду препроводить в тюрьму, ничего не поделаешь. И причем, до приезда ревизора!

Янбан (*стараясь быть важным*). В Книге мудростей сказано: верни столько, сколько взял...

Управляющий. Тысячу секов или тюрьма! Янбан. У меня и десяти секов нет... **Управляющий.** Значит, тюрьма!

Управляющий уходит, за ним его Заместитель и Сарен. Остаются в горе Янбан со слугой Дольсе. Появляется Жена янбана с собачкой на руках.

Жена янбана. Вот вы где, мой господин, — я ищу вас по всей деревне.

Янбан. К чему такое старание?

Жена янбана. Хотела поделиться радостью, Милашка жива и здорова...

Янбан. Чтоб она сдохла!

Жена янбана. Как вы можете такое говорить? Чем вы опечалены?

Янбан. Меня посадят в тюрьме, если немедленно не верну тысячу секов риса, которые мы съели в долг.

Жена янбана. Откуда нам взять их, ведь мы же съели?

Янбан. О-о-о, не зря в Книге мудростей ни слова не сказано про мою жену!

Жена янбана. И напрасно. Я придумала, как найти тысячу секов.

Янбан. Как?

Жена янбана. Надо взять их займы у нашего соседа богача.

Янбан. И это после того, как ты подала на него в суд?

Жена янбана. Ну и что? Пусть не унижает нашу янбанскую честь. Ее не возьмешь в долг, а тысячу секов когда-нибудь вернем.

Янбан. Не даст он рису.

Жена янбана. Даст. Сходите и поговорите как янбан. Он не посмеет отказать.

Янбан. Сама сходи! Моя нога ни за что не ступит порога простолодина!

Жена янбана. Моя тем белее! Пусть сам явится к нам и вы объясните ему как положено.

Янбан. И он не придет к нам. Пса его позвать, так тот с удовольствием! И сдался тебе он, из-за него весь сыр-бор...

Жена янбана. Этот пес оскорбил нашу честь!

Янбан. К чему она теперь, когда я не сегодня-завтра окажусь в тюрьме?

Жена янбана. Мы не можем переступить порог простолодина, честь янбана не позволяет. Но к богачу может сходить наш слуга Дольсе.

Янбан (лихорадочно соображая). Дольсе!

Дольсе. Я хорошо слышу вас.

Янбан. Сходи и позови соседа. Скажи, что дело есть.

Дольсе. После того, как его выпорол из-за вас, он ни за что не придет.

Янбан. Придет! Получить от янбана наказание — это честь для простолодина, так сказано в Книге мудростей.

Дольсе. Он богач, зачем ему Книга мудростей?

Янбан. Тогда скажи, что я хочу вернуть ему деньги!

Дольсе. Тогда другое дело! (Убегает).

Свет гаснет.

Картина третья

Двор дома Богача. Служанка Бобя бежит с кувшином на голове с одного конца двора в другой, вся в хлопотах по хозяйству. Появляется Дольсе и застывает на месте, наблюдая за ее беготней.

Дольсе. Эй, Бобя, остановись... Что с тобой, чего суетишься?

Бобя (*не глядя на него, пробегая*). Не говори, Дольсе. Скоро хозяйка вернется, а я еще не сделала, что наказали. Простыни да наволочки перестирать, двор подмести, воды натаскать в чаны, обед приготовить, коров накормить, то да се, тысяча дел! Вон уже где солнце, а дел не убавляется. И будет эта зловредина измываться надо мной...

Дольсе. Что же делать, судьба такая, что твоя, что моя. Но я хочу покончить с этим, не могу и не хочу потакать всем капризам этих янбанов.

Бобя. Думаешь, получится?

Дольсе. Я верю! Мне бы только купчую заполучить у хозяина и до свидания!

Бобя. А мне свою купчую ни за что не заполучить... (*Всклипывает*).

Дольсе. Не надо расстраиваться. Глядишь и нам с тобой счастье улыбнется.

Бобя. Да уж... На днях мой хозяин, старый хрыч, сказал, что хочет взять меня в наложницы, представляешь?

Дольсе. Да ну?

Бобя. Да. Говорит, что я не буду жалеть.

Дольсе. Вот тебе уже счастье улыбнулось. Будешь жить в тепле да сытости. И перестанешь носиться по двору как уторелая.

Бобя молча подходит к нему и бьет по щеке.

Дольсе. О-о! Вот сюда... (*Подставляет другую щеку*). Еще раз сюда! А теперь снова сюда!

Бобя бьет то по одной щеке, то по другой, затем отворачивается и, закрыв лицо ладошками, плачет.

Знать судьба такая, не быть нам вместе с тобой, не отдаст хозяин твой. И умру я холостяком!

Бобя. Пусть покарает меня Всевышний, но не стану я наложницей!

Появляется полусогнутый в поясе Янбан, его Жена.

Что случилось?

Жена богача. Наказали! Палками били!

Бобя. Кто наказал, за что?

Богач. Ничего, придет и мой черед, за все отомщу!

Жена богача. Соображать надо было — дали бы деньги самому управляющему, а не его заместителю-подлецу.

Богач. Глупая ты, однако, женщина! Где ты видела, чтобы начальник сам брал взятки. Берут те, кто внизу, и передают наверх. Так было, есть и будет. Чем болтать попусту, лучше принеси воды и сделай компресс!

Жена богача. Что вы кричите на меня? Вас наказали из-за пса нашего.

Богач. Чтoб он сдох, твой пес-развратник! Обязательно понадобилась сучка-аристократка? Для этого дела чем проще, тем слаще. Принеси, говорю, воды!

Жена богача удаляется. Она обижена.

Бобя, подойди ко мне... (*Бобя подходит*). В пояснице ломит, сделай массаж. Подними рубашку, не стесняйся... Вот так, вот так... Пониже, пониже... Ручки у тебя волшебные, моментально боль снимают... Посмелее, Бобя, не стесняйся, о-о-о...

Дольсе (*в сторону*). Ах, ты, старый плут! Раз богат, так ему все позволено?..

Жена богача приносит фарфоровую чашку с кипятком и полотенце. Дольсе смачивает его в кипятке, прицеливается и шлепает пониже пояса. Янбан, словно ошпаренный, вскакивает и пытается достать слугу. Тот, прикрываясь скрещенными руками, указывает на хозяйку.

Дольсе. Это не я! Какую мне дали, такую и приложил!

Янбан. Разбойник!

Дольсе. Это госпожа подала, я и приложил!

Богач (*оборачиваясь к жене*). Сварить меня надумала? Холодной воды принеси! (*Хватает и бросает в нее подушку*). Что за жизнь, как быть, когда все против тебя?.. (*Снова ложится на живот*). Бобя, подложи-ка свое колено под мою голову.

Дольсе. О-го, хитрец какой! (*Отстраняет служанку, садится у изголовья янбана и подкладывает под его голову свое колено*).

Янбан (*поглаживает колено Дольсе*). Ну вот, сразу стало легче! Какая нежная кожа... (*Обнаружив подмену, вскакивает*). Опять ты?! Что тебе нужно, и вообще, как ты осмелился прийти в дом, где живет незамужняя девушка?

Дольсе. Я пришел к вам по очень важному делу.

Богач. Какие такие важные дела могут быть ко мне у разбойника?

Дольсе. Мой хозяин янбан, вам это хорошо известно, зовет вас к себе.

Богач. Что? Неужели ему мало, что меня выпороли!

Дольсе. Возможно, что вы еще в чем-то провинились.

Богач. В чем еще?

Дольсе. Не знаю. Велел доставить вас к нему.

Богач. Не пойду!.. Если он янбан, так может мной повелевать? О-о, где справедливость? Почему он янбан, а я, ни в чем не нуждающийся в этой жизни, должен унижаться перед ним? Ну, почему?

Дольсе. Янбан есть янбан, с этим ничего не поделаешь.

Богач. Вот что, жена, сходи-ка ты к почтенному янбану, узнай что к чему.

Жена богача. Вы провинились, вам и надо идти.

Богач. Если я и в чем-то виноват, то уже наказан. И причем по вине твоего блудливого пса! Так что прими наказание и ты за меня, давай делить все пополам.

Жена богача подзывает Дольсе, сует в руку монету.

Жена богача. Дольсе, купи себе чашку вина. И скажи ему, что твой господин зовет к себе именно хозяина этого дома, а не меня, ты меня понял?

Дольсе. Как не понять! (*Богачу*). Мой господин велел прийти к нему именно вам. Думаю, что нельзя противиться, мой хозяин — янбан!

Богач. О-о, небо! Отчего я не янбан?.. Все у меня есть: рису, сколько душа пожелает, и денег столько, что могу купить любую вещь, все, кроме этого треклятого титула янбана!

Дольсе. Вот так всегда — звание есть, денег нет, а деньги есть, так звания бог не дал. Так в Книге мудростей сказано!

Богач. А в этой книге ничего не сказано про мои дела, как мне быть?

Дольсе. Как не сказано? Сказано!

Богач. Неужели? Ну-ка, вспомни, что сказано про меня?

Дольсе. Не про вас лично, но про тех, кому надобно звание янбана.

Богач. Не тяни, говори!

Дольсе. Там сказано, что если у человека есть деньги, он может купить все, даже титул янбана!

Богач. Вот, вот! Умная книга! Я хочу купить титул янбана, я!!!

Дольсе. Вы это серьезно?

Богач. Еще как серьезно! Наконец-то никто не будет указывать и пороть палками!.. Но какой глупец решится продать мне янбанство?

Дольсе. Если постараться, то можно найти и такого глупца.

Богач. Это правда?

Дольсе. Я когда-нибудь говорил неправду?

Богач. Ну так постарайся, разбойник!

Дольсе. Вряд ли у вас хватит денег.

Богач. Рисом расплачусь, вон сколько его у меня!

Дольсе. Все равно не хватит.

Богач. Неужели это так дорого стоит?

Дольсе. Тысячу секов риса!

Богач. Тысячу?! Он что, с ума сошел?

Дольсе. В Книге мудростей сказано — звание янбана — это не мясо в мясной лавке, оно бесценно.

Богач. Но тысячу секов!..

Дольсе. Должен вам сказать, что вы совсем не современный человек. Если бы вы знали, сколько стоит место управляющего или даже его заместителя! А портфель министра? Вот займете звание янбана, деньги так и потекут в ваш карман!.. Не хотите, как хотите.

Богач. Но тысячу секов!

Жена богача. Да поймите же вы, мой господин! Даже самый бедный янбан ходит гордой походкой, задрав нос кверху. Потому что он янбан! А мы? Сколь богаты мы бы ни были, все равно будем подвергаться поркам. Даже из-за собак...

Богач. Но тысячу секов!

Жена богача. С каждым годом цена будет расти! Потому что это очень доходное дело. Соглашайтесь, умоляю вас!

Дольсе. Совершенно верно. В наше время должности и звания дорожают фантастически, потому что они приносят такие же прибыли.

Богач. Решено!

Дольсе. Постоите, постоите. Я должен приложить немало сил, чтобы уговорить янбана продать свое звание. И труд мой должен быть оплачен.

Богач. Сколько ты хочешь, говори!

Дольсе. Денег у меня никогда не было и вряд ли когда-нибудь будут. У меня другое условие.

Богач. Какое?

Дольсе. За то, что я помогу стать янбаном, вы отдадите купчую вашей служанке Бобя и отпустите ее домой.

Богач. Что? Отдать Бобя? Ни за что!

Дольсе. Ну и ходите в простолодинах.

Жена богача. О, ужас! Вы отказываетесь от янбанства из-за этой паршивой служанки?! (Бобе). Вон отсюда!

Богач. Хватит!.. Согласен.

Жена богача. Давно бы так! Вы еще благодарить меня будете за то, что убедила вас.

Богач засобирился.

Жена богача. Куда это вас понесло?

Богач. Янбан просит янбана прийти к нему, переброситься парой слов. Окажу ему честь! И буду разговаривать с ним на равных!

Дольсе. Но вы еще не янбан!.. (В сторону). Если они встретятся, испортят весь мой план!.. (Богачу). Беседы почтенных янбанов неторопливые, степенные. К ним надо иметь привычку и особенно одно здоровое место, так в Книге мудростей говорится.

Богач. Что еще за место?

Дольсе. То самое, по которому вас поролли.

Богач (пошупав ниже пояса). О-о-о...

Дольсе. Вот видите? Вас надо лечить. А господину своему я скажу, что вы занемогли. И как только выздоровеете, так и явитесь к нему для важной беседы. Ложитесь!

Богач. И чем же ты будешь лечить, разбойник?

Дольсе. Кочи джанг! Ни горячий, ни холодный компресс так быстро не излечит вас, как компресс кочи джанг! Вы сейчас убедитесь. Бобя, неси лекарство!

Бобя убегает.

Богач (жене). Покажи ей, где самый лучший джанг. Со свежей перцовой приправкой. Я должен немедленно встать на ноги!

Дольсе. Еще как встанете, не сомневайтесь!

Бобя возвращается с глиняным горшком, наполненным кочи джанг. Дольсе загребает джанг в полную ладонь и шлепает на раны Богача.

Богач (вскакивая и подпрыгивая на месте). Ой-ей-ей, ой-ей-ей... Что ж ты делаешь, мерзавец! Ой-ей-ей, умираю!..

Дольсе. Но умрете в звании янбана!

Появляется Жена богача. Она удивлена.

Жена богача. Вы уже встали? И даже танцуете?

Дольсе. Этот танец называется «Кочи джанг»! Танцуют все!

Все начинают танцевать и петь.

Все: Кочи джанг, кочи джанг,
Лучшее снадобье!
Он излечит, кочи джанг,
Ваше преподобие!
Если праздник — кочи джанг,
Если голод — кочи джанг...
Кто придумал кочи джанг —
Глупых лечит кочи джанг!
Если попа в ранах —
Лучше нет лекарства!
Богачи ведь не бараны,
Отдадут полцарства!
Если праздник — кочи джанг,
Если голод — кочи джанг...
Кто придумал кочи джанг —
Глупых лечит кочи джанг!
Этот танец «кочи джанг»
Все танцуют дружно!
Приложите кочи джанг,
Нужно и не нужно!
Если праздник — кочи джанг,
Если голод — кочи джанг...
Кто придумал кочи джанг —
Глупых лечит кочи джанг!

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Двор дома Янбана. Доносится песенка Дольсе.

Голос Дольсе. Кобран-кян, кобран-кян,
За горбатым янбаном
Шла горбатая жена.
Кобран-кян, кобран-кян,
За горбатою женой
Шла горбатая собака.

Кобран-кян, кобран-кян
Все горбато в этом мире.

(Появляясь во дворе). Расступитесь, станьте шире!

Янбан *(выходя на веранду).* Где ты шлялся до сих пор, негодник?

Дольсе. Вы же сами послали меня с поручением к соседу.

Янбан. И где же он? Почему не явился, его что нет дома?

Дольсе. Он дома.

Янбан. И посмел послушаться моего, янбана, веления?

Дольсе. Он говорит, что вы никакой не янбан и завтра вас бросят в тюрьму.

Янбан. Это за что же меня бросят в тюрьму?

Дольсе. Жалобы поступили на вас. Вы все берете в долг и не возвращаете. А поскольку, вы должник высокопоставленных лиц, ваш поступок равносильен хищению государственного имущества.

Янбан. Я не расхищал государственное имущество! Они одолжили свое личное!

Дольсе. Говорю же, у высокопоставленных лиц нет разницы между личным и государственным имуществом. Загляните в Книгу мудростей.

Янбан. О, проклятие! Еще что сказал этот простолоудин-богач?

Дольсе. Он сказал — если у этого тшедушного янбана есть дела, пусть сам явится к нему.

Янбан. Что?!

Дольсе. Кстати, так думает не только простолоудин-богач. По всему уезду идет молва, что неисправимый янбан-должник уже никакой не янбан.

Янбан. По всему уезду?

Дольсе. Да!.. *(Отвернувшись, рыдает).*

Янбан. А ты-то чего реवेशь?

Дольсе. Как же мне не плакать? Я вижу, как тюремщики надевают на моего почтенного хозяина наручники и волокут, э-э-э...

Янбан. Я потомок знатного янбанского рода. Они не посмеют надеть на меня наручники!

Дольсе. А тюрьма похуже вашей хижины. Там сыро и крысы вот такие бегают!.. У вас очень мало шансов остаться в живых, э-э-э...

Янбан. О, небо!.. Уже ночь на дворе...

Дольсе. Последняя ночь, мой господин, последняя, э-э-э...

Янбан. Неужели я сгину в темнице этих бандитов?

Дольсе. Сгинете, можете не сомневаться, там крысы!

Янбан. Помолюсь я предкам! Жена!

Жена янбана *(появляясь).* Что вы так шумите, что случилось?

Янбан. Неси поименники, молиться буду!

Жена янбана. Сколько можно молиться? *(Все-таки уходит и возвращается с дощечками-поименниками. Расставляет их).*

Янбан *(начинает молитву).* Батюшка и матушка, дедушка и бабушка, прадедушка и прабабушка, пра-прадедушка и пра-прабабушка, пра-пра-прадедушка и пра-пра-прабабушка...

Дольсе. Что толку перечислять, пусть все, кому не лень, внимают. Скорее говорите, что вам надо!

Янбан. Я съел тысячу секов риса в долг, вернуть нет возможности и завтра бросят меня в тюрьму. Я погубил славу нашего янбанского рода, помогите!..

Дольсе. Как же они вам помогут, коли их нет в живых? Единственный выход — обратиться к ним на свидание.

Янбан. С кем?

Дольсе. С вашими почтенными родственниками.

Янбан. Ты так думаешь?

Дольсе. Причем тут я? Что сказано в Книге мудростей?

Янбан. Что там сказано про меня?

Дольсе. Там сказано: если человек высшего сословия встречается на том свете со своими родственниками после тюрьмы, то он немедленно изгоняется из потустороннего дворца янбанов прямо к простолодинам. Так что вам лучше отправиться к своим праотцам до тюрьмы, э-э-э...

Янбан. Действительно мудрая книга. Надо бы полистать, может, там указан выход из создавшегося положения...

Дольсе. Есть выход!

Янбан. Говори!

Дольсе. Собачий ошейник! Он удержит ваше исхудавшее тело, э-э-э...

Янбан. Повеситься?!..

Дольсе. Зато умрете янбаном! И познаете все прелести загробной жизни.

Янбан. Но собачий ошейник не годится, он не удержит нас троих. Я слышал, путь в райские кущи долог, всякое может случиться. Мне, как янбану, нужна прислуга.

Жена янбана. И собаку хотите взять? Не отдам!

Янбан. Нет, дорогая, третьим будешь ты. Мы янбане, нам нельзя расставаться до самого гроба. Мы все должны быть вместе.

Жена янбана. А что люди скажут? Кто накроет поминальный стол? Нет уж, отправляйтесь вы одни!

Дольсе. О поминальном столе можете не беспокоиться, я все устрою как нельзя лучше. Так что друженько можете покинуть этот свет, а после всех дел я догоню вас!

Жена янбана. Я не согласна!

Янбан. Ну, неужели нет другого выхода?!

Пауза.

Дольсе. Выход, конечно, есть. Но это только для настоящих янбанов!

Янбан. А я, по-твоему, не настоящий янбан?

Дольсе. Вы настоящий янбан, я всем это говорю.

Янбан. Так что за выход?

Дольсе. Надо расплатиться с долгами. Сегодня еще рано, а завтра будет поздно!

Янбан. Так когда же?

Дольсе. В Книге мудростей сказано, что в таких случаях времени дается не больше получаса!

Янбан. Так где же я найду столько риса да еще за полчаса? Кто мог написать такую дурацкую книгу?

Дольсе. Насчет дурацкой книги вы, конечно, пошутили. А если серьезно, так в ней написано, что настоящий янбан ради своей янбанской чести пожертвует всем! Даже титулом янбана!

Янбая. Я что-то не пойму, каким это образом я должен пожертвовать своим титулом, чтобы расплатиться долгами?

Дольсе. Продать его.

Янбая. Продать? Титул янбана? Да ты понимаешь что говоришь?! Я потомок почтенных янбанов! Я из новых янбанов, вот кто я!

Жена янбая. А я его жена, жена нового янбана, и я горжусь этим!

Дольсе. Вы новые янбане? Да вы знаете, кто такие новые янбане?

Янбая. Я новый янбан!

Дольсе. Да не смешите вы!.. Новые янбане – это настоящие янбане. Они за ночь могут проиграть не одну тысячу секов риса, пусть даже родные дети голодают! Вот кто такие настоящие новые янбане! И они всегда честно расплачиваются с долгами, чтобы не уронить своей чести!

Янбая. Ты чего раскричался? Люди услышат...

Дольсе. Мне просто обидно – кому я верой и правдой служу? Я ведь тогда поверил, когда вы меня купили у моих родителей, что иду служить настоящим новым янбанам. А у вас одни долги да блудливая сучка!

Янбая. А может, ее продать?

Жена янбая. Как вы могли такое сказать! Нет, уж лучше уступить янбанство, чем мою Милашку!

Дольсе. С этим трудно не согласиться! Тем более что она скоро оценится.

Жена янбая. Не быть этому, не допущу!

Дольсе. Уже поздно. Так вы согласны продать свой титул и жить без долгов припеваючи?

Жена янбая. Согласна!

Дольсе. Я хочу услышать слово настоящего нового янбана.

Пауза. Янбан крепко задумался.

Янбая. А какой же дурак купит мой титул?

Дольсе. Пока вы пребываете в напрасных сомнениях, покупатель найдет другого продавца. Ныне развелось этих новых янбанов...

Янбая. Так иди же, ищи!

Дольсе. А что я буду иметь, если найду покупателя?

Янбая. Ты?!.. А что ты хочешь?

Дольсе. Если улажу ваше многотрудное дело, вы отдаете мою купчую-кабальную.

Жена янбая. Ишь, чего захотел!

Янбая. Ты сначала найди покупателя.

Дольсе. И не подумаю!

Янбая. Хорошо, хорошо, иди...

Дольсе (*уходя*). Продается редкая вещь по сходной цене! Продается титул янбана! Желающие стать новым янбаном могут стать им? Покупайте титул янбана!..

Янбан (*ворчит*). Вот раскричался... Еще приведет целую толпу. Что скажут предки...

Жена янбана. Что толку с вашего титула, когда в кармане вашего платья ветер гуляет, а в амбарах мыши с голоду дохнут?

Янбан. Что ты понимаешь в янбанстве и вообще в этой жизни?

Жена янбана. А то понимаю, что лучше иметь полные амбары риса, чем кичиться званием янбана.

Янбан. По-твоему, если денег куча, так и титул не нужен?

Жена янбана. Отчего же? Титул янбана, конечно, не мешает. Если у человека много денег да еще титул, он может приблизиться к уездному губернатору. А там его уже никто не может наказывать, палками пороть! Поглядите на этого богача-простолодина. Хоть и богат, а выпороли как миленького. Будь у него ваш титул, никто бы не посмел. Время такое...

Появляется Дольсе, за ним, понуро опустив голову, Богач.

Дольсе. Мой господин, я покупателя привел.

Янбан. Он? Так это же сосед наш, простолодин!

Дольсе. Ну и что? Он хочет стать янбаном. Вы ему титул, он вам рису. Тысячу секов.

Богач. Правду говорит вам слуга.

Янбан. Мой янбанский титул благородного рода, я могу уступить его только достойному человеку!

Дольсе. Купит он ваш титул, и вы увидите сколько в нем появится благодетства. А вы будете спасены!

Пауза.

Янбан (*богачу*). Поднимись ко мне!

Богач (*не поднимая головы*). Смею ли я приблизиться к вам...

Янбан. Запомни на будущее. Раз янбан велит подняться, простолодин должен подчиниться.

Богач поднимается и садится поодаль от хозяина.

Дольсе. Итак, я должен изложить сложившееся обстоятельство. Пару дней тому назад к господину ябану во сне явился прародитель и велел ему продать янбанский титул...

Янбан. Какой еще сон? (*Опомнившись*). Ах, да. Дольсе все знает. Он и сны мои видит.

Дольсе. Следуя указанию прародителя, мой господин решил срочно исполнить его волю.

Янбан. Как бы тяжело ни было, я не смею ослушаться прародителя, таков закон у янбанов.

Богач. И сколько же вы хотите за титул янбана?

Янбан. Прародитель и цену определил — тысячу секов риса.

Богач. А нельзя ли чуть-чуть подешевле?

Янбан. Торг неуместен. Мы с вами не на базаре и не о кроватках идет речь.

Богач. Но тысячу секов!

Янбан. Мне-то не нужны эти несчастные тысяча секов, но я должен повиноваться воле прародителя. Вы будущий новый янбан, привыкайте к новым обстоятельствам.

Богач. Если вы позволите, я должен обдумать свой шаг...

Янбан. Если бы вы были янбаном, я бы пошел навстречу.

Дольсе. Ночь приближается. Важные дела не могут совершаться в темноте. Спросите у вашего развратника пса, почтенный гость.

Жена янбана (богачу). За вашего негодного пса вы еще мало получили. Но впредь вы не откупитесь и получите сполна!

Дольсе. Решайтесь, господа!

Богач делает вид, что напряженно думает.

Богач. Хорошо. Тысяча секов и не зернышка больше.

Янбан. Тысяча секов и ни зернышка меньше.

Дольсе. Вот это разговор! Настоящих янбанов! (Достает из-за пазухи чернильную коробку с ручкой и свиток). Предвидя положительный исход дела, я заранее подготовил у писаря этот контракт о купле и продаже. Это обошлось мне в десять лянов, стало быть, с вас причитается по пять лянов. Подписывайте, уважаемые, будьте всегда так мудры... Сначала вы, почтенный янбан.

Янбан подписывается.

А теперь вы...

Богач подписывается.

(Забирая свиток). Итак, отныне вы — простолюдин, а вы — янбан. Новый янбан! Прошу занять свои места.

Богач остается на месте. Янбан шустро спускается вниз и становится на колени.

Янбан. Прошу прощения, господин янбан, что находился рядом без вашего веления.

Богач (с трудом перестраиваясь). Неужели это явь? Я теперь янбан?

Дольсе. Без сомнения!

Раздается лай собаки. Богач поднимается на веранду.

Богач. В чем дело, кто посмел лаять без моего разрешения?!

Дольсе. Эти твари животные догадливые, как черти. Ваш пес почуял, что теперь он пес янбана. Вот на радостях он и залаял.

Богач. То-то!

Дольсе. Однако дело еще не завершено до конца...

Богач. Что значит «не завершено»?

Дольсе (*янбану*). Будучи еще янбаном, вы обещали мне отдать купчую-кабальную на меня. (*Богачу*). Прошу, ваше благородие, велите ему выполнить свое обещание.

Богач. Ни в коем случае! Титул янбана предполагает полный комплект янбанства. Стало быть, и ты, презренный слуга, теперь принадлежишь мне!

Янбан. Я не согласен, мы договаривались только о титуле. За Дольсе извольте, господин янбан, дополнительную оплату. Можно деньгами, а можно и рисом.

Дольсе. Вы что тут затеяли, господа мои почтенные? Вы хотите, чтобы я навеки остался в кабале? Не отпускаете меня на волю?

Богач. Не положено!

Янбан. Только за дополнительную оплату!

Дольсе. Ах, так?! (*Рвет контракт*). Договор недействителен! Все на свои места!

Оба — и Богач, и Янбан — в ужасе запрыгали, меняясь местами.

Богач. Простите великодушно, господин, что занимал ваше место...

Янбан (*в растерянности*). Что делать-то будем?

Дольсе. Отдайте мне кабальную, почтенный господин, умоляю!

Янбан (*подумав*). Жена! Принеси!

Перепуганная Жена янбана уходит.

(*Слуге*). Ты, негодник, уничтожил важный документ с подписями уважаемых господ. Как же я отдам тебе кабальную?

Дольсе. Не беспокойтесь, мой господин!

Появляется Жена янбана с ларцем. Янбан достает из него кабальную и высоко поднимает над головой.

Янбан. Вот твоя кабальная.

Дольсе. Предвидя такой поворот дела, я заготовил у писаря второй экземпляр, и это обошлось мне еще в десять лянов, так что с вас причитается, господа, еще по пять лянов.

Янбан. Подлец!

Богач. Негодяй!

Дольсе. Меняемся?

Янбан и Дольсе, следя друг за другом, несколько раз пытаются совершить обмен. Наконец, к удовольствию обеих сторон, обмен благополучно происходит. Дольсе прячет кабальную за пазуху.

Прошу, господа, распишитесь еще раз на контракте...

Те суетливо расписываются.

(Янбану). Теперь вы опять простолопадин с тысячью секами риса, *(Богачу)* а вы — янбан! Новый янбан! Прощу занять соответствующие места!

Богач поднимается наверх и степенно восседает, а Янбан суетливо сбегает вниз и становится на колени.

Можете поменяться одеждой!

Богач и Янбан скидывают с себя одежду. Появляется Жена богача.

Жена богача. Что здесь происходит? Срам-то какой! Дольсе. Не важно, что в голове, а важно, что на ней. Бывший янбан, немедленно отдайте ваш головной убор новому янбану!

Богач (янбану). Поднеси, разрешаю!

Янбан послушно отдает свой головной убор. Тот с трудом надевает его. Затем принохивается к одежде, взятой у Янбана, и воротит носом.

Отвратительный запах! Гнилью пахнет...

Дольсе. Это запах благородного янбана, привыкайте.

Господа поменялись одеждами.

Жена богача. Неужели мы стали янбанами? *(Мужу).* Идем скорее домой! *(Жене янбана).* Ну, теперь держись, простолопадинка!

Жена янбана. Что?! Это муж мой стал простолопадином, а я сама происхожу из другого янбанского рода. Так что как была я янбаншей, так и осталась ею!

Жена богача. Как ты смеешь называть себя янбаншей? Ты жена простолопадина и сама простолопадинка!

Жена янбана. Ну и нахалка же!

Жена богача (хватая ее за юбку). А ну, снимай немедленно!

Обе женщины вцепляются друг в друга. Юбка на Жене янбана трещит по швам, та бьет соперницу чем попало и куда попало. Уходят, не переставая выкрикивать проклятия. За ними следуют мужья.

Дольсе *(разглаживая кабальную).* Сколько я жил на свете, а не знал даже дату своего рождения... А теперь я знаю, сегодня я родился по-настоящему, я свободен!

Свет гаснет.

Картина пятая

Двор дома бывшего Богача, в который переселили бывшего Янбана. Дырявый забор разделяет их хозяйства. Появляется Управляющий в сопровождении Сарена.

Управляющий. Эй, хозяин!

Сарен. Хозяин! К вам его величество управляющий!

Из дома выходит, словно побитый, Янбан и падает перед высоким гостем на колени.

Управляющий (*бросаясь поднять Янбана*). Что с вами? Почему вы здесь?

Янбан. Я не смею поднять головы перед вами!

Управляющий. Вы что, шутите? Или спозаранку лишнего пропустили?

Янбан. Случилось непоправимое, но у меня не было выхода. По какому неотложному делу пожаловали ко мне, я готов держать ответ.

Управляющий. Я пришел проведать хозяина этого дома. Достаточно ли он понял свою вину перед вами?

Янбан. Все изменилось в этом мире! Теперь хозяин этого дома настоящий янбан. Я продал ему янбанский титул.

Управляющий. Зачем?!

Янбан. Я продал за тысячу секов риса.

Управляющий. Ах, вот как вы ухитрились вернуть тысячу секов!

На веранде соседнего, бывшего янбанского дома появляется Богач.

Богач. Добро пожаловать, господин управляющий! Окажите честь, поднимитесь ко мне на веранду.

Управляющий (*подчиняясь*). О, я вижу истинного янбана! Вы столь благородно помогли обнищавшему человеку, сердце у вас доброе, а рука щедрая!

Богач. Знают ли об этом в уезде?

Управляющий. Узнают, обязательно узнают! Если, конечно, ваша сделка с бывшим янбаном будет оформлена по всем правилам.

Богач. Что еще за такие правила?

Управляющий. Пустые вроде формальности, но без них сделка недействительна, а стало быть, вы зря лишились тысячи секов.

Богач. А можно это дело уладить без лишних хлопот?

Управляющий. Как скажете, я к вашим услугам.

Богач. Так приступайте же!

Управляющий. Предупреждаю, что это сущие пустяки, но если их не соблести, то потом волокиты не оберешься.

Богач. Начинайте!

Управляющий. Прежде всего необходимо глянуть на ваш документ о купле-продаже янбанского титула. Затем мне самолично следует закрепить его своей печатью и сделать подобающую запись.

Богач (*достает из-за пазухи документ и протягивает*). Разрешаю!

Управляющий (*делая запись, повторяет вслух*). «Подписью своей и печатью подтверждаю, что данный титул продан за тысячу секов и отныне обладатель сего является янбаном рода Сим». (*Возвращает богачу. Тот прячет его в прежнее место*).

Богач. Ну теперь-то уж все?

Управляющий. Документ ваш в полном порядке. Однако величие его должно подтверждаться поведением владельца, то есть вами, высокочтимый господин.

Богач. Я и так веду себя совсем иначе, чем прежде. Самое удивительное, как много меняет в человеке его положение.

Управляющий (*расхаживая из угла в угол*). Мне как управляющему доподлинно известно, что должен делать истинный янбан.

Богач (*недоверчиво*). И что же я должен?

Управляющий. Янбан должен вставать до рассвета...

Богач. Пусть будет так. Дальше!

Управляющий. Сидеть на пятках и созерцать свой благородный нос...

Богач. Это еще для чего?

Управляющий. В такой позе вы абсолютно верно создаете впечатление глубокомыслия и соблюдения собственного достоинства. Далее. Умываясь, янбан не должен тереть лицо кулаками, а лишь нежно прикасаться ладонями ухатной поверхности кожи на лице...

Богач. Надо будет попробовать. Дальше!

Управляющий. Янбан должен... он должен... вы должны...

Богач. Кругом должен. Что же еще?

Управляющий. Янбан должен непременно знать цену доброжелательного совета. Это крайне важно!

Богач. Ясно! (*Достаёт из широких рукавов монеты*). Двадцать лянгов. Продолжайте!

Управляющий. Янбан не должен облизываться, когда пьет водку и втягивать щеки, когда курит. Янбан должен подзывать прислугу протяжным голосом, ходить медленно, не поднимая высоко пятки над землей...

Богач. О, небо! Все ли, наконец?

Управляющий. Прежде чем идти дальше, надо убедиться, хорошо ли вы усвоили вышесказанное. Ведите принести водку и трубку для курения.

Богач. Бобя! Принеси водку и трубку для курения!

Управляющий. Не так, почтеннейший! Не Бобя, а Бо-о-о-бя-а-а...

Богач. Бо-о-о-бя-а-а!

Управляющий. Вы делаете успехи, почтеннейший! (*Протягивает раскрытую ладонь. Богач кладет в нее монету*).

Бобя приносит столик, на нем в фарфоровой бутылки водка, две крошечные чашечки и трубка для курения. Управляющий разливает водку и подносит одну чашечку Богачу, другую берет и выпивает, подавая пример, как следует это делать. Богач выпивает следом, покрхтывает и облизывает усы.

(*В ужасе*). Нельзя облизываться!

Богач. Ах, ты, боже мой...

Управляющий. Придется повторить. *(Снова разливает и подает пример).*

Богач выпивает и опять автоматически облизывается.

Опять?! Только простолюдины так пьют водку! *(Снова наполняет чашечки и снова подает пример).*

Богач боязливо подносит к губам чашечку, выпивает. **Управляющий** заносит над ним кулак. **Богач** в испуге забывает облизнуться.

Вот так бы давно!.. А теперь закурите. И ни в коем случае не втягивать щеки, а дым выпускайте без особых усилий!

Богач берет трубку, **Управляющий** дает прикурить. Щеки у **Богача** образуют глубокие впадины.

(Возмущенно). Что с вами? Вы янбан или не янбан? Сказано — не втягивать щеки, а вы? Разрешите, почтеннейший, показать?

Богач *(устало)*. Разрешаю...

Управляющий затягивается и при этом его щеки тоже образуют впадины.

(Торжествующе). Э, уважаемый, ваши щеки втягиваются!

Управляющий. Да?.. Оно и понятно, я же не янбан! *(Хохочет, довольный своей находчивостью).* А теперь самое простое и легкое...

Богач. Говорите!

Управляющий. Янбан должен сидеть на пятках и наблюдать кончик своего носа. Итак...

Богач. И так... А может, отложим пятки до следующего раза, а?

Оба порядком захмелели.

Управляющий. Отложить? Никак нельзя!.. *(Протягивает раскрытую ладонь. Богач с трудом, но попадает в нее монетой).* Вот теперь можно и отложить! Но главного-то я вам не успел сказать!

Богач. Разрешаю!

Управляющий. Янбан может стать большим чиновником и служить при губернаторе! А там — денежки потекут, не сосчитать!

Богач. И дорого стоит такое место?

Управляющий. Для вас пятьсот лянов, а мне обошлось в тысячу!

Богач. Это почему же такие льготы для меня?

Управляющий. Потому что вы янбан, а я нет! *(Опять протягивает ладонь).* Если бы вы знали, сколько мне приходится отправлять наверх!

Богач. Аванс — двести лянов, предоплата!

Управляющий. Согласен. Окончательный расчет потом.

Богач. Чистый грабеж...

Раздается веселое поскуливание и тявканье собаки.

Что это?

Бобя (*голос*). Это соседская собачка на задворках нашего дома.

Богач. Как она посмела!? Позвать сюда этого простолюдина, бывшего янбана! Бобя!

Управляющий. Почтеннейший! Бо-о-о-бя-а-а...

Богач. Бо-о-о-бя-а-а!

Бобя. Слушаюсь, мой господин.

Богач. Позови, пусть немедленно явится ко мне хозяин этой несносной сучки!

Бобя убегает.

Ну и времена настали! Обыкновенная собачка свободно разгуливает по янбанскому двору!

Управляющий (*с трудом удерживаясь на ногах*). Не говорите. И куда смотрит губернатор?

Появляется в низком поклоне Янбан.

Богач. Ты что позволяешь, презренный? Почему твоя собака ходит по янбанскому двору?

Янбан. Простите ее, почтеннейший. Она еще не привыкла к тому, что я уже не янбан.

Богач. Вот и ответишь ты мне за это! Десять палок!

Управляющий. Десять палок! Сарен!

Янбан. Пощадите меня, уважаемые!

Богач. Никакой пощады!

Управляющий. Воля янбана — закон! Десять палок, Сарен!

Сарен бьет палкой Янбана. Тот убегает, Сарен — за ним.

Богач. И двести лянов штрафа!

Управляющий. Триста! Сто моих.

Янбан (*безуспешно уворачиваясь от ударов*). Побойтесь неба!.. О-о-о, я глупец, зачем же я лишился янбанского титула! Как мне вернуть его!? (*Убегает с последним ударом палки*).

Богач. И не забудь помазать свой зад кочи джанг! (*Хохочет*).

Управляющий. До скорого свидания, почтеннейший! (*Уходит, шатаясь. За ним — Сарен*).

Богач. Почтеннейший!... О, как приятно звучит это слово! Будто Бобя погладила мне спину... Бо-о-о-бя-а-а!

Из дома решительно выходит Жена богача.

Жена богача. Эта паршивая девчонка как полезла в погреб, так и сгнула.

Богач. Зачем же она туда полезла?

Жена богача. Я заставила к вечеру очистить погреб от дохлых мышей. Дайте мне денег, уважаемый!

Богач. Денег? И что ты будешь делать с ними?

Жена богача. Я должна нарядиться не хуже других янбанских жен.

Богач. Каким это образом?

Жена богача. Вы что не видите, как они одеваются? На ушах серьги, на руках браслеты, на пальцах золотые кольца, наряды из шелка да парчи. Чем я хуже их?

Богач. И где ты собираешься все это приобрести?

Жена богача. Дайте побольше денег, остальное — не ваша забота.

Богач садится (с трудом) на свои пятки и взглядом сосредотачивается на кончике носа.

Что это с вами?

Богач. Послушай-ка, жена! Денег я тебе дам. Но чтобы ты могла купить дельные венки, поезжай к моим родичам. Там живет знаменитый ювелир. И будешь ты самая что ни на есть раскрасавица!

Жена богача. В такую даль? Я же не успею вернуться.

Богач. Остановишься у моей сестры. Заодно визит вежливости нанесешь. Как положено янбанской жене... Теперь нельзя забывать, что ты янбанская жена. Хотя документов на тебя еще нет.

Жена богача. А когда же они будут готовы?

Богач. Пока ты навестишь моих родичей да купишь свои украшения, я постараюсь их заполучить. На это дня два потребуется, так что можешь погостить как следует.

Жена богача. А вдруг ваши родственники захотят сюда прибыть, посмотреть на вас, нового янбана?

Богач. Пусть едут.

Жена богача. И будут у нас жить, грязь разводить?

Богач. Тогда пусть не едут.

Жена богача. Вы дадите мне деньги или — разговорами будете кормить?

Богач. И сколько же тебе надо, ты ведь никогда ничего не покупала и цен не знаешь?

Жена богача. Чем больше, тем лучше. Дайте столько, чтобы я не дрожала над каждым лянм. Новые янбаны денег не считают!

Богач достают из широких рукавов деньги и старательно отсчитывает предполагаемую сумму.

Богач. Этого хватит на все. Обязательно навести моих родственников и подробнейшим образом расспроси, как живут, сколько детей нарожали и чем их кормят!.. Иди, пока солнце не ушло. А я пойду, полистаю Книгу мудростей. Устал я сегодня что-то. Быть янбаном, оказывается, не так-то просто!

Жена богача. Сроду в доме книг не было, откуда Книга мудростей?

Богач. Я приказал паршивцу Дольсе принести ее немедленно!

Жена богача. А как же вы будете ее читать? Вы ведь только арифметику знаете, чтобы деньги считать.

Богач. Новому янбану больше и не надо. А захочется, прикажу прочесть, кто посмеет послушаться? (*Важно и чинно шагает и исчезает в доме.*)

Жена богача устремилась было со двора, но сталкивается с Дольсе.

Дольсе. Куда вы, тетя, на ночь глядя?

Жена богача. Да, как ты смеешь называть меня, жену янбана, тетей? Зови госпожой!

Дольсе. Куда вы, госпожа, направились, ночь близка?

Жена богача. Вот так и впредь обращайся! В соседнюю деревню направилась, золовку навестить и других родственников уважаемого мужа.

Дольсе. И долго вы там будете гостить?

Жена богача. День-два, зачем мне спешить?

Дольсе. А господин ваш не против столь долгого отсутствия?

Жена богача. Напротив!

Дольсе. Все ясно.

Жена богача. Что тебе ясно?

Дольсе. Он отправил вас, чтобы сегодня же ночью забраться в постель служанки Бобя. Как вы думаете, зачем?

Жена богача (*догадывается*). Ах, ты, старый кот! Вон что надумал, а я-то дура...

Дольсе. Вы не дура, вы жена нового янбана! А хозяина вашего следует наказать, а?

Жена богача. Надо! А как?

Дольсе приближается и что-то шепчет ей на ухо. Затем они быстренько исчезают со двора. Стемнело.

Появляется Богач. Подходит к двери времянки, прислушивается.

Богач (*ласково*). Бобя-а-а... Ты спишь? Выйди-ка на минутку.

Женский голос. Господин, уже ночь на дворе.

Богач. Похоже, ты простудилась, в погребе сырость.

Женский голос. Да, мне нездоровится. Но это пройдет.

Богач. Я тебе дам хорошего лекарства, выйди же.

Женский голос. Я не смею... Узнает ваша жена, что подумает она?

Богач. Не узнает. Я отправил ее к моим родственникам. Сегодня она не вернется.

Женский голос. Я спать хочу.

Богач (*сердито*). Если ты сейчас же не выйдешь, не видать тебе твоей кабаньей, которую я обещал. Будешь вечно служанкой бегать, до самой смерти. Ну?!

Женский голос (*после паузы*). А вы сдержите свое слово, отдадите мою кабанью?

Богач (*помягче*). Конечно. Только выйди...

Приоткрывается дверь. Появляется Бобя, вся укутанная, так, что лица не видно.

Бобя. А если ваша жена все-таки узнает?

Богач. Я же говорю, сегодня она не вернется.

Бобя. Но завтра же вернется... И зачем вы меня вызвали?

Богач (*не сразу*). Бобя, подари мне сына. Мне нужен наследник.

Бобя. Что вы такое говорите, при живой-то жене?

Богач. А я убью ее!

Бобя. Как?! Собственной рукой?

Богач. Зачем же собственной... Велю Сарену... Слыхала про заказное убийство? Так что шито-крыто будет!.. Ну, хватит про мою жену, откройка личико.

Бобя. Я боюсь...

Богач. Не бойся! Дай хоть ручку твою поддержать... Какая нежная кожа... Не то что у моей крысы... А теперь личико покажи.

Бобя скидывает маскировку — это Жена богача.

Жена богача. Ах, ты старый кот! Новый янбан! Ты хочешь заказать меня, избавиться от меня? Я сама тебя убью! (*Начинает колотить палкой по голове Богача*).

Богач (*защищаясь руками, убегает*). О, ужас!.. О, небо!.. За что мне такое наказание?

Жена богача продолжает колотить.

Свет гаснет.

Картина шестая

Утро следующего дня. Богач сидит на веранде. Вид у него жалкий — голова перевязана белым платком, лицо затекшее, под глазом синяк. Стонет.

Появляется Дольсе, под мышкой придерживая толстенную книгу.

Дольсе. Хозяин дома?

Богач (*встрепенувшись*). Это ты, бродяга безродный? Чего спозаранку шатаешься?

Дольсе. Во-первых, по вашему велению, высокочтимый янбан, я принес вам Книгу мудростей.

Богач. Прочь со двора! Никакая книга мне не нужна.

Дольсе. Что-нибудь случилось?

Богач. Не твоего ума дело.

Дольсе. Конечно, я должен был догадаться, что вы уже обо всем знаете.

Богач (*настороженно*). О чем это ты, черт?

Дольсе. О том, о чем говорит весь уезд. Такого еще белый свет не видывал.

Богач. Да говори же, проклятый, о чем судачат в уезде?

Дольсе. Да, о том, что человек, недостойный быть янбаном, купил себе титул, а тот, который достоин, расплатился с долгами, продав свягую вещь, то есть свой янбанский титул. До губернатора дошло.

Богач. Ну и что, имеется документ, заверенный печатью.

Дольсе. Вот именно! Если бы не было документа, вы могли бы в любое время отказаться, а так — вас могут засудить. Получите пару десятков палок да штраф заплатите такой, что мало не покажется.

Богач. Весь уезд говорит об этом?

Дольсе. Весь уезд.

Богач. Да что же это такое, и деньги есть, и титул есть, а покоя нет.

Дольсе. И то, и другое надо приобретать честным путем.

Богач. Много ты понимаешь.

Дольсе. Это не я. Так в Книге мудростей сказано.

Богач. Послушай, Дольсе, загляни-ка в эту Книгу, что делать в таком случае.

Дольсе (*открыв Книгу*). Пожалуйста!.. Всяк смертный в этом мире, высококого или низкого чина, должен немедленно освободиться от каких-либо бумаг, подтверждающих факт преступления...»

Богач. Неужели там так и сказано?

Дольсе. Разве я, простоплюдин, могу такое придумать? Если не верите, можете сами прочесть. (*Протягивает раскрытую Книгу*).

Богач пытается читать, держа Книгу вверх тормашками.

Да, не так же... (*Поправляет Книгу*).

Богач (*делая вид, что прочитал*). Да, верно написано... Послушай, Дольсе, позови этого грешника, бывшего янбана, я хочу вернуть ему титул, пусть сам мучается.

Дольсе. Не получится. Он сейчас в питейном. Вместе с управляющим.

Богач. Не может быть! Что у него общего с управляющим?

Дольсе. Очень важное дело! Обсуждают заказное убийство, которое якобы должен совершить Сарен...

Богач. Заказное убийство? Сарен?

Дольсе. Да... Ваша жена в подробностях сообщила им про это.

Богач (*стонет*). А-а-а...

Дольсе. Что с вами?

Богач. Я пропал!

Дольсе. Не стоит отчаиваться. Надо бороться за свою жизнь до конца. Пока не повесят.

Богач. Повесят?

Дольсе. А вы как думали? Еще как повесят. Народ в ужасе, но вынужден согласиться с таким приговором.

Богач. Неужели нет выхода...

Дольсе. Я бы на вашем месте бежал куда глаза глядят.

Богач. Куда бежать?!

Дольсе. В любой уезд. С вашими деньгами везде примут как самого честного человека!.. Только надо расстаться со всеми документами.

Богач. Да как же я верну этому паршивцу титул, он же с управляющим заодно?

Дольсе. Можете довериться мне, я непременно ему передам.

Богач. Я за него тысячу секов отдал!

Дольсе. Мне кажется, ваша жизнь стоит гораздо больше.

Богач. Нет, я так просто не отдам!

Дольсе. Как хотите... Вот, кстати, и сам Сарен торопится к вам. Сейчас вас заберут! Господин Сарен, здравствуйте!

Сарен (Богачу). Почтеннейший, мне велено вручить вам вот это. *(Протягивает бумагу).*

Богач (дрожа). Что это?

Сарен. Подписка о невыезде.

Богач. Какая еще подписка?

Сарен. Пока не решится вопрос о вашей судьбе, вам нельзя трогаться с места! *(Подходит к Дольсе. Тот незаметно сует ему монету).* До свидания, почтеннейший! *(Обернувшись к Дольсе).* А тебе поручено сторожить! *(Уходит).*

Богач в оцепенении. Лист бумаги дрожит в его руках. Дольсе берет его, читает и сокрушенно качает головой.

Дольсе. М-да... Я же говорил вам, отдайте мне янбанский титул. Я передал бы хозяину.

Богач (лихорадочно доставая титульный документ из-за пазухи). На!.. Придумай, что-нибудь, а?!

Дольсе. Придумать-то можно, только это кое-чего стоит.

Богач. Сколько тебе надо, говори.

Дольсе. Денег мне не надо.

Богач. А что тебе надо?

Дольсе. Отпустите на волю свою служанку Бобя. Отдайте ей кабальную.

Богач. Ты с ума сошел! Нет и нет!

Дольсе. Вас повесят! Так в Книге мудростей сказано.

Богач. Да пропади она пропадом, твоя книга! Бобя я не отпущу! Нельзя янбану без служанки!

Дольсе. Опять за свое! С янбанским титулом вас повесят, вы же согласились и отдали титул для передачи хозяину!

Богач. Бежать, бежать!

Дольсе. Никуда вы не убежите. Вам вручили подписку о невыезде.

Богач. О-о-о!.. *(Хватается за голову).*

Дольсе. Жаль мне вас. Я бы помог, если согласились бы на мои условия. Отдайте кабальную Бобя! А заодно и подписку о невыезде. И тогда отпущу вас на все четыре стороны.

Богач. Подписку о невыезде?

Дольсе. Именно! Отдайте и я вам скажу, почему вы можете бежать.

Богач. Почему, говори скорее!

Дольсе. Кабальную и подписку!

Богач. На тебе! *(Отдает подписку).*

Дольсе. Кабальную!

Богач. Не дам!

Дольсе. Вас повесят!

Богач (*дастая кабальную из-за пазухи*). На!..

Дольсе. Отпустить мне вас что ли?

Богач. Отпусти!

Дольсе. Ладно, я не янбан и не богач, раз обещал, значит, должен сдержать свое слово... (*Высоко над головой поднимает подписку о невыезде, другую руку протягивает Богачу. Тот удивленно уставляет в раскрытую ладонь*).

Богач. Понял! (*Кладет монету*).

Дольсе (*рвет подписку*). Вы свободны!

Богач убегает.

(*Идет во двор бывшего Богача*). Почтеннейший, можете выходить!

Боязливо появляется Янбан. Дольсе высоко над головой поднимает янбанский титул и протягивает другую руку. Янбан, вопросительно уставившись в раскрытую ладонь, начинает рыться в кармане. Кладет в ладонь монету.

Я не янбан и не богач, раз обещал, значит, должен сдержать свое слово! (*Отдает Янбану его титульную грамоту*). Можете возвращаться в свой дом!

Янбан степенно переходит в свой двор и подымается на веранду. Появляется Жена богача и тащит за шкуру своего мужа.

Жена богача. Сбежать надумал?! Со своей служанкой!.. Бобя!

Из погреба янбанского дома появляется Бобя.

Ну-ка, марш сюда!

Дольсе. По какому такому праву вы командуете?

Жена богача. Как ты смеешь, негодник, так разговаривать с янбаншей?

Янбан (*подняв янбанский титул*). Вон со двора!

Жена богача (*в растерянности, мужу*). Ты вернул титул янбана?!

Янбан. И немедленно! А то управляющего позову!

Богач со своей женой возвращаются в свой двор.

Жена богача. Бобя!

Янбан. Дольсе!

Жена богача. Бобя, живо приготовь ужин!

Янбан. Дольсе, закрой все дыры в заборе!

Жена богача. Бобя!

Янбан. Дольсе!

Дольсе (*размахивая двумя кабальными*). Прощайте, господа хорошие! Мы с Бобя свободны!

Дольсе и Бобя (*поют и танцуют*):

Так случилось-получилось
В том краю, под богом —
Были женщины, мужчины
И любовь до гроба!
Эль-са, дель-са, женщины, мужчины,
Эль-са, дель-са, и любовь до гроба!
Видит бог, честной народ —
Мы тоскуем оба...
Будет долгий перелет
И любовь до гроба!
Эль-са, дель-са, долгий перелет,
Эль-са, дель-са, и любовь до гроба!
Пусть колючие поля,
Молнии и грозы...
В этом мире — ты и я
И любовь до гроба!
Эль-са, дель-са, ты и я,
Эль-са, дель-са, и любовь до гроба!..

Занавес.

КОНЕЦ

ЖИВОЙ БУДДА

Трагедия в 3-х действиях с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кун Е — король.
Кан-си — его жена.
Син Он.
Вон Хи.
Ок Хва — его дочь.
Ха И.
Ян Гиль.
Мать — кормилица короля Кун Е.
Е Сун.
Ок Джи — ювелирный мастер.
Ван Гон.
Вожак.
Свидетель.
Воины, полководцы, люди из народа...

Действие происходит в начале X века на корейском полуострове.

ПРОЛОГ

Голос. Добро и зло, содеянные предками, становятся историей.
Те же добро и зло, не попавшие на скрижали истории, превращаются в легенды.
Кому-то хотелось утаить от людей, кому-то хотелось вычеркнуть из истории добро.
И нередко история превращается в легенду. А легенда — в историю.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КОРОНА

Картина первая

Дворцовый зал с раздвижными створками. К нему ведет массивная каменная лестница.

Тихий вечер. Двор освещен лучами заходящего солнца. Откуда-то доносится мерный звон колокола. Чувствуется атмосфера заговора. ЕСун, пожилой воин, и Ха И, молодой воин, на страже.

Е Сун. Слушай, парень, что-то я впервые вижу тебя здесь. Кто ты такой?

Ха И. Меня зовут Ха И.

Е Сун. А откуда ты?

Ха И. Из крепости Енджу. Меня направили сюда, чтобы охранять ставку главнокомандующего Кун Е.

Е Сун. Давно ли ты служишь?

Ха И. Да уж три года, как на армейских харчах. *(Вынимает меч из ножен, внимательно рассматривает его, начинает чистить).*

Входит Вон Хи.

Вон Хи. Сегодня во дворец приглашены некоторые командиры. Пропускай строго только тех, кто покажет вот такой знак. *(Показывает).*

Е Сун. Слушаюсь.

Вон Хи уходит.

Ха И. Кто это?

Е Сун. Полководец Вон Хи. Я вижу, хоть ты и молод, а меч у тебя непростой. Вроде как драгоценный. Да и одежда под стать ей. Видать, ты знатного рода?

Ха И. Скажете тоже! Я круглый сирота. А все, что на мне, получено в награду.

Е Сун. В награду?

Ха И. Конечно! Главнокомандующий лично вручил ее мне!

Е Сун. За какой же такой подвиг?

Ха И. Было дело! В битве за крепость Енджу я обезглавил сразу трех.

Е Сун. Как, на твоём счету уже есть убитые?!

Ха И. А чему удивляться? На то он и враг, чтобы его уничтожить! Если хотите знать, я снес уже целых семнадцать голов!

Е Сун. Ну, а сколько тебе лет?

Ха И. Уже восемнадцать.

Е Сун. Уже восемнадцать... Выходит, что, появившись из материнского чрева, ты каждый год убивал по человеку...

Проходят дворцовые служители.

Ха И. Смутное нынче время. Воюют, дерутся за власть, брат нападает на брата... Два королевства уже свергли. Теперь, как видно, наш черед подходит.

Е Сун. Пожалуй, все идет к тому. Не сегодня-завтра мы можем стать подданными нового короля. Но кто им только будет — вот в чем вопрос...

Ха И. Король-то найдется, было бы королевство!

Е Сун. Однако ты скор на решения! А может случиться совсем наоборот — сначала король, потом — королевство. Как объявлять государство без короля? А тут-то как раз и выходит загвоздка. Вроде бы наш предводитель Кун Е. Ему бы и быть королем. Хотя армией командует Ян Гиль.

Ха И. Нет, я за Кун Е! Хороший человек! Никто кроме него так не заботится о воинах. Все делит с ними — и радость и горе. Разве не он раздает беднякам еду и одежду? Люди пойдут за ним. А Ян Гиль... что может этот сладострастник?

Е Сун. Наверное, может кое-что, раз женщины устоять не могут перед ним.

Ха И. То-то он вовсе бессилен, когда дело касается воинской чести.

Е Сун. Зато жизнь его переполнена удовольствиями.

Ха И. За этими удовольствиями не то что корону, собственную голову потерять можно.

Е Сун. Мне так не кажется. Маловероятно, чтобы Ян Гиль смотрел, сложив руки, как его подчиненный восходит на трон. Между прочим, ходят слухи, что он сколотил свою группировку. Ян Гиль своего не упустит, вот увидишь. Сдается, что и сегодня неспроста здесь собираются военачальники.

Входит миловидная девушка лет 14—15-ти.

Ха И. Стойте, барышня!

Девушка (Ок Хва) не обращает внимания на него.

Стой, говорю! Ты куда?

Ок Хва. В чем дело?

Ха И. Гм... почему... Я на страже, обязан знать, кто куда идет.

Ок Хва. Я здесь живу.

Ха И. Живешь? В ставке? Разве положено здесь быть женщинам?

Ок Хва. По-вашему нельзя?

Е Сун. Прошу прощения за его фамильярность. Он первый день сегодня здесь и не знает, с кем разговаривает.

Ок Хва. Ничего, я не обиделась.

Ха И. Я не считаю свои действия непочтительными. Я выполняю, что велит воинская дисциплина.

Ок Хва. Похвально, молодой человек! Так и должно быть.

Ха И. А что у вас в корзине?

Ок Хва (усмехнувшись). Жареные каштаны.

Ха И. Каштаны? (Заглядывает в корзину). О, божественный аромат! Давненько я не сдал каштанов! Помнится, в последний раз это было... Наш отряд уходил тогда в бой, и какая-то женщина все совала мне их в руки... Так она плакала, так плакала!.. А каштаны обжигали ладони...

Ок Хва. Угощайтесь. (Дает горсть каштанов Ха И).

Ха И. Неудобно. Словно напросился...

Ок Хва. Берите скорее! Горячо!

Ха И. Большое спасибо! Первый раз в жизни принимаю угощение из рук столь прелестной девушки...

Ок Хва уходит.

Что за птица такая, что ее величать надо?

Е Сун. Она почти принцесса. Будь осторожен с ней, не то беды не оберешься.

Ха И. Принцесса? Неужто у полководца Кун Е такая очаровательная дочь?

Е Сун. Я же сказал, что почти принцесса. Это единственная дочь Вон Хи, того самого, что сейчас предупреждал тебя, кого пропускать во дворец, а кого — нет. Он — правая рука главнокомандующего.

Ха И. Жаль, что она еще совсем птенец. Но птенец, я бы сказал, милый...

Е Сун. Тебе-то что, спел этот плод или зелен? Она для тебя, что хлеб на картинке. Говорят же, не заглядывайся на дерево, если не можешь взобраться на него.

Ха И. Мне-то что! Я просто так... Вот скоро будет королевство — это да! Это — главное! А если так, то разве я не заслужил тоже почестей? Я, который положил на это жизнь! Неужели вечно прозябать в грязи? Сейчас, когда весь мир становится вверх дном?

Е Сун. Вот именно — вверх дном! Дно — вверх, а верх — на дно. Середина же так и останется серединой. Ты и есть середина.

Ха И. Тогда взорвать все к чертовой бабушке! Чтобы все перемешалось!

Е Сун. Больше хлопот. А вдруг не соберешь вновь?

Появляется Кун Е. Один глаз закрыт черной повязкой. Высокий стройный мужчина лет сорока. Одет просто. Е Сун и Ха И, не замечая его, продолжают разговаривать.

Ха И. Человек должен стремиться к недостижимому. Когда умирает тигр, смертным одром ему служит гора. Его смерть еще больше возвеличивает его. Родившись мужчиной, ты должен стремиться стать великим. В битве быть победителем, среди вельмож — первейшим! Свершить неслыханные подвиги и оставить свое имя в веках! Иначе откуда узнают потомки — жил ты на свете или нет?

Кун Е. О! Я слышу слова настоящего мужчины!

Воины падают ниц перед Кун Е.

Оставить свое имя в потоке времен — достойная мечта. Душа радуется, что у меня такие молодцы. Если мы сумеем объединить королевства в единую державу, наши имена сохранятся в истории. Будь и впредь, Ха И, таким же убежденным и мужественным! Такие, как ты, мне по сердцу. Постарайся оправдать мое доверие. *(Берет у Ха И каштаны, надкусывает).*

Ха И. Клянусь, я не забуду вашего отеческого наказа!

Кун Е. Я чувствую, что ты хочешь, чтобы у нас было свое государство. Мне кажется, что ты в нем займешь положенное тебе место.

Ха И. Когда же наступит этот священный час, о могучий вождь?

Кун Е. Скоро. Только надо повременить. Приготовься к великим свершениям.

Ха И. Я готов отдать за них жизнь.

Кун Е. Очень вкусные каштаны... Теперь слушай, Ха И. Ко мне должен прийти старый монах. Не докучай его расспросами, а проводи тотчас во дворец и дай мне знать.

Ха И. Слушаюсь.

Кун Е уходит.

Вот это человек! Подумать только, он тоже любит каштаны! За такого и жизни не жалко. Да я за него отца родного продам!..

Е Сув. Представляю, как обрадовался бы твой отец, если б услышал такие слова!

Тяжелый стук в ворота. Е Сув уходит и вскоре возвращается со старым монахом. Ха И спешит оповестить Кун Е. Монах направляется прямо в зал и скрывается за раздвижными дверями. Спустя некоторое время выходит Кун Е, за ним — Ха И.

Кун Е. Сторожи ворота, никого сюда не пропускай!

Ха И. Слушаюсь!

Кун Е скрывается за раздвижными дверями. Старый монах Син Он переодевается. Снимает усы, бороду, парик, словом, снимает маску.

Кун Е (обнимает его). Син Он! Вернулся! Как есть — цел и невредим!

Монах Син Он продолжает разоблачаться.

Я так беспокоился! Скорей рассказывай, что там? Что люди? На чьей стороне народ?

Син Он. Как мы и договорились, я прибыл в пятнадцатый день четвертого месяца, в день твоего рождения. Чуть свет я отправился в путь, и вот я здесь! Мой рассказ будет тебе подарком.

Кун Е. Спасибо, друг! Спасибо...

Син Он. Я обошел все округи севернее Енджу, заходил во все крупные крепости.

Кун Е. Так-так...

Син Он. Повсюду дал указания нашим на случай чрезвычайности.

Кун Е. Прекрасно!

Син Он. В харчевнях и на постоялых дворах, в базарной сутолоке, в деревнях прислушивался к разным разговорам.

Кун Е. И что же?

Син Он. Ян Гиль, говорят, жесток и безжалостен, дерет с крестьян непосильные налоги. Настоящий тиран!

Кун Е. Великолепно!

Син Он. У крестьян вся надежда на нас. Они знают, что большинство наших военачальников — выходцы из простонародья. Видят, как мы заботимся о

бедноте, разделяем их беды и тяготы. И, конечно, они ждут с нетерпением, что королем станет кто-то из нас.

Кун Е. Как хорошо, что у меня такой мудрый единомышленник, как ты! Не будь тебя, не миновать бы мне участи Ян Гилия.

Син Ов. Кому как не нам ясно, насколько переполнена чаша народно-го гнева! Мне, выходя из бедняцкой семьи, и тебе, нищему монаху из закудалого храма! Кто идет за нами? Гольтыба! Нищие из нищих! Наша борьба — справедливая борьба.

Кун Е. Благодаря тебе я понял многое. И нет сомнений теперь, когда за нами такая сила: мы можем создать свое государство!

Син Ов. Все, что ты говоришь, верно. Но от слов до дела — большое расстояние. У меня есть достоверные сведения, что Ян Гиль не сегодня-завтра готовится занять трон. Он уже тайно заказал корону. Мы должны действовать немедленно! Надеюсь, ты выполнил свое обещание?

Кун Е. Да, сотысячная армия Вон Хи прибыла и стоит в лесу под крепостью. На всех улицах наши держат засаду.

Син Ов. Ты меня успокоил хорошей вестью.

Кун Е. Наверное, ты устал с дороги. Утоли голод и отдохни!

Син Ов. Придет время, отдохнем. Надо обстоятельно обсудить дела.

Доносится шум. Входит Ха И с ювелирным мастером Ок Джи. В руках Ха И корона.

Кун Е. Что за шум? Кто нарушает тишину во дворце?

Ха И. Задержали подозрительного. При нем обнаружена золотая корона.

Ха И показывает Кун Е корону. Ок Джи бросается к ней.

Кун Е. На колени, безумец!

Ок Джи. Ваше благородие, не забирайте корону! Заклинаю вас всеми богами! Она не моя, честное слово, не моя! Если я лишусь ее, меня ждет смерть!

Кун Е. Кто ты такой?

Ок Джи. Я...это чужая корона... я всего лишь ювелирный мастер.

Син Ов *(берет корону)*. Красота неписанная! Корона... н-да... торжественно и величаво! Что, это действительно твоя работа?

Ок Джи. А чья же еще! Покорно прошу вас, уважаемый, помиуйте, верните корону!

Син Ов. Кто заказал тебе ее?

Ок Джи. Кто заказал, тот запретил об этом говорить.

Кун Е. И ты, бесовское отродье, смеешь так разговаривать? Не кажется ли тебе, что твоей упрямой башке надоело сидеть на плечах?

Ок Джи. Это вы о моей голове? Что ж, вполне достойная цена короны! С намеком каждому, кто впредь наденет эту побрякушу. Только не уверен я, что такое уж это безобидное приобретение.

Кун Е. Да ты глуп! Однако кто же он, заказчик?

Ок Джи. Я не могу назвать его. Во всяком случае до завтра.
Син Он (*Ха И*). Ты можешь идти.

Ха И уходит.

Мастер, не Ок Джи ли тебя зовут?

Ок Джи (*испуганно*). Откуда Вам известно мое имя?

Син Он. Таковую корону можешь сделать только ты. Я знаю о тебе. С тобой когда-то работал юноша по имени Син Чон.

Ок Джи. А как же! Он теперь мой зять!

Син Он. Да, давно это было...

Ок Джи. Откуда вы знаете Син Чона?

Син Он. Он мой брат.

Ок Джи. О, господи! Мир тесен!

Син Он. Скажи мне, жив ли он?

Ок Джи. Жив! Жив! В деревне Окдон пахнет землю!

Син Он. Спасибо за добрую весть. А все-таки скажи, что за тайна кроется в этой короне?

Ок Джи. О, вам я все скажу! Как есть. Так вот, кто сейчас среди вас главный?

Кун Е. Ян Гиль.

Ок Джи. Вот-вот. Он мне и приказал смастерить эту штуку. Уже полгода, как отдал он мне слиток золота и драгоценные камни. Последний срок назначен завтра, 16 дня четвертого месяца. Меня держали под стражей. Я работал дни и ночи. Все, конечно, в большой тайне, под страхом смерти. Кому-то власть, а кому-то плаха...

Кун Е (*берет корону у Син Она*). Не такая уж она и легкая, как кажется...

Син Он. Сейчас опасно отсюда выходить. Побудь здесь день-другой и ни о чем не беспокойся. Возможно, нам понадобится твое мастерство.

Ок Джи. Мои руки привыкли к работе.

Син Он. Воины!

Входит Ха И.

Проводите мастера в одну из дворцовых комнат, окажите почтительный прием.

Ха И. Слушаюсь.

Уходят.

Син Он. Кун Е, дело не терпит отлагательств! Ян Гиль намерен поднять свою армию завтра. Во что бы то ни стало мы должны его опередить!

Кун Е. Разгромить ставку Ян Гиля?

Син Он. Не исключено!.. Но сначала попробуем менее кровопролитный путь. Сегодня твой день рождения! На него-то, видать, и рассчитывал Ян Гиль! Вот мы и зададим пир. А его позовем сюда.

Кун Е. А он откажется!

Син Он. Если я к нему пойду с поклоном, он непременно примет приглашение.

Кун Е. Ты пойдешь к нему?

Син Он. Но если я не вернусь до звона, извещающего о закрытии крепостных ворот, немедленно поднимай войска и иди на ставку Ян Гиля.

Кун Е. Будь осторожен! Запомни, без тебя нашему королевству не состояться!

Син Он. Если судьба улыбнется нам, я вернусь!

Обнимаются. Син Он уходит. Кун Е долго смотрит на корону.

Затемнение.

Картина вторая

Кун Е стоит на лестнице. С мечом на поясе. Во дворе строятся командиры. Где-то горит факел. Вынесен большой барабан. Напряженное ожидание. Вдруг тишину нарушает звон колокола. Входит Син Он.

Син Он. Кун Е!

Кун Е. Брат мой, вновь ты воскрес из мертвых! Значит, Небо с нами!

Син Он. Скоро Ян Гиль будет здесь, поторопитесь! Пусть все освободят двор и ждут приказа в роще!

Остаются Кун Е и Син Он. Входит Вон Хи.

Вон Хи. Армия Ян Гиля переходит в наступление. Кажется, они окружают нашу ставку.

Кун Е. Мы это предвидели. Ян Гиль намерен уничтожить нас в нашем же доме. Вон Хи, спрячь в роще самых сильных воинов! Когда Ян Гиль окружит нас, ты зайди неожиданно с тыла.

Вон Хи. Слушаюсь.

Син Он. Теперь осталось в последний раз склонить голову перед Ян Гилем. Этот поклон принесет нам королевство без кровопролития. Итак, во имя победы!

Доносится повелительный голос: «Кун Е, встречай своего повелителя!» Кун Е снимает меч и прислоняет к колонне. Выходит с Син Он на середину двора. Входят Ян Гиль со своей свитой. Они вооружены. Кун Е и Син Он становятся на колени.

Кун Е. Добро пожаловать, о, повелитель! Рад видеть вас в полном здравии! Я так обязан вам, мне век не расплатиться за тысячную долю вашей доброты. Сегодня я пригласил вас сюда разделить мой скудный обед. Я счастлив, что вы уделите мне частицу своего драгоценного времени.

Ян Гиль. Не знаю, так ли думаешь ты на самом деле и не таишь ли чего в душе, но слова твои ласкают слух. Если ты и вправду не забыл, кто твой

повелитель, значит ты не совсем пропавший человек. Однако разговор куда приятнее ведется за столом!..

Ян Гиль, Кун Е, Син Он и человек Ян Гиль поднимаются в зал. Телохранители Ян Гиль располагаются во дворе. Выносят столики сидящим в зале.

Кун Е. Снова стало беспокойно на границе. Все время пропадаю там. Вернулся домой всего несколько дней назад.

Ян Гиль. Скажи, Кун Е, сколько душ насчитывает твоя армия?

Кун Е. Какая уж там армия... так себе, сброд необученных крестьян.

Ян Гиль. И все-таки?

Кун Е. Около двухсот тысяч.

Ян Гиль. Когда ты пришел ко мне, я тебе выделил двести отменных молодых. И ты, нищий монах бедного буддийского храма Седалса, стал их предводителем. Значит, сейчас твой отряд стал в тысячу раз больше. Где же те двести?

Кун Е. Одни пали смертью храбрых, другие выросли в отважных командиров.

Ян Гиль. Не пришла ли пора вернуть старый долг? К чему тебе такая многочисленная армия? Передай-ка ты половину воинов мне. И потом... Я знаю, у тебя большой запас провизии. Вот ты и обеспечь всех, кто перейдет в мое подчинение!

Кун Е. Я верну всю армию, коль на то будет ваша воля. Но сегодня мой день рождения. Может, обсудим дела в другой раз?

Ян Гиль. Нет, откладывать не будем. Надеюсь, что ты выполнишь мой приказ. И немедленно!

Кун Е. Все будет сделано, как вы велите. А пока — выше чарки!

Ян Гиль. Что-то не вижу здесь ни единой женщины. Где же твои гейши? Было бы приятнее принять напиток из рук какой-нибудь прелестницы.

Кун Е. Мы не держим гейш в армии. Воинская дисциплина не позволяет этого.

Ян Гиль. Если у тебя нет гейш, тогда пусть выйдет твоя жена, чтобы налить мне чарку. Кажется, я ее до сих пор не видел.

Кун Е. Сейчас она придет.

Син Он уходит. Вскоре появляется Кан-си, она кланяется Ян Гилю.

Моя жена.

Ян Гиль. О, несравненная краса! Значит, это и есть та крестьянская дочь, что спасла тебе жизнь, когда твой отряд был разбит в Дженджу?

Кун Е. Да, это она. (Жене). Налейте вина нашему повелителю!

Кан-си предлагает Ян Гилю чарку.

Ян Гиль. Наконец-то у меня разыгрался аппетит... (Пьет). Послушай, красавица! Хочешь, я открою тебе глаза на твоего мужа? Ты даже не представляешь, насколько он прижимист и скуп! Вот я — главнокомандующий, его

повелитель — впервые в жизни переступил порог этого дома! Военачальник двухсоттысячной армии мог бы и почаще приглашать своего благодетеля!

Кан-си. Вы правы стократно, мой господин. Впредь радуйте чаще нас посещениями. Муж всегда занят военными делами, он редко бывает дома.

Ян Гиль. Ты мне нравишься все больше и больше. Похвально, когда жена защищает супруга. Ты уследила мой взор. А теперь уследи же и слух! Есть ли в этом доме музыканты?

Кун Е. Есть музыканты. Военные!

Ян Гиль. Военные марши слушаю каждый день. Пусть лучше жена твоя споет!

Кан-си. Право, мне стыдно... С моими возможностями...

Ян Гиль. Ничего, спой, как можешь. Женское пение дает отдых мужчинам.

Кун Е. Спой, не стесняйся!

Кан-си поет.

Ян Гиль. Теперь мне понятно, почему ты не держишь музыкантов! Она одна заменяет их всех! Знай я раньше, что здесь поются такие песни, не выходил бы из этого дома! Клянусь, для Кун Е ты слишком хороша! Божественная, сядь рядом со мной!

Кан-си невольно подчиняется.

Прими от меня эту чарку!

Кан-си. Но я не пью вина.

Ян Гиль. Знаешь ли ты, кто я такой? Я — повелитель твоего мужа, я грозный полководец. В моих руках половина земель династии Силла. Значит — я и твой повелитель! Ты не можешь противиться моим желаниям.

Кан-си. Повинуюсь. *(Пьет).*

Ян Гиль. Умница! *(Обнимает за плечи Кан-си).* Ни у кого из моих подчиненных я не видел такой очаровательной жены. Пожалуй, это тот случай, когда женщина превосходит своего мужа. Не так ли, Кун Е?

Кун Е молчит.

Ян Гиль. Ты что же, оглох? Ишь, как сразу потускнел!

Кун Е. Я никогда в своей жизни не был так оскорблен, как сегодня! Ты посмел глумиться надо мной в присутствии моей супруги! Каким бы великим гостем ты ни был, ты не имеешь права прикасаться к ней! Я проклинаю тот час, когда пригласил тебя!

Ян Гиль. Ну-ну, ты забыл, наверное, с кем разговариваешь! Я напомяну тебе, как подобает вести себя со мной!

Кун Е. Не знаю, что у тебя — рот или мерзкая пасть шакала, но несет от тебя смрадом!

Ян Гиль. А-а!.. Теперь я вижу тебя насквозь, собака! *(Бьет кнутом по улице Кун Е).*

Кун Е. Я мог бы одним махом снести твою поганую голову, но я не такой мелкий трус, как ты. Больше нам не жить с тобой под одним небом! Я вызываю тебя на поединок! (*Воинам*). Свидетельствуйте, воины, кто из нас окажется истинным победителем!

Ян Гиль. Тебе надоело жить! Верни мне украденную корону и стань на колени!

Кун Е. Ты слишком мелок, чтобы быть достойным ее! Принимай мой меч!

Ян Гиль. Безмозглый щенок не боится тигра. Сопляк, на том свете тебя уже ждут.

Поединок. Кун Е убивает Ян Гиля.

Картина третья

Кун Е стоит один во дворе. Во дворе суматоха. Готовятся к коронации. Входит седая старуха. Это Мать Кун Е.

Мать. Кун Е! Сынок!

Кун Е. Добрый вечер, мама! Как Вы себя чувствуете?

Мать. Я слышала шум.

Кун Е. Гости разошлись. Сегодня — 15 число, мой день рождения.

Мать. Знаю...

Кун Е. По этому случаю я потревожил ваш покой. Простите.

Мать. Кун Е, у меня тоже есть к тебе разговор. Подойди ближе...

Кун Е садится напротив Матери.

Настал час сказать тебе самое важное. Слушай внимательно. Я вскормила тебя своей грудью, мой мальчик, воспитала тебя с первых дней появления на свет. Но не я твоя родная мать. Я только кормилица.

Кун Е. О чем вы говорите, мама! Этого не может быть! Я не верю, не верю вам, слышите?!

Мать. Я понимаю. Этому трудно поверить, но это правда. И не сегодня вовсе твой день рождения.

Кун Е. Что за загадки, мама? Что за тайну скрывает мое рождение?

Мать. Это действительно тайна. И сегодня ты узнаешь ее. Ты, Кун Е — прямой потомок короля Силлы. Ты его сын!

Кун Е. Что вы сказали, мама?

Мать. Успокойся! Я давно собиралась признаться в этом. Но я очень боялась... боялась потерять тебя. Теперь пришел срок. Твоя мать не была королевой. Она была всего лишь наложницей короля. Не знаю почему, но ты родился вне дворца. Родился в доме матери. И не 15 дня четвертого месяца, а на пятый день пятого месяца... Ты был необычным ребенком. Хотя бы потому, что родился сразу с зубами. Я хорошо это помню — я кормила тебя грудью...

Кун Е. Говорите, мама, продолжайте!

Мать. Когда король узнал об этом, он призвал придворного мага. Тот сказал: «Ребенок появился на свет пятого дня пятого месяца, в день самоубийства Цюй-юаня. Он родился с зубами. Это дурная примета. Младенец накличет великую беду на королевство». Король решил переиграть судьбу. Он велел избавиться от тебя... Это было вечером, когда они пришли. Воины отняли тебя прямо от груди, но не посмели отрубить голову младенцу. Они вынесли тебя на террасу и оттуда швырнули вниз. По счастливой случайности ты избежал смерти, но именно тогда ты потерял свой глаз. Когда все ушли, я нашла тебя и тотчас скрылась. Ты вырос на чужбине...

Кун Е. Знает ли еще кто-нибудь об этом?

Мать. Нет.

Кун Е. И не надо. Пусть для всех я останусь нищим монахом. Сейчас это очень кстати, когда народ поддерживает меня, и я могу занять трон. Видать, не зря ненавидел я короля Силлу. Теперь я уничтожу даже воспоминания о нем!

Мать. Ты зовешь меня матерью, и на правах матери я хочу сказать тебе несколько слов. Ты силен и отважен. Ты не лишен ума. Но у тебя всегда был тяжелый характер. В нем проскальзывала жестокость, ты бывал безжалостен. Вспомни, как часто ты совершал необдуманные поступки, подчинялся порыву чувств. Если народ удостоит тебя трона, и ты будешь править страной, первое, о чем ты должен помнить — научись прежде властвовать над собой!..

Кун Е. Мама, я запомню Ваши слова.

Мать. Тогда я спокойна. Прощай, сынок. *(Уходит).*

Кун Е. Вот оно что... Да, во мне и не замолкал ни на минуту голос крови! Это он толкал меня на безумства. Я всегда впереди видел трон. Я ощущал его! Я жаждал! И вот оно, знамение! Корона сама пришла ко мне! О, небо, я вижу, ты со мной! *(Смотрит на корону. Поднимает ее над головой. Снова опускает, не решаясь надеть).* Как назвать мое королевство? Мне, королю, какое имя? Корона, объясни мне, почему королевство рождается ночью?

Входит Син Он.

Син Он. Корона к лицу тебе, Кун Е.

Кун Е. *(вздвигнув).* Мне?

Син Он. Ты еще сомневался?

Кун Е. Син Он, скажи мне откровенно. Разве сам ты не хотел бы принять королевский сан?

Син Он. *(решительно).* Нет!

Кун Е. Наконец-то мы полностью победили Ян Гиля!

Син Он. Победа — это великолепно. Но куда важнее теперь сохранить ее.

Кун Е. Син Он, ты мой ближайший соратник, мой друг, самый мудрейший из всех, кого я знал. Мы вдвоем добивались успеха. Я хотел бы принять из твоих рук завоеванную нами корону. *(Передает Син Ону корону).*

Син Он. Кун Е, сейчас ты станешь королем. Но пока ты не власть, выслушай мои напутствия. Как бы высоко ни вознесла тебя судьба, какими бы почестями ни одаривала она своих героев, все равно мы предстанем перед

судом грядущего. Основа королевства — народ. Будь ему справедливым отцом и никогда не забывай о нем. Погибает Силла, потому что покинут народом. Достоин продолжай наше дело. Дело, во имя которого мы так долго боролись.

Кун Е. Благодарю тебя, брат мой! Я никогда не забуду твоего великодушия! И никогда не нарушу твоих заветов! Клянусь тебе в верности нашим принципам!

Син Он. Я верю. Я вижу — ты достоин короны, Кун Е!..

Затемнение.

Картина четвертая

Появляются вельможи и их жены. Музыка. Входят Ок Ха с короной для королевы и Ха И с короной для Кун Е, за ними Син Он. Они поднимаются по лестнице. Появляются Кун Е и Кан-си, становятся на колени перед Син Оном.

Син Он. Сегодня по велению Небес наш полководец Кун Е воцаряется на престол. Мы, его подданные, клянемся в верности Его Величеству! Пусть ярко светит его корона, и да согреет ее свет сердца людей! Да здравствует Его Величество король! Да здравствует Ее Величество королева! Пусть стоит вечно и процветает наше королевство! *(Надевает короны Кун Е и Кан-си).*

Все падают ниц. Син Он спускается. Кун Е и Кан-си поднимаются к трону. Вдруг Син Он покачнулся и схватился за сердце. Уходит с трудом. Никто этого не замечает.

Кун Е. Мои верноподданные! Первое рассветное утро знаменует рождение нового королевства. Лучами восходящего солнца озарена наша корона. Я обещаю вам, мои верноподданные, благоденствие, славу и мир. Нам предстоит великая миссия — объединение трех государств в единую державу. И мы выполним эту миссию! Сегодня день рождения королевства. Пусть народ празднует его!

Начинаются танцы.

Вон Хи. Ваше Величество, флотоводец Ван Гон прибыл добровольно сдаться вам и просит защиты.

Кун Е. Пусть войдет.

Входит Ван Гон со своими командирами. Они несут подарки.

Ван Гон. Ваше Величество король! Я, флотоводец Западного моря Ван Гон прибыл со своим флотом служить Вашему Величеству. Мы надеемся на ваше великодушие и просим защиты и покровительства.

Кун Е. Ван Гон, я много слышал о тебе. Да, ты отважный полководец. Твой приход под наши знамена заслуживает одобрения. Служи верно во имя

процветания королевства! Я оставляю тебя властелином Западного моря. Правь, как прежде, Приморьем!

Ван Гон. Покорнейше благодарю, о великий король! Разрешите в знак верности преподнести вам подарки! (*Преподносит подарки — меч, шелк, вазу с золотыми рыбками, сундуки...*)

Кун Е. Что это за ваза?

Ван Гон. Знаменитые золотые караси нашего края.

Кун Е. Слышал, что водятся там такие рыбки, но никогда не видел.

Кун Е и Кан-си рассматривают золотых рыбок. Входит Е Сун.

Е Сун. Ваше Величество, жизнь полководца Син Она в опасности.

Кун Е. Что?

Ен Сун. Не знаю, что это за болезнь, но ему плохо.

Кун Е спускается по лестнице.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПАМЯТНИКИ

Картина пятая

Прошло три года. На фоне дворцового зала — новые дворцы и памятники. Входит Син Он. Он чахлый и бледнолицый, с посохом в руке. Е Сун выбегает и падает перед ним на колени.

Е Сун. Рад Вас видеть, полководец, снова во дворце короля! Осмелюсь спросить, как ваше здоровье? Мы все обеспокоены.

Син Он. Спасибо. Как будто лучше. Вы снова сторожите дворец?

Е Сун. Да, теперь я команду дворцовой стражей. Пожаловали мне высокую должность, но я уже стар. Тоскую по земле. Хотелось бы провести остаток дней спокойно там, где родился.

Звучит музыка.

Син Он. Человек должен заниматься тем, что ему по душе. Но не всегда так получается, ибо долг перед королевством превыше всего. Да, здесь все неузнаваемо переменялось. Что за музыка? Для кого играют?

Е Сун. Празднуют открытие еще одного нового дворца.

Син Он. Когда же успели понастроить столько дворцов? Можно подумать, что я болел не три года, а все тридцать. Что это такое вон там виднеется? Не то башня, не то дворец?

Е Сун. Это памятник. Самый высокий и самый большой в мире, не знающий себе равных. Посвящен он великим деяниям Его Величества короля.

Син Он. Как изменилась столица!.. Как поживает король? Здоров ли?

Е Сун. Здравствует. Немного пополнел. Простите меня, полководец, я хотел бы спросить вас...

Сия Он. Спрашивайте.

Е Сун. Боюсь досадить вам неосторожными вопросами.

Сия Он. Да чего же бояться? Я отвечу.

Е Сун. В народе ходят слухи, будто вы удалились от государственных дел. Вас отстранили?

Сия Он. Я был болен.

Е Сун. Но люди говорят, что вы бросили их на произвол судьбы.

Сия Он. Не понимаю, что за причина не верить мне?

Е Сун. Если бы вы занимались государственными делами, людям не пришлось бы испытать и половины всех невзгод. Все так считают.

Сия Он. И в столице люди негодуют?

Е Сун. В этом вы убедитесь, как только пройдется по улицам.

Сия Он. Спасибо за откровенный разговор. Да, я не имел права болеть. Я не должен был уезжать из столицы, даже если мне угрожала смерть. Своей болезнью я совершил преступление перед народом.

Е Сун. Я огорчил вас своим рассказом, простите меня.

Сия Он. Нет-нет, я вам очень признателен!

Входит Вон Хи.

Вон Хи. Какая неожиданность! Когда вы приехали в столицу?

Сия Он. Только что.

Вон Хи. Какое счастье, что вы наконец-то избавились от этого тяжелого недуга! Как обрадуется король!

Сия Он. Беспокойство мое оказалось сильнее болезни.

Вон Хи. Что-нибудь случилось?

Сия Он. И вы еще спрашиваете у меня?

Вон Хи. Я вас что-то не понимаю...

Сия Он. Вы что, разучились здесь что-либо слышать кроме парадной музыки? До вас не доходят проклятия народа? Меня смертельно больного подняли буквально с постели стенания и ропот людей!

Вон Хи. О чем вы говорите, опомнитесь! Какие стенания? Какой ропот? Все кругом тихо и мирно.

Сия Он. Знаете ли вы, сколько крестьян уходят из деревень? Там, вдалеке от столицы, я не мог понять, в чем дело. Но теперь я собственными глазами убедился, увидев причину бед и несчастий.

Вон Хи. Народ всегда недоволен! Когда и где вы видели убогую толпу?.. Ничего! Повосят и утихнут, как миленькие! Так было, есть и будет. Однако мне интересно знать, что вы разумеете под причинами бедствий?

Сия Он *(показывает на дворцы)*. А это что?

Вон Хи. Это дворцы Его Величества короля.

Сия Он. Зачем королю столько дворцов? Ведь они создаются кровью и потом несчастных людей. Править народом — не означает выжимать из него все соки. Вы довели страну до краха! Королевство в опасности! Вы погубите его раньше, чем оно будет построено.

Вон Хи. Что-то я не совсем понимаю, в каких таких смертельных грехах вы обвиняете нас? Новые дворцы — памятники Его Величеству. Надо как можно больше построить их! Надо увековечить величие нашего короля!

Син Он. Дворцы делают королей великими? Вы заблуждаетесь. Чем роскошней дворцы, тем сильнее негодование народа... А этот монумент? Ведь испокон веков памятники ставили только усопшим.

Вон Хи. При чем тут я? Я только исполняю волю Его Величества. К политике я не причастен...

Син Он. Разберемся! *(Уходит).*

Вон Хи. Не околел-таки, старый пес! Выкарабкался из смерти! Ничего... Теперь Кун Е в моих руках, как бы ты не бесновался! Я держу рукоятку ножа, а ты лезвие. Дни твои сочтены. *(Уходит).*

Звучит ритуальная музыка. Вельможи выстраиваются во дворе. Появляется Кун Е в парадном наряде. За ним следует Вон Хи. Кун Е садится на трон. Вон Хи — в кресло рядом с Кун Е.

Кун Е. Позвать молодого командира, вернувшегося из победного похода!

Выходит Ха И и становится на колени перед Кун Е.

Подойди поближе!

Ха И поднимается по лестнице. В это время во двор входит Син Он, опираясь на длинный посох.

Кун Е. Син Он!

Син Он *(кланяется).* Здравия желаю, Ваше Величество!

Кун Е *(поспешно спускаясь с трона).* Син Он! Когда прибыл? Как твое здоровье? О, как ты осянулся!

Син Он. Благодарю вас. Похоже, удалось на этот раз избежать смерти.

Кун Е. Какое счастье! Я так был завален делами, что даже не смог навестить тебя. Прости меня... *(Поднимается по лестнице вместе с Син Оном, Вон Хи встает с места. Усаживает Син Ону в кресло).* Садись, Син Он!.. Ну, храбрый молодец, обрадуй нас доброй вестью!

Ха И. Ваше Величество, я счастлив доложить о победе. Ваша славная армия разгромила врага и, захватив две крепости противника, расширила земли нашего королевства.

Кун Е. Хвала тебе и доблестной армии! Своей отвагой ты явил врагам мощь нашего королевства. Я рад, что не ошибся в тебе и буду любить тебя впредь, как родного сына.

Ха И. Покорнейше благодарю за столь высокую похвалу!

Кун Е. Налить ему чарку вина!

Женщина выносит накрытый столик, наливает чарку и подает Кун Е. Тот передает вино Ха И.

Спасибо тебе за старания! Будь и впредь таким же отважным! Прими королевскую чарку благодеяния!

Ха И (*принимая чарку*). Рад верно служить вам до конца жизни. (*Пьет*).

Кун Е. А сейчас пойдем смотреть новый дворец.

Ха И. Ваше Величество, случилось непредвиденное...

Кун Е. Непредвиденное?

Ха И. Когда мы уже выиграли бой, неожиданно для всех Бан Бек со своим отрядом перешел на сторону врага и убежал с разгромленной армией неприятеля.

Кун Е. Что?!... О, негодяй! Попадись он мне, я изгрыз бы его печень живьем. Где его семья?

Ха И. В столице.

Кун Е. Истребить весь род! Пусть увидят, как карается измена!

Син Ов. Сколько человек было в его войске?

Ха И. Почти пятьсот.

Син Ов. И сколько погибло у тебя?

Ха И. Примерно столько же.

Син Ов. Тысяча вдов и бесчисленные сироты... Ха И, ты командир и должен позаботиться о них.

Ха И. Слушаюсь.

Син Ов. И еще, Ваше Величество, подарите мне жизнь жены и детей изменника. Есть у меня предчувствие, что это поможет избавиться от болезни.

Кун Е. Делай, как хочешь!

Все уходят.

Затемнение.

Картина шестая

Лунная ночь. Ха И во дворе. Появляется Ок Хва.

Ха И. Ок Хва!

Ок Хва. Милый, как я ждала твоего возвращения! Поздравляю с победой!

Ха И. Спасибо. Твоя любовь хранила меня!

Ок Хва. По ночам я молилась луне, а днем солнцу, чтобы ты вернулся живым и невредимым.

Ха И. Твои молитвы услышали небеса.

Ок Хва. Я спрашивала у луны: «Видишь ли ты моего милого? Помнит ли он обо мне?»

Ха И. Теперь я тоже буду всегда смотреть на луну. Получится, будто мы встречаемся.

Ок Хва. Нет, луна не заменит тебя. Придет ли конец этой войне?

Ха И. Да, страшная штука — война... Приходилось ли тебе видеть, как горит детская подушка? Разум мутится от одного только воспоминания... Пятьсот семей остались сиротами. Я должен позаботиться о них...

Ок Хва. О, несчастные! Мне так хочется что-нибудь сделать для них. Я помогу тебе, Ха И?

Ха И. Пока мы не женаты, нам нельзя быть вместе. Но, надеюсь, теперь твой отец не будет противиться. Сегодня король сказал, что он будет любить меня, как сына. Ок Хва, ты знаешь, что я сирота. Но я могу подарить тебе любовь. Дай мне твою руку! О, я никогда не касался женской руки...

Ок Хва. Милый, ты первый, кому я доверяюсь.

Ха И. Ок Хва, эта лента принадлежала моей матери, я всегда носил ее на груди. Возьми — это дорогое для меня сокровище.

Ок Хва. Любимый, для меня нет большей награды, чем эта! Я буду хранить ее вечно, и если у нас родится дочь, я передам ей нашу фамильную реликвию.

Ха И. О, как ты прекрасна! *(Обнимает).*

Ок Хва. Милый, я подарю тебе этот пояс. Отныне душой и телом я твоя. Не оставляй меня никогда!

Ха И. Наверное, люди потому не хотят умирать, что возможно такое счастье... Уже поздно, Ок Хва... Тебе пора домой...

Ок Хва. Милый, я завтра буду ждать тебя здесь.

Ха И. Я не сомкну глаз, ожидая тебя!

Ок Хва. Любимый мой! *(Бросается в объятия).*

Ха И. Пора. Спокойной ночи, милая! *(Решительно уходит).*

Появляется Кун Е. В его руках ваза с золотыми рыбками.

Кун Е. Ты кто?

Ок Хва. Добрый вечер, Ваше Величество! Я — Ок Хва.

Кун Е. Это имя ничего мне не говорит.

Ок Хва. Я дочь полководца Вон Хи.

Кун Е. О!.. Да ты совсем повзрослела! Подойди ко мне. *(Гладит по голове Ок Хва).* Холодная роса опускается. Не холодно? *(Снимает халат и накидывает на плечи Ок Хва. Гладит ее по спине).* Тебе не страшно ходить одной так поздно? Хочешь, я тебе подарю вот это? Это золотые рыбки. Очень забавные. Ухаживай за ними.

Ок Хва. Спасибо, Ваше Величество. Разрешите мне удалиться.

Кун Е. Иди домой. Поднимается ветер.

Ок Хва уходит.

Какая прелесть, какое упругое тело! Можно подумать, что я помолодел. А что? Или я не король? Неужели я не могу взять понравившуюся мне девочку? Ведь она, наверное, любит своего короля? Она будет счастлива и благодарна, если я одарю ее вниманием. И вообще — была ли у меня любовь? Трепетало ли хоть раз мое сердце при виде женщины? Что-то я не припомню. Неужели это — любовь?

Появляются Син Он и Вон Хи. Они располагаются на лестнице.

Кун Е. Да, Син Он, давненько мы с тобою не сиживали вот так. Я безумно рад, что ты выздоровел! Поговорим как прежде по душам, вспомним бытосе... Вон Хи, вели вынести столик! Выпьем, как бывало в походе, по чарке!

Вон Хи уходит.

Син Он. Ты пополнел, береги себя.

Кун Е. Слава всевышнему, болезни обходят меня стороной.

Син Он. Кун Е, если честно признаться, я приехал вовсе не потому, что выздоровел. Меня подняло со смертного одра негодование народа... Что у нас происходит? В государственных делах всегда важно взвешивать, что делать в первую очередь, что откладывать на потом. Ты прости меня за прямой вопрос, но неужели нельзя было о памятниках подумать позже? Не теперь, когда покинуты поля и люди мрут от голода... Отмени хотя бы на год налоги, освободи людей от трудовой повинности! Не забывай урок Ян Гиля!

Кун Е. Отменить налоги? А казна королевства?..

Син Он. К чему строить столько дворцов и памятников?

Кун Е. Дворцы и памятники — престиж короля! Иначе соседи перестанут страшиться нас и пойдут войной. Когда же падет королевство, кому нужны будут все эти пресловутые блага?

Син Он. А то, что люди даже после победы перебегают на вражескую сторону? Как крысы бегут с тонущего корабля! Неужели ты не чувствуешь этого?

Появляется Вон Хи.

Вон Хи. Вы — первый сановник нашего королевства, но даже и вам не позволено обращаться подобным образом к Его Величеству. Вы подрываете авторитет короля!

Кун Е (Вон Хи). Замолчи!

Син Он. Простите меня, Ваше Величество! Я не учел, что здесь еще третье лицо.

Кун Е. Нет, Син Он, ты для меня не подданный. Ты мне друг. Откровенно говоря, мне тоже страшно. Я чувствую себя неуверенно, словно перехожу реку по шаткой жердочке. Син Он, не оставляй меня никогда!

Вбегает Ха И.

Ха И. Ваше Величество, восстание!

Кун Е. Восстание?.. Кто посмел поднять бунт против меня? О, неблагодарный народ! Ха И, где твой отряд? Будь беспощаден! Надо подавить их мечом и огнем!

Син Он. Лопнул гнойный нарыв на теле королевства! Пошлите гонцов на границу и усильте оборону! Ваше Величество, вам следует удалиться. Разъяренная толпа может вломиться сюда.

Кун Е. Во всем виноват ты, Вон Хи! Где твой хваленый секретный отряд? Зачем ты тратишь на него столько золота, если он не может обуздать толпу? Смотри, если что, я повешу тебя на первом суку! (*Уходит*).

Исчезает и Вон Хи. Входит Ха И, опускается перед Син Оном на колени, снимает с пояса меч и отдает.

Ха И. Я не выполнил приказ короля. Снесите мне голову! Я не могу поднять меч на своих соплеменников. Там женщины и дети — они просят еды...

Син Он (*закрыв глаза, слушает Ха И; задумался. Шум толпы растет. Открывает глаза*). Хорошо, Ха И. Иди ипусти вожakov ко мне.

Ха И выходит, потом возвращается с несколькими людьми из народа.

Как вы смеете тревожить покой короля? Что означает этот бунт?

Вожак. С кем я говорю? Кто вы?

Син Он. Я — Син Он.

Вожак. Вы?... Мы-то думали, что вы давно отстранены от дел...

Син Он. Я был болен. Вернулся только вчера, и вот встреча!

Вожак. Мы пришли сказать Его Величеству о своем горе. Налоги и повинности доконали нас. Вступая на престол, наш король обещал всем благоденствие. А что же выходит на самом деле? Возводятся бесчисленные дворцы и памятники! Где брать для них рабочих, каменотесов? А когда прикажете возделывать землю и убирать урожай? Народ по-прежнему нищ, голод косит людей...

Син Он. Все, что произошло, не имеет отношения к воле Его Величества. Во всех недоразумениях виноваты отдельные чиновники. Мы выявим самоуправцев и строго накажем их. Пусть народ разоидется по домам!

Вожак. Я вам верю, но люди требуют немедленной помощи.

Син Он. Хорошо. Передайте им — с этого часа на целый год отменяются все налоги и трудовые повинности. Те, кто был призван на строительство дворцов, могут вернуться домой. Собранный урожай останется крестьянам.

Вожак. Дай Бог вам долгих лет жизни! (*Уходит*).

Син Он, уставший от напряжения, чуть не падает. К нему подбегает Ха И.

Ха И. Что с вами?

Син Он. Я устал... Опасность миновала, но это еще не решение вопроса. Все намного серьезнее, чем кажется. (*Уходит*).

Появляется Е Сун, за ним — Ха И.

Ха И. Дядя, мне тяжело. Я не посмел, не смог отдать приказ. Женщины, дети... Я увидел себя в детстве... Как можно поднять руку на незащищенных?...

Е Сун. Не знал, что ты такой чувствительный.

Ха И. Я многое понял за эти годы. Не подвиг — убивать людей. Спасать их, делать добро — подвиг.

Е Сун. Будь осторожен! Сейчас везде снуют пронеры Вон Хи. И у стен тоже есть уши...

Ха И. Вон Хи – мой будущий тесть. Даже не верится, что у такой нечисти такая дочь! Да, не сладкая предстоит мне жизнь!

Е Сун. Тише! Кто-то идет. Уйдем отсюда. *(Уходит).*

Ха И остается и прячется в тени. Входит Кун Е и Вон Хи.

Кун Е. Вон Хи, смотри, чтобы этого больше не повторилось.

Вон Хи. Ваше Величество, сдается мне, что все это дело рук Син Она. Он старается угодить народу. Не поглядывает ли он на корону? Кто ему дал право объявить об отмене налогов и трудовых повинностей?.. Все это неспроста.

Кун Е. Сегодня же ночью вылови всех вожakov восстания и спрячь в шахтах!

Вон Хи. Мои люди уже действуют. С завтрашнего дня в столице воцарится спокойствие, люди будут тише воды, ниже травы.

Кун Е. День был тяжелый... Да, слушай, Вон Хи, я не знал, что у тебя такая взрослая дочь... Пусть она придет ко мне сегодня ночью.

Вон Хи. Она у меня единственная!

Кун Е. Вот и хорошо!

Вон Хи. А что будет с ней потом? Сделаете ее своей наложницей?

Кун Е. Наложницей? Если она мне понравится, я из нее сделаю королеву!

Вон Хи. Для меня это большая честь, Ваше Величество!

Кун Е уходит. Появляется Ок Хва.

Вон Хи. Ок Хва, доченька моя! Зачем ты вышла? Ночь такая беспокойная.

Ок Хва. Комната полна лунного света. И сверчки... Не могу уснуть – тревожно что-то на душе.

Вон Хи. Доченька, сегодняшняя ночь готовит тебе большие перемены...

Ок Хва. Что случилось, папа?

Вон Хи. Его Величество король приказал тебе явиться в его покои.

Ок Хва. Отец, я не могу следовать этому велению! Пощадите меня!

Вон Хи. Умолкни! Это – воля короля!.. Я знаю, ты путаешься с этим плуговым юнцом. Но он сегодня нарушил волю короля. Его ждет каторга.

Ок Хва. Отец, только не это! Я буду послушной, я сделаю все, как вы скажете, только пощадите его!

Вон Хи. Хорошо. Я исполню твое желание!.. Его Величество в нетерпении. Глупая, ты будешь женой короля! Это самая великая честь для женщин нашего королевства. Кто знает, может, твоему сыну суждено стать наследником трона! Мой внук будет королем! Уж тогда-то я возьму все в свои руки! Они у меня еще попляшут! Иди скорее! *(Уходит).*

Ха И. О, жестокая судьба! Как несправедливо ты поступаешь со мной! Тот, кому я верил больше, чем отцу, отнимает самое дорогое. Другой, которого я считал своим тестем, отправляет меня на каторгу!.. О, Небо, дай мне силы! Прощай, Ок Хва, я буду мстить за поруганную любовь!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

БЕЗУМИЕ

Картина седьмая

Кун Е сидит на троне с подставкой для ног. Он заметно погрузнел.

Кун Е. Вон Хи, в королевстве не так спокойно, как хотелось бы. Я долго размышлял — почему? И понял. Не мы господствуем над людьми. Их сознанием владеют буддисты и конфуцианцы. Оставлять это так нельзя. Народ — дитя. Его нужно не только баловать, но и наказывать!.. Но для начала надо проверить тех, кто приближен к трону. Под лампой всегда темно. Вон Хи, мы обязаны знать, что творится у нас под носом. Настало время прочистить мозги. Начни с Син Она. Я — король, и я должен быть им всегда! Ты слышишь, Вон Хи? Я создам свою веру. И пусть они верят только в нее, я их заставлю!

Вон Хи. Ваше Величество, я преклоняюсь... Вы создадите великую веру, какой не знали века!

Возглас: «Ваше Величество, полководец Ван Гон просит аудиенции!».

Кун Е. Вот это кстати. Попробуем на нем.

Появляется Ван Гон. Он преподносит королю вазу с золотыми рыбками.

Ван Гон. Ваше Величество, как ваше драгоценное здоровье?

Кун Е. Что может случиться с моим здоровьем? Болезни ко мне не пристают! Знаешь, Ван Гон, вчера ночью я проиграл битву.

Ван Гон. Ваше Величество, я вас не понял. Проиграли вчера ночью битву? Где? С кем? Неужели найдется безумец, который осмелится тягаться с Вашим Величеством?

Кун Е. Ты, конечно, считаешь битвой только ту, где скрещиваются луки и мечи. Но бывает на свете и иная борьба. Ты воевал с армиями Пячжэ и Силлы, но приходилось ли тебе воевать с Шахьямуни и Конфуцием?

Ван Гон. Конфуций? Шахьямуни? Разве они еще живы? Тогда разрешите, я брошу на них свой флот!

Кун Е *(смеется)*. Если б они были живы, я бы справился с ними и сам. Я бы их задушил собственными руками. Но, к сожалению, они оба умерли. Ох, и трудно же воевать с мертвыми!

Ван Гон. Ваше Величество, зачем воевать с мертвыми? На свете столько живых врагов!

Кун Е. Ты ничего не понял. Они умерли, но жив их дух. Он — в сутрах Шахьямуни и многокнижках Конфуция. Не кажется ли тебе, Ван Гон, что это они повелевают нашим королевством?

Ван Гон. Нет, Ваше Величество! Я подчиняюсь только вам!

Кун Е. Допустим, никто не одолеет меня в наземных битвах, а тебя, Ван Гон, в морских...

Ван Гон (*испуганно*). Что вы, Ваше Величество! Какой я флотоводец? Одержал несколько незначительных побед и все благодаря вам! Сам удивляюсь, как я выиграл эти битвы.

Кун Е. Да, ты чрезмерно скромн... Ну, ладно. Предположим, я покорю весь мир. Народы будут величать меня своим королем, государем, Его Величеством... Но восхвалять они будут учение инородцев. Всяких там Шакьямуни, Конфуциев...

Ван Гон. Этому не бывать, Ваше Величество! Все превозносят только ваши благодеяния!

Кун Е. Не везде, Ван Гон, и не всегда, это я знаю. Сила Шакьямуни и Конфуция в их книгах. Но так ли уж они велики? Сомневаюсь. Вот я и решил взамен их чуждому влиянию написать свои сутры. Как ты на это смотришь, Ван Гон?

Ван Гон. Я умею лишь стрелять, воевать, плавать по морю, а о таких великих делах не имею никакого представления. Если вы создадите сутры, я буду следовать им и проповедовать ваше учение с помощью оружия.

Кун Е. Вот-вот, именно следовать и проповедовать! Я покажу тебе первому свои сутры. Ты будешь моим первым учеником, первым апостолом моей веры.

Ван Гон. Благодарю вас за доверие. Не смею больше задерживаться. Вот, Ваше Величество, золотые рыбки. В знак восхищения. На этот раз они красные.

Кун Е. Спасибо, Ван Гон. Твои рыбки очень забавны. Можешь идти.

Ван Гон удаляется.

Вон Хи. Он, конечно, хороший флотоводец, но мало что смыслит в политике.

Кун Е. Я не думал, что он до такой степени неотесан. Не знать даже, жив или мертв Конфуций! Ха-ха-ха! Но он — наш. Ему можно верить!

Ван Гон (*отвернувшись*). Что это? Дешевый фарс или откровенная насмешка? А может, просто он сошел с ума? Чует мое сердце, в ворота стучится непоправимая беда!

Затемнение.

Картина восьмая

В темноте раздается голос Кун Е, читающего эдикт. Без интонаций, затянато и монотонно.

Кун Е. Мы, король Тхэ Бона, восседающий по воле Неба на престоле, объявляем всем нашим верноподданным: впредь в королевстве будет установлено единое вероисповедание, основой которого будут сутры, написанные нами лично. А также с сегодняшнего дня запрещаются все заморские веры Шакьямуни и Конфуция, поскольку они лживы!..

Свет зажигается. Кун Е стоит на возвышении с длинным железным посохом в руке. Он в золотом капюшоне буддийского монаха и в длинной золотистой мантии. Поодаль Вон Хи. Внизу где-то собралась толпа, и слышится шум.

Правда на земле должны быть одна. Тем не менее сто лет твердят сто правд, ни одна из них не похожа на другую. Народ запутался в словоблудии и не находит истинного пути. Отныне этого не будет. Сегодня я открываю своим подданным единственную, истинную веру под Небом. Я — король моей страны. Я — живой проповедник собственной веры. Мое учение в моих сутрах. Быть верноподданным мне — быть приверженцем моей веры. Под Небом может жить только одно, наше государство! Силла и Пякчже должны погибнуть, то есть войти в нашу державу! Единный владыка державы — я! Некоронованных королей следует искоренить. Как живых, так и мертвых! С учением Шакьямуни и Конфуция покончено! Единственной неоспоримой верой с этой минуты будет моя! Я — всеведущий Будда. Если я открываю глаза, я вижу воочию живых. Если я закрываю глаза, вижу внутренним оком их души. Никто и нигде не укроет от меня своих тайных помыслов. Сейчас мои подданные убедятся в этом. Настоятеля буддийского храма ко мне!

Появляются Настоятель, монахи, учитель и ученик конфуцианской школы. Настоятель опускается на колени.

Вчера ночью ты насмеялся надо мной и издевался над моими сутрами. Правду я говорю?

Молчание.

Отвечай, да или нет?
Настоятель. Не было этого.

Толпа гудит.

Кун Е. Не было?
Вон Хи. Вызвать свидетеля!

Входит человек в черном.

(Свидетелю). Издевался он или нет над Его Величеством королем?

Свидетель. Да, было так.

Вон Хи. Изложи все подробно суду.

Свидетель. Вчера ночью этот монах спросил своего настоятеля, читает ли тот новые сутры короля Кун Е? На что настоятель ответил: «У нас свои сутры!» И добавил: «Двумя-то глазами и то не рассмотришь мир, а у него всего один глаз. Что может он видеть в жизни?» «Скажите, а почему у него один глаз? От рождения?», любопытствует тогда второй монах. «Он лишился его по зловредности, — говорит настоятель. — Кун Е и сейчас не из добрых, а в

молодости был и того хлеще. Был у него тогда друг по имени Кокнен. Очень жадный. Однажды они отправились в храм Хэинса молиться Будде. Увидев их, заговорил Будда: «Что вы хотите просить у меня? Того, кто попросит последним, я вознагражу вдвойне».

Монах 1. Мы не виновны! Мы просто слушали настоятеля! Он лжец. Сколько служу в храме, никогда не слышал, чтобы Будда заговорил!

Монах 2. Я все расскажу, о чем говорил настоятель.

Настоятель. О, человеческая низость! Вы надеетесь ценой предательства выключить себе жизнь? Как вы наивны!

Вон Хя. Молчать!

Монах 2. Настоятель сказал: «Жадного Кокнена очень подмывало выпросить как можно больше добра. Однако, боясь остаться в дураках, он подтолкнул Кун Е, чтобы тот говорил первым. Но Кун Е, говорил настоятель, был зловерный. Он пожелает, скорее, другому зла, чем себе добра. «О, Небо! — обратился он к Будде. — лиши меня глаза!» Тотчас Кун Е стал одноглазым, а его друг и вовсе ослеп. Вдвойне, значит...»

Монах 1. Еще настоятель говорил, что наш король до сих пор зловерен. Потому он и запретил великие сутры Шахьямуни и заставляет галдычить свою брехню. Если, мол, он будет и дальше упрямяться, то потеряет и оставшийся глаз.

Вон Хя. Настоятель, было это?

Настоятель. Да, было.

Вон Хя. И до сих пор ты не изменил своего мнения?

Настоятель. Я верю в учение Шахьямуни и ни на шаг не отступлюсь от него. Жалкие измышления, называемые новыми сутрами, не более как кощунство, за которое король еще заплатится. Если он не уничтожит их, ему не миновать огненного ада!

Кун Е. К медному столбу всех монахов!

Воины оттаскивают монахов.

Школьный учитель, ты осознаешь свою вину?

Учитель. Я не знаю, в чем моя вина.

Вон Хя. Свидетель!

Свидетель. Этот учитель сказал ученикам, что сутры Кун Е недолговечны. Цинь Ши Хуанди, говорил он, запретил конфуцианство, заставив читать сказку о себе. Тем самым он утробил свою империю. Мол, и нашему королю не миновать этой участи.

Вон Хя. Теперь ты знаешь, в чем твоя вина?

Учитель. Да, великий король! Я совершил тягчайшее преступление! Я заслужил жестокую кару. Ваше непрезойденное Величество! Я надеюсь на высочайшее милосердие, на ваше великодушие, бесконечное, как небо, и необъятное, как море. Попадите меня, у меня дети! Как полюбый ругает солнце за то, что оно недосыгаемо, так и я, недостойный, усомнился в вашем учении. Но ведь не опускается же солнце только из-за того, что кто-то недоволен им! Даруйте мне жизнь! Я отрекаюсь от конфуцианства!

Кун Е. Кого ты собираешься обмануть? Я вижу насквозь твою лживую душонку. Говоришь-то ты сладко, но ведь ты меня ненавидишь. Посмотрим, спасет ли тебя Конфуций! К медному столбу его!

Воины уводят Учителя к медному столбу.

Учитель. Нет, я не хочу умирать!

Кун Е. Я знаю, что и среди вас тоже много преступников. Но сегодня я великодушно жалею жизнь. Да свершится во устрашение неверным божья кара!..

Затемнение.

Картина девятая

Слышится крик Кун Е, он мечется в темноте.

Кая-си. Что с вами, король?

Кун Е. Собака! Вон там собака! А-а-а!

Кая-си зажигает свечи. Кун Е забился в угол.

Кая-си. Очнитесь! Это вам только привиделось.

Кун Е. Ох! *(Бессильно опускается на пол).*

Кая-си. Сейчас все пройдет. Выпейте лекарство. Ради Бога успокойтесь!

Кун Е. Опять снился этот проклятый сон...

Кая-си. Кто-то покушался на вас?

Кун Е. Этот сон преследует меня с шести лет. Страшный сон... Узкий переулок. Ни одной души. Только я один стою. И вдруг из глубины переулка появляется какое-то существо. Оно приближается. Все ближе и ближе. И я уже различаю... Это собака, огромная собака. Она высунула длинный язык, и слона тянется до земли. Она бешеная. Я убегаю от нее, а впереди тупик, мне некуда деваться. Я карабкаюсь по стене и падаю. Она оцерилась, и в злобном оскале глаза ее дико сверкают...

Кая-си. Сегодня вы казнили много людей. Вот и приснилось Бог весть что. Действительно, жуткий сон!

Кун Е *(окончательно приходя в себя).* Страшен не он, а предчувствие. Кто-то меня подстергает. Эй, стража!

Появляется Стражник.

Позови немедленно Вон Хи!

Стражник уходит.

Кая-си. Зачем он вам глубокой ночью? Лучше бы выспались. Вы весь в поту.

Кун Е. Мне нужен именно он.

Вон Хи (*входя*). Что случилось, Ваше Величество?
Кун Е. Вон Хи, меня предупреждает Небо. Во дворце назревает заговор. Немедленно хватай всех мало-мальски подозрительных. Утром будет поздно.
Вон Хи. Слушаюсь, Ваше Величество!..

Тревожные отблески костра. Королева плачет.

Кун Е. Что случилось, королева?
Кян-си. Ваше Величество, я боюсь за вас... Чем вы держите в покорности людей? Страхом, наказанием или добром?

Кун Е. И тем и другим, моя королева.

Кян-си. Ваше Величество, за последнее время вы сильно изменились... Вы стали жестоки к людям. Мне страшно!..

Кун Е. Похоже, вы упрекаете меня за то, что сегодня получили заслуженную кару негодия? Но это было необходимо. Приверженцы Шакьямуни и Конфуция не признают моей власти и высматривают мой трон, сеют в народе смуту!

Кян-си. То, что завоевано мечом, может быть и уничтожено силой. Но поднимать руку на учение! Вера создается веками. В ней чаяния народа, его чистота, его мечты.

Кун Е. Потому-то я и сочинил собственные сутры. Ими я заменяю Шакьямуни и Конфуция.

Кян-си. Но люди уверовали, и эту веру надо уважать. Надо любить народ.

Кун Е. А если народ не примет моей любви?

Кян-си. Неправда, народ чуток к добру!

Кун Е. Скажете тоже! Отказывается же женщина от мужской любви!

Кян-си. Значит, она любит другого. Как бы и с вами не вышло так, мой король!

Кун Е. Ваши слова не лишены скрытого смысла.

Кян-си. Но ведь это сугубо супружеский разговор. Надеюсь, он останется между нами. Я говорю все это, думая, что мои слова принесут пользу.

Кун Е. Давно между нами не было откровений. Поди ко мне, моя прелестная! (*Обнимает королеву*).

Затемнение.

Картина десятая

Дом Син Она. Вбегает со связанными руками Е Сун, начальник дворцовой стражи.

Син Он. Кто это?

Е Сун. Великий князь, я врываюсь к вам без разрешения, я нарушаю ваш покой. Но я не могу умереть, не сказав предсмертного слова.

Син Он. Кто ты? Твой голос мне, вроде, знаком.

Е Сун. Я — Е Сун, начальник дворцовой стражи.

Син Он. Е Сун? Что случилось?

Е Сун. Происходит непонятное. Схвачены все, кто создавал королевство. Меня уже повели на казнь, но я вырвался. Я ни в чем не виноват! Я знаю, они меня настигнут, но я верил и верю вам, великий князь! Они обвиняют меня в измене, в каком-то заговоре. Это неправда. Я хочу, чтобы вы это знали.

Син Он. Кто и по чьему приказу арестовывают людей?

Е Сун. Приказ Его Величества, а действует отряд Вон Хи.

Син Он. Вон Хи?

Е Сун. Великий князь, это слишком серьезно. Боюсь, что и вам угрожает опасность!

Доносятся шум, окрики.

Это за мной, прощайте! Я верю — вы смосте с нас этот позор и восстановите наши честные имена! Лучше б я умер в бою!

Син Он. Стойте! Что за шум? Кто нарушает утренний сон в моем доме?

Стража. Люди Вон Хи, требуют выдать начальника дворцовой стражи.

Син Он. Пусть войдут.

Входит Начальник отряда Вон Хи.

Начальник отряда. Великий князь, изменник короля скрылся в вашем доме. Прошу выдать его!

Син Он. Кто вы такой?

Начальник отряда. Я — начальник отряда полковника Вон Хи.

Син Он. Я — великий князь нашего королевства. Как ты смел вторгнуться в мой дом? Взять его!

Начальник отряда. Я только выполнял приказ. Я искал изменника.

Син Он. Молчать!

Стража уводит Начальника отряда. За домом бушуют отблески костров.

Что это за огонь?

Е Сун. Горят сутры, великий князь! Костер из книг Шакьямуни и Конфуция.

Син Он. Жгут книги?! Дайте мне коня! Неужто пламя, в котором сжигается мудрость, дает свет?!

Е Сун. Великий князь, вы куда?

Син Он. Во дворец!

Е Сун. Я боюсь за вашу жизнь! Там полно воинов Вон Хи.

Син Он. Что моя жизнь, если гибнет страна! О, моя бедная, беспросветная Родина!

Затемнение.

Картина одиннадцатая

Кун Е, уже совсем грузный, восседает на троне. За ним стоит Вон Хи. Тронный зал украшен флагами с паукообразным знаком.

Кун Е. Как прошла операция?

Вон Хи. В основном благополучно. Ваше Величество, вот список арестованных.

Кун Е. Что это за пометки?

Вон Хи. Это те, кто успел скрыться в доме Син Она. Син Он не только не выдал их, он задержал моих людей, которые преследовали преступников. Видимо, дом Син Она стал логовом заговора.

Кун Е. Выходит, он стал мне поперек дороги?

Вон Хи. В последние дни на улицах появились листовки. Они призывают народ восстать и твердят о передаче власти Син Ону.

Кун Е. Отдать ему корону? Ха-ха-ха! Не для короны создана голова этого мелкого интригана!

Вон Хи. Но не проще ли избавиться от него?

Кун Е. Подумаем...

Входит Син Он.

Вон Хи. Сам идет навстречу своей смерти.

Син Он кланяется Кун Е, подходит к лестнице. Стража преграждает дорогу никами.

Син Он. Я пришел доложить о чрезвычайном событии, Ваше Величество! Арестовывают верноподданных, отдавших себя служению королевству. Что произошло, Ваше Величество?

Кун Е. Раскрыт заговор против короля, и все они уличены в измене.

Син Он. Я не могу поверить в это! Здесь чей-то коварный замысел!

Кун Е. Тебе ли не знать об этом? Ты же скрываешь заговорщиков в собственном доме!

Син Он. Ручаюсь головой, здесь какая-то ошибка!

Кун Е. Ручаешься? Зря. Во мне — Бог. Я не ошибаюсь. Когда-то я прислушивался к твоим басням, но теперь я вижу — ты меня ненавидишь.

Син Он. Я верен вам. Поэтому хочу спасти вас. Прекратите массовые казни.

Кун Е. Любопытно знать, какая тебе польза, если я оставлю изменников в живых?

Син Он. Не для себя, для вас прошу!

Кун Е. Это с каких же пор изменники стали полезны мне?

Син Он. В ночной столице светло, как днем от костров, в которых пылают книги. Это безумие! Вы повторяете ошибки Цинь Ши Хуанди!

Кун Е. Цинь Ши Хуанди закопал живьем четыреста шестьдесят последователей Конфуция. Да, это была непоправимая ошибка. Надо было уничтожить все четыре тысячи шестьсот!

Син Оя. Начавший убивать остановиться не может. Таков урок истории. Прислушайтесь, что говорит народ. Надо считаться с его мнением.

Кун Е. Мнение народа? Оно не что иное, как чистый лист бумаги. Заполняй чем хочешь: пиши красивые слова, рисуй заманчивые картины... И все это будет мнение народа. Теперь этот лист буду заполнять я!

Син Оя. Зачем же писать его кровью?

Кун Е. Что-то имеешь в виду?

Син Оя. Я скажу, но только наедине.

Кун Е. Здесь все свои. Можешь не стесняться.

Син Оя. Нет. Только вам!

Кун Е. Ладно. Уходите все!

Все уходят. Кроме Вон Хи.

Слушаю тебя!

Син Оя. Здесь человек, который не подчинился велению.

Кун Е. Он для меня все равно, что правая рука.

Син Оя. Помнится, вы говорили, что ваша правая рука — я. Значит, они поменялись местами, левая отрубила правую?

Кун Е. Ты такой же докучный, как и раньше. Вон Хи, оставь нас одних.

Вон Хи уходит.

Син Оя. Кун Е, друг мой! Прошу тебя, спустись на землю! Взгляни на мир не глазами Будды, а человека. Ты променял народ на одного коварного хитреца. Он уничтожает всех твоих верных соратников, чтобы захватить власть. Ты выполняешь роль ножа, чья рукоятка в его руках.

Кун Е. В стране есть единственный король. Король этот — я. Я сыт твоими рассказами!

Син Оя. Кун Е. Трон, упавший однажды, не поднимается.

Кун Е. Этого ты и добиваешься. Я знаю, ты будоражишь народ, толкаешь против меня ученых! Ты завидуешь моей власти!

Син Оя. Неужели ты так изменился? Впрочем, этого и следовало ожидать. От природы, видать, не уйдешь!

Кун Е. Всю жизнь ты давал мне советы. Теперь послушай меня. Во дворце тебе больше нечего делать. Возвращайся в деревню к брату. Это мой первый и последний совет.

Син Оя. Хорошо! У меня нет больше слов. *(Спускается по лестнице).*

Кун Е. И немедленно выдай властям изменников, скрывающихся в твоём доме! Иначе не избежишь их участи!

Син Оя. Я совершил преступление перед народом, когда надел на тебя корону. О, да отсохнут мои руки!

Кун Е бросает железный посох в Син Оя. Он вонзается рядом с ним. Появляется Вон Хи.

Вон Хи. Взять изменника короля!

Стража связывает Син Она.

Син Она. Ты трус, Кун Е! Только трус убивает беззащитных! О, позор моей Родине — у нее такой король!

Кун Е. Заткните негодяю глотку!

Син Она уводят. Входит Кан-си.

Кан-си. Ваше Величество, мне сказали, что вы бросили в темницу Син Она. Это правда?

Кун Е. Да.

Кан-си. Но он же ваш друг...

Кун Е. Был когда-то. Он стоял во главе заговора!

Кан-си. Не верьте этому, мой король, он не мог этого сделать!

Кун Е. Вы бы слышали, как он облаял меня здесь! Это не друг. Он только притворялся.

Кан-си. Что с ним будет теперь?

Кун Е. Вздернут, как собаку!

Кан-си. Нельзя этого допускать, Ваше Величество! Прошу вас, освободите его! Народ не потерпит этой казни!

Кун Е. Моя королева! Неужели вы думаете, что я помилую предателя из-за угрозы толпы?

Кан-си. Вы многим обязаны ему! Где ваше великодушие?

Кун Е. Самый негодный человек — тот, кому ты должен. Рано или поздно он станет тебе врагом. Каждый хочет избавиться от врага.

Кан-си. Верните Син Она! Без него вам будет трудно!

Кун Е. Речь идет о власти, и я не изменю своего решения.

Входит Вон Хи.

Вон Хи. Ваше Величество, у меня неотложное дело.

Кун Е. Снова восстание?

Вон Хи. Пока я жив, в королевстве восстаний не будет!

Кун Е. Тогда что же?

Вон Хи (*Кан-си*). Королева, там принесли для вас ларчик с инкрустацией.

Кан-си. Что за ларчик?

Вон Хи. Вспомните, как только увидите!

Кан-си уходит.

Крепитесь, Ваше Величество! Несчастье!

Кун Е. Несчастье?

Вон Хи. Во время обыска в доме Син Она мои люди нашли ларец королевы. В нем были письма Ее Величества к Син Ону. Оказывается, королева часто посещала Син Она.

Кун Е. Так вот почему она так печется о нем!

Вон Хи. Королева не отстанет от вас, пока не выпросит освобождения Син Она. Это неспроста.

Появляется Кан-си. Вон Хи оставляет королевскую чету наедине.

Кан-си. Ваше Величество, отпустите Син Она! Разграбили его дом.

Кун Е. Что за ларец?

Кан-си. Одно ваше слово, и он будет жить!

Кун Е (*с отсутствующим взглядом*). Иди-иди к своему любовнику!

Кан-си. Что вы сказали?

Кун Е. Я знаю все о твоих похождениях, прелюбодейка!

Кан-си. Побойтесь Неба! В своем ли вы уме?

Кун Е. Думаешь, я сошел с ума? (*Подходит к Кан-си*).

Кан-си. Но это же нелепо! Смешно! Ревновать меня?

Кун Е. Смешон я? Смейся, змея! Задохнешься от смеха! Иди, приласкай его! Побудь с ним наедине!

Кан-си. В вас вселился злой дух!

Кун Е. Заткнись, потаскуха! Со мной святой дух!

Кан-си. Бог свидетель — я чиста перед вами. Это у вас всегда было много наложниц, но я делала вид, что не замечаю этого. Я думала, утехи сделают вас добрее. Вы оскорбили меня. Я не хочу больше оставаться с вами! Но еще раз хочу внушить вам — не убивайте Син Она! Его ум — сокровище королевства, его сердце — символ добра. Этого не купить ни золотом, ни властью!

Кун Е. Поэтому ты полюбила его? За что?

Кан-си. Не то слово, король!.. Я его уважаю, народ идет за ним, а вы останетесь один с Вон Хи.

Кун Е. Если народ так же изощрен в предательствах, как вы, пусть идет за Син Оном! Только прежде я уничтожу всех вас! Вон Хи!

Входит Вон Хи.

Посади ее вместе с Син Оном!

Кан-си. Убейте меня здесь!

Кун Е. Нет, я свяжу вас спина к спине! Какой ужас: королева — блудница!

Кан-си. Придет час возмездия! И тогда я вернусь с того света, чтобы видеть, как вы будете захлебываться кровью!

Вон Хи. Скоро, королева, ваши глаза забьются глиной!

Вон Хи подталкивает Кан-си.

Кан-си. Не прикасайся ко мне, змея!

Кун Е. Оставь ларчик прелюбодеяний!

Кан-си. Я принесла его показать вам. Но теперь я сохраню его в тайне.

Кун Е отбирает ларчик силой. Вон Хи уводит королеву.

Кун Е (*открывает ларчик и читает письмо*). Оказывается, Син Он знал тайну моего рождения!..

Затемнение.

Картина двенадцатая

Ночь. Укромное место в горах. Где-то горит костер, его свет озаряет группу людей. В центре двое — Ван Гон и Ха И. Ходят караульные.

Ха И. Полководец Ван Гон, настало время. Народ взбудоражен. Он, как пороховая бочка — чиркни кремнем — взорвется! А кремнь у меня наготове: сообщение жителям столицы об аресте Син Она! Король обезумел, и теперь начнется охота на нас. Вы это знаете. Я не хочу, как овца, покорно сидеть и ждать смерти. Мы должны сбросить тирана. Полководец, встаньте во главе масс! Мы свергнем Кун Е и отдадим власть вам.

Ван Гон. Надо лишиться рассудка, чтобы подумать о возможности королевской власти. Я не достоин такой чести!

Ха И. Подобного случая больше может не представиться. Упустим время — проиграем дело. Страна в опасности. У вас стотысячный флот, отдайте приказ, бросьте ключ, и я подниму народ.

Караул. Кто это?

Гонец. Свои.

Ха И. А, это ты? Что нового во дворце?

Гонец. Королеву арестовали. Скоро останутся на свободе два человека — король и Ван Хи.

Ха И. Королева стала им поперек дороги. Ван Хи прочит на ее место свою дочь. Торопитесь, полководец! Время не ждет! Сегодня ночью или никогда!

Ван Гон. Да, пожалуй! Кун Е стал зловец и кровожаден. Он преступил все дозволенное. Он умрет, даже если меня будут упрекать в узурпации. Я обязан прийти на помощь стране. На рассвете моя армия войдет во дворец. Ха И, поднимай народ после полуночи! Я двину армию под предлогом подавления восстания. Будь осторожен, нельзя, чтобы зря проливалась кровь!

Ха И. Я верил в вас и не ошибся! Теперь я должен идти, меня ждут друзья.

Ван Гон. Эх, Кун Е! Священный долг короля — забота о подданных. Ты же как мог издевался над ними. Вместе с этой ночью навсегда сгинет твоё мракобесие. Будду потому и называют Буддой, что он мертв. Будда — это лишь призрак!

Затемнение.

Картина тринадцатая

Два столба. К ним привязаны Син Он и Кан-си. Он опустил голову, будто уснул. Кан-си тоже уронила голову. Откуда-то доносится крик петуха. Син Он резко поднимает голову.

Син Он. Первые петухи... Скоро рассвет!.. Королева, вы меня простите! Из-за меня и вам приходится терпеть такое мучение!

Кав-си. Такова моя судьба, я никого не виню. Только король мне ненавистен.

Син Он. Все это дело рук Вон Хи, он прячется в тени вашего мужа.

Кав-си. Я знала это. Замечали, какие у него глаза? Он смотрит на людей исподлобья, украдкой — как бы его не обнаружили. У такого совесть нечиста... Князь, почему вы тогда уступили корону Кун Е? Отсюда начались все беды.

Син Он. Мне была важна не корона, а само воплощение идеи. Я думал, что Кун Е лучше осуществит ее. Но я ошибся. Теперь я понимаю. Чтобы твоя идея жила, нужна власть. А я ее потерял. Все, что происходит сейчас, не случайно. И даже то, что мы с вами сейчас находимся здесь. Пришедший к власти не хочет делить ее ни с кем.

Кав-си. Но ведь король был добрым. Отчего же он так изменился?

Син Он. Когда бедный человек добывает немного еды, он угощает близких. Но разбогатев, он старается урвать у других. Когда у человека большая власть, он не хочет делиться ею.

Кав-си. Нашему народу не повезло. Какого человека он потерял в вашем лице!

Син Он. Осуществленное стремление стынет, как пепел. Неосуществленное же горит, как звезда. Я умру, но моя идея будет жить в людях. Народ наш, хоть недолго, но был свободен. И он отныне не отступится от нее!..

Кав-си. Светает... Еще вчера мне было страшно умирать. А теперь я чувствую уверенность. Может это оттого, что вы рядом со мной?

Син Он (*кричит*). Кун Е! Кун Е! Выходи и покажи мне свой бесстыжий глаз! Ты хочешь, чтобы все на свете ослепши, чтоб все походило на тебя? Запомни, ты — кровавый тиран! Но ты предстанешь перед судом истории! Как смешон ты, живой Будда!

Появляется Вон Хи.

Вон Хи. Петуху, что с утра потревожил покой короля, свернули шею, и он варится сейчас в котле. Если хотите хоть на несколько часов продлить себе жизнь, не нарушайте королевского сна.

Син Он. Видать, и тебе не спится. Страшно, правда? Ты убьешь, казнишь нас, но ты потеряешь покой. Я буду сниться тебе по ночам.

Вон Хи. Я пришел насладиться своей добычей перед тем, как уничтожить ее. Ты знаешь, сколько я гнался за тобой? всю жизнь. И наконец-то я тебя изловил. Знакома ли тебе радость охотника, поймавшего крупного зверя? Тем более когда он с самкой?

Син Он. Королева... Действительно, он смотрит исподтишка, как мелкий вор.

Вон Хи. Королева? Эту королеву ты заведи с собой на тот свет. Отныне моя дочь королева!.. Перед вами, значит, сам королевский тесть. Скажу больше. Родится у меня внук... Знаете, кем он будет? Королем! Понимаете, кто с вами разговаривает? Дед короля!

Син Он. Сдохнешь, собака, до рождения внука!

Кан-си. Палач! Ты не укроешь зло от народа!

Вон Хи. Будьте спокойны! Я уже позаботился и об этом. Я написал историю нашего королевства. Да, я действительно написал — и о себе, и о своих заслугах, подвигах и так далее. Но это не так интересно. Куда любопытней, что будет сказано о вас. Пожалуйста! Королева была блудницей, она не могла избавиться от привычек, которые нажила с мужиками на полевой меже, и пугалась с Син Оном. Оба казнены за прелюбодеяние. История без любовных интриг неинтересна!

Син Он. О, бедный народ! Пусть земля горит под ногами, таких, как ты!

Вон Хи. Опять ты кричишь, точно бешеный зверь! Ненароком спугнешь новобранцев. Нельзя мешать зачатию. Очень прошу соблюдать тишину. Завтра, нет сегодня уже, будет хлопотный день. Мне надо выспаться. Пойду, лягу... *(Уходит).*

Выбегает Ок Хва.

Ок Хва. Простите меня, королева, за эту поганую тварь!.. Во всем виновата я одна!

Кан-си. Я не виню тебя, девочка! Это все король и твой отец.

Стремительно появляются Кун Е и Вон Хи.

Вон Хи. Ок Хва, отправляйся в покой!

Ок Хва *(вытаскивая из-за пазухи кинжал).* Не приближайтесь ко мне! Еще один шаг, и я убью себя! Как мне жить, королева? Король насилует чужую невесту!

Вон Хи. Ок Хва, доченька!

Ок Хва. Вы погубили меня!

Кун Е и Вон Хи бросаются к Ок Хва, она вонзает кинжал себе в грудь.

Вон Хи. Ок Хва, доченька моя единственная!

Кан-си. Бедная девочка! Мерзавец, у тебя нет и не было дочери!

Вон Хи. Это ты, это все ты! *(В испуге бросается к Кан-си и душит ее).*

Син Он. Убийцы! убийцы! Ну, кто следующий? Кому ты еще пустишь кровь? Если мне, то поторопись! Вон Хи, ты уже никогда не будешь делом короля! И ты, Кун Е, больше не зять ему! Значит, есть Бог!

Кун Е стоит с окровавленным кинжалом, как обезумевший. Вдруг с криком бросается к Син Ону и пронзает ему грудь. Крики, шум... Вбегает Воин.

Воин. Ваше Величество, армия Ван Гона и разъяренная толпа горожан двуются ко дворцу!

Кун Е. Ван Гон?!

Воин. Ваше Величество, вам опасно оставаться здесь!

Кун Е. Вон Хи, где твой отряд?

Вон Хи. Что вы сказали?

Воин. Он разбит наголову! Люди ломаются в ворота. Уходите, король!
Кун Е. Я король волей Божьей. Никто не смеет тронуть меня.

Слышен треск.

Воин. Воины Ван Гона уже здесь.

Вон Хи. А-а-а! (*Убегает*).

Кун Е. Стой, Вон Хи! Стой! Я убью тебя первым, каналья! (*Убегает вслед за Вон Хи*).

Входят воины и горожане, Ван Гон и командиры.

Ван Гон. Поздно! Не успели мы их спасти. Он — единственный, кто осмелился вступить в поединок с Кун Е. Торжественно, с почестями похороним их.

Воины уносят тела Син Она, Кан-си и Ок Ха. Появляется Ха И.

Ха И. На склоне Южной горы пойман Кун Е. Его повесили в роще.

Тишина. Ван Гон поднимается в тронный зал.

Ван Гон. Я многому научился у Кун Е. Тому, чего нельзя делать. Не просто выкорчевывать гнилой пень. Но еще трудней вырастить саженец. Сегодня мы заложили иную, здоровую почву для будущего государства. Слушайте, люди страны Кореи! С этого момента на три года отменяются налоги. Выполнившие принудительные трудовые повинности могут вернуться домой! Невинные освобождаются из заточения!.. Распряжи спину, подними голову, свободный народ Кореи!.. Восходит солнце. Оно знаменует первый день Кореи! В реку забвения скинут мрак, а с ним и живой Будда!

Занавес.

КОНЕЦ

НЕ СТОИТ РАСКАЧИВАТЬ ДЕРЕВО...

Драма-памфлет в 2-х действиях

Перевод — Лаврентий Сон

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ким Ги Бок — солдат из Северной Кореи.

Ким Нам Су — солдат из Южной Кореи.

Ли Чун Хи — девушка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1953 год, Корея.

Берег моря. Одинокое раскидистое дерево с мощным стволом и корявыми ветвями. Скучная листва. Вдали поблескивает зеркало водной глади. На прибрежной насыпи несколько воронок от взрывов артиллерийских снарядов. Воронки эти похожи на окопы.

Слышны раскаты бомбовых ударов. Из-за ствола дерева показывается голова в военной фуражке. Оглядываясь по сторонам, появляется солдат. Движения у него осторожные. Это солдат Северной Кореи. В руках у него автомат ПППШ, за спину закинут вещмешок коричневого цвета, на поясе — фляжка и кинжал в ножнах. Он разведчик. По насыпи, крадучись, добирается до бруствера окопа-воронки. Помедлив, сползает в него. Похоже, что здесь уже побывал кто-то — на дне окопа валяется длинный окурок. Привстав, солдат оглядывается. Убедившись в безопасности, снимает вещмешок, садится и закуривает. Докурив до жжения на кончиках пальцев, бросает окурок. Примостившись к вещмешку, засыпает с автоматом на груди. Тающие разрывы снарядов убаюкивают измотанного солдата...

Стремительно, словно ящерица, проскользнула по насыпи фигура другого солдата. В руках карабин, на спине ранец, к поясному ремню приторочена походная фляжка и кинжал в ножнах. Подобравшись к могучему дереву, осматривается. Затем бесшумно встает и скрывается за деревом. Появляется, застегивая ширинку. По форме можно определить — это солдат южнокорейской армии. Он садится у дерева и начинает извлекать занозы из ладони. Занятие его прерывает подозрительный шум, вызванный ворочаньем во сне разведчика в первом окопе. Солдат, встревоженный, моментально подползает ко второму окопу и скатывается в него, держа наготове карабин. Тишина. Солдат, прильнув карабин к стенке окопа, снимает ранец. Открыв его, берет бутерброд и начинает есть. Из нагрудного кармана достает фотокарточку. Долго разглядывает изображенное на ней женское лицо. Прячет карточку. Покончив с едой, вскрывает пачку сигарет, прикуривает зажигалкой. Над окопом вьется дымок.

Постукивая пальцем по щеке, солдат пытается сотворить кольца из табачного дыма. Докурив, он снова пытается извлечь занозы на пальцах. Усталость берет свое, и он незаметно засыпает. (Оба солдата имеют свои имена и фамилии, но для удобства рассказа обозначим их следующим образом: первого солдата, что с Севера — Северным, а южнокорейского солдата — Южным).

Проснувшись, Северный не сразу соображает, где он находится. Придя в себя, потягивается. Его мучает жажда, но во фляжке ни капли, и он с сожалением завинчивает колпачок. Выглядывает из окопа. Поднимается на бруствер и направляется к дереву. Скрывается за ним. Появляется, затягивая ремень. Оглянувшись вокруг, подходит к краю своего окопа и беспечно спрыгивает в него.

Короткий сон второго солдата прерван, в мгновение он хватается карабин и стреляет в направлении шума.

Северный в ответ вскидывает под бруствером автомат. Тишина. Он берет фляжку за колпачок и высовывает ее над бруствером. Выстрел, и пробитая пулей фляжка падает на дно окопа. Солдат поднимает ее и высоко подбрасывает над окопом. И снова выстрел.

Северный отвечает автоматной очередью.

Южный продолжает вести прицельный огонь...

Перестрелку перекрывает гул пикирующих где-то бомбардировщиков.

Свист падающих бомб. Раскаты взрывов. Самолеты удалились.

Нарастает шум падающей воды. Небо заволочло дымом и брызгами прорвавшейся воды... Затемнение.

Свет.

Бурным потоком вода залила окрестности, и оба солдата оказались на плаву.

Отчаянно размахивая руками, Южный добирается до дерева, хватается за корявый ствол.

Показывается и приближается к дереву с другой стороны и Северный.

Южный карабкается по стволу наверх и ногой пытается достать Северного. Тот исчезает под водой. Но тут же выпрыгивает, хватается Южного и увлекает его за собой.

Тяжело дыша, Северный подплывает к дереву и лезет по нему.

Откашливаясь, над водой появился Южный. Хватает Северного за ногу, и оба вновь оказываются в воде.

Изловчившись, Южный успевает подняться на изгиб ствола, оглядывается.

У Северного намерение одно: снять с дерева врага, который в ответ награждает его пинками. Северный выхватывает нож и защищается.

Южный, дойдя до первого прочного ответвления, сходит со ствола и устраивается на боковой ветке, свесив ноги. Держа нож в зубах, Северный поднимается по стволу и уходит по нему влево по кривой ветви. Он чувствует неимоверную усталость.

Так проходит некоторое время, пока Южному не вздумалось проверить прочность сука, на котором устроился передохнуть. И чуть было не упал. Успеваает обхватить ветку.

Северный теряет равновесие и повисает на своей ветке.

Барахтаясь, оба подтягиваются и каждый, промокиши до последней нитки, вновь оказывается на своем месте.

Северный снимает с себя всю одежду: гимнастерку, рубашку, брюки, ботинки, портянки, выжимает их и развешивает просушиться.

Южный следует его примеру. Затем извлекает из ранца новые промокишие носки, цветастую рубашку, полотенце, выжимает и тоже развешивает. Мокрая фотокарточка с юным женским лицом тоже сушится, приколотая к ветке булавкой.

Северный в одних кальсонах, скорее, похож на крестьянина, а Южный в трусах — на спортсмена, и моложе своего врага.

Оба следят друг за другом и в крайней степени бдительны. Гимнастерка Северного порвана у плеча, и он решил ее зашить. Из карманчика вещмешка достает иголку и моток ниток. Поудобнее расположившись на ветке, принимает вдевать нитку в игольное ушко.

Тем временем Южный пристраивается лечь на разлапистые сучья веток, возится, пробуя их на прочность и мешая Северному вдевать нитку в игольное ушко.

Северный. Не качай, сволочь!

Южный. Тьфу, собака!

Северный. Похоже, что тебе надоело жить...

Южный. Чего растыкался? Потрудись обращаться почитительней! Если тебе не нравится это дерево, можешь перебраться на другое. Сюда я поднялся первым, так что на правах хозяйина могу вышвырнуть вон!

Северный. Видать, нам с тобой не только на одном дереве, но и под одним небом не ужиться.

Южный. Вот и сматывайся отсюда. Чем скорее, тем лучше.

Северный (встает). Сейчас рыбки неплохо пообедают...

Южный (вынимая кинжал из ножен). Еще шаг, и я распорю твой живот!

Северный поднимает ногу, собираясь переступить. В это время раздается взрыв — где-то вдали разорвалась мина. Оба каменеют. Взрывная волна раскачала дерево. Оба хватаются за ствол с разных сторон. Южный роняет кинжал в воду.

Северный возвращается на свое место. Южный тоже.

Южный. Развесил тряпье, как на базаре. Также мне, народная армия... Небось, стянул пеленки у какого-нибудь младенца на портянки.

Северный. Я сейчас этими портянками заткну твоё поганое горло!

Южный усмехается.

Одели дерьмо во все заморское, оно и радо. Шкура ты американская!

Южный. Заткнись. Кореец я.

Северный. Не смейся. Корейцы за свою землю воюют. А ты, того и гляди, мать родную продашь, лишь бы янки платили сполна.

Южный. Прекрати пропаганду. Припаси ее для ребенка.

Северный. Тебя только пуля может перевоспитать.

Южный. Что за люди, никак не могут без пропаганды! *(Резко приподнимаясь)*. Что-то плывет сюда!..

Северный. Где?

Южный. Вон там!

Северный. На змею похоже...

Южный. Змея?!

Северный. Тоже хочет жить, ищет пристанище. *(Обматывает руку по локоть рубашкой, высхватывает из ножен кинжал)*.

Южный *(хватаясь за гранату)*. Убери нож!

Северный. Дурак! Не голыми же руками ее хватать... Это удав!

Южный. Может, гранатой ее?

Северный. Гранатой так гранатой. Дай сюда.

Южный. Нет, не дам.

Северный. Тогда кидай сам! И поскорее, пока она далеко!

Южный. А потом?

Северный. Что потом?

Южный *(подумав)*. Брось кинжал. Тогда и я кину гранату.

Северный. Идиот!.. Исчезла. Должно быть, заметила нас...

Южный *(оборачивается)*. Вот она всплыла!

Северный. Где?

Южный. Прямо под нами!

Северный *(разглядев)*. Это не змея... *(Дотягивается и поднимает из воды обыкновенные грабли)*. Грабли!

Южный. А говорил — удав... Бешеной собаке всегда мерещится палка.

Северный. Поди, сам наложил в штаны... Приличные грабли. У меня дома похуже. Правда, я к ним привык, но эти лучше. Надо бы сохранить.

Южный. Вон дерьмо плывет, подбери и сохрани для будущего урожая!

Северный. Лопата у меня крепкая, черенок в прошлом году поменял, да и серпа лет на пять хватит, а грабли бы новые достать... Вот такие. У соседа нормальные грабли, неудобно без конца одалживать.

Южный. Вижу, ты совсем того... *(Крутит пальцем у виска)*.

Северный дотягивается до темного предмета в воде и в испуге отшатывается. Горизонт освещается всполохами огня, слышны раскаты взрывов.

Оба солдата припадают к своим веткам, намертво вцепившись в них. Опять волны и легкое покачивание дерева.

Волны принесли труп... Согнутые в локтях руки торчат поверх волн и производят жуткое впечатление.

В ужасе смотрит на труп Южный и начинает всхлипать.

Труп уносит волной мимо дерева.

Южный. Не хочу... Не хочу я такой смерти! Пусть лучше бомба разорвет, в огне стору, но не хочу разбухать в воде! Не хочу!

Северный. Расхныкался... Вон арбуз плывет.

Южный. Не хочу! Ничего мне не надо!

Северный. Тебе никто и не предлагает... *(Начинает подгрести воду к себе)*.

Южный притих, наблюдает за Северным. Тот отдаст грабли Южному и рукой дотягивается до арбуза и поднимает. Это глобус. Обыкновенный школьный глобус, без подставки.

Южный. А я подумал, что это чья-то голова...

Северный. Сам ты голова... Тяжелый больно. *(Возвращается на место).*

Южный. Может, золото внутри? Бывает, что прячут во что попало.

Северный крутит глобус в руках. Из него льется вода.

Южный. Говорят, внутри земного шара огонь бушует, а тут вода...

Северный. Философ нашелся. Обычный глобус. *(Подкидывает кверху, словно мяч, и ловит обеими руками).* Жаль, что не арбуз! *(Бросает глобус Южному).*

Южный. *(Едва успевает схватить глобус).* На что он мне?

Северный. Дитя ты еще. Любишься.

Южный. Он плыл рядом с утопленником! *(Бросает обратно. Северный ловит).*

Северный. Экий ты брезгливый... А людей убиваешь, даже глазом не моргнешь. *(Разглядывает глобус).* А ну-ка, где это мы находимся... Где-то здесь наше дерево. Или здесь...

Южный *(наклоняясь).* Ищи Корею... Вот она!

Северный. Какая она маленькая...

Южный. А вот тридцать восьмая параллель.

Северный. Значит, где-то здесь мы с тобой кукуем...

Южный *(беря в свои руки глобус).* Тридцать восьмая, тридцать восьмая, тридцать восьмая... Вашингтон, пересекает Америку, Тихий океан, Японию... Правильно, Корею... Китай, Советский Союз... Турция, Греция, Испания... Ты смотри, почти все страны опутала тридцать восьмая параллель.

Северный. Никак не пойму, почему Корею разделили пополам. Войну проиграла Япония, ее-то и надо было делить, а не Корею...

Южный. Опять пропаганду разводишь!

Северный. Надо подвесить глобус, пусть сушится.

Северный отрывает с кальсон тесемки, связывает их. К концу тесемки привязывает палочку и вдевает ее в отверстие глобуса. Другой конец тесемки привязывает к ветке.

Северный. Вот на нашем дереве уродился, как ты говоришь, земной шар!

Южный. Я еще в детстве, когда географию проходили, заметил, что Корея похожа на зайца. Стоит на задних лапках, а передние на груди сложил. Ушки торчат, и хвостик поднят. Как будто присел, готовится к прыжку. А всякие параллели и меридианы — это сети, куда попал заяц. Девять параллелей на зайце, тридцать восьмая ремнем затянула ему в поясе. И так туго, что у бедного зайца онемели ноги. Учитель тогда двойку поставил, все хохотали...

Северный. Ну и фантазер! *(Извлекает из кармана гимнастерки сверток, разворачивает).*

Южный. Табак? Не промок?

Северный. Не промок. Он в промасленной бумаге. Она и от пота, и от дождя предохраняет. *(Протягивает Южному курительную бумагу. Рвет ее и для себя. Это листочки, нарезанные из газеты).*

Южный *(читает)*. «Народный экономический план»... Что это за план?

Северный *(насыпав себе табаку, скручивает самокрутку)*. Это значит, что мы строим новое общество. Скоро заживем. Подставляй... *(Протягивай щепотку табака Южному)*.

Южный. Не надо, я не умею.

Северный. Как хочешь.

Южный. Я курю сигареты. *(Извлеченная из гимнастерки пачка сигарет промокла и скисла)*. Пропала целая пачка...

Северный. Ну и куряка. *(Скручивает козью ножку, подает)*.

Южный берет и с любопытством разглядывает ловко скрученную ножку. Северный чиркает мокрой спичкой. Безуспешно. Южный щелкает зажигалкой. Оба прикуривают.

Северный. Американская?

Южный. Да.

Северный. Удобная штука. Полезная вещь. Ничего, мы тоже научимся.

Стуча пальцем по щеке, Южный пускает дым кольцами.

Северный. Если бы ты убил меня, остался бы без курева, а?

Южный. А ты без огня.

Оба с удовольствием затягиваются и замалкают.

Северный. Ты действительно смог бы убить меня?

Южный. На то и война.

Северный. Война, война... А спрашивается, зачем же убивать?

Южный. Началось... А затем, что мы с тобой враги! Врагов убивают.

Северный *(помолчав)*. Враги... Враг... Враг... Странное слово. Что такое враг, как ты себе представляешь?

Южный. Чего представлять его? Ты и есть враг для меня. А я, стало быть, твой враг.

Северный. А почему так получилось, что мы с тобой два корейца и враги?

Южный. Послушай, или ты совсем дурак, или притворяешься?

Северный. Ответь, если такой умный.

Южный. Потому что ты воюешь за своих, а я — за своих. Кто кого.

Северный. Ты — за своих? Для тебя американцы свои что ли? Они просто платят, вот ты и воюешь, глупая твоя башка!

Южный. Хватит, надоело!... Как будто ты за так воюешь.

Северный. У меня плата другая. У меня дом, семья. Огород. Старики мои. Соседи. Тоже с детьми. Они должны жить в мире и радоваться. Все должны радоваться жизни.

Южный. На войне убивают. И тебя, может статься, уже скоро не будет на этом свете, к чему чужая радость? Что толку от того, что соседи будут радоваться?

Северный. Хотел бы я видеть твоих родителей. Слышали бы они твои слова... Такого болвана воспитали!

Южный. Заткнешься или нет? Попробуй еще раз пикнуть про моих родителей!

Северный. Нет, все-таки одному из нас сегодня крепко не повезет... *(Тревожно взглядывается в горизонт)*. Мина... Морская мина!

Южный. Накаркал все же!

Приближаясь к дереву, качается на волнах рогатая морская мина.

Южный. Теперь конец!.. Что делать?

Северный. Надо сматываться...

Южный. Я не умею плавать!

Северный. Что?

Южный. Не умею плавать!

Северный. Какой же дурак послал тебя на фронт?

Сантиметр за сантиметром приближается мина к стволу дерева и легонько касается его. Оба солдата, словно загинотизированные, следят за ней.

Северный. *(Вытирает пот со лба)*. Американская... *(Возвращается на место)*.

Южный. Не раскачивай!.. Почему это американская? Может, вапа?

Северный. Я минер. Нам показывали трофейные мины, американские... Послушай, ты и вправду не умеешь плавать?

Южный. Умею!

Северный. А чего тогда кричал, что не умеешь?

Южный. Хотел проверить тебя, воспользуешься ты этим или нет... А нельзя ли ее как-нибудь столкнуть с места, уплыла бы себе по течению, а? *(Северный отрицательно качает головой)*. Вода не убывает...

Северный. Хорошо, что не прибывает.

Южный. А вдруг дерево свалится? Ствол трухлявый.

Северный. Вековое дерево. Корни должны быть крепкими. *(Стараясь не делать резких движений, подвешивает на ветку фарфоровую бутылку)*.

Южный *(с удивлением уставившись на бутылку)*. Это что, вместо фляжки?.. Ну и бедность! Американцы с хохоту померли бы, знали бы с кем воюют.

Северный. Была фляжка, настоящая. Да ты ее прострелил. Когда еще в окопах сидели... А эта штучка красивая. Матери подарю. Если живым вернусь домой.

Южный *(разглядывая посуду)*. Откуда она у тебя?

Северный. Трофей. В лесу окопался американский батальон, вытурили мы его оттуда. В одном из окопов нашел эту штучку. Должно быть, это был окоп какого-нибудь долговязого офицера, с лежанкой.

Южный (*скрывава восхищение*). Ничего вещь. Но для солдата не годится. Хрупкая.

Северный. Подремать что ли?

Южный. Проснешься в воде.

Северный. Не надейся, если что вздумаешь, пеняй на себя. Сон у меня чуткий, даже не пытайся... И замри, мина под нами, взлетим как миленькие...

Поэзав, Северный устраивается поудобнее и мигом засыпает, издавая ровный храп.

Южный. Вот человек!.. Уже спит... Эй, ты слышишь?

Северный (*сонным голосом*). Сплю...

Южный тоже укладывается. Но сон не идет. Ворочается с боку на бок. Безнадежно махнув рукой, садится, свесив ноги. Взгляд его падает на фарфоровую бутылку.

Южный. Эй, ты спишь?

Северный спит, слышится его мерный храп. Поразмыслив, Южный передвигается по своей ветке поближе к стволу дерева. Берет грабли и черенком пытается зацепить петельку на горлышке посуды. Северный заворочался. Южный замирает. Затем повторяет попытку. Наконец, ему удается. Бутылка оказывается у него в руках. С нескрываемым восхищением он рассматривает ее. И настолько увлечен этим занятием, что не замечает, как Северный, проснувшись, наблюдает за ним.

Северный. Ворюшка.

Южный от неожиданности прижимает бутылку к груди.

Северный. Верни.

Южный (*помедлив*). Давай обменяемся.

Северный. Верни, говорят!

Южный. Ну, зачем она тебе? Для воды не годится, хрупкая. Я тебе фляжку свою дам.

Северный. Тебе, стало быть, годится, а мне нет?

Южный. У меня в детстве была такая вазочка. Отец подарил матери в день свадьбы. Попрошу тебя, обменяйся!

Северный. Обменялся бы. Да с воришками не хочу иметь дела. Верни. Как взял, так и верни.

Южный. Попробуй сам взять.

Северный. Не вернешь — раскачаю дерево и мина ухлопает нас обоих!

Южный. Ну и раскачивай!

Северный. И раскатаю!

Южный. Не надо! Забирай... *(Лихорадочно цепляет петельку на зубья граблей, осторожно вскидывает черенок и держит над Северным).*

Северный *(пытаясь дотянуться).* Ниже... Еще!

Южный *(силая удержать грабли).* Да приподнимись же!

Доносится мощный взрыв, и волны докатываются до этих мест. Оба солдата в страхе застывают. Розгатая мина отдалается от ствола и, подталкиваемая волной, плывет дальше. Солдаты следят за ней. В это время петелька слетает с зубьев, и фарфоровая бутылка падает в воду. Южный, недолго думая, бросает грабли (Северный едва успевает схватить их), добирается до основного ствола, спускается в воду и ныряет за бутылку. Вскоре голова его появляется над водой, он беспорядочно машет руками.

Южный. Помогите... Я тону!.. Ну, помогите же!

Северный, сплюнув, спускается на воду, подплывает к Южному, хватая его за волосы и тянет к дереву. Южный, дрожа от холода и страха, карабкается вверх. Северный за ним. Оба устраиваются на своих ветвях.

Южный. Послушайте... Попробуйте достать эту вазу!..

Северный. Да пропади она пропадом... Обойдусь.

Южный. Ну что вам стоит?! Я прошу вас!

Северный. Отстань...

Южный. Ну, хорошо. Я расскажу вам про эту штуку. Это не просто бутылка, это ваза с инкрустацией эпохи Коре и представляет большую ценность. Музейная редкость. Ей нет цены. Государственное сокровище! Тот, кто прятал ее под одеялом, знал, что это такое... Это такие деньги! Я бы мог поехать учиться в Америку, даже на большее хватило бы!.. Поймите же наконец! Она была сотворена, когда еще этого дерева и в помине не было, ей семь веков от роду! Наши прадеды, деды прадедов слепили и украсили ее инкрустацией! Достаньте ее!..

Северный потрясен сообщением, он не торопясь спускается в воду, ныряет. Южный в нетерпении ждет. Наконец, Северный показывается в отдалении и плывет к дереву.

Северный *(карабаясь по стволу).* Глубоко... Да и вряд ли она осталась на месте, внизу течение сильное.

Оба успокаиваются, дрожат от холода. Южный вытирается слегка просушенным полотенцем. Северный щупает гимнастерку, она еще мокрая. Южный открывает фляжку, отпивает виски. Протягивает Северному.

Северный. Что это?

Южный. Виски. Водка американская.

Северный *(не сразу).* Все-то у тебя заморское... *(Берет и делает несколько глотков. Возвращает фляжку).*

Южный поджаривает каракатицу на огне зажигалки. Угощает Северного. Наливает ему еще виски в колпачок. Тот выпивает и закусьивает ножкой каракатицы. Взгляд Северного задерживается на сохнувшей фотокарточке. Северный слегка встревожен.

Северный. Где ты ее взял?

Южный. Где взял, там ее уже нет.

Северный (хватая за плечо Южного). Не скажешь, сброшу в воду.

Южный. Отпусти! Говорю же, нашел.

Северный. Где? Когда?

Южный. Вот сумаспешший!

Северный. Говори!

Южный. В Пхеньяне! Прошлой зимой... Да отпусти же!

Северный. Ты был в ее доме?!

Южный. В школе нашел, среди учебников! Они разбросаны по всем классам...

Северный. Не врешь?

Южный. Да пошел ты!

Северный берет фотокарточку, разглядывает.

Южный. Как ты думаешь, скромная она или нет?

Северный ни слова в ответ.

Южный. Встречу ее, скажу — я воевал, чтобы встретиться с тобой. Давай махнем на какой-нибудь остров, будем любить друг друга, нарочаем детей! И не нужны нам эти мины, красные собаки, только мы с тобой и наши дети!

Северный. Это моя сестренка...

Южный. Сестренка?!..

Северный. Я ушел в армию на третий день войны. А днем раньше она в медсестры пошла. Курсы открыли прямо в школе.

Южный. В школе?

Северный. Да.

Южный. Она в самом деле такая... красивая?

Северный (не расслышав вопроса). Семнадцать лет... Где она теперь?

Южный. И жива ли?

Северный. Почему ты так спрашиваешь?

Южный. Ну, потому что, во-первых, война... И потом... Школа эта попала под обстрел артиллерийский...

Северный. Жива! Я убью тебя, если...

Южный. Чего разорался! Я что ли бомбил школу?..

Оба замолкают.

Южный. Кстати, как твоя фамилия?

Северный (не сразу). Ким.

Южный. И я Ким! Очень редкая фамилия!.. А рода какого?

Северный. Генджу.

Южный. А я рода Гангны. Но все равно Ким. Мы с тобой почти родня!
(Смеется).

Северный. Не хватало мне еще таких родственничков.

Южный. Вот найду твою сестренку и породнимся, а?!

Северный. Научись сначала плавать!

Издали слышится женский крик: «Помо-ги-и-те...»

Южный. Ты ничего не слышал? Кто-то кричал...

Северный (прислушивается). Вроде помощи просят...

Южный. Женщина тонет!..

Покачиваясь на волнах, появляется соломенная крыша, снесенная потопом. На ней продрогшая девушка.

Северный торопливо спускается в воду и плывет навстречу. Крыша разваливается. Девушка исчезает под водой. Северный подхватывает ее и плывет к дереву. Южный помогает женщине подняться на дерево. Северный подпирает ее снизу. Девушка садится на уступ ствола. Теряет сознание. Оба солдата смотрят не ее изможденное красивое лицо...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

...Оба солдата вглядываются в лицо девушки.

Южный. Похоже, что жива.

Северный (приложив ухо к груди девушки). Бьется...

Южный. Что?

Северный. Сердце бьется.

Южный наклоняется.

Северный. Ты чего? (Отталкивает его).

Южный. Тьфу, идиот!.. Может, захлебнулась?

Северный (касается живота девушки). Вроде, не вздулся.

Южный. Убери руку!

Девушка приходит в сознание, открывает глаза.

Северный. Виски!

Южный открывает и подает фляжку с виски. Северный подносит горлышко к губам девушки, и та делает глоток. Резко поднимает голову и морщится от горечи.

Южный. Девушка, это виски! Сейчас вам будет хорошо!.. Красивая!..

Девушка испуганно смотрит то на одного солдата, то на другого. Тихо отстраняет руку Северного, осторожно освобождается от руки Южного. Приглаживает волосы на голове. От головокружения ее повело в сторону. Северный подхватывает. Она резко отбрасывает его руку.

Северный. Извините...

Южный. «Извините»... Человеку плохо, а он лапает...

Северный. Она могла упасть в воду.

Пауза.

Южный. Девушка, а, девушка! Скажите что-нибудь... Как вы оказались на крыше?

Девушка молчит.

Северный. Вы нас пугаете своим молчанием. Откуда вы?

В ответ ни слова.

Южный. Вы с Юга?

Девушка отрицательно качает головой.

Северный. С Севера? Из какой провинции?

Девушка вдруг начинает всхлипывать.

Южный. Успокойтесь, девушка. Он немного того, чокнулся на политике.

Девушка отстраняет руку Южного.

Северный. Оставь ее! Пусть плачет, быстрее придет в себя.

Южный. Вот человек! Рядом с ним плачет девушка, а ему все равно! (*Девушке*). Вы не тревожьтесь, все позади...

Девушка перестает плакать. Молчит, уставившись в одну точку. Ее охватывает мелкая дрожь.

Северный. Вам холодно?

Южный. Вы лучше снимите одежду.

Девушка бросает резкий взгляд на него.

Южный. Надо просушить одежду и снова надеть. Вам будет лучше. В мокрой одежде недолго заболеть.

Северный. Он прав. Видите, наша одежда тоже сушится.

Девушка молчит. Ее продолжает трясти.

Северный. Не стесняйтесь, так мы отвернемся...

Южный. Ну и дурак! Так разве уговоришь девушку раздеться?

Северный. Уговори, раз ты такой умный.

Южный. Девушка, подумайте... Вот вы заболите, и что нам с вами делать?.. Снимите хотя бы кофточку! Мы отвернемся. Прикажете завязать глаза — завяжем... Вот я уже отвернулся. (*Отворачивается. Северному*). И ты отвернись, ты ее задерживаешь, ей холодно!

Северный отворачивается.

Южный. Отвернулся?

Северный. Отвернулся.

Южный. Сиди и не двигайся, пока я не дам отбой, понял?

Северный. Заткнись.

Девушка начинает раздеваться. Развязывает мокрые тесемки на кофточке, снимает ее, выжимает и вешает на ветку. Затем снимает широченную юбку, выжимает и тоже развешивает на ветке. Остается в одной белой рубашке, похожей на комбинацию.

Южный. Эй, не подглядывай, косоглазым станешь.

Северный. Не болтай!

Между тем Девушка развесила юбку так, что она стала занавесом между нею и Южным. Тот недоволен. Старается увидеть ее в узкой прорези юбки. Осторожно высовывается за край юбки и чуть не сталкивается головой с Девушкой. Моментально стягивает голову обратно. Она легонько отводит край юбки.

Девушка. Это вы спасли меня?

Южный отрицательно качает головой. Девушка опускает край юбки. Северный все еще сидит, отвернувшись.

Девушка (Северному). Значит, вы... Спасибо.

Северный. Теперь вы будете жить долго-долго...

Девушка. Спасибо.

Южный (в нетерпении поднимая занавеску). Однако вы мило беседуете...

Северный. Тебя это не касается.

Южный. Ой, спасатель нашелся! И почему это меня не касается? Я должен знать обо всем, что происходит на моем дереве.

Северный. Опять «на моем» дереве?

Южный. Я первый влез на него, значит мое. А вы оба вроде квартирантов.

Северный. Вот сброшу тебя отсюда, тогда и узнаешь, кто квартирант, а кто хозяин.

Девушка. Не надо ссориться. Всем хватит места, вон какое дерево!

Южный. Девушка, поговорите со мной. Мне хочется, наконец, пообщаться с нормальным человеком.

Девушка (*улыбается. Оглядывает дерево и видит висящий на ветке глобус*). Откуда он взялся?

Южный. Выловили!

Девушка. Выловили? (*Снимает с ветки глобус и прижимает к груди*).

Теплый...

Северный. Что говорите?

Девушка. Глобус теплый.

Северный. А-а...

Девушка. Мне бы хотелось знать имя моего спасителя. Как вас зовут?

Северный молчит.

Девушка. Странно, что вы не хотите со мной разговаривать.

Южный. Ким его фамилия. Из Генджу.

Девушка. А звать?

Южный. Не знаю.

Девушка. Не знаете имени своего друга?

Южный. Мы с ним друзья, как кошка с собакой.

Девушка. Не пойму мужчин... (*Северному*). Вы так и не скажете, как вас зовут?

Северный. Ги Бок. Ким Ги Бок.

Южный. Извините великодушно, опоздал представиться. Меня зовут Ким Нам Су. Как видите, тоже Ким, но из Гангны. Прошу любить и жаловать!

Северный. Одно слово — вертопрах...

Южный. Откуда тебе известно мое прозвище, это очень любопытно?

Северный. У тебя на роже написано.

Южный зашелся в смехе, откинулся на ветку.

Северный. Не раскачивай дерево, мартышка!

Южный. А мне холодно, я разминаюсь! Девушка, разомнитесь и вы!... И вообще, почему скучаем? Такая красавица среди нас, а мы скучаем и на нее наводим скуку. Чем же мне вас развлечь?.. Рассказать байку?.. Слушайте!

Сидит дед без глаза в доме без крыши и курит трубку без табака. Открывает дверь без рамы и смотрит на гору без дерева. Бегают там кабаны без ног. Дед поднимает ружье без дула и стреляет в кабана без ног. Пиф, паф! Падает кабан без ног. Прибегает дед без глаз и туто перевязывает его веревкой без конца. Идет на базар без людей и продает кабана без ног, не получив ни гроша. Возвращается дед без глаз на лодке без дна в дом без крыши через

реку без воды и видит — плывет пустой мешок. Дед пригреб его к себе и вытряхнул. Оттуда посыпалось... Что, вы думаете, посыпалось? Не знаете? Вранье посыпалось! *(Театрально кланяется)*.

Девушка *(хлопает в ладоши)*. Вы талант!

Южный. Девушка, можно вас спросить? Обстоятельства вынуждают.

Девушка. Спрашивайте.

Южный. Как вас зовут?

Девушка. Чун Хи.

Южный. А фамилия?

Девушка. Ли.

Южный. Отлично!

Девушка. Вы так считаете?

Южный. Если бы мы все были Кимы, да еще одного рода, это была бы трагедия.

Девушка. Почему?

Южный. Тогда бы никто из нас не смог бы жениться на вас.

Северный. Вот треплю...

Южный. А что? Ты бы не хотел жениться на красивой девушке по имени Чун Хи? По глазам вижу, хочешь!.. *(Девушке)*. Правда, у него тоже красивая сестренка. Я хочу жениться на ней, а он против.

Северный. Не хватаю мне еще таких родственничков.

Южный. Слыхали? Ну и пусть! Вы мне нравитесь, и очень! А сестренку его я и в глаза не видел, только фотокарточку... *(Показывает фото)*.

Девушка. Вы не постоянны в симпатиях.

Южный. Зато он постоянен. В ненависти! Он ненавидит меня... *(Северному)*. Спросите у него, почему он меня ненавидит?

Северный. А как же к тебе относиться? Зверь да и все.

Южный. Опять?!.. Не знаю твою будущую жену, но я сочувствую ей. Дубина ты и есть дубина.

Северный. А ну повтори!

Девушка. Чего вы все время ссоритесь?

Южный. Я здесь не при чем. Это он!

Девушка. А вы покажите свое терпение.

Южный. Терпение? Тогда он опять захочет до Пусана добраться!

Северный. Не только Пусан, но и остров Дзеджу освободим.

Южный. А мы будем смотреть, как вы будете наступать? У американцев есть одна штука, атомная бомба называется!

Северный. И куда вы собираетесь ее сбросить? На Пхеньян, на Сеул? И ты уверен, что твоя мать после этого останется жива?

Южный. Родину надо спасать.

Северный. Идиот! Это конец, а не спасение! Жаль, что сразу тебя не ухлопал!.. Ничего, успею.

Южный. А это мы еще посмотрим, кто кого!

Девушка. Перестаньте!

Пауза.

Южный. Вам крупно повезло, девушка... И как это вы оказались на крыше?

Девушка. Деревня наша находится в двух километрах отсюда. Сейчас там никого уже нет, все ушли в горы. Но много провизии осталось внизу, не успели прихватить. Я спустилась за зерном. И в это время началась бомбежка, я видела, как бомбы падали на плотину, должно быть, ее и прорвало...

Южный. А кто же бомбил?

Северный (Южному). Кто может бомбить, кроме твоих американцев?

Девушка. Я так испугалась наводнения, едва успела забраться на крышу. Вода все поднималась. Дом рухнул. Потеряла сознание. Когда очнулась, крыша уже плыла... Стала кричать, звать на помощь.

Южный. Неужели надеялись, что кто-нибудь услышит? Крутом вода.

Девушка. Не знаю... Кричала и все. Конечно, я не думала что вы здесь, на этом дереве.

Южный. Да, хорошее дерево.

Девушка. Это судьба.

Южный. А нас Бог послал, чтобы мы спасли вас!

Северный. Вряд ли у него водятся такие балбесы вроде тебя.

Девушка. Послушайте! Не надо больше оскорблять друг друга. Есть же нормальные слова. Есть имена. Ги Бок, Нам Су... Хорошие имена...

Пауза.

Южный. Ги Бок, у тебя, оказывается, прекрасное имя?

Северный. Заткнись, говорят! (*Девушке*). Извините... (*Южному*). Если будешь часто открывать свою пасть, я заткну ее портянками.

Южный. Ну, разве не сволочь ты, а?

Девушка. Да прекратите же, я боюсь вас! Мне страшно, когда вы ругаетесь!..

Пауза.

Северный. Извините.

Южный. Вот-вот... И будь осторожен в выражениях!

Пауза.

Девушка (привстав). Смотрите!.. Что это там?

Рогатая морская мина медленно приближается на волнах к дереву.

Южный. Смерть вернулась...

Девушка. Что это такое?

Северный. Мина морская.

Девушка. Она может взорваться?

Северный. Да.

Девушка (дотрагиваясь до руки Северного). Мне страшно...

Северный спускается в воду. Обими руками удерживая мину, уплывает вместе с ней от дерева.

Девушка. Он на редкость смелый и добрый человек.

Южный. Опасность миновала. *(Словно оправдываясь).* Стыдно признаться, но я не умею плавать. Обещайте не говорить ему об этом...

Девушка. Не умеете плавать? Совсем?

Южный. Больше всего на свете боюсь воды.

Девушка. А что тут такого? Мне кажется, он не способен на подлость.

Южный. Он столкнет меня в воду. Он мой враг.

Девушка. Да будет вам! Он же спасает нас... Что-то не видно его...

Южный. Не волнуйтесь. В воде он как рыба... Пока вас здесь не было, он хотел зарезать меня, у него есть нож. Кинжал. И вообще, когда его нет рядом, я чувствую себя в безопасности.

Девушка. Что вы такое говорите? Вы желаете ему смерти?

Южный. Не совсем так. Я даже к нему привык. Но я постоянно чувствую опасность, когда он рядом.

Раздается взрыв. Южный моментально обхватывает дерево. Девушка тоже прислоняется к стволу.

Южный. Держитесь крепче, сейчас волны пойдут!

Девушка. Он подорвался! *(Закрывает лицо руками).*

Пауза.

Южный. Не повезло парню... Война.

Девушка беззвучно плачет.

Южный. Сестренка у него есть... *(Кивает на фотокарточку).* Родители, не знаю, есть у него или нет...

Девушка. Только что он был с нами... Это он из-за нас!

Южный. Чепуха... Конечно, жаль человека, но на войне все бывает. *(Ухмыляется).*

Девушка. Как вы можете? Вам смешно?

Южный. А что прикажете мне делать? Да если бы он смог, то первым меня бы улопал! Почувствовал, что я просто так не сдамся, струсил!.. Я живу в Сеуле, недалеко от восточных ворот. Мечтал поехать в Америку, поступить в университет, да вот война...

Неожиданно возле самого дерева показывается голова Северного. Девушка рвется вперед, чуть не падает в воду. Протягивает руку. Северный из последних сил пытается вскарабкаться на дерево.

Девушка (Южному). Да помогите же!

Южный, захваченный происходящим, торопливо сбегает к стволу, хватая за локоть Северного, подтягивает. Наконец, Северному удается вскарабкаться на дерево. Он устраивается на своем месте.

Южный. Ну, везучий!... А мы тут тебя уже оплакивали.

Северный (*трясется от холода*). Надо же... Все было нормально. Минутку пустил по течению, а сам под воду, поглубже и подальше... И почему она взорвалась?... Думал, не вынырну.

Южный (*протягивает фляжку*). На, выпей виски.

Девушка передает фляжку Северному. Тот делает несколько глотков и возвращает фляжку. Бледен и весь дрожит.

Девушка. Вас знобит. Не дай бог, малярия.

Северный. Черт побери, не вовремя...

Девушка. Прислонитесь ко мне спиной. (*Пересаживается*).

Северный (*не поняв*). Сейчас пройдет.

Девушка. Не стесняйтесь. Я отопрею вас. Человеческое тепло самое верное средство. Прислонитесь к моей спине.

Северный. Не надо, я потерплю.

Девушка. Когда я болела, мать всегда согревала, обнявши меня. И мне становилось легче.

Южный. Он прав. Как-то неловко получается. Взрослые люди, к тому же почти голые, и вдруг на тебе... Ведь сказано, что мужчине с женщиной нельзя сидеть рядом уже с семи лет. Наверняка, ваша мама не одобрила бы.

Девушка не обращает внимания на слова Южного. Придвинувшись, прислоняется к спине Северного.

Южный. Везет же человеку! Заболел малярией, и опять же удовольствие!

Девушка. Прекратите!

Она загоразживается юбкой-занавеской. Южный вздыхает. Встает и снимает глобус с ветки. Садится.

Южный. Ах, ты черт! Сейчас... (*Достает из ранца коробочку, протягивает девушке*). Это хина! Пусть выпьет несколько таблеток и оставит вас в покое!

Северный. Спасибо тебе, Нам Су.

Южный. Пожалуйста!

Северный глотает несколько таблеток и снова прислоняется к спине девушки.

Южный. Послушай, а не притворяешься ли ты больным?

Северный молчит, его продолжает трясти.

Южный. У него, наверное, отнялся язык, от малярии это бывает. Девушка, гляньте на мою руку.

Девушка. А это зачем?

Южный. Занозы проклятые замучили!

Девушка (*рассматривая ладонь*). Откуда они у вас?

Южный. На каштановую кожуру напоролся, когда полз... Боль адская! Ваша мать про занозы ничего не говорила, как их удалять?

Девушка отстегивает булавку и выковыривает иглы каштана.

Южный. Какие нежные руки у вас! Как это я раньше не догадался! (*Северному*). Эй, озноб твой прошел?

Девушка от напряжения нечаянно укалывает ладонь булавкой. Южный вскрикивает.

Южный. С тех пор как началась война, только и делаю, что ползу да ползу. Скоро руки в ноги превратятся...

Северный. Ты и без того зверь. Ни детей, ни стариков не жалеешь. Видел, как твои дружки с людьми расправляются.

Южный. Ну, вот зачем ты такое говоришь? Я убивал стариков и детей?

Северный. Ты. Да американцы твои.

Южный. А ты что, в куклы играешь на войне?

Северный. Выметались бы вы из Корен, да поскорее.

Девушка. Опять ругаетесь, что вы за люди!

Южный. А чего он, чуть что кидается собакой!

Северный. Поговори еще!

Девушка. Хватит!.. Я-то думала, вот двое мужчин, спасена, кончились мои страдания, а вы?!

Южный вдруг резко встает.

Южный. Лодки!

Северный (*тоже встает и вглядывается в горизонт*). Лодки...

Южный (*считает*). Одна, две, три, четыре, пять, шесть... Девять лодок!

Девушка. Они сюда плывут! Эй, люди, сюда!..

Северный. Интересно, чьи это лодки...

Южный. Они уплывают... Эй!..

Девушка. Одна сюда плывет, отделилась!

Южный. Это наши... Наши! Смотрите, на лодке американский флаг!..

Северный оборачивается, пытается зажечь Южному рот. Вцепились друг в друга, балансируют. Потеряв равновесие, оба падают в воду. Девушка в страхе хватается за ствол. Первым из воды появляется Северный. Подплывает к дереву.

Девушка. Он не умеет плавать! Спасите его!

Северный молча поднимается на дерево.

Девушка. Он не умеет плавать! Что вы за человек?!

Над водой показывается голова Южного. Сам он барахтается и с трудом приближается к дереву. Девушка тянется к нему рукой.

Южный (обессилен. Северному). Дай руку...

Северный нехотя подхватывает его за подмышки и поднимает на дерево.

Северный (Южному). Если они придут сюда, я убью тебя!

Лодка, накрытая американским флагом, приближается к дереву.

Девушка. Что-то не похоже на лодку... Никого нет на ней.

Лодка стучается о ствол дерева.

Южный. Это же гроб.

Девушка. Гроб?

Южного охватывает нервный смех.

Южный (Северному). Слышь, он тебе больше подходит.

Девушка. Перестаньте!.. А к чему флаг?

Южный. Так положено у американцев. Кто погиб в Корее, накрывают флагом и самолетом отправляют в Америку.

Девушка. Значит, там лежит американский солдат?

Южный. Наверное.

Девушка. Теперь он не вернется домой.

Южный. Забыли бедняжку или не успели отправить, вот и решили своим ходом...

Северный. Над покойником не шутят.

Девушка. Что же делать?

Гроб у дерева. Северный осторожно пытается оттолкнуть его ногой.

Северный. А ведь он пустой, этот гроб... Точно!

Девушка. А как он здесь оказался?

Южный (подумав). Наверняка затопило склад гробов. У них есть такой склад... А не поплыть ли нам на нем, а? Как вы думаете, куда нас вынесут волны, может, в Желтое море?

Северный. Скорее, попадешь в Желтый источник, на тот свет.

Гроб с американским флагом отплывает от дерева. Южный щупает синяки на лице.

Девушка. Больно?

Южный. Ничего. Рассчитаемся!..

Северный. Скажи девушке спасибо, а то бы разговаривал ты сейчас.

Девушка. Как я устала... Не дерево выбирает птиц, а птицы прилетают и садятся на его ветки. Если вы будете убивать друг друга, кому нужно это дерево... А дерево — это знак вечности... Разве так легко убивать человека?

Северный. А как же быть, девушка, если земля твоя родная поганится вот такими типами?

Южный. Я до войны ни разу ни с кем даже не дрался... А здесь... Война!

Пауза.

Девушка. Смотрите, вода уходит!

Оба солдата застывают, наблюдая, как убывает вода. Южный вдруг затряс плечами, плачет. Северный от перенапряжения устало садится на свою ветку и тяжело вздыхает.

Северный. Такое опущение, будто второе Освобождение...

Южный. А мне показалось, что война кончилась...

Девушка. И одежда высохла! *(Одевается)*.

Принялись одеваться и солдаты. Первым спустился на землю Южный. И обнаружил в грязи фарфоровую вазу. Ополоснул в оставшейся воде. Ваза заблистала.

Северный помогает спуститься Девушке, затем прыгает сам. С глобусом в руке.

Южный *(протягивая вазу)*. Ги Бок, это твоя ваза. Хотел я продать ее и разбогатеть, но так уж и быть, пусть сохранится. Это фарфор эпохи Коре. Национальное достояние. Ты отнеси ее в музей, пусть все любуются и гордятся...

Северный. Я и не знал...

Южный. Ну что, по домам? *(Девушке)*. А вы куда? Может, со мной пойдете?

Девушка. Я здесь останусь. Мне недалеко отсюда... Спасибо вам, братья!.. Не верится мне, что я жива осталась.

Южный. Это дерево спасло нас.

Северный. Кончится война, вернусь и выковырю из тебя, дорогое наше дерево, все осколки и пули. И дети будут ухаживать за тобой!.. Чун Хи, может, проводить вас до дому?

Девушка. Спасибо, не надо... *(Вдруг закрывает лицо руками и плачет)*.

Южный. Ну-у-у, это никуда не годится! Живы остались и плачем!

Девушка. Мне грустно расставаться с вами. Вы мне как братья! Только не ссорьтесь и не ругайтесь, а?..

Южный. Это уж как получится. Разойдемся, а там, кто его знает, где и как встретимся, война! *(Обнимает девушку и целует в глаза)*. Будьте счастливы! *(Уходит)*.

Северный. *(Пожимает Девушке руку).* Извините за все... Будьте счастливы!
(Уходит в другую сторону).

Девушка *(обоим).* Эй, стойте! Вы забыли это! *(Поднимает над головой глобус).* Это чей?

Северный. Оставьте себе! До встречи!

Южный. Бери, пользуйся! До встречи!

Солдаты уходят. В разные стороны. Девушка остается одна. С глобусом в руке. Выходит на авансцену.

Девушка *(зрителям).* С тех пор прошло много-много лет. Но ни Ги Бок, ни Нам Су не пришли к дереву. Я верю, что они хотели прийти к этому дереву, но не смогли, потому что оно оказалось на демаркационной линии перемирия. Все это время дерево не видело ни одного человека. Никто не останавливался передохнуть в его тени после долгой дороги. Но каждый год поздней осенью прилетает к этому дереву белый журавль из Сибири, побудет несколько дней, словно в ожидании кого-то, и улетает в неизвестном направлении. Может быть, это душа Ги Бока...

Доносится далгое курлыканье и затихает.

Девушка разглядывает глобус. Затем бросает его зрителям...

К О Н Е Ц

ДОРОЖКА ФЕИ В САДУ

Пьеса-роман в 4-х частях с эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Цай Уфири — престарелая актриса.
Ко Буне — престарелая актриса.
Лим Фе — престарелый актер.
Внук — внук Цай Уфири, в старости режиссер.
Внучка — внучка Лим Фе.
Виолета — дочь Цай Уфири.
Флейтист.
Бейзи — негритянка, бывшая танцовщица.
Дед-няня — в молодости Бегущий от оспы (Дюбе).
Первая актриса.
Вторая актриса (Ен Дя).
Молодой актер (в молодости Лим Фе).
Безногая старуха (Фея цветов).
Тамада.
Лохматый.
Дух персикового дерева.
Мать невесты — дочь Лим Фе.
В соломенной шляпе.
Умиряющая от оспы.
Бегущий от оспы.
Широкая спина.
Смирный парень.
Жених.

Часть I. БАБУШКА И ВНУК

Пустая сцена. Тишина. Посреди сцены кресло и журнальный столик, на котором разложены детские кубики. Внезапно со всех сторон появляются Зрители-актеры, рассаживаются на полу вдоль боковых кулис и задней стены. Появляется Цай Уфири, садится в кресло, начинает передвигать кубики. Раздается ритмичная музыка. Появляется танцующий Внук, он в спортивном костюме.

Внук (*в такт музыке*). Умпа-умпа! Умпа-умпа! Умпа-умпа!

Цай Уфири (*глянув на Внука*). Ишь, дергается, будто картошку горячую сунули за шиворот. Эй, малый, иди сюда!

Внук (*не прерывая танца*). Вам чего, бабушка?

Цай Уфири. Что-то слон не получается...

Внук. Сейчас получится. *(Приближается танцую, поверх плеча бабушки смотрит на кубики.)* Переставьте местами средний кубик и третий. В верхнем ряду. *(Отходит, не прерывая танца.)*

Цай Уфири *(довольная).* И впрямь получился слон.

Внук. Умпа-умпа! Умпа-умпа!

Цай Уфири. Теперь примемся за верблюда. *(Перемешивает кубики.)*

Внук *(пританцовывая).* Вер-блюд! Гор-бат!

Цай Уфири. Дорогой мой внучок! Ты почему-то в последнее время не работаешь, не учишь дома ролей?

Внук. А что я, по-вашему, делаю?

Цай Уфири. Сейчас ты, мой любименький, вертишь задом и делаешь неприличные жесты. А я спрашиваю: почему ты перестал роли учить?

Внук *(прерывая танец).* А потому, что надобности в том больше нет.

Цай Уфири. Что это он говорит?

Внук. Поясняю. Театр наш поменял направление. Крутой поворот, бабушка! И теперь наш театр — это современный мюзикл. Танцы, музыка — вот наш язык! Язык, понятный и доступный всем, бабушка! Умпа-умпа! Умпа-умпа! *(Приплясывает.)*

Цай Уфири. Постой, не прыгай, мой маленький. *(Пристально вглядывается в лицо внуку.)* Мой красивый огромный внук... Скажи своей бабушке, которая, видно, совсем из ума выжила... Разве театр перестал говорить на нашем добром корейском языке?

Внук. Нет, зачем же? Нам этого начальство не позволит. Вы просто еще не видели, бабушка, и не можете представить, как это делается.

Цай Уфири. Как же это делается?

Внук. Очень даже просто. Например. Мы танцуем, танцуем, а потом кто-нибудь выкрикивает: «Я на земле родной цветы счастья нашел!» И тут всем хором: «Хорошо! Ура!» И снова умпа-умпа! И опять кто-нибудь: «Я в небе родном звезду счастья нашла!» А хор: «Хорошо, ура!» Чем тебе не родной язык?

Цай Уфири *(потрясена).* И таким образом вы... Вот так... *(Внезапно).* Ага, понимаю, кажется. Скандируете, значит.

Внук. Ну вот видите! Вы у нас умница, не хуже молодых все схватываете.

Цай Уфири. Спасибо, мой дорогой мальчик. Ты очень, очень обрадовал меня. Я теперь... *(Плачет).*

Внук *(бросается к ней).* Бабушка! Миленькая, ну чего вы плачете? Я вас чем-то расстроил?

Цай Уфири *(закрыв лицо руками).* Верблюд... Верблюд...

Внук. Что — «верблюд»?

Цай Уфири. Верблюд у меня не получается.

Внук. Да вы не плачьте, бабушка! Верблюд у нас живо получится! Мы этого горбатого с длинной шеей в один миг соберем! Дело знакомое... Да я с закрытыми глазами... Ну вот видите? Готово! И перестаньте плакать, бабушка! *(Целует старушку).* Моя несравненная красавица.

Цай Уфири *(всхлипывая).* И вправду, смотри-ка, получился верблюд! А у меня, выжившей из ума, ничего не получается.

Внук. Тренировка, бабушка, тренировка нужна!

Старуха задумывается, уходит в себя.

(Обращаясь к Зрителям). Совсем сдала моя старушенция! Превратилась в маленького ребенка. Целыми днями играет с кубиками, которые сама когда-то подарила мне, пятилетнему... Тогда, я помню, мне приходилось подолгу сидеть дома одному. Бабка, как всегда, бывала в театре, мать на работе. И чувство детства, когда оно вновь возникает в душе, возвращается ко мне печалью долгого одиночества... Двенадцать лет назад бедняга по здоровью вынуждена была уйти из театра. С тех пор бабушка и сидит дома. *(Уходит).*

Из ряда Зрителей выходит Флейтист, играет на флейте.

Цай Уфири (поет). Астры августа! Вы ли прекрасны?*

Пионы июня! Вас ли люблю?
О, не смущайте меня понапрасну
И не пытайте, что больше люблю:
На той же земле, где дом родной,
Нашла я один цветок и другой.

Какая в небе ярче звезда —
Полярная или Орион?
О, не смогла бы сказать никогда,
Что ярче — Полярная, Орион?

В небе чистом над садом моим
Звезды сливаются блеском одним.

Что мне милее — трель соловья
Или кукушки полуденный крик?
О, не отвечу на это вам я —
Трель соловьиная... кукушки крик:

Птица счастья так звонко поет,
К лесу зеленому манит, зовет...

**Песня Ен Сен Нена.*

Флейтист после песни возвращается к Зрителям.

Вот какие пошли удивительные дела. Можно, оказывается, выразить себя с помощью телодвижений под машинную музыку... О, если бы мы знали в те годы, когда начинали, что дело дойдет до такого...

Появляется Внук, повязывая на ходу галстук.

Внук. Бабушка, что вы сказали?

Цай Уфири. Я говорю: наверное, нам ничего не надо было делать.

Внук. Вы о чем, бабушка?

Цай Уфири. И в ту ночь, когда мы на маленькой барже-кавасаки выпшли из Тафуина и попали в шторм, нам всем нужно было утонуть.

Внук. Вы уже тысячу раз вспоминаете про этот случай, бабушка.

Цай Уфири. Тогда мы погрузились уже в два часа ночи. Шхуна была маленькая, дрянная, шкипер пьяненький. Когда наши парни затащили на кавасаки декорации, и все мы, тридцать человек, тоже забрались на посудину, она едва выступала над водой.

Свет гаснет. Голоса Цай Уфири и Внука.

Цай Уфири. Когда мы выходили из Тафуина, шторм еще только начинался.

Внук (*весело кричит, преодолевая шум бури*). Ну вот, бабушка, мы опять тонем в море.

Цай Уфири. Нет, парень! Это я буду тонуть! А ты будешь тонуть в другом море, если выпадет такая судьба.

Внук (*смеется*). Вы не позволяете мне тонуть вместе с вами?

Цай Уфири. У каждого, парень, свое море, в котором он будет тонуть!

Свет. Тесный трюм шхуны. Вповалку лежат женщины, измученные морской болезнью. Сквозь люк сверху то и дело обрушиваются потоки воды. Суденышко сотрясают удары волн. Пошатываясь, приподнимается среди ящиков и тюков пожилой Флейтист.

Флейтист. Беда! Дело наше плохо! Кавасаки уносит в открытое море! О, владыка неба, пожалей нас, не губи наши души! И подумать только — из-за чего гибнем? Я-то пожил достаточно, таким, как я, и умирать не страшно. Но из-за чего должны сгинуть в пучине моря эти молодые жизни? О, всемогущий владыка неба, пощади их! Прости им. Отправиться на этом суденышке, которое и само-то еле держится на плаву, да нагрузить его сверх всякой меры! Только молодость решится на такое безрассудство. За молодость ты и прости их, всеблагий владыка! (*Потирает ладонью о ладонь — молится*).

Первая актриса (*поднимая голову с тюка, на котором лежит*). Эй, дядя, что вы там делаете?

Флейтист. Молчи, неразумная, не мешай мне. Дай помолиться, попросить за вас у всевышнего.

Первая актриса. Нечего у бога просить которого нет! Мы же синеблузники! Мы, дядя, против веры в бога выступаем!... (*Ее тошнит, она прячет голову за тюк*).

Старик, не отвечая, молится.

(Приподнимая голову). Дядя, вы хорошо играете на флейте. Но сейчас вы вовсе не то играете.

Флейтист. Знаешь ли ты, языкастая, что скоро под водой окажешься? И завтра от тебя ничего не останется — всю тебя вместе с языком твоим рыбы пожрут?

Вторая актриса. Замолчите! И слышать не хочу. *(Всхлипывает)*. Нам команду дали. Мы только что ее отремонтировали. На зиму закупили угля.

В люк обрушивается особенно сильный поток воды — и по трапу сбегает в трюм Молодой актер.

Молодой актер *(кричит отчаянно)*. Ен-дя! Ен-дя! Где ты?

Вторая актриса. Здесь я! Что случилось, Федор?

Молодой актер. А то случилось! Мотор сломался, и теперь нас уносит в открытое море! Я пришел обнять тебя и погибнуть вместе с тобой!

Женщины с криками поднимаются со своих мест. Флейтист отрешенно молится. Молодой актер и Ен-дя (Вторая актриса) находят друг друга и обнимаются.

Вторая актриса *(плача)*. А где остальные мужчины?

Молодой актер. Они там... все тонут.

Вторая актриса. Смыло их волной?

Молодой актер. Не смыло, так сами попрыгали в воду.

Вторая актриса. Как это — сами попрыгали?

Молодой актер. Обвязались веревками и поплыли к берегу.

Вторая актриса. А ты?

Молодой актер. А я решил с тобою вместе! Хочу утонуть, держа тебя в объятиях...

Вторая актриса. Я сейчас покажу тебя объятия. *(Отталкивает от себя мужа.)* Иди, поднимайся сейчас же наверх к другим, несчастный! Какой позор!

Молодой актер. Ен-дя, какой там позор? Мы же сейчас потонем, кто про что узнает?

Вторая актриса *(с отчаянием)*. И тебе не стыдно перед ними? *(Показывает на подруг).*

Молодой актер. Эти, что ли? Да они тоже утонут, Ен-дя! Их тоже не будет!

Вторая актриса. Ну вот что... Пошел вон! Это самый несчастный для меня день. О! Какое горе!

Первая актриса. Не плачь, Ен-дя, подруга моя! А ты уходи, Федя! Трус и негодай, больше никто.

Молодой актер. Ну хорошо, я уйду. Но учти, Ен-дя! Сейчас поднимусь наверх и тоже брошусь в море.

Первая актриса. Бросайся куда хочешь. Хоть в колодец, головой.

Молодой актер. В море! А я ведь плохо плаваю! Прощай, жена, ты меня больше не увидишь. *(Убегает по трапу наверх)*.

Плач, стелания, причитания, то и дело прерываемые приступами морской болезни. Среди всей этой паники спокоен один лишь Флейтист. Он уже давно прекратил молитву.

Флейтист. И чего это я, старый, вдруг забеспокоился? Вы только на этих посмотрите! Смерть над ними, смерть под ними и вокруг них реет, а они

заняты своими обычными глупостями! Еле живы от морской качки, а обнимаются, милуются и норовят еще друг друга по носу щелкнуть. Ну, коли дело обстоит именно так, то мне рядом с ними нечего бояться. О, молодость! Я совсем забыл, что тебя охраняют высшие силы. Мы не утонем, мы обязательно выплывем. *(Вынимает флейту, наигрывает светлую, прозрачную мелодию, которая звучит очень странно среди штормового грохота и людских стенаний.)*

*Свет меняется. Шум моря стихает.
Сидят друг против друга Бабушка и Внук.*

Внук. Ну и что потом? Они разошлись?

Цай Уфири *(не слушая)*. А ведь флейтист был прав. Мы выплыли. Парни добрались-таки до суши. Пристали мы к берегу в тихом заливе. Мокрые мужья вынесли своих мокрых жен на руках на берег. Разожгли костры, стали сушиться. А кто-то из парней запрыгнул на ящик с реквизитом и начал танец лебеда...

Внук. А потом пришла молодежь из поселка и вы стали веселиться вместе — это я знаю, слышал. Меня интересуют, бабушка, те двое — муж и жена. Разошлись они или нет?

Цай Уфири. А чего было им расходиться? Прекрасно прожили вместе всю жизнь. Детей народили и вырастили. Ен-дя и не вспоминала об этом случае.

Внук. Так значит тот, который струсил, — это Лим Фе, Федор Николаевич наш? Теперешний муж Нам Ен-дя?

Цай Уфири. Кому же быть другому? Он самый, конечно...

Внук. Ну, тогда я не понимаю... Как это она могла ему простить? Как вы все могли простить? И не прогнали его вон.

Цай Уфири. Уж больно рады были, что спаслись все. А прогнали бы его — лишились одного из самых лучших актеров. Да и за что было прогонять? За то, что плохо плавал и поэтому испугался лезть в море? А он ведь и не скрывал никогда, что не великий храбрец. Кстати, мы с ним сговорились по телефону навестить Ко Буне в доме для престарелых. Сможешь — завтра днем свозить меня туда?

Внук. Завтра смогу, бабушка.

Старушка плачет.

Вы чего это опять, бабушка? Снова что-нибудь не получается?

Старуха не отвечает. Флейтист играет печальное.

Цай Уфири. У Ко Буне первый ребенок умер во время гастролей. Малютку перевозили на руках, кутали в пуховую шаль. Но продуло ее на холодном ветру, когда мы на телегах переезжали с места на место... Умерла девочка ночью, утром похоронили ее, завернув в кусок старой декорации. А вечером Ко Буне должна была играть... улыбаться, петь... И она в тот вечер играла,

пела и улыбалась... Потому что была не бесчувственной женщиной, как могут подумать некоторые, а великой актрисой.

Внук. Бабушка, красивая моя бабушка, не надо плакать, от слез глаза портятся и шея, говорят, становится морщинистой, как у черепахи.

Цай Уфири. Шея? Морщинистой? Ты что такое выдумываешь, бездельник? Кто сказал?

Внук. Ну а как же иначе, бабушка? Ведь когда плачут, трясут головой — и кожа на шее трясется, вот и морщины всякие появляются. *(Показывает, как плачут.)*

Цай Уфири. Это язык твой трясется понапрасну, озорник!

Внук. Правильно! И язык трясется, на нем тоже морщины появляются.

Цай Уфири. Вот я сейчас вырву его у тебя, кажется, чтобы не болтал всякий вздор!

Внук. О, мой бедный морщинистый язык! *(Кидается к бабушке, берет ее на руки и кружит по сцене.)* О, моя славная морщинистая бабушка! Не надо грустить!

Цай Уфири *(стараясь быть суровой).* Ну-ка отпусти сейчас же. Как смеешь так обращаться со своей бабушкой? Сейчас же пусти меня, негодник!

Внук. Отпущу, если пообещаешь, что не будешь без конца вспоминать свой театр и плакать.

Цай Уфири. Нет, этого я не могу тебе пообещать, внучек. Никак не могу.

Актеры-Зрители аплодируют.

Занавес.

Часть 2. ВИЗИТ

Площадка посреди сцены, на ней две кровати, две тумбочки, два стула. Один стул на колесиках — его можно катать перед собою, опираясь на спинку. Вокруг площадки свободные проходы, могущие представлять собою длинные коридоры Дома для инвалидов и престарелых. По этим проходам-коридорам идут — одни на обед, другие с обеда, — пенсионеры Дома престарелых с разными кружечками, банками, тарелочками и сверточками. Возле своих тумбочек на кроватях сидят две старушки. Это Ко Буне и ее соседка по комнате, старая негритянка Бейзи.

Бейзи *(ест кашу).* Нет, если завтра опять принесут кашу без масла, то я им устрою большой скандал.

Ко Буне. Не старайся, Бейзи. Эту, с широкой спиной, никакими скандалами не проймешь.

Бейзи. Но я ей покажу! Она не имеет права лишать нас масла, которое государство выделило для нас, а не для ее широкой спины.

Ко Буне. Ох, Бейзи! Перестань ты думать об этой ложке масла, не горячи себя понапрасну. Лучше посмотри в окно, какое небо! Какие облака!.. У меня предчувствие, что сегодня обязательно должно произойти что-то хорошее!

Бейзи. Правда, Ко Буне? Может быть, пенсию принесут раньше времени?

Ко Буне (*задумчиво*). Не знаю... не знаю.

Бейзи. Может быть, «Динамо» выиграет у «Спартака»?

Ко Буне. Ах, Бейзи, что ты такое городишь!

Среди идущих по проходу появляются Цай Уфири и Внук, который несет бабушку на спине. Встречные смотрят на них с изумлением и любопытством. В тот момент, когда Внук с бабушкой начинает подниматься по пандусу на площадку, в процессии стариков и старух все разом выходят из игрового состояния и уже не имитируя старческой походки, каждый уходит в сторону. Все размещаются вдоль боковин сцены и в глубине ее, как то было в предыдущей части. А в это время спор у старушек продолжается.

Цай Уфири. Эй, Ко Буне, ты жива еще?

Ко Буне (*вскакивает с кровати*). Я так и знала! Предчувствие не обмануло меня. О, это ты пришла, ты!..

Внук опускает бабушку на пол, подруги, держась за руки, плачут. Внук отворачивается. Бейзи с головою накрывается одеялом.

Ты не забыла дорогу в мое прибежище, подруга милая!

Садятся на кровать, помогая друг дружке.

Цай Уфири. Я с внуком приехала за тобой, Ко Буне. Поедем ко мне в гости, поживешь у нас, мне будет большая радость!

Ко Буне (*смеется радостно*). У меня ведь нет такого молодца, чтобы на нем, словно верхом на лошади, поскакать к тебе. (*Обращается в Внуку*). А ну-ка, подойди, посмотрю на тебя!

Внук подходит, кланяется. Ко Буне подает ему руку.

Хороший-то стал какой! Вроде бы еще подросток!

Цай Уфири. Да что ты, Ко Буне! Разве в этом возрасте они растут? Ему жениться нужно, а не расти. А то, что тебе кажется, так это оттого, подруга моя, что ты сама стала меньше.

Ко Буне. Неужели? Да ведь и ты мне, признаться, показалась какой-то усохшей. Выходит, и впрямь мы с тобой в землю растем!

Подруги смеются, глядя друг дружку по плечу.

Цай Уфири. А что-то я не вижу здесь Федора Лима? Где же запропастился наш почтенный заслуженный артист Лим Фе?

Ко Буне. Неужели Федор тоже обещался быть?

Цай Уфири. Договорилась с ним по телефону... Втайне, чтоб Ен-дя не знала.

Ко Буне (*смеется*). А то бы она, конечно, не пустила?

Цай Уфири. Ты что, не знаешь ее? Да она живо прискочила бы сюда и кое-что нам устроила бы тут.

Ко Буне. Да полно тебе такое говорить про подругу! Ведь прошло столько времени — если и было что у нее, теперь быльем поросло.

Цай Уфири. Значит, ты и на самом деле не знаешь ее! Всю жизнь она ревновала Лим Фе то к тебе, то ко мне, а теперь, к старости, совершенно рехнулась и не пускает своего муженька даже проведать меня.

Ко Буне. И нашла кого ревновать! Кому нужен плешивый старик? Ведь всегда я только и делала, что смеялась над ним.

Цай Уфири. Будто бы?

Ко Буне. А что?

Цай Уфири. Ничего...

Ко Буне. Твои намеки ни к чему, подруга. Тем более, что это я застала тебя вдвоем с Федором — помнишь, там, в колхозном клубе? Я тебя застала, а не ты меня.

Цай Уфири. Ничего ты не застала, а просто у меня платье на спине растегнулось и он помогал мне застегнуть крючки!

Ко Буне. Странно так помогал!

Цай Уфири. Чего ж тут странного?

Ко Буне. То странно, что ты при этом не спиною к нему стояла... Да, не спиною. Разве не странно?

Цай Уфири. Ну, не помню я! И все-то ты выдумываешь — мне назло, бесовестная. Вон, даже при внучке не постеснялась.

Ко Буне (*спохватившись*). И правда, чего это я разболталась, старая сорока... Да он нас и не слышат.

Тем временем Внук подсел к старой негритянке. Вытащив откуда-то карты, она показывает ему карточный фокус.

Бейзи. А теперь загадай карту.

Внук. Валет бубен.

Бейзи. Получай — валет!

Внук. Дама пиковая.

Бейзи. Пожалуйста -- дама!

Внук. Превосходно! Профессионально! Браво, тетя Бейзи!

Бейзи. Ты повезешь меня на улицу, как в прошлый раз?

Внук. Обязательно, тетя Бейзи.

Бейзи. А эти пусть сидят, болтают себе... (*Садится на коляску*). Ну, вези меня мальчик!

Появляются Лим Фе и его внучка, юная и прелестная. Оба поднимаются по пандусу на площадку. Удвери входящие и выходящие сталкиваются.

А-а! Вот и еще гости. Но это не ко мне. Ты была права, Ко Буне, тебе сегодня везет.

Лим Фе. Э-э! Есть кто-нибудь живой? Это я пришел. Ко Буне, ты здесь?

Ко Буне. Что это за лысый старик спрашивает меня? К тому же, кажись, и слепой еще, и головой трясет, как старый конь.

Лим Фе. Да, да совсем плох я стал, Ко Буне! Вот, с внучкой только и решил выйти из дому.

Цай Уфири. А меня ты не узнаешь, старик?

Лим Фе. Тебя? Да тебя я еще из коридора узнал — по твоему голосу. Нет еще другого такого голоса на свете. И все такой же зычный — не меняется!

Ко Буне. Ну вот и встретились мы — как будто и не расставались!

Цай Уфири. Нельзя меняться моему голосу, Федор. Люди еще помнят его.

Лим Фе. А вот моя внучка. Учится в Москве, в институте твердых сплавов.

Бейзи. Ну мы поедем гулять, мальчик?

Внук *(не отвечая ей, смотрит на девушку)*. Здравствуйте!

Внучка. Здравствуйте.

Ко Буне. О, как будто мы не прожили все, что нам положено было прожить! Как будто мы снова молодые! И впереди — вся жизнь наша.

Лим Фе. Знакомьтесь, знакомьтесь! Молодежь! *(Хлопает по плечу Внука)*. Это внук Уфири, тоже актер.

Цай Уфири. И мой образ Чунхян в значительной степени обязан этому самому голосу... Скажешь, не так, Ко Буне?

Бейзи *(кричит)*. Меня повезут гулять или нет?

Внук. Сейчас, тетя Бейзи... Минуточку.

Цай Уфири. А ты как думаешь, Федор?

Лим Фе. Э-э... Чего?

Внук *(девушке)*. Может быть, вы с нами? Мы прогуляемся во дворе.

Внучка. Спасибо, но я побуду здесь.

Цай Уфири. Федор! Ты к тому же еще и глухим стал, может быть?

Лим Фе. Благодарение всевышнему — со слухом пока все в порядке.

Цай Уфири. Ну тогда ответь: мой голос помог создать тот самый образ Чунхян, который помнят в народе?

Лим Фе *(простоудушно)*. А в народе помнят два образа Чунхян: ту самую, которую ты сыграла, и Чунхян, которую сыграла Ко Буне.

Ко Буне. Ах, о чем ты говоришь, Федор! Ничего этого еще не было! Не было! Все это нам еще предстоит испытать! И мы еще не создали Театр, а только собираемся это сделать.

Бейзи *(вопит)*. Ай-яй-яй-яй! Я хочу гулять! Я хочу на улицу! В год раз приезжают к нам люди!.. Я хочу с молодым человеком погулять на улице!.. Раз в году — можно?!

Ввук. Извини, тетя Бейзи. Поехали. *(Увозит на стуле-коляске негритянку)*.

Лим Фе *(крайне удивлен)*. Кто это?.. И чего она кричит?

Ко Буне. Это Бейзи Семенова. Эстрадная танцовщица. Она когда-то с мужем выступала. Муж играл на скрипке, она танцевала.

Лим Фе. А почему она такая черная? Неужели негритянка?

Ко Буне. Негритянка, конечно. Муж на гастролях во Франции с нею встретился. У них была большая любовь на всю жизнь. Но уже давно она его потеряла, бедняжка.

Цай Уфири. Все мы чего-нибудь да потеряли в жизни. *(Обращается к Внучке)*. Подойди ко мне, милая. Тебя как зовут?

Внучка. Наташа.

Цай Уфири. Наташа... До чего же ты красива, Наташа, девочка моя...

Внучка. Спасибо.

Цай Уфири. Чудная ты. Разве за это благодарят?

Ко Буве. Не побоялась ведь поехать на чужбину одна! И все ради любви. Я это про Бейзи говорю. Недаром сказано, что любовь с ума сводит. И еще — для любви нет границ.

Лим Фе. Еще как сводит она с ума... Это я знаю!

Цай Уфири. Федор! Откуда ты-то знаешь?

Лим Фе. Потому что это было с моим старшим братом. О, мой бедный старший брат!

Свет меняется.

Поворот лесной дороги, старый обомшелый пень, стволы и корневища огромных деревьев. На краю дороги сидит Флейтист, играет. С огромной вязанкой дров на спине появляется Смирный парень.

Флейтист (*прервав игру*). Эй, постой-ка, Смирный парень! Ведь так тебя, кажется, прозвали в деревне? Сбрось со спины вязанку, немного отдохни, поговорим.

Парень ставит вязанку на землю, высвобождает плечи от груза.

Я вижу, что прозвище тебе дали не зря, — ты и на самом деле очень смирный человек. Поэтому мне и хочется сказать тебе об одной вещи... Вернее, не хочется, а это меня твой отец попросил — поговорить с тобой, встретив в лесу на этой дороге. Присядем!

Парень кротко улыбается, садится на пень, утирая пот со лба, ясными глазами смотрит на Флейтиста.

У тебя ведь есть уже давно высватанная невеста, согласие которой получено, и отец ее, Мун Мафусаил, слово согласия дал. Я все верно говорю, Смирный парень? Верно. Все правильно, конечно, и только в одном месте я не так сказал. Я сказал, что у тебя есть невеста, а надо было мне сказать: у тебя была невеста. Ты меня понял? У тебя раньше была невеста, звали ее Оори, а теперь ее нет у тебя, потому что ее отец польстился на деньги помещика, и помещик твою девушку перекупил для своего расслабленного, хромого и косоглазого сына. И теперь Оори, пока ты тут возишься с дровами, увезли в помещичий дом, и она там, возможно, уже греет своим нежным телом постель для хилого помещичьего сынка. Но что с тобой, Смирный парень? Ты молчишь, ты, однако, не плачешь? Это даже очень странно, что ты не плачешь. Ведь отец твой говорил мне, что ты страшно привязан к своей невесте, что ты можешь в гнев натворить страшных дел — потому что среди свирепствующих и гневающихся самым страшным бывает гнев у смиренного человека... Но куда ты? Постой, я ведь еще не все сказал тебе...

Смирный парень взваливает дрова на горб и торопливо убегает туда, откуда он перед тем появился.

Стой, ну куда ты уходишь? А-а, возвращаешься в свой любимый лес, к лохматым медведям, среди которых, тебе и жить положено, дубина бесчужевенная. Не выслушал самого главного! Самого поучительного и многозначительного, самого смешного и ужасного, о чем будут говорить люди во многих поколениях! Отец этого Смирного парня, само собою, очень сильно рассердился и, решив всенепременно наказать Мафусаила Муна, явился-таки к нему, держа в руке нечто, завернутое в кукурузный листик. И сказал он Мафусаилу вполне справедливые слова. Он сказал: «Если из одного рта исходят два слова верности, то это лживый рот и его надо заткнуть свиным дерьмом». С этим он схватил Мафусаила за глотку и, когда тот раззявил рот, вложил в него то, что он принес в кукурузном листе... Вот как поступил достойный отец этого парня, о чем и рассказал мне в питейном доме, где мы с ним познакомились. Узнав, что я пойду в соседнее село по этой лесной дороге, он попросил меня постараться встретить его сына и с подобающим искусством рассказать ему о случившемся несчастье... Но кто это бежит? Никак опять он, жених незадачливый?

На лесной дороге вновь появляется Смирный парень. Только он на этот раз без вязанки дров — бежит налегке, весело размахивая руками, припрыгивая.

Эй, куда ты летишь такой радостный, будто тебе царскую награду дали? Смирный парень *(широко улыбаясь)*. К помещику иду! У него сейчас отец Оори. Он ждет меня! Он отдаст мне мою Оори и свадьбу нам устроит!

Флейтист. Он не тебя ждет... Он сидит дома и жует свиное дерьмо, дурень.

Смирный парень. Смотрите, дядя! Я под орешником, где гнездо птичкино, нашел деньги! Я нашел много денег, и теперь помещик будет рад, когда я приду к нему! *(Парень показывает сорванные с кустов листья)*. Вот деньги! Смотрите, сколько денег! *(Радостно хохочет)*.

Флейтист. О, несчастье! Бедняга, кажется, сошел с ума.

Свет меняется. По дорожке, вдоль боковой и задней стороны сцены, Внук катит стул-коляску, в которой сидит негрityанка Бейзи.

Бейзи. Я знаю, кажется, почему ты вдруг стал таким невеселым.

Внук *(неохотно)*. С чего это вы взяли, тетя Бейзи...

Бейзи. От меня не скроешься. Я все вижу!

Внук. Ну, раз вы такая колдунья, придется мне сознаваться... У меня болит живот, тетя Бейзи. Я дома поел колбасы.

Бейзи. Не-ет, мальчик, вовсе не живот тебя мучает.

Пауза.

И то, что у тебя заболело, никто, ни один врач вылечить не сможет.

Внук. А что, тетя Бейзи... Вот вы уже все знаете... жизнь большую прожили... Скажите мне — зачем-то нужно было, чтобы вы, именно вы появились на свете? Или я, скажем? Или... *(Замолкает)*.

Бейзи. Или эта чудесная девушка, которая не пошла с нами гулять? Так?

Внук не отвечает.

Не знаю я, милый. Глядя на то, как мы тут живем, в этом доме стариков, — так мы вроде бы никому и не нужны... Можно было нам и не рождаться вовсе. А вот глядя на вас — на таких, как эта девушка и ты, я так не думаю... Не знаю я, мальчик, ничего не знаю.

Внук. Если не любить, Бейзи, — то что другое остается человеку?

Бейзи. Если не любить, то остается плакать, плакать, плакать, мой мальчик.

Свет меняется. В комнате Ко Буне, Цай Уфери и Лим Фе с Внучкой пьют чай, разливая из термоса.

Лим Фе *(заканчивает рассказ)*. Вот так в старину было. От любви сходили и впрямь с ума. Мой старший брат, бедняга, так и ходил потом по дорогам, зывал всех на свою свадьбу. Недолго прожил на свете — умер вскорости, двадцати пяти лет еще не было ему...

Ко Буне. Как жалко его! Какая грустная история.

Цай Уфери. А ты, Федор, оказывается и вправду знаешь о том, как люди сходят с ума от любви... В буквальном смысле. А я засомневалась было в тебе... Поумнел к старости Лим Фе. Стал и в любви разбираться.

Лим Фе. Ох, язычок у тебя! На некоторых, вижу, и старость не действует. Еле-еле ковыляет на ногах, громко пугнуть не может, а зовит тебе не хуже языкастой молодки.

Старые актрисы хихикают.

Внучка. Делушка! Нехорошо грубить женщинам.

Лим Фе. Ладно, внучка! Не ругай меня. Какие же это женщины? Это старые лошади из одного театрального стойла. Мы вместе тянули этот воз, который Театром называется. От самого его образования — и больше пятидесяти лет! Так что не обидятся они на меня, внучка...

Ко Буне. Наташа, остался еще чай в термосе? Налей, девочка моя.

Внучка наливает ей в стакан чаю.

Спасибо... Вот пришли вы ко мне, друзья... Одна с внуком, другой с внучкой... Это и есть, наверное, человеческое счастье... Когда жизнь прожита — и рядом с тобою такие вот прекрасные дети.

Цай Уфери. Наташа, миленькая, и чего ты с нами тут сидишь? Пошла бы тоже на улицу, прогулялась бы на свежем воздухе.

Внучка. Спасибо. Но я думаю, что я правильно сделала.

Цай Уфири. Почему ты так думаешь, детка?

Внучка. Дедушка совсем слаб, его на минуту нельзя оставлять одного.

Ко Буне. Мы присмотрели бы за твоим дедушкой!

Внучка. Чаем вас надо было напоить. Пирожками угостить -- дедушка все забыл бы на свете.

Цай Уфири. Ах ты, умница моя! Все предусмотрела. Какая внимательная. Не только красивая.

Внучка. Красота -- дело временное.

Цай Уфири. Что, что ты сказала, девочка?

Внучка. Я сказала: красота -- дело временное. Это не тот капитал, на который надо полагаться в жизни.

Цай Уфири. Ка-пи-тал?! Красота... капитал?.. Ну, знаете ли!..

Лим Фе. Вот-вот! Она всех нас за пояс заткнет. Четвертый курс института твердых сплавов.

Ко Буне. Ах, зачем же!.. Такая нежная, такая славная -- и институт этих... твердых металлов.

Лим Фе. Я ей тоже говорил -- иди в ГИТИС! На актерский. Так не захотела!

Внучка. Ну конечно -- для вас актеры -- это самые престижные люди. Кроме своего Театра ничего знать не хотите. Живете иллюзиями и мечтаете об иллюзиях.

Цай Уфири. Значит, ты живешь без иллюзий?

Внучка. Без! У меня все продумано до самой смерти. И все будет исполнено, не беспокойтесь.

Лим Фе. Видали? Железо, а не характер. Вся в меня. Налей-ка еще чаю, внучка.

Входит раздатчица, Широкая спина -- крепкая женщина в белом халате, катит перед собой тележку с грязной посудой.

Широкая спина. Посуду, девочки! Посуду грязную сдавайте.

Ко Буне. У меня гости, Липочка! Мы пьем чай, а посуду после заберете.

Широкая спина. Вот еще! Буду я таскаться сюда специально из-за вас. Давайте тарелки, стаканы -- и побыстрее.

Ко Буне. Липочка, я потом попрошу кого-нибудь, вам принесут.

Широкая спина. Ничего знать не хочу, мне надо сдать в посудомойку, так что давай стаканы! (*Присматривается*). А где эта Семенова из племени мумба-юмба?

Ко Буне. Бейзи гулять повезли... На улицу.

Широкая спина. Ишь, гулена наплась... Сажай намазанная.

Ко Буне (*с укором*). Вы нам чаю не принесли, Липочка.

Широкая спина. Ах, чаю не принесла? Забыла! Забыла я, извините, пожалуйста... А будет эта мумба-юмба вкаты, что масла в каше нет, так еще раз могу забыть... Забываю я, понятно? Вас много, а я одна. И не болтайте тут! Некогда мне!

Цай Уфири. Вы почему так грубо разговариваете? Она же старше вас!

Широкая спина (*разойдись*). Ладно тут, адвокаты! Мне посуду собирать! Некогда с вами дебаты разводить! Давай сюда стаканы, говорю!

К раздатчице подходит Внучка, что-то молча протягивает ей, держа в руке.

Чего это?

Внучка. Рубль.

Широкая спина. Чего-о?

Внучка. Держите рубль. А за посудой придете после, когда мы уйдем. Договорились? *(Сует деньги в карман халата раздатчицы).*

Широкая спина *(хохочет)*. Ну и девка-дипломат! Уговорит кого хошь. А красавица-то какая! Откуда приехали-то? Из нашей республики или с другой?

Внучка. Из наших, из наших. До свидания.

Широкая спина. Ну ладно, я пошла... Ишь ты, какая красивая. Модленькая такая, словно киноартистка. *(Укатывает тележку с грязной посудой).*

Цай Уфири. Как же так можно, Ко Буне? И тебе приходится все это терпеть, бедная.

Лям Фе. Да-а-а... *(Замирает, потупившись).*

Пауза.

Внучка. Ну что вы из-за пустяка расстроились? Ничего особенного не случилось. Женщина на работе, она спешит, чего тут непонятного?.. Какие вы чувствительные, честное слово. *(Идет к столу и, стоя возле него, смотрит на улицу).*

Снова пауза — продолжительная.

Ко Буне *(тихо, спокойно)*. Принято считать... вы все это знаете... Принято считать, что ради искусства надо пожертвовать всем в жизни... Так вот, я вам скажу, что это ложь. И я обманута. Я дала себя обмануть... Мы все дали себя обмануть. И эта девочка права. Мы действительно, как дети малые!

Лям Фе *(усиленно кашляет)*. Кх-м! Кха! Э-э-э!.. Ты, Ко Буне... Что бы там ни было... Но ты была самой лучшей актрисой, какую только я знал... Не побоюсь этого сказать при Уфири, хотя у нее звание заслуженной артистки, а у тебя никакого звания нет.

Цай Уфири. О, Федор! Наконец-то ты соизволил объясниться, наконец сделал выбор! А то всю жизнь вилял туда и сюда — волочился то за мной, то за Ко Буне, когда тебе казалось, что Ен-дя не следит за тобою... А ведь того не знал ты, простофиля, что каждое слово передавалось твоей жене и мы вместе с нею хохотали над твоими тайными кознями...

Лям Фе. Какова охальница! Ты бы при внучке постеснялась, бессовестная.

Цай Уфири. Это я бессовестная? А кто мне совсем недавно говорил, что самая лучшая актриса на свете — я? Что моя роль Чунхян стала классикой? Кто? Не ты ли, барсук облезлый?

Ко Буне. Да перестаньте! Ведь и на самом деле возле нас ребенок... И к тому же — о чем спорить? О делах Театра, которого уже давным-давно нет. И только мы трое помним что-то об этом самом Театре...

Цай Уфири. И то правда... Нет больше нашего Театра, ради которого мы отдали свою жизнь. Вместо него действует какой-то современный мюзик-холл, где пляшут и поют.

Лим Фе. Э-э... что там говорить. Пропало старое доброе искусство! Не хотят молодые учиться актерскому мастерству, как мы когда-то.

Ко Буне. Мы прожили жизнь пустую, как сон, а думали, что служим искусству. Мы морили себя, мучили близких, хоронили своих детей — и все это ради пустоты. Где оно, наше дело? В царстве мертвых, куда мы все скоро уйдем — там оно, наше дело...

Цай Уфири. Ко Буне! Я не узнаю тебя. Что за грустное у тебя настроение?..

Ко Буне. Нет, подруга моя верная! Нет. С утра у меня самое прекрасное настроение. И ничего, ровным счетом ничего не случилось! Я только поняла — когда мы тут все трое собрались, что все было напрасным. Дым из трубы поднимается над крышей — куда он девается, этот дым? Может быть, превращается в белые облака, которые летают над землей? Наверное, многие так считают, и я тоже раньше так считала. Пока однажды не увидела, что дым вовсе не превращается в облака. Он тает в воздухе и никаких следов от него не остается.

Цай Уфири. С чего это про дым какой-то заговорила, Ко Буне? Должно быть, несладко тебе тут живется. Давай-ка собирайся, подруга, и поедем в гости в нам. Дочь будет только рада — ты же знаешь, как моя Виолета относится к тебе.

Лим Фе. И то дело! В гости съездишь, немного развеешься.

Ко Буне. Нет. Нет. Я никуда не поеду. Я решила из этой комнаты больше никогда не выходить. Зачем? Тут все имеется, чтобы жить никуда не выходя. И вот окно, через которое можно на все смотреть.

Цай Уфири. Ко Буне! Ты меня разбредила, расстроила. Я сижу дома и составляю детские кубики, чтобы только не думать о том, о чем ты думаешь. Я не хочу! И мне тебя очень жаль, что ты сидишь тут целыми днями и думаешь об этом... Твой муж Дин Чен был великим артистом, это знают все. Когда он умирал, помню, он подозвал меня и сказал: «Уфири, ты прости меня... Я знаю, как тебя хотелось бы сыграть в «Короле Лире». Но из-за моей болезни спектакль не состоится. А теперь я так устал, что чувствую: мне не сыграть Лира... Прости меня, Уфири». Вот каким был твой муж, и тебе не надо об этом забывать.

Лим Фе. А мне он сказал: «Федор, живи долго...»

Ко Буне. Тогда мы все были молодыми... Бедствовали — помните, тридцатые годы в Приморье, когда был голод? Что мы ели, во что одевались... Ходили пешком из селения в селение, за одну скудную еду представление давали. Декорации, реквизит в узлах на голове переносили.

Лим Фе. Хорошо, если крестьянин какой-нибудь с возом на дороге попался! Ведь даже мы, мужчины, валились с ног от усталости... А что говорить о вас?

Цай Уфири. А в тридцать восьмом, вспомните, как мы после переселения с Приморья выехали на первые гастроли? Ведь почти все болели малярией... Спектакль не начинался, если у кого-нибудь из нас был приступ. Так все

сидели и ждали — зрители и труппа, пока не придет актер в себя после лихорадки... Повяжет голову мокрой тряпкой и выйдет на сцену...

Однажды попали в колхоз, где в тот день от холеры умерло девять детей. Мы играем, танцуем, поем, а рядом, в камышовом поселке, плач и стон...

Ко Буне. И что? Все это было с нами? Было? Нет, ничего этого не было... Для меня всегда была только эта комната, моя тумбочка и соседка по койке, старая негритянка...

Быстро подходит к ней Внучка, берет Ко Буне за руку.

Ты чего, моя хорошая?

Внучка. Я приглашаю вас на свою свадьбу.

Ко Буне. Ты выходишь замуж? За кого же?

Внучка. У меня есть жених... Вместе учимся. Дедушка хочет, чтобы свадьба была в его доме... Приезжайте обязательно! Я вас очень пропущу.

Ко Буне. Но я не могу, у меня нет никаких сил, моя деточка.

Внучка. Мы за вами пришлем машину.

Свет меняется. Дорожка перед домом для престарелых. Много гуляющих пансионеров. Внук катит Бейзи на коляске.

Бейзи. Как хорошо мы погуляли! Теперь можно и домой!

Внук. Может быть, еще погуляем?

Бейзи. Ты, я вижу, не спешишь назад.

Внук. А что, мне нужно спешить?

Бейзи. Вообще-то я колдунья. Могу читать по лицам людей. Хорошо разбираюсь в том, будет ли один человек любить другого или не будет.

Внук. И что же, не приходилось опробовать?

Бейзи. Никогда! Я по своему мужу, когда еще впервые увидела его, сразу поняла: вот, кто будет любить меня до самой смерти.

Внук. И он любил?..

Бейзи. До последнего вздоха. Ты понимаешь, наверное, что этот стариковский дом не самое лучшее место, где должен человек доживать свой век. И мы все выглядим здесь не очень красивыми. Но я скажу тебе, мальчик: вот перед тобою я, негритянка Бейзи, самая счастливая женщина на земле, Бейзи Семенова. Когда муж умирал, он шепнул мне: я бы съел тебя. Я ему кричу: «Что? Что ты сказал?» — А он улынулся и говорит: «Чтобы ты другому не досталась». Понимаешь? А мне было тогда уже почти пятьдесят лет. Была уже вся сморщенная... Так вот, я тебе скажу всю правду, мальчик мой: она тебя никогда не полюбит.

Внук. Зато я ее буду любить все жизнь. До последнего вздоха.

Бейзи. Да, это так. Будешь любить ее всегда. Ты всю жизнь будешь страдать от несчастной любви. И поэтому твоя жизнь будет замечательной. Тебе можно позавидовать. Тобой можно восхищаться. Ты тоже счастливый человек... Ты будешь любить.

Занавес.

Часть 3. ДОРОЖКА ФЕИ В САДУ

Посреди сцены площадка, на которой в креслах Цай Уфири и ее дочь Виолета. Старая актриса читает рукопись. Дочь вяжет. Рабочие сцены, Зрители-Актеры расставляют по всему остальному пространству декорации, изображающие деревья и кусты. Установив макет, каждый устраивается возле него.

Цай Уфири. У меня звание заслуженной артистки, а у Ко Буне нет никакого звания!..

Виолета. Ну и что, мама?

Цай Уфири. Если она как актриса была лучше меня, то почему звание дали мне, а не ей?

Виолета. Кто вам сказал, что она была лучше вас?

Цай Уфири. Вот, Федор и сказал. (*Машет рукописью*). А сам написал такую ерунду, что даже понять нельзя, чего он хочет сказать. Тоже драматург выискался.

Виолета. Ей не дали звание, потому что она рано ушла из театра.

Цай Уфири. А кто ей велел уходить? И разве из театра добровольно уходят?

Виолета. Но ведь вы же знаете, как долго у нее болел муж. А после его смерти никто уже в театр ее не приглашал.

Цай Уфири. Что бы там ни случилось, актер не должен оставлять сцену. Разве я сама не оказалась без мужа, с тобою на руках? Твой отец умер, когда мне была двадцать пять лет, а тебе три года. И если бы я дрогнула, то, конечно, должна была бы уйти из театра.

Виолета. Это правда, мама. Вы ни разу не дрогнули, когда дело касалось выбора: театр или не театр.

Цай Уфири. Да, и я этим горжусь. Я была предана театру до конца. Нельзя сказать, что Ко Буне мало жертв принесла театру. Двое детей у нее умерло, муж умер... Осталась совершенно одна... Но в какой-то час не выдержала Ко Буне... А теперь ей кажется, что в чем-то обидели ее, в чем-то обошли.

Виолета. Мама, а ведь вы могли бы сейчас тоже быть совсем одни.

Цай Уфири. Как это?!

Виолета. Без дочери... без внука. И тоже, возможно, жили бы в доме для престарелых.

Цай Уфири (*гневно*). Ты что такое несешь, Виолета?!

Виолета. Успокойтесь, мама. Я всего лишь говорю правду. Тогда, в детстве, когда вы меня оставляли у слепого старика, я часто бывала на краю гибели...

Цай Уфири. У деда-няньки?! А что он такое делал, этот глупый старик?

Виолета. Не надо деда ругать, он не при чем. Старик очень любил меня. Зло было не в нем, мама.

Цай Уфири. Какое зло? Ты о чем это, дочка?

Свет меняется. Виолета сходит с площадки на сцену, где стоят макеты деревьев и находятся Актеры-мимы. Каждый из них оказывается возле отдельного дерева, представляя его особенный характер.

Виолета. Мир детства населен гораздо больше, чем людной мир у взрослых. В старом саду, где находился дом деда-няни, все деревья были живыми существами, это я хорошо помню. Одни из них были ко мне добры, а другие — не прочь напугать меня... Я особенно любила большое персиковое дерево в дальнем углу сада. Каждое утро я выходила из домика и первым делом бежала к персиковому дереву, которое издали как будто смотрело в мою сторону и звало меня к себе.

Остается напротив Духа персикового дерева.

Вот и я пришла! Здравствуй.

Дух персикового дерева. Здравствуй, маленькая девочка!

Виолета. Но я уже не маленькая девочка.

Дух персикового дерева. Для меня ты всегда маленькая девочка с косичкой на спине. Ну, расскажи, как там безногая старуха — не ругает больше твоего деда-няню?

Виолета. Нет, она не может ругаться. Она выманила у него все деньги, оставленные мамой деду-няне, сбегала в Куйлок и оттуда пришла пьяная.

Дух персикового дерева. Берегись ее, маленькая девочка, не дразни, не ругайся с нею, не подходи к ней близко.

Виолета. Вот и дед-няня мне то же самое говорил.

Дух персикового дерева. А если куда уйдешь вместе с нею из сада, то никто уже тебя никогда живую не увидит.

Виолета. Я знаю. Дед и это мне говорил.

Дух персикового дерева. А ты заметила, что у нее на руке шесть пальцев?

Виолета. Да...

Дух персикового дерева. Этот палец имеет большую силу. Она... колдунья!

Внезапно выходит из-за куста Безногая старуха. Виолета в ужасе с криком отшатывается от нее. Дух персикового дерева исчезает.

Безногая старуха. Вот ты где спряталась! А я тебя ищю по всему саду.

Виолета. Зачем ищете?

Безногая старуха. Пойдем со мною, маленькая девочка, пойдем вместе в Куйлок. Там я угощу тебя вкусной лапшой.

Виолета. Не хочу ничего!

Безногая старуха. Как увидишь ее, так захочешь! Белая, нежная лапша в чашке, сверху приправой горькой чесночной покрыта. Понюхаешь — слюнки потекут! Ничего лучшего в жизни нет, чем хорошая еда. О, жить — это значит есть, есть! Жизнь — это еда! Пойдем со мною, девочка!

Виолета. Нет! Никуда не пойду!

Безногая старуха (*нетерпеливо, угрожающе*). Да пойдем же, тебе говорят! Какой непослушный ребенок.

Виолета. Нет! Нет!

Появляется Дед-няня. Он идет, запрокинув голову, двигается осторожно, но уверенно и ловко.

Дед-няня. Ты здесь, девочка? Чего ты кричишь?

При виде его Безногая старуха крадучись уходит.

Вином, однако, пахнет! Знать, старуха тут была. Ведь я же тебе говорил, маленькая, чтобы ты не подходила к бабке. И почему ты меня не слушаешься? Ох, горе с этим ребенком. Разве достаточно того, чтобы человек мог готовить еду и накормить малое дитя... Нет, за ребенком надо смотреть и смотреть, а ведь я почти слепой человек... Еле вижу белый свет. Это тяжело — под старость лет вдруг ослепнуть! Но я согрешил, на мне проклятие, и с этим ничего не поделаешь... Я тебе говорил, маленькая, чтобы ты не лазила на персиковое дерево? Или не говорил?

Виолета. Говорили. А почему нельзя залазить на дерево?

Дед-няня. Потому что ты качаешь ветви, и персики падают на землю. А персики такие спелые, такие мягкие, что они в лепешку расшибаются. Только брызнет мякоть по земле... А ведь такие славные персики! Такие румяные, сладкие! Висят на ветках, словно золотые шарики.

Виолета. Дедушка, вы же не видите. Откуда знаете тогда, что они висят, как золотые шарики?

Дед-няня. А разве не так, дитя? Плодам персика в пору их зрелости надлежит выглядеть такими... И синее небо светится над деревом.

Виолета. Дедушка, а она снова звала меня с собою в Куйпок.

Дед-няня. Упаси боже, дитя, пойти с нею! Пусть сама бродит где хочет, словно худая собака. А ты не ходи! Ибо, переходя где-нибудь через мост, вдруг свалишься с него или мост обрушится под тобою. По-разному люди проживают свой срок от рождения до смерти, ох, по-разному! Но эта старуха, похоже, знала в своей жизни одну только скверну. Такая была ее судьба. Зло тянется за нею как хвост за змеей, и зло такое, что и впрямь может обрушить совершенно целый мост... Я знал ее, несчастную, в молодости. Она была красивой, как фея цветов, но вела жизнь продажной женщины и приучилась с богатыми людьми пить вино да вести себя бесстыдно... А теперь она стара, у нее провалился нос, и ею гнушается каждый человек. Но где-то ведь и ей, жалкой, нужно приткнуться головою к ночи... И все же, дитя, ты к ней не подходи и никуда с нею не соглашайся идти. Ибо настолько пусто в ее жизни, что эта пустота выпьет все твое счастье и добро, и ты рядом с нею захиреешь и умрешь, дитя... Идем со мною, я тебя накормлю завтраком — кукурузную кашу сварил, замечательно пахнет она. *(Как бы берет за руку ребенка и уводит его).*

Виолета остается одна, медленно идет по саду.

Виолета. Я работаю в строительном управлении. Я хожу на собрания, раз в месяц плачу профсоюзные взносы. С мужем нахожусь в разводе — вот уже скоро десять лет. Мой сын стал актером и работает в том же театре, где работали его дед и бабушка... Все в моей жизни просто, понятно и вполне объяснимо. Остается совершенно необъяснимым только одно. Что же значит все то, что я так хорошо помню? Ведь я не могла этого не видеть!

Свет меняется. Дорога в лесу. Проходят — и все в одну сторону — бегущие от черной оспы. Их много, они разного обличья, молодые и старые, — но всех объединяет одно общее чувство: ужас перед наступающей смертью, который совершенно разобщает бегущих людей. Одни в изнеможении падают на дорогу, другие через них перешагивают. Кто-то хрипло стонет, разметавшись на земле, никто к нему не подходит.

На обочине дороги полулежит, прислонившись к стволу дерева, молодая крестьянка. Она уже глубоко захвачена болезнью, лицо ее опухло и, очевидно стало неузнаваемым. Терзая на груди одежду, она хрипло, отчаянно выкрикивает одно и то же слово.

Умиряющая от оспы. Дюбе! Дю-убе! Дюбе!

Среди тех, кто пробежал мимо, один человек вдруг приостановился и, напряженно вглядываясь в женщину, приблизился к ней. Это молодой крестьянин.

Бегущий от оспы. Имя называет мое! И одежда на ней знакомая... Ее одежда! Но лицо чужое, и голос чужой.

Умиряющая от оспы. Дюбе! Дюбе! Дюбе!

Бегущий от оспы. Глаза у нее уже вытекли. Чернота пошла по коже... Да это ведь смерть моя! Она хочет приманить меня хитростью! Натянула одежду моей жены и хочет меня обмануть.

Умиряющая от оспы. Аа-ай! Аа-ай! Дюбе!

Бегущий от оспы. Что зовешь меня? Сама хочешь схватить меня! Нет, я тебе не дам. Ты не жена моя, ты смерть! Ты — черная оспа. (Убегает).

Умиряющая от оспы. Дюбе! Дюбе!

Свет меняется. Сад, освещенный солнцем. Разморенный теплом, сидит под деревом слепой старик-нянька, держит в руке крупный спелый персик. Такой же персик держит в руке взрослая Виолета, стоящая напротив старика. Деревья-люди (духи деревьев) тоже прикорнули под стволами на земле. Полная тишина длится минуту, другую.

Виолета (негромко). Дюбе!

Дед-няня (вздрагивает). Нет! Это была не она! (Приходит в себя после дремоты). О, несчастный! Перед кем ты хочешь оправдаться? Это, конечно же, была она. Та, с которой я успел прожить всего два месяца. Еще непривычен был для меня запах, исходящий от лент ее одежды... Это была она, но я бросил ее и убежал... Зато теперь я тоже ослеп, и ты пришла отомстить, пьяная, горбатая, безносая... Только пощади малое дитя! Девочка ни в чем не виновата. Ее родители артисты... артисты... (Вновь задремывает, роняет голову на грудь, вскидывает ее). Они уехали... уехали. (Засыпает окончательно).

Виолета. Уснул дедушка. Он никогда не ругал меня, потому что не умел этого делать... Он дремал после завтрака под деревом, и я гуляла по всему огромному саду одна. Я навещала знакомые деревья и муравьев около их подземного дома. Огромный лопух зазывал меня в гости... Жук навозный

останавливался, увидев меня — мы разговаривали с ним, а потом он снова задирал задние лапки на свой шарик и катил его по земле дальше... По-своему я была счастлива в том саду! Но всегда очень боялась безносой старухи и в страхе бежала к деду-няне, как только увижу ее где-нибудь меж кустов... Она появлялась, как дух беды и зла, как сам непобедимый детский страх... Но однажды все было не так. Или во сне это приснилось мне? В далеком сне детства?..

Свет становится таким, каким бывает в глубокие сумерки уже на пороге ночи. Перед Виолетой появляется злоеца фигура Безносой старухи. Вдруг она выпрямляется, сбрасывает темное тряпье с себя — и оказывается Феей цветов. На ней светлая одежда, усыпанная цветами.

Фея цветов (поет). Закатное солнце нисходит к денному порогу,
Крадется за тучами следом ночная долинная темень.
Ступили ноги мои на родную дорогу,
К груди прижимаю дрожащие хризантемы.

А, мельница также стучит
И трудится с прежнею силой!
О, наконец припадаю
К ногам своей матери милой.
Виолета. Это мамина любимая песня! Мама пела ее — мне...
Фея цветов. Хочешь увидеть свою маму, девочка?
Виолета. Хочу... Где она, моя мама?

Фея цветов взмахивает рукавом длинной одежды — и появляется светящаяся дорожка, ведущая через весь сад.

Фея цветов. Вот, иди по этой дорожке! И ты встретишь ее.

Виолета выходит на световую дорожку и медленно шагает по ней. На дальнем конце дорожки появляется силуэт женщины.

Свет меняется. Виолета стоит напротив своей старой матери.

Цай Уфири. Моя бедная дочь... Виолета! Я так виновата перед тобою... А этот старик, значит, все оставленные ему деньги отдавал какой-то старухе. Да откуда она взялась? Ведь никакой старухи не было, когда я договаривалась с ним, чтобы он понянчил тебя...

Виолета. Она пришла в его дом после, когда вы уехали.

Цай Уфири. Да, виновата я... На всю жизнь виновата перед тобою. Но что мне было делать?

Виолета. Ничего... Только лишь пожертвовать мною.

Цай Уфири. Доченька, если можешь, прости.

Виолета. Все детство я жила без вас. У чужих людей. А с восьми лет я оставалась в доме совсем одна, пока вы подолгу бывали на гастролях. Вы мне оставляли деньги, и я сама ходила на базар. Там уже знали меня, и

торговки продавали мне самый лучший рис, выбирали для меня самые свежие овощи. Это были простые женщины, и они жалели меня.

Цай Уфири (*плачет*). Так и было... Все так и было... И я действительно могла тебя потерять.

Виолета. А все это ради чего, мама? Неужели ради того одного, что вы называете Театром?

Цай Уфири. Да, ты же знаешь... Ради Театра.

Виолета. И что же оно такое, этот ваш Театр? Да ведь то же самое, что и сны, которые мы видим, когда спим.

Цай Уфири. Я уже где-то слышала это...

Виолета. И ради этих снов вы готовы были пожертвовать мною — вашим единственным ребенком.

Цай Уфири. Выходит, что так, дочка. И нет мне никакого оправдания... Но не думай, что мне было легко оставлять тебя у чужих людей. Я ведь боялась брать тебя с собой на гастроли. Другие брали, а я боялась... Вон, у Ко Буне дети умерли, и оба во время гастрольных поездок...

Пауза.

Виолета. Я не захотела жить так, как жили вы, мама. Ваши сны и фантазии мне ни к чему.

Цай Уфири. Ах, кто же еще говорил эти же слова?... Театр, Виолета, это не одни только сны и фантазии.

Виолета (*насмешливо*). А что же еще?

Цай Уфири. Скажем, воздушные мосты. Да, воздушные мосты, по которым можно попасть в Японию, в старую Англию... Данию.

Виолета. А зачем мне старая Англия, Дания, мама?

Цай Уфири. Вот, вспомнила-таки! Это внучка Федора также говорила... Спрашивасшь — зачем тебе старая Англия? А затем, чтобы жизнь твоя не была такой узкой... такой скучной, дочка. Чтобы она, твоя жизнь, стала настоящей! Ведь если бы ты не узнала, что такое старая Англия или Дания, или далекая Италия, то разве была бы твоя жизнь вполне настоящей?... Нет, доченька. Наверное, все же, без театра человеку нельзя.

Виолета (*с горечью*). Ваши обычные слова, мама. Ничему вас жизнь не научила... Ничего другого признавать вы не хотите. Даже того, что вашего театра давно уже нет на свете...

Цай Уфири. Что угодно говори мне, дочка, но только не это... Разве забыть мне тот день, когда я уезжала и с узлами садилась в грузовик, а ты одна стояла на крыльце, вся в слезах, — и вдруг закричала... А мы поехали... Я до сих пор слышу этот жалкий твой крик. Прости, дочка... И все же не говори мне плохое про Театр. И неправда, что его нет.

Виолета. Нет его! Нет! Нет!

Цай Уфири. Есть Театр! Если народ существует, если люди не оступели, как скоты, если тень отца Гамлета по-прежнему требует справедливости — есть Театр! И с этим ничего не поделаешь.

Свет меняется. Старая актриса и Виолета стоят посреди сцены. Со всех сторон выходят и окружают их аплодирующие Зрители и Актёры, принимавшие участие в данной картине.

Занавес.

Часть 4. СВАДЬБА

Выходят на сцену Зрители и усаживаются рядами на пол. Перед Зрителями в глубине сцены появляется Флейтист.

Флейтист. Вы меня уже знаете, я Флейтист. Когда-то давно я пришел в Театр по объявлению, данному в газете. Тогда Театр только что появился, и молодые его зачинатели, старшему из которых не было и двадцати пяти лет, обратились через газету к народу, чтобы им помогли в деле невиданном: образовать Театр, какого еще на свете не было. Все в этом Театре начиналось заново: писали пьесы, которых до этого не существовало, появилась музыка, которую сочиняли сами тут же. Учились ходить по сцене, петь по-старинному, танцевать и произносить сценическую речь, которая звучала бы изысканной музыкой древней человеческой души. И по тому призыву, объявленному в газете, в Театр пришло много людей, которых можно назвать мастерами народной жизни. Они и учили актеров, как надлежит ходить по сцене мужчинам и женщинам, феям и волшебникам, солдатам, царям и сановникам, чертям и бродягам с большой дороги. Они учили плакать, как плачут в разлуке влюбленные, учили смеяться, как смеются герои, с презрением отвергающие милости незаконных властителей. Они показали молодым актерам, каким должен быть Театр, которого ждет народ. И молодые люди усвоили их уроки. Они научились петь и танцевать таким образом, чтобы пение их и танцы возвышали душу зрителя до той высоты благородства, с которой видна до самых отдаленных пределов времени — до грядущих всков, — наша чудесная человеческая жизнь!.. Так был создан Романтический Театр! Вот этот наш Театр!.. А теперь считается, что прошло с тех пор больше полувека. Уже ушли из жизни почти все основоположники Театра. И я, Флейтист, давно уже состарился и умер, окруженный скорбящими потомками — я умер, но вот предстою перед вами, потому что мы находимся в особом мире, который называется Театром. Театр! Здесь нет ничего невозможного, здесь смерть и жизнь пребывают в спокойном единстве, и юное существо может через минуту предстать в седине трогательной старости, и, наоборот, старец полубезумный с трясущейся головою вдруг на наших глазах превратится в отрока с лучезарным румянцем во всю щеку. О, Театр! Театр! Ты есть образ человеческого всемогущества, в тебе живет дух свободы и непокорства насилью, ты можешь за один вечер воскресить то, что медленно и верно уничтожается целым веком тирании. Ты прелесть, Театр! Ты любовь народа! Ты живая его надежда... И что же? Дать тебя превратить в развлекательный балаган? Потакая тем, кому невыносима духовность — уступить твои подмостки табунам полуголых баб и вихляющих бедрами мужичков? Вместо духовного озарения предложить зрителю

удобное потребление в виде глупых водевильчиков про женихов и невест?
Нет уж! Не бывать этому!

Зрителя (*хором*). Не бывать этому! Не бывать этому!

Флейтист. И довольно!.. Лучше посмотрим дальше наш спектакль.

По широкой южной реке медленно движется, покачиваясь плот. Посреди плота натянут матерчатый балаган. Страшной силы солнце царит над рекою. Молодые люди, сидящие и лежащие на плоту, защищаются от беспощадно обжигающих лучей кто как может. Головы накрыты платками, шляпами. Все до предела изнурены жарой. На краю, свесив в воду ноги, сидит Флейтист, играет на флейте. На другом краю Молодой актер — стоит и держит веревку, конец которой уходит в реку. Рядом с ним Вторая молодая актриса. Видимо, в воде за плотом что-то находится, к чему приковано все внимание парочки. Все на плоту застыли в неподвижности.

Флейтист (*закончив игру*). На Дальнем Востоке я ехал с ними на кавасаки и чуть не утонул в море около Тафуина... Теперь опять с ними плыву куда-то по этой горячей, как суп, реке, и нас, кажется, изжарит каракумское солнце. Зачем мы плывем? Почему мы здесь? Какая судьба привела нас в этот далекий край?

Молодой актер (*кричит*). Ен-дя! Эй, Ен-дя! Смотри, как она плавает, лучонками машет!

Вторая актриса. Ой, не захлебнется?..

Зашевелились те, что лежали рядом на плоту, приподняли головы — Лохматый парень и парень в соломенной шляпе.

Лохматый. Эй, молодые родители! Вы свою дочь можете переименовать. Зовите ее теперь Аму-Дарьей. А что? Чем не имя: Аму-Дарья Федоровна!

Вторая актриса. Аму-Дарья не подходит. А вот Дарья — мне нравится. Даша! Так и будем теперь звать ее... Даша! Даша!

Молодой актер. Смотри — в воду нырнула! Смеется, смотри!

Вторая актриса. Не плачет?

Молодой актер. Смеется же! Вон, зубики показывает.

Лохматый. Вода-то теплая. Вылезешь из нее, ветер горячий обдует — и снова жарко. Хоть целый день сиди в ней.

В соломенной шляпе. И куда нас судьба несет?

Лохматый. Судьба — не знаю. А река несет нас в сторону Чарджоу-Кунграда.

В соломенной шляпе. Мой дед похоронен где-то под Кантоном в Китае. Отец похоронен на Амуре. Интересно, где будет моя могила?

Лохматый. Твоя могила будет здесь, в Аму-Дарье, если ты испортишь баранину.

В соломенной шляпе. Баранина вымокнет, станет мягкой. Вечером мы ее зажарим... А только скажу я тебе, что мы теперь бродяги на этой земле. Никому не нужные бродяги. Эх, куда нас занесло!

Лохматый. Что мы с тобой! Мы хоть знаем, где родился. Помним свои дома. А вот девочка эта, Аму-Дарья, которая сейчас болтается на веревке в воде, — она ведь в телеге родилась. На большой дороге...

В соломенной шляпе. Ну и жара! Я никогда раньше и подумать не мог, что бывает на свете такое пекло. Кожа трескается.

Лохматый. Эй, а не протухнет баранина в теплой воде?

В соломенной шляпе. А мы сейчас проверим. *(Встает и тянет какую-то веревку, конец которой привязан к плоту).* Ой, что это? *(Кричит).* Боже, помилуй человека! Баранина ожила!

Лохматый. Что ты несешь такое, дурачина?

В соломенной шляпе. Ба... баранина... дергает! *(Чуть не валится с ног от рыска).* Вот, видишь!

Лохматый. Держись! Иду на помощь!

Двоем тянут веревку и вскоре вытаскивают на плот что-то огромное, живое, размером с человека.

Да это же сом! Эй, люди, проснитесь! Смотрите, какую рыбу мы поймали!

В соломенной шляпе *(истощно вопит).* Тащи скорее сковородку! Жарить будем! Люди! Огромную рыбу поймали! Небывалое дело!

Крики, смех, веселый женский визг. Свет гаснет. И сразу — тишина. В темноте звучит голос Флейтиста.

Флейтист *(голос).* Так мы и плыли на этом плоту — по знойной реке, не дающей прохлады. И ребенок, обвязанный веревкой под мышкой, плыл рядом с плотом. И огромный сом, оказывается, ходил под нами — чудовище, способное проглотить и теленка. Воистину счастливой оказалась та крошечная девочка, которая научилась плавать раньше, чем ходить... Да, счастливой, потому что страшный сом схватил сперва не ее, болтавшуюся на конце веревки, а тушу купленной утром на базаре овцы.

Звучит мелодия на флейте.

А сейчас вы увидите эту счастливую — через сорок пять прожитых лет!

Свет зажигается. Большая корейская свадьба. Гости сидят за низенькими столиками, выстроенными на полу в длинный ряд. В центре находятся столы, за которыми сидят жених с невестой, их родители и почетные гости, старейшины Театра — Ко Буне, Цай Уфири, Лим Фе. Среди них находится и негритянка Бейзи. Рядом с нею сидит Внук.

Внимание всех устремлено к Матери невесты, которая стоит у микрофона, готовясь произнести речь. Это весьма заурядная полноватая женщина лет сорока пяти.

Мать невесты. Дорогие гости! Я так радуюсь сегодня... *(Конфузится).* Моя младшая дочка выходит замуж... *(Плачет).* Наташа... Спасибо, что пришли.

Давайте выпьем за молодых... (*Машет рукою и, вытирая платком глаза, идет к своему месту*).

Аплодисменты. К микрофону подскакивает весьма бойкий молодой человек — Тамада.

Тамада. Дорогие гости! Большое волнение помешало маме нашей милой невесты высказать все то, что она хотела бы высказать. А она хотела сказать, что очень счастлива, выдавая замуж Наташу, свою младшую и самую любимую дочь. Потому что для всех родителей самым дорогим и любимым остается их последний ребенок. Душа радуется за него и болит больше всего. И он всегда кажется маленьким, которого надо еще за руку водить... Так, Дарья Федоровна?

Смех, оживление среди гостей, Мать невесты вновь машет рукою.

Я сам младший у родителей и поэтому все это знаю! Но будьте спокойны, тетя Дарья! Наташа уже взрослый и вполне зрелый человек. В этом мы убедились, когда увидели, какого замечательного жениха она выбрала. И хотя Наташа выросла среди нас, а жениха выбрала на стороне, мы на нее не обижаемся, хотя и обидно, и ничуть не грустим, хотя и грустно! (*Оживление, смех, хлопки*). А теперь слово предоставляется дедушке невесты, заслуженному артисту республики!

Лям Фе (*выходя к микрофону, откашливается*). Кхм! Кха! Что я должен сказать? Я скажу молодым: будьте счастливы. Да, именно так: будьте счастливы... (*Замолкает*).

Цай Уфири (*с места*). Федор! Ты же красиво умел говорить со сцены. А в жизни, вижу, так и не научился?

Лям Фе. Так и не научился, Уфири. (*Смех, оживление*).

Цай Уфири. Ну так спой, что ли.

Лям Фе (*послушно кивает*). Спую свою любимую. (*Запевает приятным хорошо поставленным голосом*).

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
В той степи глухой
Замерзал ямщик...

Цай Уфири (*прерывая пение*). Самую подходящую песню для свадьбы ты выбрал, Федор! Там в конце, кажется, есть такое место... (*Поет*).

Пусть с другим она
Обвенчается...

Аплодисменты. Смех.

Тамада. Спасибо, дорогой дедушка! Вы замечательно сказали, еще более замечательно спели! И хотя волнение вам тоже не позволило сказать все, что вы хотели, зато мы убедились, какой вы замечательный артист...

К микрофону выходит Цай Уфири, ее ведет за руку Ко Буне.

Цай Уфири. Постой, Федор! Не уходи. Ты прости меня, сверстник, что я помешала тебе. Но давай-ка споем все вместе, как бывало когда-то... Вы нам разрешите, молодой человек?

Тамада. О, конечно! С большой радостью! Перед нами выступают старейшие актеры Театра, его основоположники. Уже давно они ушли на заслуженный отдых, но представлять по отдельности их нет надобности, потому что все мы хорошо их знаем...

Цай Уфири. Сынок, пойдй и ты заслуженно отдохни... а это убери, нам не надо. *(Указывает на микрофон)*. Федор, стань поближе... Ко Буне, подруга, ты начинай, а мы присоединимся.

Трио исполняет «Песню возвращения на родину».

Закатное солнце нисходит к денному порогу.

Крадется за тучами следом ночная долинная
темень.

Ступили ноги мои на родную дорогу,

К груди прижимаю дрожащие хризантемы.

А мельница также стучит

И трудится с прежнею силой.

О, наконец припадаю

К ногам своей матери милой!

Сплетенные руки дрожат.

Поспешно друг друга ласкаем.

Лицо твое, милая мама, залито слезами.

— Тебя ли живого, сынок, это я обнимаю! —

Знакомым, родным своим голосом тихо сказала.

Как бьется сердце в груди —

И замирает вдруг немо.

О, как прекрасны седины твои,

Что украсил я хризантемой.

Вот и лампу зажгла — сразу стало так чудно!

Будто не было долгой разлуки и ночь все та.

И как прежде — огромным серебряным
блюдом

В небе светит луна, осиянна, чиста.

О, как перехватило дыханье,

Когда я вышел на мостик...

О, счастье какое — испить

Водички речной из горсти!

Когда песня кончается, никто не аплодирует. Минуту длится полная тишина. Затем Невеста встает и дает знак. Тамада выскочил откуда-то и схватился за микрофон.

Тамада. Программа свадьбы продолжается! Внимание! Танец жениха и невесты! Танец жениха и невесты!

Грянула музыка. Жених и Невеста выходят на середину круга и танцуют. Вступают в танец и гости. Всеобщий танец. Даже негритянка Бейзи, не сходя с места, покачивается в ритме музыки. Старики отходят в сторону и с улыбкой смотрят на танцующую молодежь. Неожиданно музыка обрывается. Все в недоумении. С микрофоном в руке стоит Внук.

Внук. Дорогие невеста и жених! Дорогие родители! Уважаемые гости! Я тоже хочу поздравить новобрачных, которых к этому радостному для них дню привела любовь. Та самая бессмертная, неистребимая любовь... Она представлялась людям всех времен чем-то таким, без чего нельзя и за что можно отдать все и за которую можно уцепиться как за спасение. Спасение... Человеку всегда, во все времена нужно было спастись от злого моря, от черной оспы и горячей реки, от зверя лютого и огромного змея, который ходит кругами в черной глубине. А сам он на маленькой лодке плывет куда-то и не знает, куда приплывет. Но куда бы он ни приплыл, все равно он оказался в нашем двадцатом веке, вот в этом самом часе, в этой минуте.

Ропот среди гостей свадьбы.

И какая она, любовь, которая находится внутри человека? Ее совершенно не видно со стороны. Любовь, которую никто, никогда, нигде сам не встречал, но о которой столько слышали и читали в книгах. Кто из нас может сказать, что он испытывает сейчас, сию минуту настоящую любовь? Такого я никогда не знал, да и каждый из присутствующих здесь вряд ли может сказать: да, я знаю любовь, она у меня здесь сидит, в груди. Нет! Нет! Каждый из вас только слышал о ней и полагает, что она может быть и спасет... А на самом деле спасти никого нельзя, потому что нет ее, нет того, чем надеются спастись, а есть только смутное представление о ней. Есть хорошо придуманные истории о любви. Мы еще не умеем любить. Еще не было на земле ни одной настоящей любви... Было только много разговоров о ней...

Ропот нарастает. Возгласы: «Пьян», «С ума сошел?».

Но так было... (Вдруг широко улыбается) до сегодняшнего дня. А сегодня мы все, здесь присутствующие, можем сказать себе с полным основанием: да, мы видим ее! Да, перед нами любовь, которая не происходит на помятых страницах какой-то книги, а родилась в самой жизни. Вот она как выглядит эта первая на земле настоящая любовь! Смотрите на нее и любуйтесь! Знайте теперь, что мир спасен, а все остальное чепуха! Чепуха!

Невеста и Жених, а след за ними и гости свадьбы дружно аплодируют. Вновь раздается музыка, и молодежь бросается танцевать. Старики толкаются меж ними, пробираясь на свои места.

Бейзи (*кричит*). Эй, люди! Вы что, не видите? Вы не поняли того, что человек сошел с ума? Человек сошел с ума от любви, а вы не заметили?

Никто ее не слушает.

Занавес.

ЭПИЛОГ

Сидят зрители вдоль задней и боковых сторон сцены. На середине — Флейтист.

Флейтист. Замечательное событие призвало сегодня нас, зрителей и почитателей Театра. Мы оделись в лучшие свои одежды и в сиянии сдержанной радости на лицах наших предстали здесь, чтобы отметить двойное торжество. Произошло воистину счастливое совпадение! Столетие нашего любимого Театра совпало с семидесятипятилетием его художественного руководителя, имя которого мы произносим с глубоким уважением!.. Театру нашему сто лет! Юбиляру нашему — семьдесят пять. Из них ровно полвека отдал он служению Театру. Век прошел с того дня, когда впервые была показана пьеса «Сказание о девушке Чунхьян». Знаменательные даты! Воистину славный юбилей! Но что говорить лишнее. Торжественность момента и человеческий характер нашего Режиссера требуют умной краткости. Поэтому мы попросили его самого сказать что-нибудь в этот очень дорогой для всех нас день.

Флейтист уходит в ряды Зрителей. Оттуда же выходит на середину сцены старый Режиссер.

Режиссер. Что может быть выразительнее этих двух слов: сто лет! Время, заключенное в это изящное с виду число, носит такое краткое название — век! Слово символизирует оно саму быстротечность этого времени... Итак, сто лет существует наш Театр, единственный в своем роде. Созданный вдали от той земли, в которой произросли корни нашей культуры, Театр не смог бы просуществовать такое время, не будь одного обстоятельства. Этим обстоятельством является некое ваше душевное свойство, дорогие Зрители. Оно может быть названо жаждой чудес, ожиданием сказки, желанием найти в старом саду дорожку феи. Да, уважаемые и любимые наши Зрители. Это вы своим духом и фантазией питали Театр и вдыхали жизнь в его творчество! Вы сумели выжить, вы хотели видеть в жизни сказку, вам удалось вдали от колыбели своей сохранить память о матери, не забыть ее ласковую речь и чудесные песни — поэтому и мы существуем вот уже сто лет... Благодарю вас, что в торжественной обстановке, тая в сердце волнение и радость, вы вместе с нами отмечаете сегодня юбилей Театра. И хочется мне в достойных словах выразить чувства доброй признательности и благодарности... Но вместо слов я осмелюсь предложить вашему вниманию небольшую сценку из далекого прошлого. Она, эта сценка, поведаст вам о событиях одного далекого вечера. Никого из до-

рогих мне людей, присутствовавших в тот вечер, уже давно нет в живых. Но они живы в моей памяти и сейчас возникнут перед вами. Произойдет это благодаря чуду театра, которое воспроизведет на сцене видения нашей памяти. И вот на этом месте, где сейчас пусто, вскоре возникнут люди, которых я не забуду, пока жив. Этих людей нет, но мы будем следить за ними, как если бы они были сейчас рядом с нами.

Свет меняется. На сцене кресло, журнальный столик, горящий торшер. Сидит в кресле Виолета, вяжет.

Виолета (*ее голос*). Никто не мог понять, почему я десять лет назад развелась с мужем. Это был солидный человек, спокойный, покладистый, хороший работник. Мама в нем души не чаяла. Она до сих пор простить меня не может за отца своего внука. Так и вырос он возле бабушки, а меня сторонился всегда... (*Откладывает вязание*). Никто не знает причины и никогда не узнает... Мужа я выбрала сама, никто меня не неволил. И прожили мы вместе пятнадцать лет. Никогда не ссорились. Но в один прекрасный день я поняла, что если хоть еще немного проживу таким образом, то погибну... Мне казалось, что я живу не своей, а насильственной и глупой жизнью совсем иного существа, чем я... Моя же настоящая жизнь... Она должна вернуться ко мне, как только я освобожусь от этой, чужой жизни. (*Ходит, порой останавливаясь, как будто прислушиваясь к словам своей внутренней речи.*) Но вот прошло уже десять лет... А где она, эта моя настоящая жизнь? Неужели в том она, что я научилась быть одиноким человеком?

Появляется ее сын. Молча садится в кресло.

Виолета. Что так рано вернулся? А бабушка где? (*Сын не отвечает*). Я ведь спрашиваю, кажется... Где бабушка?

Внук. Мама, вы отца никогда не любили, но вышли за него замуж... Поэтому я, наверное, родился таким невезучим...

Виолета. Что случилось?

Внук. Если человек рождается на свет от людей, которые не любят друг друга... Если он чужестранец на любой земле... Если нет у него любимой женщины и никогда, никогда ее не будет... Мама, такому человеку стоит ли жить на свете?

Виолета. Пстой, уж не выпил ли ты лишнее на свадьбе?

Внук (*смеется*). Ну а что другое ты прикажешь делать на свадьбе? Конечно, выпил! Я пьян, как матрос, ты права, мама.

Виолета. И все равно есть вещи, которые ты не должен себе позволять в отношении матери.

Входят Цай Уфири, Ко Буне в сопровождении Лям Фе.

Лям Фе (*увидев Внука*). А-а, ты здесь, оказывается. Почему ушел со свадьбы, бабушку бросил?!

Цай Уфири. Федор, я тебя очень прошу. Оставь его в покое.

Лям Фе (*ворчит*). Бросил слабых старух на моем попечении... А ведь я тоже не молод, чтобы кататься на машине через весь город туда и сюда...

Ко Буне. Постыдился бы, Федор, нас старухами называть. (*Смеется*). И себя нечего корить. Ты у нас еще хоть куда! Вон, проводил до самого дома... (*Старики рассаживаются по креслам*). Ух, как устала! Все, друзья мои, это была последняя свадьба, на которой мне пришлось побывать.

Цай Уфири (*глядя на Внука*). Может быть, и для меня тоже, подруга...

Лям Фе. Да. Все для нас кончается.

Пауза. Старики молчат, уйдя в свои думы. Внуку сидит откинувшись в кресле, закрыв глаза. Виолета тихо уходит. С улицы — гудок автомобиля.

Вот, меня уже зовут. Пора идти. А сил нет...

Ко Буне. Ну зачем ты, Федор, поднимался сюда. Уж как-нибудь сами...

Лям Фе. Хотелось, Ко Буне, лишнюю минуту побыть с вами.

Ко Буне. У тебя дети, внуки, жена... Для чего тебе мы?

Цай Уфири. Что с тобой, Федор? Устал, наверное?

Лям Фе. Вот посижу еще немного и пойду... Жена, дети, внуки... Все правильно... Только нет у меня никого ближе, чем вы.

Гудок автомобиля.

Цай Уфири. Ладно, Федор, мы знаем. А теперь иди, тебя ведь ждут.

Лям Фе. Мы вместе делали Театр...

Ко Буне. Театр, которого уже нет, Федор.

Лям Фе. Что делать, Ко Буне.

Цай Уфири. Ничего не поделаешь. Видно, людям уже не нужно то, чего хотелось нам... Сегодня на свадьбе, помните? Никто даже не похлопал, когда мы спели. Не хотят они слушать наши старые песни.

Снова гудок автомобиля.

Ладно, Федор, иди, машина ждет.

Лям Фе (*встает*). Ну, пора мне.

Внук (*вскакивает с кресла и подбегает к старикам*). Это неправда!

Цай Уфири. Что «неправда»?

Внук. Да ваша песня была в тысячу раз прекраснее всего, что там звучало! Мы все почувствовали себя ничтожными перед вашей песней, поэтому молчали.

Цай Уфири. Ну, спасибо, внук мой. Утешил.

Ко Буне. У тебя доброе сердце, юноша.

Гудок нетерпеливый, долгий, повторяющийся. Внук подбегает к окну, раскрывает створку.

Внук (*кричит*). Эй, тише вы там! Чего распумелись! Сидите и ждите в своей машине. (*Обращается к старикам*). И не думайте ни о чем плохом.

Театр был — и Театр будет! Это вам обещаю я, человек, для которого время всей его жизни вдруг освободилось. Потерять любовь — это, к сожалению, не значит перестать любить... И я вам обещаю, бабушка! Будьте вы все спокойны — Театр будет! Я видел, как сегодня все слушали ваше пение. Это было прекрасно! Я вспоминаю лица людей, которых подчинила песня. Вижу сейчас эти лица и начинаю, кажется, понимать, что означает это слово — народ.

Входит Виолета с чайным подносом. Вскрикивает.

О, что там сверкнуло?! Горит, словно солнце!

Виолета (*роняет поднос*). Что? Что ты там видишь, сынок?

Внук. Эта яркая дорожка света! Она проходит среди деревьев.

Виолета. Где она? Где?

Внук. Да вот же она перед нами, мама!

Виолета. Так иди же, сынок, если ты видишь ее! Иди по ней!

Цай Уфири. О, дети мои! Что с вами?.. О чем это они, подруга?

Ко Буне. Да все о том же, подруга моя! Видит то же самое, что и мы видели. И пойдут, пойдут своей дорогой, как и мы прошли!..

Свет меняется. В центре сцены нет никого. Но Актеры-Зрители встают со своих мест, аплодируют и проходят к середине, словно видят там кого-то.

Занавес.

КОНЕЦ

ПЛАЧ КУКУШКИ

Драма в 2-х частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бонгир — 17-ти лет.

Бонгир — 28-ми лет.

Бонгир — 53-х лет.

Агриппина Чен.

Чен Павел.

Тунгур-се.

Соседка.

Цыган.

Цыганка.

Молодой цыган.

Дежурный по станции.

Рабочий.

Жена рабочего.

Хе — старик.

Тян — старик.

Андрей Ким.

Тимоша Эм.

Пан.

Михаил.

Массовка — коммунары, рабочие, цыгане.

Часть 1

Картина первая

Небогатый крестьянский домик с бумажными окнами и дверями, с травяной крышей, обтянутой крупноячеистой сетью из веревки. Маленький дворик, слева калитка. К дому лепится пристройка с грубой деревянной дверью. Напротив дома, в углу двора, стоит старая ива, под которой устроен помост, накрытый пологом.

Устроившись на корточках возле крыльца, Агриппина в большой миске моет рис, сливая воду в лохань. Привычно выполняя знакомую работу, она плачет, не замечая того, что плачет. И лишь порою, желая вытереть слезы, вдруг обнаруживает, что руки ее мокры, — и тогда женщина утирает слезы запястьем, прижимая рукав кофты к глазам.

Входит в калитку Соседка.

Соседка. Когда же ты, Агриппина, зарежешь своего черного петуха? Совсем заклевал моего белого! Это уже третий петух, которого твой черный доводит

до смерти, будь он проклят! Как чертяка черный налетает и норовит клонуть вот сюда, вот сюда! (*Показывает на свое темя*).

Агриппина не отвечает, продолжает плакать.

Разве это справедливо, Агриппина, подумай. Ведь третьего петуха уже завожу! И красный был, и белый — всех заклевал! Что ж мне разориться на петухах, что ли?

Агриппина громко всхлипывает и прижимает рукав кофты к глазам.

Что случилось? Эй! Чего ты слезы льешь, Агриппина?

Агриппина. Ох, ничего ты не знаешь! Ничего...

Соседка. А что я такое должна знать?

Агриппина. Ничего не знаешь, ничего...

Соседка. Да скажи мне толком, что случилось? Какая беда?

Агриппина. Завтра, в это самое время... (*Плачет*).

Соседка. Ну что завтра? Небо на голову упадет? Или черт прискочет за тобой?

Агриппина поднимается, отходит в сторону, встряхивает головой и, стараясь сдержаться, глухо стонет.

Не хочешь говорить, так чего же плакать? Не за тем я зашла к тебе, чтобы видеть, как ты тут слезы, сопли свои размазываешь, словно девчонка, а сказать ничего не можешь... Хотела насчет черного петуха, да вижу, что тут не до петухов теперь... (*Машет рукой и хочет уйти*).

Агриппина. Постой! Куда ты... Мы с тобой сверстницы... Мы же почти восемнадцать лет рядом прожили. В один и тот же год замуж вышли и стали соседками... Скажи, ровесница, сделала я что-нибудь плохое тебе?

Соседка. Да ничего такого не сделала! Что ты такое городишь, странно даже мне...

Агриппина (*страстно*). Нет, ты только правду скажи! За всю жизнь, что мы прожили рядом, знала ты от меня какую-нибудь обиду?

Соседка. Агриппина! У тебя что-то случилось... Ты на себя не похожа! Если бы видела ты свое лицо в зеркале! Ну-ка, расскажи мне все, не сходя с места!

Агриппина. Нет, скажи: знала ты от меня обиду или нет?

Соседка. Да какая еще обида от тебя, Агриппина? Черный петух твой обижал моих, это было. Твой сын с моим дрался, когда были они маленькими, и это было. Но чтобы ты... Не ты ли нашла мне кофт и юбок, а детям моим штанов да рубах, глаз своих не жалея? А когда я ребеночка выкинула зимою, упав брюхом на скользский лед, — помнишь, Агриппина, как в ту зиму ты готовила еду на две семьи разом? Так что кроме добра я ничего другого от тебя не видела. И не плачь ты ради бога, а то ведь и я как собака, завую вместе с тобой, хотя и не знаю почему...

Агриппина (перебивая). А завтра!.. В это самое время... И может быть, на этом самом месте... ты скажешь, что Агриппина, твоя соседка Агриппина самая поганая, самая распоследняя на свете тварь...

Во двор с улицы заходит Тунгур-се, крепкий малый, одетый в крестьянское платье, с топором на плече. Обходит умолкших при его появлении женщин, туповато на них поглядывая, и затем исчезает в пристройке.

Сука, скажешь, сучья дочь...

Соседка. Это я, я такое скажу про тебя? Да в своем ли ты уме, Агриппина? *(Внезапно задумывается, что, очевидно, не очень свойственно ей).* Что бы такое она могла натворить... Неужели... *(В сторону).* Неужели те желтые две дыни у забора она сорвала с грядки? А я-то подумала на своих мальчишек... *(Громко).* Ладно, Агриппина, я пошла. Вон жилец твой на обед вернулся, знать, и мой тоже скоро зайвится. Накормить мужа надо, белье еще постирать... А дырку ту в заборе придется мне все же заколотить. Чтобы грядки зря не топтать... А петуха черного ты больше не выпускай на проулок, Агриппина... И все же я не понимаю, за какие такие грехи я должна завтра тебя ругать да еще такими страшными словами. В жизни еще никого так не ругала. *(В большом недоумении, то и дело оглядываясь на Агриппину, уходит со двора).*

Агриппина (снова садится к тазу, принимается за мытье риса). И ты узнаешь, и все узнают... А потом всю оставшуюся жизнь будут считать меня самой подлой тварью... А потом я умру когда-нибудь и больше ничего не буду знать.

Из пристройки выходит Тунгур-се, озирается, проходит за спиной Агриппины к калитке, выглядывает в проулок; затем возвращается и вновь прохаживается за спиной Агриппины. Вид у него при этом многозначительный, самодовольная улыбка расцветает на его грубом лице; усердствуя в проявлении осторожности, он ходит, высоко и смешно поднимая ноги. Манеры и движения этого человека характерны тем, что, делая все вполне серьезно, он делает это, однако, смешно — вовсе того не желая и даже не подозревая об этом. Особенно ясно видна и смешна его глупость, когда он временами вдруг как бы спохватывается и делает очень серьезное, озабоченное лицо.

Все время, пока Тунгур-се прохаживается за спиной Агриппины, она сидит, замерев неподвижно, втянув голову в плечи — слыша и как бы даже видя каждый шаг мужчины. И когда тот, совершив руками какие-то дурацкие манипуляции, смысла которых никак невозможно угадать, удаляется назад в пристройку, Агриппина тяжело вздыхает, и напряжение спадает с нее; понурившись, она молча смотрит в таз.

Да... Так оно и будет. Умру и ничего не буду знать, ничего не буду помнить...

Плачет ребенок в доме.

Для меня лучше было бы, чтобы это завтра никогда не наступило...

Свет медленно гаснет. Слышен шум проходящего поезда — перестук колес, далекий гудок паровоза. Из тьмы другого времени выходит Бонгир — 28-ми лет.

Свет. Тот же крестьянский дом и двор. Бонгир — 28-ми лет вглядывается в них сквозь дымку прошлого, и молодого человека охватывает волнение.

Бонгир — 28-ми лет. Вот уже одиннадцать лет прошло с тех пор, а я помню тот день, как будто он вот, передо мной, всегда рядом — вот тут передо мной. *(Протягивает руку к дому).* Мне теперь двадцать восемь исполнилось. Я закончил рабфак, потом Дальневосточный университет, у меня семья, двое детей... Я вышел в люди, как говорится, у меня хорошая работа... Так чего же я не могу успокоиться?! Почему я никак не могу забыть тот несчастный день?.. Я словно лошадь, привязанная длинной веревкой к дереву, кружусь вокруг этого дерева, бесконечно кружусь туда и обратно, — и никуда мне, видно, не уйти от него. *(Вынимает папиросу, закуривает, расхаживает из стороны в сторону).* В то утро я вернулся с ночного, где с другими парнями стерег деревенских лошадей. Я уснул на своем обычном месте, вон там, под деревом, где всегда спал в теплую погоду летом, и мне приснился странный сон... Я видел во сне вот этот же наш маленький двор, и это дерево, и бедную отцовскую фанзу. А на крыльцо будто бы вышла матушка, взмахнула руками и стала кричать кукушкой...

Раздается и звучит долгий крик кукушки.

И вдруг дерево охватило пламенем — словно громадный факел запылал... И действительно ива во дворе вдруг вся как бы охвачена ярким заревом... Так неужели и на самом деле бывают вещие сны? Разве сон этот не предвещал беду, которая вскоре обрушится на наш дом? И матушка, которая закричала кукушкой, — разве это не было предостережением, что она собирается предать своих детей? А я, семнадцатилетний желторотый юнец, тогда ничего не понял, ничего! *(В тоске прижимает сжатый кулак ко лбу, покачивает головой. Затем отходит в сторону).*

Свет меняется, и двор предстает в теплом освещении погожего летнего утра. Зарево над ивой оказывается светом низкого солнца, восходящего над деревом.

Не переставая кричит кукушка.

Шевелится полог — из-под него выходит Бонгир — 17-ти лет. Он поеживается, позевывает со сна, почесывает бока.

Бонгир — 17-ти лет *(передразнивает кукушку).* Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Чего ты разоралась над самым ухом? А ты, солнышко, чего светнишь прямо в глаза? Боишься, что я обед просплю? А ты, кукушка, беспокоишься, что я не успею книжку прочесть, которую мне русский учитель дал? В таком случае спасибо тебе, птица! Книжка интересная, начинается она так: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик...» Пойду, возьму тебя, Ванька Жуков. *(Направляется к дому).* Ку-ку! Ку-ку!

Бонгир — 28-ми лет. Я радовался просто тому, что был молод! И все на свете были мне друзья — птицы, солнышко, Ванька Жуков...

Из двери пристройки вываливается Тунгур-се с большим узлом в руке, сталкивается с Бонгиром — 17-ти лет. Ошалело смотрит на него, обходит стороной.

Я еще не знал, что на свете существует подлость.

Бонгир — 17-ти лет. Вы разве дома? Не на работе?.. (*Растерянно*). Вы же, я видел, с утра с лопатой ушли, канал копать.

Тунгур-се (*мычит невразумительно*). Э-э... Ничего! Я думал, что ты спишь.

Бонгир — 28-ми лет (*с авансцены*). Туповатый был малый, бревно бревном. И прозвище люди ему дали — Тунгур-се, Бык... Но я, все же, оказался глупее его.

Бонгир — 17-ти лет. А куда вы это несете? (*Показывает на узел*).

Бонгир — 28-ми лет. Я заметил, что в платок завязана швейная машинка моей матери.

Тунгур-се (*Бонгиру — 17-ти лет*). Сломалась... Ну да, э-э... Сломалась машинка. Несу ее починить. Твоя матушка попросила отнести, я не сам... (*Быстро уходит*).

Бонгир — 17-ти лет стоит возле дома и смотрит вслед уходящем. Бонгир — 28-ми лет выходит вперед.

Бонгир — 28-ми лет (*показывая на Бонгира — 17-ти лет*). И все же некоторое подозрение кольнуло мое сердце. Эх ты, простота! Что ты мог знать о человеческом коварстве? Даже этот чурбан Тунгур-се... Когда-то мой добрый отец привел его в дом, оборванного и голодного, приотил у себя... Считалось, что он помогает хозяйке, моей матери, колоть дрова и носить воду. Да только я ни разу не видел, чтобы он расколол хоть одно полено или принес бы ведро воды. Он работал где придется, если его нанимали, а когда не было работы — целыми днями дрых в пристройке, которую ему выделили... (*Уходит к краю сцены*).

Из дома торопливо выбегает Агриппина с годовалым ребенком за спиной, с узлом в руке — видит сына и в смятении останавливается.

А вот и черная минута этого самого черного дня моей жизни!

Агриппина. Ты уже проснулся, сынок? Если хочешь есть, то иди в дом, обед уже стоит на столе. Кашу рисовую сварила и суп из морской капусты со свиной, ведь ты его любишь...

Бонгир — 17-ти лет. А вы куда, матушка?

Агриппина. Я поеду навещу дядю Чунсеба, скоро уж пароход придет...

Бонгир — 17-ти лет. Матушка, так завтра же отец с лесоповала вернется...

Агриппина. Ну и что? Пусть вернется. Я уже скоро обратно буду. Как-нибудь похозяйничаю тут без меня.

Бонгир — 17-ти лет. Давайте, матушка, отнесу я вещи до пристани. А то тяжелые, наверное.

Агриппина. Не надо, Бонгир, вовсе не тяжело. Ты лучше найди сейчас сестру — схватила спички и скрылась. Боюсь, как бы дом не сожгла. Ты же знаешь, она у нас глупенькая.

Бонгир — 17-ти лет. Ладно, найду... Вот уж и вправду глупая. Что с ней делать...

Агриппина. Найди, найди! А я пошла, скоро пароход приплывает. *(Уходит в калитку. И тут же бегом возвращается назад)*. Бонгир! Сынок мой! *(Некрасиво сморщившись, плачет, глядя на сына)*.

Бонгир — 17-ти лет *(удивленно)*. Чего вы плачете, матушка?

Агриппина *(воет, сдерживается... снова воет...)*. Сынок! Ты... Меня... Смотри хорошенько за сестренкой! Боюсь, как бы чего не натворила! Я так боюсь... Сердце мое разрывается, Бонгир!

Бонгир — 17-ти лет. Да не беспокойтесь, матушка! Я ее сейчас живо найду и спички отберу! *(Убегает за дом)*.

Агриппина, покурившись, уходит в калитку.

Бонгир — 28-ми лет *(один)*. Вот таким и быля наивным. Ничего не понимал... Но если я, допустим, был глупцом, то как же можно назвать мою благословенную матушку? Ведь она предала отца. Который за всю жизнь ни одного человека не обидел... Который круглый год пропадал на лесной работе, чтобы нас прокормить — ведь земли своей у него не было... О колхозах тогда мы и не слышали, коммуны еще только заводились.

Небольшая пауза.

Бедный мой отец! Я не помню его в целых штанах, без заглав. Он родился бедняком и всю жизнь прожил бедняком. Но как это бывает — он и не мог стать богатым, потому что ничего не мог отнять у других. Зато у него каждый мог взять все, что захочет. Когда на другой день он вернулся домой, он ничего не понял... Прошла почти неделя, а он все не верил тому, о чем уже знали вокруг все... Уж как ни разорялась наша соседка, как ни ругалась и ни проклинала мою матушку, отец ничего ей не отвечал. Изредка, правда, бормотал: «Приедет», — и коротко улыбался. Приехала жена дяди Чунсеба, рассказала, что мамашу мою никто и не видел в их деревне, только тогда отец перестал улыбаться. В тот вечер он как сел под деревом, так и просидел всю ночь до утра. А на другой день засобирился ехать в Хабаровск. Кто-то вернулся оттуда и рассказал, что видел Тунгур-се и мою матушку.

Словно из пелены времени возникает силуэт человека в белой одежде; он приближается и замирает напротив Бонгира — 28-ми лет, который смотрит на него сквозь дымку прошлого.

Бедный, бедный отец! Он же никогда города не видел. В первый раз сел на поезд... Знал ли ты, отец, что больше уже никогда не вернешься в этот жалкий дом, который ты построил своими руками?

Картина вторая

Длинная комната в бараке для рабочих-корейцев. Мебели нет никакой, пол застлан циновками, у стены лежит стопа одеял. Входят в комнату слева. Дальний от входа конец комнаты отделен занавеской. Там, очевидно, живет и в данную минуту ужинает целая семья, слышно бряканье посуды.

У входа в неловкой позе неподвижно стоит человек в белой крестьянской одежде. Слышен крик из другой комнаты — кухни, должно быть: «Оксун! Эй, Оксун!». «Чего орешь?» — отвечает женщина, видимо, Жена рабочего, из-за занавески. «Рыба горит, скорей снимай сковороду с печки!» — кричат с кухни. «Бегу! Сию минуту!» — отвечает женщина и, отбросив занавеску, выбегает из-за нее и прощмыгивает мимо стоящего человека. Это Чен Павел, ищущий свою жену. Он по-прежнему неподвижно стоит на месте. Со сковородой в руке Жена рабочего вновь появляется в комнате. Проходя мимо Павла, она приостанавливается.

Жена рабочего (в сторону). Странный человек! Зашел в дом, так хоть скажи что-нибудь, хоть поздоровайся... (Чену). Вы к кому пришли?

Чен. Мне сказали, что человек, которого я ишу, и женщина... ее зовут Агриппиной...

Жена рабочего. А-а! Они сейчас придут! (Скрывается за занавеской). Должны быть уже, чего-то задержались. Видимо, Агриппина в ясли зашла за ребенком, там и задержалась. Есть у нас детские ясли прямо на стройке, чтобы матери могли грудью покормить своих детей... А кто вы будете им? Родственник?

Чен. Я муж Агриппины. Меня зовут Павлом. Чен Павел я... (За занавесом притихли). Я приехал, чтобы забрать домой ее и ребенка. Дома ждут еще двое детей... (Говоря это, Чен постепенно выходит на середину комнаты, там и останавливается, потупившись)

Из-за занавески выходит Рабочий, одет по-домашнему, на ходу дожжевывает что-то.

Извините меня! Побеспокоил вас...

Рабочий. Вижу, что вы смиренный человек. Простой человек. По вашему лицу можно понять все, о чем вы думаете. Проходите и садитесь.

Чен. Премного благодарен. (Садится у стены).

Рабочий (садится напротив). Так как же вас угораздило жениться на такой дрянной женщине? Бросить двоих детей и с крупным ребенком на спине убежать из дому с полюбовником! А мы-то думали, что они муж и жена... Опозорить такого почтенного человека и спутаться с этим дуроломом, который и слова по-человечески сказать не может! Я вижу, судьба у вас не очень счастливая, хотя сами вы человек добрый... Что вы теперь собираетесь делать?

Чен. Надо решить все по-хорошему.

Рабочий. По-хорошему? Когда полюбка получилась, кашу из этого не сделаешь. Я тоже человек прямой, поэтому скажу откровенно: за обиду, на-

несенную вам, нельзя так просто расквитаться. Я думаю, что кое-кто должен отправиться на тот свет! А как же иначе? Тут кровью пахнет, уважаемый...

Жена рабочего (*из-за занавески*). Смотрите, какой храбрый! Какие слова страшные говорит! А сам гуся не мог зарезать, когда я с рынка его принесла!..

Рабочий. Не встревай, женщина! Что ты можешь понимать? Тут речь идет не о противной гусиной крови, а о том, как жена совесть потеряла перед мужем, детей своих бросила ради чужого мужика, и за это ей мало голову срубить!

Жена рабочего (*по-прежнему из-за занавески, насмешливо*). Ну, конечно! Такой, как ты, богатырь и срубит голову, как же! Богатырь, побеждающий тигров... Молчал бы уж!

Рабочий (*Чену*). Не слушайте ее. Дождется, что я скоро за дубину возьмусь и прочту ее... А сделаем мы вот что. Сейчас, когда они войдут сюда, вы хватаете свою жену за волосы и тащите ее домой, а я уж как-нибудь справлюсь с этим негодяем, если он полезет в драку.

Жена рабочего (*высовываясь из-за занавески*). И получишь, как всегда!

Рабочий (*замахиваясь*). Замолчи!

Чен. Так нельзя.

Рабочий. А как можно? Может быть, вы прихватили с собой бритву? Хотите его бритвой чиркнуть? (*Проводит пальцем по горлу*).

Чен (*улыбаясь*). Нельзя... Надо по-хорошему.

Рабочий. Вот заладили!.. Не пойму, что вы задумали. Даже мышонок пищит, если ему на хвост наступить, а вы?..

Входят Тунгур-се, за ним Агриппина, за спиной у нее ребенок, подхваченный большим платком.

Ну, вот и завялились... Морды широкие, как лопата, а совести нет... Посмотрю я теперь, уважаемый, как вы будете с ними по-хорошему дело решать. (*Встает и уходит за занавеску*).

Увидев привставшего навстречу Чена, Тунгур-се и Агриппина замирают на некоторое время. Затем она, встрепанная, усталая, молча проходит мимо мужа в свой угол, отвязывает ребенка и осторожно кладет его к стене. И лишь после этого вполголоса, боясь разбудить ребенка, обращается к мужу. Тунгур-се топчется у двери.

Агриппина. Как ты узнал, где я, и зачем явился сюда?

Чен. Ребенок здоров?

Агриппина. А ты думал, что он у меня с голоду умер?

Чен. Дома еще двое ждут, Агриппина... Вернись домой.

Агриппина. Когда ты сдохнешь, тогда только и вернись, наверное.

Чен. Хорошо, пусть будет так. Я иду с веревкой в лес и повешусь. Но ты вернись домой, Агриппина. Детям нужна мать. Без матери им хуже, чем без отца. Идем! Ты останешься одна хозяйкой дома, а я уж умру, раз выходит такое дело.

Из-за занавески доносится раздосадованный голос Рабочего: «Ха! Бывает же такое на свете!». Голос Жены рабочего: «Не вмешивайся!».

Агриппина (указывая на Тунгур-се). Без этого человека мне нет жизни, Павел!..

Тунгур-се, усевшись возле двери, принялся перевязывать ранку на ноге.

Я прилипла к нему, и меня уже никак не отлепить. (Признается в этом, словно в каком-то постыдном преступлении). Не хочу, чтобы мои большие дети видели меня... с ним. Не хочу суда соседей... Я все сказала! (Встает и уходит).

Из-за занавески голос Рабочего: «Вот сучья баба!» Голос Жены рабочего с надрывом: «Молчи, я прошу тебя!»

Тунгур-се бинтует ногу. Чен сидит, опустив голову.

Чен (подполз к Тунгур-се и склонился перед ним в поклоне). Человек! Я тебя никогда не обижал. Ты бывал голодным, и я тебя кормил... А теперь... Я тебе не хочу мстить, человек. Но ты сам подумай о детях, у которых ты отнял мать. Ты молодой, найдешь себе много женщин, а се отпусти...

Вбегает Агриппина с ковшиком в руке.

Агриппина. Нет! Нет! Уходи отсюда, Павел! Я ведь тебе уже сказала, видеть больше не хочу! Семнадцать лет терпела, а теперь лучше в могилу, чем снова жить вместе с тобой.

Чен (плачет). Но дети-то в чем виноваты?!

Агриппина. Придет время, дети мне отомстят, не беспокойся. Бонгир мне никогда не простит... Но что сделано, то сделано. И хватит об этом!

Чен. О дочери подумай. Сын-то большой, он выживет. А девочка, ты же знаешь, совсем еще глупенькая. Что я с ней буду делать?

Агриппина. Найди себе другую жену.

Чен. Мне скоро шестьдесят будет, Агриппина. Кто же пойдет за меня?

Агриппина. Об этом раньше надо было думать, когда ты, сорокалетний, сватал меня, двадцатилетнюю, у моих родителей. Неужели ты ни разу не подумал, что когда-нибудь постареешь?

Рабочий (высунувшись из-за занавески). Бессовестная! О чем ты говоришь, прожив с мужем столько лет? Какие же твари на свете бывают! Да ты посмотри на свою рожу, бесстыдница!.. (Голова внезапно исчезает за кольцхнувшейся занавеской. За занавеской — видимо, своей жене). Чего ты щипаешь меня? Не нравится, что правду говорю? Может быть, и ты со мною учудишь такое, как эта баба со своим дубиноголовым полубовником?

Тунгур-се (вскочив с места, и приняв воинственную позу, приближается к занавеске). Замолчи, дурак!

Рабочий (*из-за занавески*). А ты не дурак!
Агриппина. Тише! Ребенка разбудите! (*Тунгур-се*). Поди в свой угол и сиди там!

Тунгур-се послушно проходит к одеялам и садится.

Да тише ты! Не сопи так громко носом! (*Чену*). Что ты собираешься делать?

Чен (*потупившись*). Останусь возле вас.

Агриппина. Зачем?

Чен. Чтобы уговорить тебя вернуться домой.

Агриппина (*нетерпеливо*). Ну, хватит! Слышать не хочу! (*Уходит*).

Чен осторожно приближается к спящему ребенку и замирает, склонившись над ним. Тунгур-се, сидя близко от него, беспокойно косится на Чена и ерзает. Наконец, он не может придумать ничего лучшего, как лечь, подложив под голову подушку, и отвернуться лицом к стене. Жена рабочего появляется из-за занавески с посудой в руках и молча выходит из комнаты. Слышно, как Рабочий откашливается, сплевывает и недовольно бормочет себе под нос.

Свет меняется. Из мглы иного времени выходит Бонгир — 28-ми лет.

Бонгир — 28-ми лет. Вот уже более десяти лет пролетело с тех пор... Прошлое — это тьма, куда не проникает ни один лучик сегодняшнего солнца, и ни одно слово не донесется оттуда к нам... Отец! Зачем вы бросили меня с сестренкой и отправились в этот город искать нашу негодную матушку? Неужели вы и на самом деле хотели вернуть ее домой? Нет, не могу этого понять! Женщина, поступившая со своими детьми так, как она поступила, разве достойна называться матерью? И вы хотели нам ее вернуть! На все уговоры соседки не делать этого и не ехать за ней вы отвечали одно: «Нельзя... Я должен уговорить ее, должен сделать все по-хорошему...». Смогу ли я когда-нибудь понять вас, мой дорогой, несчастный отец? У меня до сих пор душа кипит, как только вспомню я, что было... а вы всегда твердили одно: «Надо все решить по-хорошему». Отец, что они сделали с вами, эти люди, с которыми вы хотели все решить по-хорошему?! А что было со мною и что случилось с сестренкой, если бы вы только знали... Если бы вы только знали, мой несчастный, мой добрый отец! (*Уходит*).

Свет снова меняется. Комната барака, у стены одиноко сидит Чен. Освещение в комнате уже не вечернее — за окном светится яркий день.

Из-за занавески выходит Жена рабочего, останавливается и долго издали смотрит на Чена. Затем подходит к нему.

Жена рабочего. Дядюшка... Дядюшка Чен, еда стоит у меня на столе. Идите поешьте.

Чен (*вздвигнув, оглянувшись, ласково улыбнулся*). Премного благодарен вам, хозяйшка. Но я не буду есть.

Жена рабочего. Как же так? Ведь вы со вчерашнего дня ничего не ели... И Агриппина, уходя на работу, даже не покормила вас. Сами пожрали и ушли.

Чев. *Добрая вы душа! Я ведь все равно не стал бы есть.*

Жена рабочего. Ну и правильно! Не захотели у нее есть — у меня поешьте! А то ведь так недолго и с голоду умереть.

Чев. Вот поэтому я и не должен ни пить, ни есть.

Жена рабочего *(испуганно)*. Как так?

Чев *(просветленно улыбаясь)*. Чем же я могу убедить этих людей? Тем разве, что умру у них на глазах, до последней минуты прося об одном и том же...

Жена рабочего *(всплеснув руками)*. Беда случилась! Большая беда!

В комнату торопливо входит Рабочий.

Великая беда случилась, ты слышишь?

Рабочий. Какая еще беда?

Жена рабочего. Вот дядюшка Павел решил заморить себя голодом, сидя на месте!.. Чтобы тех проучить!

Рабочий. Ха! Не удастся. Зря старается — зад себе только отсидит, пожалуй.

Жена рабочего. Что ты такое несешь, грубиян? Ты пожалей человека, а не насмехайся...

Рабочий *(перебивая)*. Да не кричи ты! Не придут они больше сюда. Сбежали. Сам видел, как они рассчитывались в конторе стройки. А потом с ребенком и узлом одежды отправились на вокзал... *(Обращаясь к Чеву)*. Вот и прибежал я, отпросившись с работы, чтобы сказать об этом. Может быть, нужны они вам, дядюшка?

Чев. На вокзал! Значит, хотят уехать от меня... На поезде. Куда-нибудь очень далеко, где я не найду их. *(И вдруг сдержанность изменяет ему, он вскрикивает отчаянно, неистово)*. Уедут, отмахнутся! А как же дети? Как вернусь я к ним без матери? Нет, этого нельзя!.. Я должен догнать их! Я еще не все сказал им! Ради бога подскажите, как мне добраться до вокзала!..

Картина третья

Небольшая железнодорожная станция в тайге. Здание вокзала, палисадник, расположенный возле станции. Палисадник в запущенном состоянии — часть ограды разломана, деревья и кусты разрослись, меж штакетов торчат кущи диких трав.

Старая некрашенная скамейка. В палисаднике расположился небольшой цыганский табор. В кустах виднеется верх натянутой выцветшей палатки; горит костер, на котором стоит таган с котелком; у костра сидит на разостланной попоне Цыган, играет на гитаре, весь отдавшись игре; напротив него Цыганка что-то шьет, держа шитье на коленях. На немолодом лице Цыганки еще вполне ощутимы следы былой красоты. Гудок, затем шум проходящего мимо станции поезда, и снова тишина.

Цыганка. Что ты такое играешь?

Цыган *(не сразу)*. Воспоминания... А ты что пьешь? *(Откладывает гитару)*.

Цыганка. Воспоминания.

Цыган. Что такое? Или я ошибаюсь? Но мне кажется, что ты пьешь мне рубаху.

Цыганка. Твоя новая рубаха — это и есть мое будущее воспоминание.

Цыган. Непонятно что-то... А как насчет обеда?

Цыганка. Обед — это тоже будущее воспоминание.

Цыган. Эй, женщина! Если ты рехнулась сама, то мне-то на мозги не капай! Подавай-ка лучше баранину! Эх, как она вкусно пахнет!

Цыганка. Неужели ты не догадываешься, цыган, что все люди на свете заняты только одним: готовят собственными руками свои несметные воспоминания?

Цыган (сердито). Да что ты, ведьма, пристала ко мне со своими воспоминаниями? Мелешь языком невесть что.

Цыганка. Ты сам виноват... Не надо было тебе играть на гитаре свои воспоминания. *(Снова утыкается в шитье).*

Небольшая пауза. Появляется Дежурный по станции, с ним Бонгир — 17-ти лет, одет по-дорожному, в руке узел с едою.

Дежурный. Твоего отца нашли в туннели, у него был проломлен затылок. Может, сам ударился об рельсы, когда падал, а может, кто ударил его и сбросил с поезда. Кто знает, дело темное. *(Строго, цыганам).* Ну вы, кочевники, чего тут костры развели? Хотите пожар устроить? Сейчас же потушить!

Цыганка. Ай, дорогой, ай, соколик ты мой, орелик, не надо сердиться! Целый час костер горел, ничего не случилось, пусть еще немного погорит, пока кулеш доварится.

Дежурный. Смотрите мне! Чтобы через десять минут костра не было!

Цыганка. Ладно, мой хорошенький, будет по-твоему.

Дежурный (отвернувшись от цыганки, Бонгиру — 17-ти лет). Следствие ничего не могло установить. Поезд был ташкентский... А тебе что-нибудь известно?

Бонгир — 17-ти лет. Нет.

Дежурный. Вот то-то и оно, что дело темное... Ну, я пошел на дежурство, а ты иди в поселок ко мне домой. Спросишь, где Царенко живет. Там тебя накормят, переночуешь, а утром придешь сюда. Раньше поезда не будет, все идут без остановки.

Бонгир — 17-ти лет. Нет, спасибо. Я лучше здесь переночую. А еда у меня есть. *(Показывает на узелок).*

Дежурный. Ну, как знаешь. Тогда я тебя утром на поезд посажу. Не горюй, парняга! *(Уходит).*

Бонгир — 17-ти лет садится на скамейку. Цыганка снимает с огня котелок и уносит в палатку. Цыган с гитарой уходит вслед за женою.

Кричит кукушка, и дальний крик ее печален, как бы звучит сквозь слезы. Но, слушая кукушку, юноша вдруг сжимает обеими руками голову и, раскачиваясь, начинает хохотать, и в смехе его прорывается что-то недоброе.

Выходит Бонгир — 28-ми лет.

Бонгир — 28-мя лет. Вот так, спрятав лицо в руки, изо всех сил стиснув зубы, чтобы только не закричать от боли, которая разрывала мне сердце, я в тот день горевал о погибшем отце. *(Остановившись, с мучительным волнением вглядывается в себя семнадцатилетнего; достает папиросы, закуривает)*. Соседи и друзья отца собрали мне денег, и я поехал навестить его могилу. Эта могила находилась на зеленой поляне, совсем одна... В глиняный бугорок была воткнута палка, на которую кто-то прибил дощечку и написал: «Неизвестная душа. Спи спокойно». И это было все, что осталось на земле от нашего бедного, доброго отца.

Бонгир — 28-ми лет курит, рассказывает по авансцене; Бонгир — 17-ти лет сидит на скамейке, закрыв лицо руками.

Снова крик кукушки, и опять, как бы в ответ на ее крик, Бонгир — 17-ти лет раздражается громким злорадным смехом.

Когда я лежал на могиле и поливал ее сухую землю своими сиротскими слезами, вдруг над самой моей головой закричала кукушка. Я посмотрел вверх и увидел ее, сидящую на дереве... Она была безобразная! Она тупым глазом уставилась прямо на солнце, надула шаром зоб, а потом стала хрипеть, как удушенная! Это была полосатая, большая, на вид очень некрасивая птица! А мне раньше, когда я слышал ее крик в тишине полей, всегда хотелось сладко плакать! Ах, обманщица, подбрасывающая своих птенцов в чужие гнезда! Кукушка-притворщица, лицемерка, злодейка, улетающая от своих детей... Негодная мать!.. *(Уходит)*.

Сбоку скамейки, на которой сидит Бонгир — 17-ти лет, с треском раздвигаются кусты и появляется Молодой цыган, подвижный, плотный, с черными кудрями, прижатými ко лбу картузиком. Неожиданно наткнувшись на Бонгира, парень отскакивает в сторону и воинственно смотрит на него.

Молодой цыган. Ну, чего ты?.. Испугался?

Бонгир — 17-ти лет. Нет. *(Привстал со скамейки)*.

Молодой цыган. Стыкаться будем на кулаках?

Бонгир — 17-ти лет *(с улыбкой)*. Не знаю.

Молодой цыган. Ты корейчонок, что ли? Батяка с маткой здесь живут? Хочешь, спляшу тебе на пузе и на голове?

Бонгир — 17-ти лет. Моего отца убили и сбросили с поезда. Он здесь в лесу похоронен. Я приехал посмотреть на его могилу.

Молодой цыган *(оторопело смотрит на Бонгира)*. Во-она что... А не видел ты, малай, жеребца одного, когда по лесу ходил? У него тучочки тавро круглое. *(Показывает на свое бедро)*. А тучочки белое пятно. *(Показывает на грудь)*.

Бонгир — 17-ти лет. Видел. Только давно, еще утром.

Молодой цыган. Ну, ладно. Пообедаю и снова побегу искать. Доброго здоровья! *(Стащие с головы картуз, галантно раскланивается, подражая кому-то)*. Оревуар! *(Уходит к палатке)*.

Бонгир — 17-ти лет снова усаживается на скамейку. Со стороны палатки раздаются невнятные голоса, смех. Затем все стихает. Снова слышен крик кукушки.

Бонгир — 17-ти лет (подняв голову, прислушивается). Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!.. Красиво ты поешь! Но меня больше не обманешь. (Встает и расхаживает перед скамейкой). Теперь, если где-нибудь я тебя увижу, то подшибу камнем. Чтобы не обманывала людей. А то ведь так жалобно кричишь, что хочется тебя пожалеть... (Подходит к скамейке, вновь садится на нее, развязывает узелок, собираясь поест. Достает пампушечку, подносит роту — и замирает, пораженный внезапной мыслью). Наверное, он ехал вместе с ними на поезде, и это Тунгур-се ударил отца по голове камнем. А мать помогала, держала его за руки, чтобы он не смог защищаться... (Кладет хлеб на место и вдруг прямо со скамейки во весь мах бросается наземь возле потухшего костра. Выходит и становится над ним Бонгир — 28-ми лет. И, лежа лицом в землю, Бонгир — 17-ти лет, кричит). Мой отец никому не сделал плохого! За что вы убили моего отца? Ведь он был добрым! Неужели вы убиваете всех добрых? Я не хочу жить с вами! (Рыдает).

Бонгир — 28-ми лет (печально). Так я вдруг понял, что мне не на кого надеяться. Отец погиб, а мать... мать, возможно, была помощницей его убийцы. Мне было всего семнадцать лет, а жизнь человеческая представилась моим глазам столь безобразной, что не хотелось больше открывать глаз... И мне впервые приснился тот удивительный сон, который время от времени снится до сих пор. О, этот мучительный сон!

Свет мгновенно гаснет. В темноте мерцает лишь огонек костра. Возле него появляется Агриппина, но не такая, какую мы видели, а чудесным образом преображенная. Лицо ее, обычно напряженное, с жестким взглядом, сейчас, ярко выделенное из темноты, светится неизмеримой добротой и мягкостью. Одета во что-то легкое, струящееся шелком.

Агриппина. Встань, сынок, и подойди ко мне. (Протягивает руки).

Бонгир — 28-ми лет (выходит ей навстречу из тьмы). Матушка!..

Агриппина. Тебе приснилось, наверное, что-нибудь плохое? Почему ты так кричал и плакал, Бонгир?

Бонгир — 28-ми лет. Мама, что это было? Значит, все плохое происходило у меня во сне?

Агриппина. Ну, конечно, мой добрый мальчик! Все плохое привиделось тебе во сне.

Бонгир — 28-ми лет. А отец? Он живой, значит?

Агриппина. Конечно живой! Он только в последнее время стал очень веселым — все смеется и смеется, да громко так, ну никак не может остановиться!

Бонгир — 28-ми лет (изумленно). Да что вы говорите, матушка! Я никогда не слышал, чтобы отец так смеялся!

Агриппина. Ну ладно, сынок, теперь ты все знаешь, теперь успокойся и поезжай с ребятами в ночное. Ты же любишь пасти лошадей в ночном.

Бонгир — 28-ми лет. Хорошо, матушка! *(Поворачивается, чтобы уйти).*

Начинает звучать цыганская песня, заунывная, полная дикой и прекрасной тоски по чему-то недостижимому, навеки утраченному. Поет мужской голос.

Бонгир — 28-ми лет замирает на месте и слушает песню.

Ночь. В темноте лишь мерцает остаток костра да звучит вольная цыганская песня. Постепенно свет вновь загорается. На земле лежит Бонгир — 17-ти лет, над ним сидит на корточках Молодой цыган и трясет за плечо одной рукой, в другой руке — дымящаяся баранья кость.

Молодой цыган. Эй, малай! Чего ты орешь? Уснул, что ли? Нельзя спать на земле!

Бонгир — 17-ти лет *(садясь)*. Обманули.

Молодой цыган. Кто обманул? Кого? Когда?

Бонгир — 17-ти лет *(потирая ладонями лицо)*. Во сне меня обманули.

Молодой цыган. Э-э! Во сне не считается. Во сне чего только не бывает! Я во сне все время вроде бы летаю, а на самом деле только ногами на постели дрыгаю... На, рубай, пока горячая! *(Протягивает кость Бонгире).*

Бонгир — 17-ти лет *(берет угощение)*. Спасибо.

Молодой цыган. Вкусное мясо! Ешь, я тебе еще принесу.

Оба садятся рядом на скамейку. Между тем цыганская песня продолжает звучать все громче. Цыганский паренек вполголоса принимает вторить ему... Песня стихает...

Когда мой папанька берет гитару и поет, моя маманька все бросает и смотрит на него и слушает... Эх, любит она его!

Бонгир — 17-ти лет *отбрасывает обглоданную кость и вдруг утыкается лицом в плечо цыганенку. Тот орбело косится на Бонгире, затем гладит его по голове.*

Ну ты чего, чего, малай?.. Тебе папаньку своего жалко?

Бонгир — 17-ти лет *(отворачивается, вытирает слезы)*. Моя мать плохая... очень плохая. Она убежала с другим мужиком. Меня и сестренку бросила. А ей всего тринадцать лет.

Пауза.

Молодой цыган. Эх ты... во-она что! А как ты жить теперь будешь?

Бонгир — 17-ти лет. Ничего... Я в коммуны пойду. У нас холостые батраки коммуны создали. Каждому дают гектар земли. И мне землю выделят...

Молодой цыган. А сестренку куда денешь? С собой в коммуны?

Бонгир — 17-ти лет. Нет. Там будут одни мужчины. Сестренку пока возьмут к себе два старика. Она будет им кашу варить, белье стирать. А когда я встану на ноги и у меня будет свой дом, я заберу ее к себе. Мы не пропадем! Я буду

учиться, я обязательно выучусь и стану большим человеком. И когда-нибудь мы встретимся... Я еще встречу с ними на этом свете. Ничего...

Занавес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина четвертая

Большая комната батрацкой коммуны. Два выхода — первый на улицу, второй в соседнюю комнату. Вдоль окон устроены сплошные нары, на которых и спят члены коммуны. Над нарами протянуты красные полотнища с лозунгами: «КТО БЫЛ НИКЕМ, ТОТ СТАНЕТ ВСЕМ» и «ДАЕШЬ КОММУНИЮ»

Утро. Коммунары только что встали. Одни еще тянутся, неспеша одеваются, беря развешенную одежду с веревки, протянутой над нарами; другие уже спуют во двор обратно с полотенцами, кто голый до пояса, кто в белье. А самые расторопные уже заходят, умытые и одетые, в соседнюю комнату, где брякает посуда. Оттуда появляется в дверях коммунар с белой повязкой на голове, в фартуке. Это повар, он стучит двумя металлическими чашками дно об дно и кричит: «Ребятюшки! Завтракать! Скорее завтракать!» — и скрывается назад.

Последним слезает с нар длинный и худощавый парень, коммунар Пан.

Пан. Какой я сон видел, ребята!

Тимоша Эм. Знаем мы твой сон. Небось, опять про женитьбу?

Пан (удивленно). Откуда ты знаешь?

Тимоша Эм. А тебе в неделю семь раз снится, что ты женишься. Догадаться нетрудно!

Михаил. Э-э, ребяташки, а вчера ночью что было? Просыпаюсь я оттого, что кто-то обнимает меня за шею и колючей мордой трется о мое лицо и делает так... (Причмокивает, издавая звуки поцелуя). Хватаю я рукою эту небритую морду — а это, конечно, оказался Пан... Признавайся, щенок, вчера ночью ты опять во сне женился?

Пан. Он врет! Он все врет, этот Мишка! Не слушайте его, болтуна!

Михаил. Щенок, что ты сказал? Сейчас ты узнаешь, кто из нас болтун! (Хочет схватить Пана, тот отскакивает).

Пан. Тимоша! Тимоша Эм! Скажи ты ему, как комсорг, чтобы он не лез ко мне! А то не буду больше вместе с ним учить русский букварь! (Дразнит Михаила). Напа мишка кушал копка! Что это такое?

Михаил (чешет в затылке). Это значит: наш Пан дурачок, баран вонючий.

Пан. Сам ты баран!

Слышен голос повара из соседней комнаты: «Тимоша! Кто останется дрова колоть и котлы мыть?»

Я сегодня дежурю! А вместе со мной Бонгир. (Кричит). Эй, Бонгир, ты слышишь? Мы с тобою сегодня дежурные!

Голос Бонгира — 17-тя лет (из соседней комнаты). Слышу!

Пая (*Михаилу*). Если я баран, то ты, Мишка, мой сын — бараний сынок, значит. Бе-е! Хочешь сиську у мамки пососать? (*Убегает в соседнюю комнату*).

Все проходят в столовую, где уже во всю гремят ложки.

Входит с улицы старик Хе, рослый крепкий, в руке у него тляка. Он глуховат, поэтому, когда обращаются к нему, старик подставляет собеседнику ухо.

Хе. Хозяева дома? Э-э, ребяташки, вы только сели завтракать, вижу. А уже пора на работу, пора! Вот шел мимо да зашел — с вами хочу выйти на поле. (*Садится на нары*). Из-за реки черная-чернуцая туча надвигается, как бы дождя не было... Помешает работе дождик-то...

Из соседней комнаты выходят те, что первыми закончили завтрак. Среди них Бонгир — 17-ти лет и Андрей, маленький, пряткий парнишка.

Как бы, говорю, дождик нам не помешал, ребяташки...

Андрей (*подскачив к старику, низко кланяется ему, прижимая свои руки к бедрам*). Хе-абай, не хотите ли жениться?

Хе (*не расслышав*). Да я уже позавтракал, Андрей, давно позавтракал! Спасибо, ешьте сами на здоровье.

Андрей. Абай, вы не обидитесь, если вас по спине трахнуть этой штукой? (*Показывает на тляку*).

Хе (*кивает головой*). Наточил ее, а как же! Востра, как бритва!

Парни, собравшись за спиной старика, тихонько посмеиваются. Из двери высовывается повар и сердито ворчит на них: «Ну-ка вы, нечестивцы! Перестаньте сейчас же!»

Э-э, я думаю, все равно дождик хпынет. Наверное, и до поля не успеем дойти...

Бонгир — 17-ти лет (*подойдя к старику*). Как девчонка, абай?

Хе (*подставляет ухо*). Что, парень?

Бонгир — 17-ти лет (*кричит*). Сестра! В школу ходит?

Хе. Ах, в школу!.. Вчера ходила! Я ей за это конфет в лавке купил.

Бонгир — 17-ти лет. Балуете вы ее!

Хе. Платье тоже купил, а как же! Чистенькая она у нас ходит, как дочка чиновника, так что не беспокойся, Бонгир, ей живется у нас неплохо. Мы ее как дочку родную бережем.

Парни о чем-то между собою шушукуются, многозначительно поглядывая на старика Хе и Бонгира — 17-ти лет, затем выходят из комнаты. Старик берет тляку и следует за ними.

Ты бы нас навестил, Бонгир! Давно не был. (*Уходит*).

Бонгир — 17-ти лет идет в соседнюю комнату. Оттуда выходят остальные коммунары и один за другим пробираются к выходу. Комната пустеет.

Бонгир — 17-ти лет выходит из соседней комнаты с веником и принимается подметать пол. На пороге появляется Пан и молча наблюдает за ним.

Пан (подойдя к окну). Как потемнело! Наверное, прав старик, будет дождь. Нам с тобою повезло, что как раз сегодня вышла очередь дежурить... Промоет дождик всех, как собачьи кости на дороге... (Обернувшись к Бонгиру). Эй, а ты и вправду ничего не знаешь или притворяешься?

Бонгир — 17-ти лет. Ты о чем это?

Пан (вплотную подойдя к Бонгиру, испытующе смотрит на него). Кажется, он и на самом деле не догадывается...

Бонгир — 17-ти лет. Что случилось?

Пан. Все кругом знают, а ты, значит, один не знаешь?

Бонгир — 17-ти лет. О чем?

Пан. Да о том, что твоя сестра, которой недавно исполнилось четырнадцать лет, ходит беременная...

Бонгир — 17-ти лет (вскрикивает). Что? (Замирает на месте).

Почти одновременно грохочет страшный гром, на землю обрушивается ливень. В комнате темнеет так, что почти ничего не видно.

Свет меняется.

На авансцену выходит Бонгир — 17-ти лет. Грохочут раскаты грома.

Бонгир — 28-ми лет. Весть эта, как молния, ударила в меня. Я не мог двинуться с места... Только я начал привыкать к новой жизни, только стал потихоньку забывать свое горе — и тут новый удар... Сестра уже несколько месяцев жила у стариков Хе и Тяна. Каждому из них было за семьдесят, это были несчастные бобыли, всю жизнь промыкавшие в бедности, никогда не имевшие семьи и своего угла. Под старость они соединили свои капиталы и построили домишко на двоих... Им нужна была женская рука, чтобы хоть убирать в доме и заплатки ставить на одежду — вот они и попросили, чтобы девочку отдали в их дом на воспитание. Мой дядя Чунсеб, брат отца, единственный наш родственник, дал согласие, и я сам за руку отвел сестренку к старикам. Она не очень была работящая да и не очень послушная, сказать правду, однако старики не могли нарадоваться, принялись баловать ее и холить, потому что своих детей у них никогда не было. Они звали ее «наша дочка»... И как же могло случиться то, что случилось? Отец... Вы всегда хотели сделать все по-хорошему. Нет, вы никогда не говорили о доброте, как это любят делать многие среди нас. Вы б ы л и — вы просто были добрым, вы существовали в доброте. Но что из этого? Вас убили... Кто-то убил вас и на всем ходу поезда скинул в темном тоннеле...

Кто-то в этом мире потихоньку смеется над добротой. Словно безответная овца или робкий заяц — добрый существует для него, как жертва, как мясная пища, как предмет тайного надсмехательства... (Кричит). Я не хочу быть добрым! Отец, я не хочу быть добрым! Четырнадцатилетняя глупая сирота... жалкая девочка, любящая жевать конфеты и разглядывать картинки в книжке... Да у кого же, у какой скотины не нашлось даже капли жалости, чтобы только не тронуть несчастного ребенка? Я теперь знаю... Я знаю: тот,

кто убил моего бедного отца, и тот, кто обесчестил сестренку, — это одно и то же существо. Может быть, не одно и то же лицо — но одно и то же гнусное существо. Оно прячется в человеке, и поэтому нельзя доверять любому человеку. За человеком надо следить бдительно!

Гремит гром; слышно, как ливень обрушивает на землю новые потоки воды. Свет меняется, возникает светящаяся фигура неподвижно замершего Бонгира — 17-ти лет.

Я стоял тогда и думал обо всем этом. *(Показывает на силуэт Бонгира — 17-ти лет)*. Я впервые вдруг осознал, что и в смерти отца, и во всех бедах, которые обрушились на нашу семью, виноват только один человек. И этим человеком была моя родная мать...

Свет гаснет. В темноте слышен шум грозы. Загорается свет: перед нами прежняя комната коммуны, и Бонгир — 17-ти лет стоит неподвижно на том же месте.

С грохотом распахивается дверь — и ватага мокрых, шумных коммунаров сваливается в дом.

Коммунар-1 *(голый по пояс, отжимая снятую рубаху)*. Фу! Промок до самых кишочков!

Коммунар-2 *(берет с веревки полотенце, вытирает голову)*. От воды аж в глазах щиплет! Вот так ливень!

Михаил. Теперь портки и рубаху стирать не надо! Красотища!

Коммунар-1. Ленивому и под дождем стирка!

Михаил. Лучшей стирки не бывает. Дождевая вода! Моет без мыла.

Коммунар-2. Зато, ребята, мы студента встретили! Не будь дождя, не стоял бы он под мостом, а ушел в сельсовет и путевки туда бы отнес.

Тимоша Эм *(вытираясь полотенцем)*. Сельсовет все равно выделил бы для коммуны одну путевку.

Андрей *(прилясывая от радости)*. Зато теперь у нас обе путевки на руках! Две путевки! Значит, учиться поедет не один, а двое!

Выбегает из соседней комнаты Пам с тряпкой в руке.

Пам. Что за дела? Какие путевки? Куда учиться?

Андрей. В рабфак учиться! Во Владивосток, балда! Студента одного встретили, у него оказались две путевки для распространения в деревне. И он нам их отдал!

Пам *(всполошенно)*. А кто поедет учиться? Кто?

Тимоша Эм. Товарищи коммунары! Проведем срочное всеобщее собрание, пока идет дождь. Путевок всего две, а нас вон сколько. Поэтому надо хорошенько подумать и решить это дело справедливо.

Все рассказываются по нарам, на скамеечки. Андрей подходит к Бонгиру — 17-ти лет, который устроился в стороне от всех, на краю нар.

Андрей (*Бонгир*). Ну, а ты чего молчишь? Ведь больше всех мечтаешь об учебе, книжки из рук не выпускаешь... Боишься, что не тебя выберут?

Бонгир — 17-ти лет молчит, свесив голову на грудь.

И я, честно говоря, этого боюсь... Весь дрожу, как в лихорадке.

Тимоша Эм (*кладет перед собою лист бумаги и карандаш*). Начинаем, товарищи коммунары! Кто хочет высказаться? Нам надо составить список желающих, из них потом оставить только двоих...

Пожилой коммунар. В коммуне таких, как я, которые в возрасте уже, девять человек... Нас, я думаю, не надо учитывать. Прошло время для учебы, чего там. Пусть молодые учатся.

Голоса с мест: «Правильно», «Ученые из нас уже не получатся», «Для учебы нужна молодая голова, а наши головы мякиной набить». Оживление. Смех.

Я полагаю, Андрюшку надо в первую очередь записывать. Он у нас самый молодой — неполных семнадцать ему. Это раз. Во-вторых, он сирота. В третьих, десять лет в батраках ходил, а начал с семи лет! К учебе тянется — так пусть малец и едет учиться, в люди выходит!

Голоса с мест: «Справедливо», «Андрюшка подходит», «Работающий парень», «Комсомолец», «Грамотишку знает, в приходской школе учился».

Тимоша Эм. Записываю: Андрюша Ким... Давайте следующего.

Наступает молчание.

Ну что ж... Я думаю, что следующими по всем статьям подходят Пан Владимир и Чен Бонгир. У Пана отец и старший брат в красных партизанах погибли, он один из самых первых вступил в коммуну... Чен Бонгир — он тоже сирота и, главное, он самый сильный у нас в грамоте. Уж он-то надежный в этом деле, обязательно поступит учиться и не изведет зря путевки...

Бонгир — 17-ти лет вдруг вскакивает с места и, опрокинув скамейку, повалившись на пути, выбегает из комнаты на улицу.

Что это с ним? Куда это побежал в самый дождь?

Пан. Да бесится он, что я ему про сестренку сказал. Как услышал, так остолбенел, глаза вытупил и ни слова, словно глухонемой...

Михаил. Зачем же было говорить про это, сукин ты сын!

Пан. Да все равно сам бы узнал скоро! Пузо-то не скроешь, девка скоро рожать собирается...

Снова все замолкли.

Тимоша Эм. Ну, ладно, товарищи, давайте вернемся к нашему делу... Кого еще записывать?

Пожилой коммунар. Не надо больше никого, и этих хватит. Зачем кого-то еще выбирать, если мест всего два? Зачем лишних людей зря тревожить? Уж если эти три самые подходящие, то и достаточно, я считаю.

Голоса с мест: «Верно сказано!», «Чего зря дразнить?», «Меньше спору будет, меньше шуму».

Лично я за Андрея и за Мансама. Они больше по душе.

Шум, гам, одни кричат: «Пана! Пан должен ехать». Другие: «Мансам пусть едет!». Третьи: «Андрея выбираем!».

Пан (*кричит, перекрывая шум*). Андрюшка еще молодой! Ему только шестнадцать, а мне уже двадцать шесть! Я уже старый! Если мне сейчас не удастся на учебу, то когда же, когда?

Михаил. Но у тебя, как и у меня, с русской грамотой не шибко! Букварь еще не весь одолел. Не возьмут тебя на рабфак, а направление одно понапрасно испортишь!

Пожилой коммунар. Ты уже матерый, на ногах стоишь. А Андрюшка сопляк еще. Так пусть учится малый, в люди выходит.

Пан. А почему ему такое счастье, а мне нет?

Перед коммунарами становится Тимоша Эм и, по обычаю митингования тех лет, начинает потрясать сжатым кулаком над головой, как бы вколачивая каждое слово в пространство.

Тимоша Эм. Товарищи коммунары! Мировая революция сморщит на нас, и призрак этой революции бродит по Европе, как сказали товарищи Маркс и Энгельс, а вы шумите, будто бабы на базаре! Что тут у нас на красной материи написано? (*Показывает на лозунг: «КТО БЫЛ НИКЕМ, ТОТ СТАНЕТ ВСЕМ!»*). Тут написаны слова о самой большой справедливости на свете! А что означают эти слова? Они означают, что мы пролетариат, должны дать счастье тем, кто был обижен больше всех, кто оказался самым несчастным. Новая власть дает нам возможность учиться, просветлять свой ум ради мирового коммунизма! Так вправе ли мы отказать в этом счастье Андрюшке Киму, который батрачил с семи лет и ничего лучшего, кроме мотыги и лопаты, не видел в жизни? Какое счастье было раньше, у всех нас, мы хорошо знаем. Все мы, если взять каждого, и сироты, и бывшие батраки, и дети батраков. Жизнь наша была собачья. А теперь пришли другие времена. И пусть среди нас будет хотя бы один счастливчик! Пусть едет учиться Андрюша!

Коммунары (*хором*). Пусть! Так! Так! Хорошо!

Тимоша Эм. И пусть едет учиться, товарищи, самый несчастный среди нас. Вы все знаете, о ком я говорю и почему это я говорю...

Все хором: «Знаем! Так! Правильно!». Шум за окнами усиливается. Бьет молния, раскатами грохочет гром.

Занавес.

Фантастическая сценка

Между четвертой картиной и данной сценкой должно пройти как можно меньше времени. Шум его, грохот грома и всполохи молний продолжают беспрерывно с предыдущей картины. На фоне тускло светящегося тюлевого занавеса виден силуэт одинокой могилы.

Бонгир — 28-мя лет (*лишь его голос, звучащий из темноты*). Дом, где располагалась коммуна, стоял вдали от селения. Я выбежал на улицу под дождь и помчался к селу, к дому стариков Хе и Тяна. И не знаю, каким образом очутился на этом месте... Вдруг я выбежал на знакомую поляну и оказался возле могилы отца, возле знакомой дорожкой могилы. Это могло быть только в том случае, если я смог бы за несколько минут преодолеть пространство в тысячу километров.

Выбегает к могиле мокрый, с прилипшими волосами, Бонгир — 17-ти лет, останавливается, озирается, бурно дышит.

Бонгир — 17-ти лет. Где это я? Неужели заблудился? И чья-то это могила... (*Всматривается, вскрикивает*). Неужели отцовская? О, мой отец! Отец! (*Падает грудью на холмик*). Если бы вы знали, что случилось... Если бы вы только знали! Ваша несчастная, глупая дочь... Ваша дочь... (*Плачет*).

Меняется свет, и в складках тюлевого занавеса, вблизи могилы выявляется стоящая фигура Чена. Бонгир — 17-ти лет поднимает голову и видит его.

Отец! Вот вы и появились! Я знал, что вы должны появиться, когда мне станет очень плохо. Я так по вас тоскую, отец, что нет у меня больше сил жить на свете, нет сил!

Чен. Бонгир... Мой сын! Не плачь, Бонгир.

Свет меняется. Мы видим ярко освещенное лицо Чена. Оно исполнено великой нежности, доброты, ласки.

Не плачь, сынок...

Бонгир — 17-ти лет (*протягивая руки к видению*). Только не исчезайте сию минуту! Только не бросайте меня снова! Мне вам столько нужно сказать... Если бы вы только знали, куда я сейчас спешу и что хочу сделать.

Чен. Я знаю, сынок.

Бонгир — 17-ти лет (*страстно*). И вы мне поможете, отец?!

Чен. Не мучайся так, Бонгир. Любимый мой сын... Но не делай того, что ты задумал.

Бонгир — 17-ти лет. А тогда что, что мне делать?! Как я должен поступить, по-вашему?

Пауза.

Чев. Ты должен все сделать по-хорошему.

Бонгир — 17-ти лет (*горестно*). Опять вы повторяете старое... Как можно с н и м и поступать по-хорошему? Нет, напрасно вы показались мне, отец! Лучше снова уходите туда, откуда вы явились. Вы мне не сможете помочь. Потому что я должен сделать то, что задумал, и сделаю это! (*Вскакивает и убегает со сцены*).

Свет меняется. Фигура Чена вновь уходит в темноту.

Бонгир — 28-ми лет (*голос из темноты*). И я бежал, бежал сквозь дождь, задыхаясь, захлебываясь в холодных струях дождя, — и смерть сестры, а затем и моя собственная смерть казались мне в ту минуту единственным избавлением от позора и гнусности жизни.

Картина пятая

Внутри небольшой бревенчатой избенки: комната, вход в другую комнату, дверь с улицы. В передней комнате у окна сидит за низеньким столиком тщедушный лысый старичок Тяя; он в очках, вдевает нитку в иголку. Справившись с этим трудным для него делом, что-то мурлычет себе под нос. Рассматривает изделие.

Тяя (*смотрит в окно*). Вот и дождик кончился. (*Напевает под песенный мотив*). Дождик кончился! Дождик кончился!... (*Зовет громко*). Чундя! Эй, Чундя!

Заспанный девичий голос из соседней комнаты отвечает: «Ну, чего еще?».

Наша самая красивая на свете Чундя! Дочка наша! Дождик кончился. Не сходишь ли ты за водой?

Голос недовольно произносит: «Я устала. Спать хочу».

(*С легким укором*). Для молодых дневной сон вреден. Это нам, старикам, очень даже полезно подремать в охоточку на теплом кане да после сытного обеда... (*Вздыхает*). Вот, думали, помощницу в дом берем, а оказалось, что взвалили на себя новую заботу... (*Принимается за шитье*). Но и то надо сказать: зачем человеку жить на свете, если ему не о ком заботиться? Даже собака таскает своих щенков с места на место, чтобы потеплее их устроить... Вот не знал я раньше таких забот, а теперь знаю... (*Поднимает перед собою недошитую юбку, рассматривает*). И с тех пор стал то ли матерью, то ли бабкой, то ли портнихой для нашей милой дочери... А ей-то что? Сходит в школу, поест как следует то, что я настряпаю, да пойдет гулять с подругами. (*Зевает*). Ну ничего! Зато теперь набегаюсь за целый день по хозяйству да повадось вечером спать с легким сердцем. И сплю крепко — не скрючившись, как собачонка, а спокойно вытянув ноги, как человек с чистой совестью...

Входная дверь вдруг с грохотом распахивается, отброшенная ударом ноги. В дом вбегает Бонгир — 17-ти лет. Он весь мокрый, вид его страшен, кулаки сжаты.

Эй, парень, что случилось? Чего ты врываешься в дом, будто хункуз?
(*Вскакивает на ноги.*)

Бонгир — 17-ти лет (*стоит посреди комнаты, озирается*). Где этот... Где глухой?

Тян. Где же быть ему? На поле! Ты же знаешь, что по здоровью я могу только дома хозяйничать, а он на поле работает...

Бонгир — 17-ти лет. Вас обоих нужно убить, как зверей.

Тян (*гневно*). Что ты такое несешь, парень? Как со старшими разговариваешь? Нас убивать не нужно, мы сами скоро умрем от старости!..

Бонгир — 17-ти лет (*кричит*). Где девчонка?

Тян (*испуганно*). Там она! (*Показывает на проход в соседнюю комнату*). Чего тебе надо от нее? Она спит! Чего ты хочешь? Этот парень свихнулся!

Бонгир — 17-ти лет устремляется в заднюю комнату. Тянь пытается остановить его. Юноша отталкивает старика и врывается в дверь. Старик устремляется за ним. Из комнаты доносятся звуки борьбы, глухие удары. Пронзительно вскрикивает девочка.

Из двери, шатаясь, выходит Тянь, лицо у него окровавлено. Он пытается добраться до выхода — и падает посреди передней.

Помогите... человека убивают... (*Теряет сознание*).

Из дальней комнаты доносятся отчаянные вопли девочки, и, перекрывая их, звучит страшный крик Бонгира: «Говори, кто это сделал? Говори! Убью на месте!». В это время входит Хе, с головою накрытый вывернутым углом вверх мешком. Он не слышит криков, доносящихся из задней комнаты, снимает с головы мешок — и только тут видит лежащего на полу Тяня. Отбросив мешок, Хе подбегает к нему.

Хе. Старший брат, что случилось? (*Приподнимает с пола Тяня*). Он весь в крови! Что случилось, старший брат?

Тянь приходит в себя, слабо стонет, и, с трудом подняв руку, выразительно показывает на дверь дальней комнаты. Хе оставляет его на месте и с неожиданной молодой энергией, с глухим медвежьим рыком устремляется к двери.

Воры напали!

Хе исчезает в соседней комнате, там начинается отчаянная борьба, и вдруг звучит удивленный возглас старика: «Кто это? Да это же Бонгир!.. Ты чего, парень?». Затем словно рев раненого зверя: «Чего ты бьешь девочку? Ты что с нею сделал?». Звуки борьбы продолжают — и вдруг все стихает. Из двери

выходит Хе, вынося на руках обмякшего, обессиленного Бонгира — 17-ти лет. Старик сажает юношу у стены и стоит над ним, весь дрожа.

Ты чего это, эй! Пьян напился в коммуне, что ли?

Бонгир — 17-ти лет (*с трудом выговаривая слова*). Со мной... все кончено... С нами... с обоим... все кончено. Отец, приди... возьми нас с собою... (*Теряет сознание*).

Хе (*озираясь посреди комнаты*). Люди, что случилось? Или черт меня водит, заманил в чужой дом? Что тут творится, хотел бы я знать!

Свет меняется. Входит Бонгир — 28-ми лет.

Бонгир — 28-ми лет. Так все и происходило одиннадцать лет назад... Я заболел нервной горячкой и в тот год не смог попасть на учебу. В рабфак из коммуны поехали Андрей и Пан Владимир. Я же отправился учиться на следующий год. Сестру увез к себе дядя Чунсеб, она у него и родила, а после, спустя два года, вышла замуж за одного хорошего человека. У нее теперь трое детей... С того года с сестрой я больше не виделся — некогда было, главное, не хотелось мне с нею встречаться... Старики Хе и Тянь вскоре умерли, но даже перед смертью никто из них не признался, что виновен в истории с моей сестрицей. И я теперь думаю, что бедные старики были чисты, и напрасно людская молва приписывала им этот грех. Они любили ее как дочь. Вина была она сама. Нет, виновата была только наша мать... Которая родила ее и в которую пошла, видимо, ее дочка... О матери я до сих пор ничего не знаю. И хотя прошло уже столько лет, и дальнейшая жизнь моя сложилась благополучно — душа горит, никак не успокоится, и ничего я забыть не могу. И больше всего я боюсь того, что когда-нибудь в этой жизни мне придется встретиться с моей матерью. (*Уходит*).

Занавес.

Картина шестая

В перерыве между картинами начинает звучать Песня кукушки. Поет женский голос.

Кукушка, ты, кукушка,
О чем так плачешь жалобно?
Детей ли вспомнив брошенных
Ты плачешь так, кукушка?
— Детей не помню брошенных,
Ведь я их не видала.
Они не помнят матери,
И я о них забыла.
Кукушка, ты, кукушка,
О чем так плачешь жалобно?
О матери утерянной

Ты плачешь так, кукушка?
— Я мать не знаю милую,
Ее я не видала,
Она не помнит дочери,
И я о ней забыла.

Выходит на авансцену Бонгир — 53-х лет, он совершенно седой, плечи его поникли, в движениях уже видно что-то стариковское (в его гриме актер, игравший Бонгира — 28-ми лет). В руке свернутая газета.

На краю сцены стоит садовая скамейка.

Песня кукушки (продолжение).

Кукушка, ты, кукушка,
О чем же плачешь жалобно?
Детей своих ты бросила,
А мать тебя забыла...
— Родная мать забыла,
Детей я растеряла,
Но у меня есть родина,
О ней я не забыла.
Там дерево высокое,
Река течет большая —
Отчизна там далекая,
О ней я не забыла.

Песня заканчивается вместе с далеким криком кукушки. И опять ее голос печален и прелестен, долетая к нам сквозь пустую тишину полей.

Бонгир — 53-х лет. Вот и новый апрель, опять запела кукушка. (Подходит к скамейке, садится и слушает крик кукушки). Все годы, пока человек живет на земле, слышит он твое грустное пение. Слышал я тебя и на берегу Амура, и на холмах Казахстана, и в лесах далекой Германии, куда забрасывала меня война. Да, на земле происходят войны, великие события, огромные перемены, а ты, знай, кричишь свое «ку-ку, ку-ку»!.. И как-то раз в Венгрии, вот в такой же теплый веселый денек, когда мы отдыхали между боями, я сочинил о тебе песенку. (Поет вполголоса, тихо раскачиваясь)

...Родная мать забыла,
Детей я растеряла,
Но у меня есть родина,
О ней я не забыла.

Небольшая пауза.

Я слышал, как эту песенку напевала моя дочка-студентка, когда мыла посуду, помогая матери... (Простодушно). И как это мне, человеку, который поет, как тюлень ревет, удалось сочинить такую хорошую песню? (Улыбаясь,

задумывается). Я сейчас волнуюсь и радуюсь, как радуются сегодня, наверное, все люди на свете. А как же иначе?! (*Разворачивает газету*). Человек впервые оказался в Космосе! Как говорится, он залетел в дом самого владыки неба, словно бабочка... Вот победа так победа! Вот молодец так молодец! (*Рассматривает газету*). Целый день сегодня смотрел я на лицо этого человека и никак не мог насмотреться. Удивительное лицо — и такое знакомое, простое! Гагарин... Юрий Алексеевич. Я все радовался и думал: ну где, где я мог раньше видеть этого человека? И вот, наконец, вспомнил — и это самое поразительное для меня. Удивительное! (*Встает со скамейки и взволнованно ходит по авансцене. Похлопывает по карманам, ища папиросы, не находит и, вспомнив, машет рукою*). Ах, ты... совсем забыл, что давно бросил курить, врачи запретили... (*Тихо*). Глаза... взгляд, улыбка, ласковое выражение этого лица были такими же, как у моего покойного отца... Поразительно! Возможно ли такое? Кто он был, мой бедный отец, а кто он — Гагарин? Великий человек! И все же... Может быть, попросту у всех добрых людей похожие лица? Может быть, у доброты такое лицо, как у Юрия? В таком случае это сходство я как-то еще могу объяснить для себя.

Небольшая пауза.

Мой отец, который хотел, чтобы все наши человеческие дела решались по-хорошему... Мой отец, который, конечно, и читать даже не умел, и эту газету сейчас держал бы вверх тормашками... Но разве он не знал то главное, ради чего делаются все дела человеческие? Знал, и лучше других. И закон его души — решать все дела по-хорошему, разве не является самым важным законом всего земного человечества? (*Снова садится на скамейку, сворачивает газету, кладет в карман*). В юности я в душе спорил с ним, а теперь не спорю. В нашем споре он одолел меня. И это случилось в тот день, когда я после многих лет неведения вдруг однажды встретился с моей несчастной матерью. А произошло это там, вдали (*машет в глубину сцены*), посреди казахстанской степи, и в том году, когда мы переселились сюда с Дальнего Востока. Мне тяжело вспоминать этот день, и сердце мое болит, огнем жжет. (*Кладет руку на грудь*). Отец, я уже почти в том возрасте, когда вы скончались... А вы, моя матушка, скончались во время войны, когда я был на фронте, и вам было почти столько же лет... Так что, выходит, мы все трое теперь ровесники. (*Встает со скамейки*). Для чего все же после стольких лет презрения и ненависти я тогда решил поехать к матери?... Сложно это все было... Сложно, тяжело и горько... Мне хотелось узнать, насколько она была виновата в гибели отца. (*Опустив голову, уходит с авансцены*).

Занавес поднимается.

Окраина степного среднеазиатского городка. Саманный призрачный домик, состоящий из двух половин, соткнутых друг с другом в виде буквы «Г». Угол, образованный двумя частями дома, является двором для жильцов правой половины. Оттуда во двор выходят дверь, окно. Левая же часть обращена ко двору глухой стеною, продолжением которой является глиняный дувал. Под ним

лежит камень, привстав на который можно легко перебраться через забор на соседний двор.

Во дворе Тунгур-се в старой обвисшей майке, растрепанный, босиком, рубит на колоде сухие ветви саксаула.

С соседнего двора доносятся звуки гитары и ритмичные удары в бубен, слышен звонкий мальчишеский крик: «Быстрой играй! Быстрой! Еще быстрее!». Игра на гитаре и звуки бубна убыстряются.

Тунгур-се (не выдержав, втыкает топор в колоду). Эти цыгане того... с ума посходили, наверное. Целый день дан-дан-дан! Слышать больше не могу! (Подходит к дувалу, становится на камень и, перегнувшись через забор, смотрит в соседний двор. Кричит). Эй, цыганята, побирушки этакие! Чего вы целый день дан-дан-дан, дан-дан-дан! — в барабаны колотите? По башке себя лучше бейте!

За дувалом звенит смех детворы.

А мои дети как сюда попали? Ну-ка, щенята, сейчас же марш на свой двор! Немедленно! (Спрыгивает с камня, отряхивает испачканные на коленях штаны). Вот, жил-жил, под конец в соседях с цыганами оказался!

Из дома раздается голос Агриппины: «Чего ты снова с цыганами воюешь?». Справа, где вход во двор, появляются двое детей, мальчик и девочка, пяти и шести лет, бедно и небрежно одетые, босиком; они прошмыгивают мимо отца и скрываются в доме.

Надо было нам купить другой дом! (Кричит вслед детям). Вот увидите, чертенята, увидите! Цыгане запихают вас в мешок и на базар оттащат! Не будете слушаться, будете бегать к ним, так и случится! Продадут вас цыгане на базаре! (Направляется ко входу в дом).

В это время появляется во дворе Бонгир — 28-ми лет. Тунгур-се оглядывается и секунду-другую молча смотрит на него, остолбенев, выпучив глаза. Затем быстро скрывается в доме.

В это же мгновение из дома выскакивает пятилетний мальчишка и прошмыгивает к дувалу, мигом перескакивает через него.

Повернувшись, Бонгир — 28-ми лет провожает его взглядом. Затем стоит возле колоды, потупившись, машинально берет топор, рубит ветку. И в ту же секунду из двери выскакивает Агриппина, вострепанная, постаревшая, подбегает к Бонгиру и хватает его за руки.

Агриппина (кричит хрило). Бонгир!? Это ты пришел, Бонгир! Зачем?! Бонгир — 28-ми лет (вскрикивает). Матушка! (Роняет топор на землю).

Схватив друг друга за руки, склонив головы, оба горько плачут.

Из двери дома выходит девочка и робко пробирается мимо взрослых к выходу из двора. Срыгается — и бегом...

Бонгир — 28-ми лет. Матушка, вот мы и встретились! *(Отвернувшись, рыдает. Отходит к дувалу, садится на камень, не поворачиваясь к матери).*

Агриппина обесиленно садится на колоду — и тоже к нему спиною. Так и сидят они минуту, другую.

А за дувалом снова начинается цыганская музыка — гитара и бубен — и детский крик: «Давай, играй быстрее! Быстрее!»

(Наконец успокоившись). Немало времени прошло... Вон у вас новые дети родились. Большие уже.

Агриппина (не поворачиваясь, спрятав склоненное лицо в руку). Знаю... Ты пришел, чтобы отомстить за отца. *(Спокойно).* Не делай этого, Бонгир, не трогай Тунгур-се. Он не виноват... Твой отец увязался за нами в поезде... никак не отставал. И мы решили бежать от него. Когда поезд вошел в тоннель, мы в темноте ушли в другой вагон и спрятались в туалете. А на следующей остановке потихоньку сошли с поезда. И больше я его не видела.

Бонгир — 28-ми лет сидит на камне и слушает, все также не поворачиваясь к матери.

А впрочем, вот топор, а вот моя голова. Руби мне голову, сынок. Ведь ты пришел меня судить. Ну и правильно! Все равно это я виновата, что твой отец погиб. Я одна во всем виновата. Мне и надо голову рубить, а больше никому.

Бонгир — 28-ми лет *(встает, делает шаг, другой к матери).* Матушка, никого я не хочу трогать.

Агриппина. А ты вырос, сынок... Совсем уже взрослый стал. Слышала я, что ты женат, у тебя двое детей... И у Чунди тоже дети... *(Вдруг бросается к сыну, падает на землю и крепко, обеими руками, обхватывает его ногу).* Убей меня! Вот она я, собака, а вон мои щенята бегают... Если бы не они, я давно сама приехала бы к тебе... Ох, горе, горе! Сколько раз я вспоминала про тот обед, который в последний раз своими руками стоговила для тебя! Сынок мой! Я виновата, и грех на мне, но ты уже взрослый мужчина! Я прошу тебя, умоляю, сынок! Или убей на месте, потому что меня и надо убить, или реши дело по-хорошему!

Бонгир — 28-ми лет с силой отрывает от себя мать и делает шаг назад. Агриппина остается лежать на земле.

Бонгир — 28-ми лет *(решительно).* Матушка, я ухожу. Рад был повидать вас. Прощайте.

В это время звучит на соседнем дворе песня, распеваемая высоким мальчишеским голосом — та самая песня, которую когда-то слышал юный Бонгир на таежной станции. Как вкопанный останавливается Бонгир — 28-ми лет и минуту слушает, закрыв глаза.

Агриппина (приподнявшись на колени). Бонгир, сынок мой! Куда ты уходишь? Когда же... когда мы еще свидимся!

Бонгир — 28-ми лет (не оборачиваясь). Никогда больше, матушка. Агриппина. Убейте меня! Убейте меня... (Падает на землю).

Цыганская песня внезапно прерывается. Бонгир — 28-ми лет быстро, не оглядываясь, покидает двор. И тут же оказывается на авансцене.

Бонгир — 28-ми лет. Я уходил и боялся оглянуться, как будто сзади собирались выстрелить в спину из ружья. Я хотел скорее уйти от той обжигающей, как пламя, жалости, которая пробудилась во мне. Я уходил, убежал, потому что мне казалось, что если я оглянусь, то рухну на землю с таким страшным воплем, с такими горькими слезами, после которых не будет у меня никаких сил подняться. А мне хотелось жить, хотелось бороться, хотелось беспощадно наказывать зло в этом мире — и для этого надо было немедленно уйти. Я помнил, что еще не найдены те, которые убили моего отца и обесчестили малолетнюю сестру. Я хотел найти их и достойно покарать... Я еще не знал, не думал о том, что моей-то матери нужно всего лишь мое прощение и простое человеческое милосердие. Я об этом подумал гораздо позже, когда сам пройду через падение и унижение, когда узнаю войну, плен, изгнание... И когда матушки моей уже не будет на этом удивительном белом свете. (Уходит).

Кричит кукушка.

Занавес.

КОНЕЦ

КОРИДОР

Патриотическая комедия в 3-х действиях

Соотечественникам посвящается

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАТЬ, Аврора Максимовна — 65 лет.

БОРИС, ее сын — 40 лет.

РИММА, его жена — 30—35 лет.

АНТОН, их сын — 15 лет.

АНЯ, подруга Антона — 16—17 лет.

АПОЛЛОН, работник культурного центра — 35 лет.

ГОСТЬ О Т Т У Д А — темнокожий мужчина
представительного вида средних лет.

САНТЕХНИК — 25—30 лет.

СОСЕД — 40—45 лет.

СТАРШИЙ ОФИЦИАНТ.

МЛАДШИЙ ОФИЦИАНТ.

Милиционер, два санитары — эпизодические лица
без определенных примет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Алма-Ата 90-х, впрочем, как и любой постсоветский город после распада империи. Центр города. Действие происходит в квартире. В центре сцены просторная гостиная, из которой двери ведут в комнаты — прямо через коридор к матери, слева и справа от коридора, и еще правее — соответственно к сыну, невестке, и внуку. В глубине между комнатами Риммы и Антона узкий темный коридорчик, ведущий к наружной двери, в левой части гостиной маленький закуток — кухня: плита, кухонный столик, окно. Посередине гостиной — обеденный стол, на нем телефон, стулья, вдоль стен сервант, незатейливая мебель — обыкновенная городская обстановка. Утро. За окном идет дождь. Мать в домашнем халате выходит из коридора, машинально включает радиоприемник, зажигает плиту, ставит на нее чайник, смотрит в окно.

Мать (задумчиво). Опять дождь... (Вздыхает, глядит в потолок). Как бы снова не потекло. (Достает из-под кухонного столика тазик, ставит его в гостиной, потом достает еще один тазик, потом еще какие-то емкости, — выстраивает все это вдоль одной видимой ей линии). Ох, уж эти сантехники... И Борис хорош. В конце концов, хозяин он или нет? (Смотрит в потолок). Когда-нибудь это

обвалится, и никого рядом не будет. (*Присаживается за обеденный стол*). Самое страшное, когда рядом люди, а на самом деле никого...

Борис (*сонный, выходит из своей комнаты, направляется в ванную, спотыкается о тапки*). Доброе утро, мама! О, здесь сам черт ногу сломит... Что это ты с самого утра баррикады устраиваешь? (*Уходит, шумно умывается*).

Мать. Дождь, Борис...

Римма (*выходит из комнаты с полотенцем на плече, спотыкается*). Здравствуйте... Господи! Опять у вас передел территории? (*Пытается войти в ванную*). Когда же это кончится?.. (*Уходит*).

Мать (*готовит завтрак, разговаривает сама с собой*). Странный был сегодня коридор... Кажется, он опять издевался надо мной... (*Поднимает голову и обращается к портрету, висящему на стене сбоку, — со стороны зрительного зала не видно*). Ты мне веришь?

Борис (*выходит из ванной*). Ну-с, мамука, что у нас сегодня на завтрак? (*Садится за стол*).

Римма выходит из комнаты, проходит, чертыхаясь, в ванную.

(*Жует*). У нас не семья, а одни призраки...

Мать. Вы теперь так и будете жить — в одной квартире и врозь?

Борис. А что делать, мамука? Ведь не выгонишь. Размениваться тоже нет смысла. Район у нас хороший. Самый центр. Опять же, кто ей завтраки будет готовить? И ужины... Привычка. Всем одинаково плохо и одинаково хорошо. По-своему. Только вот ремонт надо сделать. Так ты говоришь?

Мать (*вздыхает*). Да уж скорей бы. Того и гляди, потолок на голову обвалится...

Борис (*раздраженно*). Да, да, обвалится. Скорей бы уж обвалился, что ли? (*Встает*). Спасибо. Нам ждут великие дела, а ты — ремонт... Ну да ладно, как-нибудь сделаем. (*Уходит в свою комнату*).

Римма (*выходит из ванной, опять спотыкается о тапки*). Ну и наставили вы здесь, Аврора Максимовна... чтобы жизнь медом не казалась? Вам, что, так интересней жить? (*Уходит*).

Мать. Дождь, Римма...

Борис (*в пиджаке, галстуке, выходит из комнаты, застегивает на ходу штаны, папка под мышкой*). Дожил... Последние штаны донашиваю. И те (*застегивает*) не сходятся... (*С чувством*). Нет, я давно вырос из этих штанов. Как и из этого города. (*Застегнул*). Ма, я на работу... (*Уходит*).

Римма (*одетая, выходит из комнаты*). Я соберу что-нибудь на завтрак, Аврора Максимовна... И Антона, пожалуйста, не забудьте разбудить.

Мать. Когда же я забывала? Ты сядь и поешь.

Римма (*ходит вокруг стола, ест на ходу*). Ашпетита нет. Я уж на работе. Как — возьмемся... На работе все — и еда, и аппетит, и выспаться, и разговоры, и личная жизнь — сами знаете... (*Смотрит на мать*). Интересно, а в ваше время чего было больше — разговоров или «сами знаете»? (*Сама же и отвечает*). Ну, конечно, работа, работа — кожа да кости. Ну все, я побежала. Да, Антона не забудьте разбудить! (*Уходит*).

Мать (глядит на пустую тарелку и начинает делать бутерброды). Антон! Антон! Вставай!

Антон (выкатывается из своей комнаты на роликовой доске, виртуозно объезжает тазики, стол, стулья). Доброе утро, бабушка! Что, оглоедов своих выпустила? (Подъезжает к столику и берет бутерброд).

Мать. Сначала умойся, да ... выброси эту тележку! Сколько грохоту!

Антон. Не могу, ба, прирос я к ней. Раньше надо было отнимать. Я теперь даже сплю с ней. А все — папа!

Мать. Что это ты глупости говоришь? (Смотрит в потолок, подходит к телефону, набирает номер). Алло. Ремонтная служба? Я вам уже 28-й раз звоню. У нас скоро потолок обвалится. Течет. Адрес? 28 Панфиловцев 28. Не 28, а 28. Да, 28 и 28. Да, потолок. Да, течет. (Смотрит в потолок). Пятна? Какого цвета? Какая разница, какого цвета... ? Да, одна. Все на работе. Никого нет. И не будет. (Уговаривает). Вы уж пожалейте старуху. Пришлите сантехника. Хоть кого. Сил уже нет терпеть. Алло! Да, спасибо...

Антон (выкатывается из ванной). Ты это чего так раскричалась, бабука? (Усаживается за стол, тележка под ногами). Вот я тебе сейчас расскажу про тележку. Раньше как было? Папука мне все, мол, чего ты без дела слоняешься? Иди туда, иди сюда. Дело-дело, вот я и придумал себе дело: на колесиках. Чем не занятие?

Мать. Что это ты такое говоришь? Быстро ешь и в школу. Опоздаешь.

Антон. Да ты послушай, бабука. Правду говорю. А он, что, при деле? Гундит и гундит. Все ему не по размеру — город, штаны, жена, сын. А сами скажут с мамашей, как козлики. Я бы им всем колесики приделал. Чем не занятие? Ну все, (встает из-за стола) продолжение лекции — после уроков. (Хватает портфель и выкатывается из квартиры).

Мать (смотрит на пустую тарелку, потом в потолок). Если дождь так будет лить, чем же все это закончится?

Звонок в дверь. Мать, встрепенувшись, идет открывать. В гостиную входит представительный мужчина (Аполлон) в костюме и галстуке.

Мать (радостно). Вы из жилуправления?

Аполлон (внимательно оглядывает комнату, тазики на полу). Я — Аполлон. Из культурного центра... А вы (читает по бумажке) Аврора Максимовна Ким?

На все вопросы и замечания мать согласно кивает головой.

Аполлон. Отец ваш — (читает) Максим Тимофеевич? Участник национально-освободительного движения (читает) 1948-го года? (Бодро). Так, хорошо. Слушайте меня внимательно. Завтра, именно завтра к вам придет представитель Международного фонда помощи семьям ветеранов освободительного движения... (Читает). Тоже потомок, наш с вами соотечественник из Америки. Очень большой человек. Понимаете меня? Стол, закуска, и все остальное. Сыну скажете. А этого (показывает на тазики) чтобы не было...

Мать. Дождь, товарищ из культурного центра.

Аполлов. Значит, тазики убрать. На один день дождь можно и отменить. К вам не каждый день люди оттуда приезжают. Да, самое главное. В конце осени там будет проводиться конференция, посвященная памяти участников освободительного движения... Считайте, что вы уже приглашены. Подарки, пряники, — в общем, вспомоществования. Сын с вами? И он, значит, тоже. Прямые родственники. Только прямые. А вы — дождь... Дождь — это не прямое явление, местное. А здесь транснациональные проблемы решаются. Значит, тазики убрать. Вам все ясно? *(Кланяется и уходит)*.

Мать *(садится за стол, опять смотрит на портрет, висящий на стене)*. Вот, отец, — ты слышал? — вот и тебя вспомнили. *(Радостно)* Кто бы мог подумать? Через столько-то лет. Оттуда по твою душу. Да... что я хотела тебе рассказать? Коридор сегодня опять шалил. Хулиганил. Кажется, я проснулась, встала и пошла, как обычно, завтрак готовить, и странно — все шла и никак не могла дойти... *(Сомневается)*. Может, папа, это старость, болезнь? Ведь раньше, когда я девчонкой была, в один миг весь коридор проскакивала. Знала: там, в светлой комнате, ты и мама, за столом, пьете душистый чай, солнечные зайчики на стенах... И я вам: доброе утро, мама и папа! А сейчас, как в тоннеле: ни начала, ни конца... *(Встает, подходит к двери, ведущей в коридор, берет за дверную ручку и замирает)*. Вот когда-нибудь войду и обратно уже не выйду...

Неожиданно раздаются шаги в коридоре, сначала тихо, затем все громче и отчетливее. Мать напряженно вслушивается. Шаги совсем близко. Почти за дверью.

Мать *(испуганно прижимается к двери)*. Папа? Господи, это ты...?

Картина вторая

Вечер того же дня. Борис ужинает в одиночестве, читает газету. В гостиную входит Римма. В руках у нее зонтик. Борис старается не обращать на нее внимания.

Борис *(через несколько минут напряженного молчания)*. Поздновато вы стали приходить, дамочка. Что, работы стало много?

Римма. А это уж не ваше дело, товарищ бывший муж.

Борис *(сосредоточенно изучая газету)*. Да, конечно, не мое. Но пока вы здесь проживаете... имейте честь соблюдать единый распорядок дня в доме.

Римма *(насмешливо)*. Честь? ... В доме? А где он, дом? Вот мой дом! *(Шумно раскрывает зонтик)*.

Борис. Ну и живите себе там...

Римма. Да уж, с вас станет — выгнать на улицу...

Борис *(пытается примириться)*. Ладно, Римма, здесь у нас новость. Завтра к нам придет гость. Оттуда. Представитель какой-то там ассоциации ветеранов освободительного движения. По поводу нашего дедушки. Дедушка-то наш, оказывается, был участником освободительного движения... Вот хитрец, мне никогда ничего не говорил. Да и мама... Кого от кого, правда, они там

освобождали, мне неизвестно. Да это и неважно... Так вот, Римма, ты уж матери помоги. Может, с работы надо будет отпроситься. А я целый день по магазинам буду бегать.

Римма. Будет исполнено, мой господин. С утра — как штык: к плите. Вы меня, интересно, как представлять будете — как жертву или как участницу освободительного движения?

Борис (терпеливо). В том-то и дело, Римма, надо будет нам как-нибудь изобразить нормальную здоровую семью. Устойчивую, так сказать, к распадам страны, политического строя и времени. Да и бабушка просила — переживает. Все же друг другу не чужие... Сын растет. Ради деда в конце концов. *(Соединяет ладони в жесте почтения).* Светлая ему память...

Римма. Ишь ты как заговорил! А где же раньше была твоя светлая память? Или надо было «ревизоров» оттуда дожидаться?

Из своей комнаты выкатывается на скейтботе Антон и кружит вокруг стола, за которым сидят его Мать и Отец. Родители практически не обращают на него внимания.

Борис (настроен серьезно). Римма, давай поговорим серьезно. Во-первых, развод наше с тобой совместное предприятие. Вместе строили, вместе и разрушали. Да и что, Римма, ворошить прошлое? Какой в этом смысл? Предположим, что его вообще не было...

Римма изумленно смотрит на Бориса.

Борис. Мать сказала, туда пригласят. *(Мечтательно).* Ты представляешь, туда!.. Короче говоря, будем считать, что наше совместное предприятие аннулируется... Претензии предъявляются *(смотрит на наручные часы)* в течение 10 секунд. Раз, два, три, четыре... Все, претензии более недействительны.

Римма изумляется еще больше.

Ты только подумай, как из-за этого «туда» все с ума посходили... Дурдом! Все — от мала до велика... Ни стыда, ни совести... А здесь на готовенькое, только потому, что мы — наследники великого освободителя. *(С предвкушением).* Так сказать, были гадкими утятами, а в кого можем превратиться? Глядишь, поедем, другая обстановка, воздух, жизнь, проценты от гонораров за освобождение, благополучие, наконец, уважение — все и наладится, станем наконец истинно свободными людьми...

Римма (пораженная). Боря, что с тобой...? Ты, конечно, меня извини, но — ты дурак или сволочь?.. Ведь мы с тобой совершенно чужие люди! Коммуналка у нас, понимаешь?! Ком-му-нал-ка!! *(Глядит на сына, словно замечает его впервые).* А то, что ребенок перед глазами *(зажмуривается)*, это счастливое, но недоразумение *(открывает глаза)*. Да, недоразумение.

Борис (нервно, глядя на сына). Антон! Прекрати сейчас же! Я сейчас выброшу твою тарактелку!

Римма (продолжая размышление). Я более чем уверена, что этот ваш гость даже и не представляет себе, что люди здесь могут жить десятилетиями вместе

и быть совершенно чужими друг другу. И только потому, что им некуда уйти. Ладно, мы с тобой, можно сказать, молодоразведенные... А другие? Ходят по одним и тем же коридорам, даже спят вместе по неизбежности, приобретают одинаковые жесты, привычки, слова. *(С ужасом)*. Только потому что они вынуждены. Ты хоть представляешь себе, какой это ужас?!

Борис. Тише! Что это тебя так понесло?!

Римма. Стукаться, соприкасаться телами, лгать, терпеть, ненавидеть, а потом вместе спать. Ты этого хочешь?

Борис. Да тише ты! Бабушку разбудишь!

Римма *(задумчиво, вставая из-за стола)*. Хотя, в одном ты, конечно, прав. Предположим, что такого прошлого у нас с тобой вообще не было...

Борис. Вот и умница. Риммочка, я тебя прошу – успокойся, подумай, отдохни. Целая ночь впереди...

Римма *(вдруг ласково)*. А я тебе, милый мой, и не перечу. Какой в этом смысл? И есть ли вообще в чем-либо смысл? Итак, из пункта А выехали два велосипедиста...?

Борис. Да, Риммочка, и пункт прибытия им обоим известен. А теперь иди спать... Завтра тяжелый день.

Римма. О, да! Завтра я буду примерной женой и хозяйкой. Буду молчать, улыбаться и кланяться... Завтра ты будешь ликовать! *(Идет к себе в комнату, вдруг останавливается)*. Но мы еще посмотрим, какой из велосипедистов доберется до конечного пункта первым. У меня может быть свой интерес... *(Уходит)*.

Борис *(пожимает плечами)*. Свой так свой... *(Смотрит сосредоточенно на катающегося вокруг стола сына)*. У тебя, что, тоже свой интерес? Чтобы завтра я этой тарактелки не видел! О чем вы думаете, молодежь?.. Ну-ка, дай я попробую. Немножко. Ведь когда-то умел. Верить? *(Встает на доску, пытается кататься, сын оценивающе наблюдает)*. Смотри-ка, получается! Смотри-ка, Антон! А? *(Катается вокруг стола)*. Ну-ка скажи мне, как там у вас в школе? Чем дышите? О чем мечтаете? Что учите? *(Катается уже свободно, получая удовольствие)*.

Антон. Повторяем неправильные глаголы.

Борис *(не останавливаясь)*. Ну-ка, изобрази...

Антон. Гнать, терпеть, обидеть, слышать, видеть, ненавидеть...

Борис. Смотри-ка, Антон, смотри, получается!

Картина третья

Вечер следующего дня. В гостиной Аврора Максимовна (мать), Римма, Антон – стоят у длинного, накрытого по случаю гостей, стола. Поодаль у входной двери стоит Борис. Все одеты нарядно.

Борис *(возбужденно)*. Мама, радуйся, дождя сегодня не было и не будет! Как по заказу. Бог, значит, все видит!

Римма *(поправляет тарелки)*. А какой у тебя сегодня Бог? Может, пастору позвонишь, спросишь?

Мать. Да, было бы так каждый день. Но как эту погоду угадаешь? Сегодня сухо, завтра дождь, послезавтра – потоп. Что тогда делать?

Борис. Ну опять ты чем-то недовольна! Живи, мамука, сегодняшним днем. Итак (*взмахивает руками, как дирижер*) готовность номер один. Генеральная репетиция. Построились все в ряд. Запомните, как только входят гости, все тут же — традиционный восточный поклон, затем Антон — шаг вперед — дашь гостевую, подобострастную:

Милый Агнец, расскажи,
Кем ты создан, расскажи,
Из каких ты вышел рук?
Кто тебя привел на луг?..

Римма (*в ужасе*). Какой агнец? Какой луг?..

Стук в дверь. В свете никто не слышит.

Борис. Антон, повторай за мной...

Снова стук в дверь. Дверь открывается, толкает Бориса в спину. В гостиную входят Аполлон и темнокожий гость о т т у д а с яркими красочными пакетами.

Аполлон. Что это у вас звонка нет? Непорядок. Стучимся-стучимся...

Все начинают кланяться гостям, кроме замершего Антона.

Борис. О, мы вас прямо-таки заждались! Заходите, гости дорогие.

Представляет гостей и хозяев. Усаживает Гостя за стол.

Аполлон (*деловито, с пакетами в руках*). Так, пойдете-ка мы с вами, женщины, на кухню. Сейчас я проведу с вами маленький инструктаж. (*Идут в кухонный закуток*).

Борис (*в сторону, Антону*). Антон, быстро, быстро, галстук надень...

Борис и гость остаются на некоторое время одни. Стараются, кланяются и улыбаются друг другу. (Ходит вокруг стола, не смеет присесть).

Очень-очень вам рад. Очень много слышал о вас. А пока женщины готовятся — маленькая культурная программа. В вашу честь. (*Остнавливается в центре комнаты, картинно разводит руками. Громким поставленным голосом*).

Из классического сиджо:

Не надо нам соломенной циновки.
Присядем на опавшую листву...
И зажигать светильник нам не надо.
Должна взойти вчерашняя луна.
И если есть закуска и вино...
Давай-ка их неси сюда скорее!

Выходит Антон в криво надетом галстуке, удивленно глядит на застывшего в театральной позе отца. Борис продолжает (Антону):

Эй, мальчик, принеси мне плащ и шляпу!
В восточной речке поднялась вода.
Удилище возьму, прилажу маску
И привяжу крючок без острия...
Но вы, рыбешки, не тревожьтесь зря:
Мои приготовления — только шутка!

Входит Аполлон с бутылками в руках. За ним женщины с блюдами. Все останавливаются в недоумении.

Аполлон (с подозрением глядя на Бориса). Дорогой мой, ты это брось... Мы только что из корейского театра. Насмотрелись, ох, насмотрелись. Самое время чем-нибудь закусить. Увиденное.

Все рассаживаются за столом. Женщины раскладывают еду.

Аполлон (торжественно). Прошу всех поднять бокалы. (Встает). Должно было пройти несколько десятилетий, чтобы потомки героев великого освобождения смогли собраться за этим столом — уважаемого (читает по бумажке) Ким Вон Сика и Максима Ивановича Кима...

Мать. Тимофеевича...

Аполлон. ...Так давайте же все вместе с нашими виновниками торжества прислушаемся к отголоскам былого великого освобождения. Выпьем за то, что это наконец свершилось!

Пьют, некоторое время молча закусывают.

Гость (с заметным акцентом, обращаясь к матери). А ваш отец жил в этой квартире?

Мать. Да, уважаемый, вот за этим столом он любил работать, вон там его комната, а там жила мама, вот здесь — через коридор — моя комната...

Гость. Ко-ри-дор? В вашем языке очень много интересных и непонятных слов... Я еще не разобрался...

Аполлон. Коридор? Ну как это объяснить? Проход, вестибюль, тоннель... шахта.

Гость. Шахта?!

Борис. Да нет, не шахта, а как бы мостик, — нежилое, промежуточное пространство.

Гость. А, понятно, понятно. (Что-то записывает себе в блокнот).

Борис разливает напитки.

Борис. Мама иногда шутит, говорит, что однажды войдет в коридор и... как бы там заблудится.

Гость. За-блудит-ся?

Римма (насмешливо). В абстрактном смысле. Образ, символ...

Гость. О, символ! Понятно, понятно, очень интересно. (*Записывает себе что-то в блокнот*).

Аполлон. Что-то мы все не о том. Так: наполнить бокалы. Теперь слово предоставляется прямому наследнику великого Максима Ивановича.

Мать. Тимофеевича...

Борис. Ну что сказать, за дедушку!

Аполлон. Коротко и ясно.

Все пьют, некоторое время молча закусывают.

Гость. А нет ли у вас семейных фотографий?

Аполлон. Конечно, конечно, уважаемый. Вот молодая хозяйка. Она сейчас вам все и покажет.

Мать. Она не найдет. Не беспокойтесь, я сама. Заодно поговорим об отце. И ты, Антон, пойдем с нами в комнату. Он для вас, уважаемый, песню приготовил...

Встают втроем и уходят в другую комнату. Как только уходит гость, все расслабляются и начинают вести себя естественно.

Борис (*растроганно, опьяневший*). Да, мама одна среди нас донесла великие традиции наших предков.

Аполлон (*развязно*). Что это ты меня, наследник, со своей женой не знакомишь? Все бегаёт и бегаёт, бедняжка... Пусть присядет.

Борис. И правда, Римма, присядь. Все уже съты.

Римма присаживается.

Аполлон. Предлагаю выпить за вашу очаровательную хозяйку! Наливай, Борис, не стесняйся. Ох, как же с нашими местными легко... Не надо думать, как себя вести. Чокнулись, и — готово.

Чокаются и выпивают.

Аполлон (*закусывая*). С другой стороны, как с нашими местными тяжело. Я вот по культурному обмену работаю. В общем, за «туда» отвечаю. Если бы вы знали, как меня наши соотечественники преследуют. Все просят, мол, пустите нас, даже угрожают. (*Увлекается и начинает рассказывать*). Вот не выдержал я однажды... закрыл раньше времени кабинет и пошел к одному своему приятелю. Есть у меня один приятель — писатель, известный народовед. Профессор, уважаемая личность и все прочее. Пришел я к нему и говорю, слушай ты, народобед, что это с нашими соотечественниками происходит? Все за границу хотят, ради этого готовы на все, — продать и подставить кого угодно. А приятель мой хитрец, ай, мол, отстань, некогда мне, вот возьми мои книги и читай, там все написано, не мешай мне новую книгу писать. А ручки у него махонькие, коротенькие, а стол огромный.

Ну и взял я его книги, прочитал одну, вторую, третью, — и знаете, что меня поразило? Ну-ка, належ, Борис, здесь в сухую не разберешься...

Чокаются, выпивают.

Прочел я его «творчество» и обомлел... Везде у него циферки, числа, какие-то виды-и-подвиды, сферы обитания, (*берется за голову*) периоды линьки, миграции, течки... — в общем, таблички, а между табличками слова — «свобода», «самосознание» — вот еще такое слово помню: «депортация». И как-то жалко мне тех людишек стало, о которых он пишет, казалось, маленькие они все такие, с коротенькими ручками и ножками, с хвостами и со сточенными затылками — полуголовые, как и мой народобед, — сквозь заросли чисел пробираются, только кто выползет, тут его — раз! — скалкой по голове: Свободы тебе? Демократии? Шип тебе! — в общем, полный народобедческий набор. Пришел я к приятелю своему, хотел обсудить прочитанное, а он мне, ай, мол, отстань, пишу я, мол, и ручонками своими так мелко-мелко по листу водит, и прямо видно, как из-под пера его маленькие человечки врассыпную разбегаются, потом он их — раз! — волевым движением коротенькой руки обратно — в колонки, темницы, — вот тебе и самая настоящая депортация!.. Совсем расстроился я, сижу в своем кабинете, а эти, маленькие, опять бегут ко мне, тянутся, словно выскочившие из тех народобедческих работ, — тьфу, самый настоящий кошмар! (*Вдруг останавливается и внимательно разглядывает Римму*). А что это у вас, пламенная моя, кольцо на левой руке? Вы, что, разведенная?

Римма (*насмешливо*). Да нет, так удобней по хозяйству...

Борис (*полушьяный*). Да, так удобней.

Аполлон. А раз не разведенная, так будьте добры носить кольцо на положенном месте. Извините, но я педант. А в прошлом, орнитолог... Позвольте, я помогу вам. (*Берет ее за руку и снимает кольцо*). А пальчики-то, пальчики — одно загляденье. (*Пытается надеть ей кольцо на палец и вдруг роняет на пол*). О-ой!

Римма. Ничего, не беспокойтесь. Борис, подними, пожалуйста..

Борис с готовностью, полушьяный, лезет под стол. Слышно, как Антон поет выученную им песню. Раздаются аплодисменты.

Аполлон (*держит Римму за руку*). Так вот, на чем я остановился?

Римма. На соотечественниках...

Аполлон. Да, да. Кстати, вашу свекровь и вашего... экс-мужа — здесь вы меня не проведете, мой голубок — то есть прямых наследников обязательно пригласят этой осенью т у д а. А ваши прекрасные пальчики — нет, не прямая родственница.

Римма. Ничего, плакать не будем.

Аполлон (*шепотом*). Но вы можете поехать туда и без этого. Все зависит от меня, а это мне раз плюнуть. Но это строго между нами.

Римма. Борис, ты там скоро?

Борис. Сейчас, сейчас, — закатилось куда-то...

Аполлон. Так вот о соотечественниках. Гляжу я на них и думаю: о, кто же вас, милые мои и родные, — кто вас так в жизни обделил? За что? Говорю им, встаньте с колен, человек, негодяи вы этикие, звучит гордо. А они — вы думаете, что? — все равно под стол, толкают меня, раскачивают, ну, словно я ...какая-то Берлинская стена.

Сам наливает и выпивает. Борис пытается вылезти из-под стола, при этом толкает стул, на котором сидит Аполлон.

(Пьяно и пораженно). Во-о-от, опять началось! Вы видите? Ду-хи... И тут до меня добрался. *(Крепко хватается за крышку стола, грозно)* Вам, что, меня на службе мало? А я вам говорю, не поедете вы т у д а! *(Пытается оттолкнуть ногами Бориса).* И даже не пытайтесь т а м что-то предпринять!

Стул, на котором сидит Аполлон, начинает раскачиваться.

А я вам говорю, не поедете вы туда! Только через мой труп!

Входят Антон, Мать и Гость.

Римма *(возмущенно)*. Борис! Да вылезай ты оттуда! Аполлон. Не поедете, гад-ды!

Борис вылезает наконец из-под стола.

Борис *(протягивая кольцо)*. Вот... Нет, я давно вырос из этого стола...

Гость. А-а, понятно, — коридор, промежуточное пространство...

Аполлон *(приходит в себя)*. Так, в голове полный порядок. Никто никуда не едет! Ну, что, хозяйева, пора и честь знать...

Гость. Что знать?

Аполлон. Это, уважаемый, символ, образ... Надеюсь, вы плодотворно побеседовали с Авророй Максимовной?

Все, кроме Антона, старательно кланяются и провожают гостей.

Борис *(пьяный, за столом)*. Нет, я давно вырос из этого стола...

Римма *(на ходу, с грудой посуды на руках)*. Наклокался! По-моему, тебе давно спать пора...

Раздается стук в дверь.

Борис. О-откры-то!

Входит Сосед, топчется на месте.

О, соседка, в самый раз пришел. Присаживайся.

Сосед *(робко, воровато оглядывается)*. Я — за солью.

Борис. Дорогой, зачем тебе соль? Ты погляди, что на столе. Виски, шампанское, «Мальборо», икра черная и красная. Все — соленое.

Сосед: Да я же не пью. *(Робко, воровато оглядывается, садится)*. А по какому поводу?

Борис *(шепотом)*. Освободитель к нам оттуда приехал... Осенью к себе приглашает.

Сосед. Что-то нас никто освобождать не едет.

Борис. Так вот и повод: за освободителя в каждой пост... *(Наливает)*. ...советской семье! *(Чокаются, выпивают)*.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Та же квартира. Вечер следующего дня. В гостиной Антон читает телевизор. Стук в дверь. Входит Анна, соседка Антона.

Анна *(осторожно заглядывает в гостиную)*. Привет. Твои дома?

Антон. Заходи. Родоки в гостях. Придут, наверное, поздно.

Анна. О-го, у твоих опять медовый месяц?

Антон. Да нет, к нам гости оттуда нагрянули. Вот они с ними и таскаются.

Анна. Слушай, у тебя есть что-нибудь покурить?

Антон. Конечно. Мальборо, Кэмел, виски — хочешь? Есть сухое вино.

Анна *(подходит к кухонному столу)*. Откуда все это?

Антон. Да все оттуда. От вчерашних гостей.

Анна. Можно, я у тебя покурю?

Антон. Кури, только форточку открой.

Анна. Ага... *(Стоит у окна и курит)*. Опять дождь.

Антон продолжает деловито чинить телевизор.

Сейчас Чехова читала. Задавали. Знаешь, ничего. «Три сестры.»

Антон. Это где сторож в финале колотушкой бьет?

Анна. Нет. Это другое. Там сестры эти все ждут чего-то, ждут. И одна из них постоянно повторяет: «В Москву! В Москву!» В общем, что-то такое там есть.

Антон. Нет, наверное, не читал.

Анна *(задумчиво)*. Потом к Нинке зашла. Сигарету стрельнуть. А там мать ее наставляет: Тебе туда надо! Туда! Учи тамошний язык. Так орала, что я убежала. *(Вздыхает)*. А куда — туда? Бедный Чехов...

Антон. Кто?

Пауза.

Анна. А у меня папаша объявился...

Антон *(поворачивается к Анне)*. Да ты что? Сколько же его не было?

Анна. Хм, да лет десять уж точно... Как сейчас помню, ушел в тапочках, — в карты играть, и так и не вернулся.

Антон. Прямо в тапочках?

Анна. Потом позвонил, сказал, надоело, душно у вас. Это я потом узнала, мать рассказала. А тогда плакала в трубку.

Антон. Во, козел!.. Если у меня когда-нибудь будет семья, я — ни-ни, вокруг дома буду ходить, всех охранять...

Анна. Сегодня телеграмму получили, — мол, радуйтесь, возвращаюсь.

Антон (начинает ходить по комнате). А мать что?

Анна. Туфли его из чулана вытащила. Бедная мама!..

Антон. А давай вина выпьем. Оно легкое. Я уже без родоков пробовал. *(Достаёт бутылку).*

Анна. Нет, я здесь. Я в окно буду смотреть. Мне дома почему-то окон не хватает. А у тебя нормально.

Антон подносит бокал с вином Анне.

Что же мне теперь делать?

Антон. Как что? Ну радуйся, — отец все-таки.

Анна. Дурак ты. Ничего не понимаешь. Маленький ты еще.

Антон *(с обидой)*. Ты, что, оскорблять меня пришла?

Анна. Не обижайся... Вот я одного не понимаю. Как это можно — взять и уйти? А дети, семья? Вот скажи мне, ты же мужчина?

Антон. Даже не знаю, у меня только дед уходил... А папаша все хорохорится. Все говорит: я вырос из этого города. Да и куда ему?

Анна. Мы с мамой ждали его. Мать услышит шаги на лестничной площадке, сразу бежит, в замочную скважину подглядывает. А я хожу по квартире, остановлюсь: вот здесь папа любил сидеть, газеты читал. Потом в коридор: тоже жду — кажется, так в коридорах и выросла. Как же так можно — взять, уйти и вернуться? Мы, что, мебель какая-то? Которая в углах стоит, пылится и ждет хозяина?

Антон. Да забудь ты все это! Козлы они все! Во-он, вчера папаша мой под столом ползал, а после до утра с соседом кричали: Туда! Поедем туда!

Анна. И у Нинки тоже самое... Тебе не кажется, что все они — того *(крутит пальцем у виска)*? Тебе не кажется, что мы намного умнее наших родителей? *(Осторожно смотрит на него с видом человека, вдруг раскрывшего поражающую воображение тайну).*

Антон. Вообще-то я об этом не думал. Но... похоже на то...

Анна. Но ведь мы тоже совсем не умные... Тогда — кто?! *(Думает, потом приходит в себя)*. А чего твой отец под столом ползал?

Антон. Не знаю. Может, самоутверждался так.

Анна *(уверенно)*. Вот мой папаша объявился, а твой только собирается. Им лишь бы куда-нибудь уехать. А как возвращаться? Наверное, любой человек в конце концов возвращается... И никто никогда не думает о том, как это надо делать. Даже если на час, на минуточку, на какие-то мгновения... Не думает о том, что оставляет позади себя. *(Грустно вздыхает)*. Ладно, я пойду... Мать, наверное, ждет. Она сейчас, как сумасшедшая стала, все ходит по комнате — из угла в угол. Как заключенная за час до освобождения.

Антон. Посиди еще. Что же ты теперь будешь делать?

Анна. Уеду я. Куда-нибудь далеко-далеко. Туда, где меня никто не знает. В Москву, например. Да, в Москву. Буду жить так, чтобы никто не мог уходить из моего нового дома и возвращаться, когда пожелает. *(Смотрит на Антона)*. А ты оставайся. Твои съездят туда, подарков тебе навезут. Будешь всем хвалиться. *(Идет к двери)*.

Антон. Подожди! *(Встает, идет за ней, как будто больше ее не увидит)*. Подожди, хочешь я с тобой уеду? *(Нежно берет ее за руки)*. Вместе будем. Я... Я буду возвращаться с работы, а ты — ты будешь узнавать меня по шагам. А я всегда буду возвращаться.

Анна. Ты чего это? *(Удивлена)*. Тебе же в школе надо учиться.

Антон. Какая тут учеба? Я бы очень хотел быть с тобой. *(Низко опускает голову)*.

Анна. Ты... серьезно этого хочешь?

Антон. Да, туда, где никто нас не знает.

Анна. Слушай, давай прямо сейчас. Пусть мать сама отца встречает.

Антон. Сейчас? Как же... прямо сейчас? Вот, телевизор надо дочинить. Да и бабушка там одна...

Анна *(расстраивается)*. Ну вот, а ты говорил...

Антон. Нет, я точно тебе говорю. Сказано — сделано. Я же обещал. На днях. Мне же тоже надо попрощаться с домом. Мысленно.

Анна. Ладно, чини телевизор. Я подожду.

Антон *(радостно)*. Серьезно? Слушай... *(Нежно смотрит на нее)*. Можно, я тебя поцелую?

Анна стоит у закрытой двери с закрытыми глазами. Антон прижимается к ней. Входит Мать (бабушка Антона).

Мать. Антон, ты здесь?

Анна незаметно выходит из квартиры.

(Испуганно). Антон?

Антон *(входит в гостиную)*. Здесь я...

Мать. Ты чего там, у дверей, делаешь?

Антон. Друг заходил, разговаривал.

Мать. Опять дождь... *(Подходит к телефону, набирает номер)*. Алло, это жилуправление? Я вызывала сантехника. До сих пор никого. Вы уж пожалейте старуху... На днях? Хорошо, буду ждать.

Антон внимательно смотрит на бабушку.

Антон. Бабушка, а ты Чехова читала? «Три сестры»?

Мать. Да и не припомню сейчас. Может, и читала.

Антон. Там, где колотушкой бьют, а потом одна сестра все кричала: «В Москву! В Москву!»

Мать. В Москву? ...Да, в Москву мы с папой и мамой ездили. Отца тогда в командировку направили. И он нас с собой взял. Садись... Сейчас я тебе расскажу, как мы ездили в Москву...

Картина пятая

Та же гостиная. За столом Мать заваривает чай. По комнате ходит Сантехник с инструментами в руках.

Сантехник. Даже не знаю, бабушка, чем вам помочь. Только что, перед вами лазал на чердак, там все отсырело, потолок обвалится...

Мать. Присаживаетесь, попейте чаю. Вы, наверное, так устали.

Сантехник. Залатаю кровлю, заново постелить рубероид, залить гидроном, — да что там говорить: перестроить все заново.

Мать. Вы пейте, пейте чай. Я и пирожки напекла. Может быть, я все эти материалы достану, и вы почините?

Сантехник. Да вы что, бабушка! Я — сантехник, а вам нужны строители. Да и те еще... как посмотреть.

В комнату входит Борис.

Борис. Мама, я спешу. Мне срочно нужен здешне-тамошний словарь. Ты не помнишь, у нас есть?

Мать. Борис, садись, попей чаю. Вот сантехник к нам пришел.

Борис. Да какой там чай, мама. Словарь мне нужен. Без него никуда. Я ему про Фому, он мне про Ерему, и мило друг другу улыбаемся.

Мать. Борис, ты все книги сдал в макулатуру!

Борис. Господи! Что же делать? *(Стучит пальцами по крышке стола).*

Мать. Книжки нельзя сдавать или выбрасывать. Ты меня не послушал.

Борис *(нервно).* Кто знал, кто знал, что все так получится? И что дедушка окажется всемирно известным освободителем? А этот... другой освободитель — как его зовут, кстати? — сколько с ним нахожусь, не знаю... — все с этим «коридором» отстать от меня не может. Все какой-то скрытый смысл в этом ищет. Вы — сантехник?

Мать. Вот товарищ говорит, что капитальный ремонт нужен.

Борис. Капитальный, капитал, капитализм!

Сантехник. Можно и не капитальный, но ремонт нужен.

Борис. Вот как ему, например, объяснить, что такое «сантехник» или «ремонт», или «ЖЭК»?

Мать. Может, мы все это купим? В конце концов, в долги залезем?

Борис *(задумчиво).* Мы — как с разных планет. Но ведь есть слова, которые понимают все люди, где бы они ни жили.

Сантехник. Есть.

Мать. Вот беда... Ждать же в самом деле, когда потолок обвалится?

Сантехник. Есть, например, слово «беда»...

Борис. Значит, вы — сантехник? Ох, меня же машина ждет! *(Уходит).*

Сантехник. Значит, это ваш сын. Не больно он о вас заботится...

Мать. Да вы знаете — все суета, спешка, тут еще гости о т т у д а. Все как с ума походили...

Сантехник. На днях к вашим соседям заходил. У них тоже все течет, но — их много и они читают.

Мать. Читают?

Сантехник. Да, читают. Ходят на богослужение к пасторам, приехавшим оттуда. (*Достает из чемоданчика томик*). Вот расплатились за ремонт.

Мать (*рассеянно*). Что это?

Сантехник. Библия. Знаете, очень интересно. Я тут начал читать.

Мать. Разве книги спасут, если дом рухнет? Книги надо читать в светлом, чистом и сухом доме.

Сантехник. Я тут, кстати, и про дождь нашел. Вот, послушайте...

Дождь за окном. Мать смотрит то в окно, то в потолок.

Сантехник (*читает*). «Через семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились. И лился дождь сорок дней и сорок ночей». Вам интересно? А вот потом, слушайте дальше: «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с земли: остался только Ной и что было с ним в Ковчеге»...

Мать. Неуютно как-то, страшно...

Сантехник. Что вы? Вот послушайте, что было дальше... Ага, вот нашел. «Шестьсот первого года к первому дню первого месяца иссякла вода на земле: и открыл Ной кровлю ковчега, и посмотрел, и вот обсохла поверхность земли... И во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, вода высохла. И сказал Бог Ною: выйди из ковчега ты, и жена твоя, и сыновья твои, и жены сыновей твоих с тобою. Выведи с собой всех животных, которые с тобой, от всякой плоти, из птиц и скотов, и всех гадов пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле, и пусть плодятся и размножаются по земле. И вышел Ной, и сыновья его, и жена его, и жены сыновей его с ним...»

Идет дождь.

Мать. А что было между шестисотым и шестисот первым годами?

Сантехник. Я так понял, ничего хорошего. Ничего не было.

Мать. Что это значит?

Сантехник. Я сам постоянно об этом думаю. Ведь так не могло продолжаться долго, дождь, дождь... Только между шестисотым и шестисот первым. Как бы это назвать: промежуточный период?

Мать. Все может продолжаться бесконечно долго. Вы, наверное, ровесник Борису? Ему сорок.

Сантехник. Дело не в возрасте... Мне все-таки кажется, что так не может продолжаться долго. В принципе.

Мать. Знаете, я вот сына сколько уже прошу сходить на кладбище к моему отцу... Мужа просила, а он ушел из дома и не вернулся. Теперь сына прошу. И это все — мои просьбы — бесконечно долго.

Сантехник. А хотите, я с вами схожу?

Мать. Что вы, я же не жалуюсь. Просто для Бориса это было бы очень важно. Папа так верил в семью. По-настоящему верил.

Сантехник. Нет, нет, вы меня не поняли... Знаете... Так получилось, у меня никогда не было семьи. Родители, как мне потом сказали, сразу после моего рождения решили избавиться от меня. Освободили меня от себя, так сказать... *(Пытается улыбнуться)*.

Мать. Простите... Да, конечно, мы пойдем втроем. Только дождемся, когда дождь закончится. Там, наверное, грязь непролазная.

Сантехник. Давайте прямо договоримся. Наступит солнечный сухой день, и я приду к вам. Надену свой лучший костюм.

Мать. Костюм? Ох, какой же вы еще мальчишка!..

Сантехник. А со строителями я попробую поговорить. У меня есть знакомые. Просто надо потерпеть. Так же в книгах пишут.

Мать. Я подожду, а вы идите. Вам, наверное, давно пора.

В гостиную входит Борис.

Борис. Фу, еле объяснился, довез до отеля. Пообедать бы надо было с ним, — на халяву, да как объяснишь? Не руками же показывать. Лучше уйти — голодным, но гордым. Ну-ка, мамука, что у нас пожевать? А Риммука еще не приходила?

Сантехник уходит. Мать накрывает на стол.

Это кто приходил?

Мать. Сантехник... Хороший парень. Книгу мне читал.

Борис *(жует)*. Книгу, говоришь? *(Отпивает)*. А ты же мне говорила, что я все книги в макулатуру сдал?..

Картина шестая

Та же гостиная. Вечер следующего дня. Антон сидит за столом и читает скейтбот. В квартиру звонят.

Антон. От-кры-то!

В комнату входит Анна, обходит множество ведерок, ведер, ковшиков и тазиков, уже выстроенных вдоль какой-то сложной кривой, присаживается за стол и некоторое время рассматривает все эти металлические заграждения.

Вот, видишь, чиню, колесо отлетело...

Анна. Какой ты еще маленький... Когда мы уедем, ты будешь заниматься настоящим мужским делом. Обещай мне...

Антон. Конечно, когда мы уедем, я стану совсем другим. А здесь другим стать совершенно невозможно. Везде — и дома, и в школе — только и спрашивают, чего болтаешься? Вот я и катаюсь.

Анна. Знаешь... мы сейчас с мамой спим в одной комнате. Я выросла, а кровать осталась та же, что и раньше. И вот я лежу, а ноги у меня висят в воздухе. Или ноги отрезай, или кровать новую. Так вот, взрослые решают эту проблему по-своему: никто не хочет покупать новую кровать. Дорого...

Автов. Да, мотать надо отсюда, пока все ноги не обломали...

Анна. Антон, знаешь, зачем я пришла? Утром мы получили телеграмму. Отец приезжает послезавтра. Значит... у нас с тобой осталось только два дня. Если, конечно, ты не передумал.

Автов. Конечно же, нет! Вот только бабушку жалко. Она как будто вокруг себя никого не замечает. Если я уеду — что с ней будет?

Анна. Да, бабушка у вас хорошая. Это она тазики поставила?

Автов. Сантехник обещал помочь. Так теперь у нее праздник.

Анна. В прошлый раз тазиков, кажется, было меньше. Странно.

Автов. Наверное, потому что течь стало сильнее.

Анна. Представляешь, если однажды вся комната будет заставлена тазиками. Где же ей тогда жить?

Автов. Не знаю. Спрячется в своей комнате.

Анна. Человеку надо двигаться. Туда-сюда. Вот у меня мать постоянно курсирует из комнаты на кухню. Туда-сюда...

Автов. Аня, завтра мы уедем.

Анна. Антон, подумай хорошенько. Ты не должен никогда делать того, чего ты не хочешь делать.

Автов. У тебя такое бывало? Вот когда нет родителей, начинаешь их вспоминать, и вспоминается все хорошее: с отцом на охоту ходили, как мать полы мыла, и я поскользнулся, упал, ведро опрокинулось, я испугался, а она даже не заругала. А потом они приходят и все исчезает: и ничего, кроме раздражения, к ним не остается.

Анна. Может, и было у меня такое. Сейчас уже ничего не осталось. Мне кажется, чтобы уходить из дома, надо очень сильно презирать своих родителей. Или относиться к ним совершенно равнодушно. Когда уже ни жалости, ни благодарности — ничего нет. По крайней мере, сейчас я уже на это готова.

Автов. Скажи... а это страшно?

Слышно, как пытаются открыть дверь.

О, начинается... Бежим!

Анна. Куда?

Автов. В мою комнату!

Уходят. Дверь остается полуоткрытой. Входят Борис, Римма.

Борис. Мама всегда забывает закрывать дверь. Опять эти тазики...

Римма. Кажется, ты не в духе.

Борис. Что? А это вы, дорогая супруга? Сколько лет, сколько зим!.. А я уже и забыл, как вы выглядите!

Римма. Хватит паясничать. Не забывай, что я тебе экс-супруга.

Борис: А я и не забывал, но на ум приходит разное... Где-нибудь на светском

рауте с иностранными гостями... Вот был на днях, и глазам своим не поверил: она или не она, б ы в ш а я, уж с другим. И походка, и манеры, и смех, и блеск в глазах — все другое. Или вот еще: встретился с одноклассником, тот и виду не подал, что знакомы, конечно, — д'эрректор коммерческого магазина, куда уж нам! Кругом одни призраки бродят. Бывшие, родные, близкие, дальние...

Римма. Извини, мне надо переодеться.

Борис. А разве призраки переодеваются? Ведь это все воздух, ненастоящее. *(Прикасается к ее одежде).* Сон — и больше ничего.

Римма. О, господи, что ты от меня хочешь?

Борис. Мне только хочется убедиться, вы это или не вы? Вас как зовут — Римма?.. А может, вы прекрасная незнакомка, забрели в эту странную квартиру с тазами совершенно случайно? Может, вы просто инопланетянка? *(Впивается пальцами в ее спину).*

Римма. Отстань от меня! Что тебе нужно?

Борис *(ядовито).* Мне только нужно узнать, как это вы все бывшие — жены и приятели — можете так разительно изменяться? И зачем вы потом приходите сюда *(пальцем показывает на сердце, тычет в грудь)* — зачем лезете сюда?

Римма. Слушай, Борис, ты сам затеял этот спектакль — с гостем оттуда, со здоровой семьей, — так чего же ты теперь от меня хочешь?! Я только исполняла свою роль...

Борис. Исполняла? Интересно, а каким вы методом пользуетесь — Станиславского, Чехова, — или сами? По природной интуиции?.. И что вам напарничек — Аполлон Загордонович — обещал? Какие россыпи золота? А вы ему взамен что предложили?

Римма. Ах, вот оно что! Ну хорошо, вы, неподкупный... А как там у вас с честью вашего великого дедушки? Мертвых продавать можно, не правда ли? А что до меня, то я — свободная женщина — запомни это! — которая просто вынуждена возвращаться в этот дом.

Борис. Вот вы, свободные, независимые, скажите, до какой степени вы можете продаваться? Сколько ваша ножка, ручка, мыслишка, убежденьице стоят? И что вам самим остается, или все на продажу?

Римма. Если что и остается, то не для ваших ручек. Вам бы пальчиками в пустых кармашках перебирать, фиги закручивать и вытаскивать, — на дырявый потолок смотреть... Это случайно не о вас тогда здесь говорили — кто с коротенькими ручками и ножками?

Борис *(в изумлении).* Вот так, здравствуйте... *(Кланяется).* Аполлон Загордонович! Собственной персоной. Вас уже цитируют. Вам, дорогая, его там мало, теперя сюда пронесли. Контрабандой. Призрак к призраку... В-во-он отсюда! *(Бьет кулаком по столу).*

Римма. Хоть единственный мужской поступок. Антон! Антон, ты здесь? *(Идет в его комнату).*

Борис *(преграждая ей путь).* Не трогай Антона! Он здесь совсем не при чем. Он здесь живет, и вот его доска, вот его стул, стол. Настоящий деревянный стол. И настоящий живой Антон. Настоящий, понимаешь? Во-он!..

Римма. Сумасшедший! Хорошо, я еще вернусь... *(Уходит).*

Борис (*нервно ходит по комнате, ядовито*). Куклы, тени, призраки...

Входит Сосед. Римма чуть не сбивает его с ног и уходит.

Сосед (*топчется на месте*). Что это у вас?

Борис. А-ай, ничего, местные баталии... Слушай, у тебя водка есть?

Сосед (*воровато оглядывается*). Я вообще-то за солью... Ну, есть.

Борис. А жена есть?

Сосед. Есть. Сказала, что в театр пошла. На премьеру.

Борис. На премьеру!.. Ну, тогда пошли к тебе. На премьеру.

Уходят. Медленно открывается дверь. На середину гостиной выходит Антон. К нему медленно подходит Анна.

Антон. Только не говори, что ты ничего не слышала. (*Стоит совершенно расстроенный*).

Анна. Я этого не говорю. Нам не должно быть стыдно за них. Н и к о г д а. Ты слышишь меня?

Антон. Слышу. Завтра мы уедем.

Анна. У тебя есть еще ночь. Хорошо подумай.

(*Уходит*).

Антон стоит на середине комнаты. Входит Римма.

Римма. Антон? Ты когда пришел?

Антон. Только что. (*Хватает доску и начинает кататься*).

Римма. Ты что-нибудь ел? (*Садится за стол*).

Антон (*ускоряясь*). Мама, а ты откуда?

Римма. Заходила к подруге. (*В сторону*). А у нее скандал с мужем.

Антон (*разгоняется, грохот*). Мама, у тебя много подруг?!

Римма. Много. А соберешься к кому — не к кому... Антон, ты ел?

Антон. Ел, мама, ел... Это хорошо, что много подруг?

Римма. Какая разница? Везде одно и то же. Замкнутый круг...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина седьмая

В ресторане. За празднично накрытым столом — Аполлон, темнокожий Гость о т т у д а, Римма, Борис. Официант уносит блюда, приносит новые, разливает напитки. Играет музыка.

Аполлон (*стоит за столом с поднятым бокалом*). Друзья, сегодня мы провожаем нашего дорогого гостя в дальний путь. Кажется, совсем недавно мы с трепетом ожидали нашего соотечественника, кажется, совсем недавно мы вместе с ним радовались нашей встрече, и вот — настал день прощания.

Как стремительно летит время, господа! Надеюсь, что наш всеми любимый друг уедет от нас, полный самых светлых и радостных воспоминаний, и то чувство свободы, которое он привез нам издалека, надеюсь, и мы испытаем когда-нибудь сполна... И, может быть, научимся наконец жить свободно! Выпьем, друзья, за наше грядущее освобождение!

Гость (на чистом русском языке). Постойте, постойте, уважаемые... Я долго думал над тем, как бы нам провести этот вечер. Странно, ваш язык дался мне очень легко, также, как легко отдавались мне местные люди... А ведь я до приезда сюда совсем плохо знал ваш язык. Значит, произошло чудо? Так вот, я подумал сегодня о том, как я спутался за это время со всеми вами... Но почему-то все по-прежнему меня называют гостем и выделяют меня из круга друзей! И тогда я решил стать хозяином в этот вечер. Но так как у меня нет дома, то я пригласил вас всех в этот уютный ресторан. Так будьте же, дорогие мои, сегодня моими гостями. Дайте и мне побыть освобождаемым на вашей земле!.. Итак, за нас, дорогие!

Пьют. Закусывают.

Аполлон. Я понимаю, дорогой, ваше желание. Но почему вы говорите, что у вас нет дома. Неправда! Да выйдите на улицу, зайдите в любой дом, в любую семью, там каждый вас накормит и напоит, и жить у себя оставит. Навсегда.

Борис (в сторону). Но лучше этого не делать...

Гость. Что вы сказали, уважаемый?

Аполлон. Так вот, пламенный мой, уверен, что если бы каждый из нас зашел бы в любую вашу тамошнюю семью, то и нас приняли бы радушно. Мы — граждане м и р а, потомки борцов за великое освобождение земли, и значит, везде — в любой стране — наша родина. За Родину!

Пьют и закусывают.

Гость. Да, Родина — понятие очень емкое. Мне хочется почувствовать вашу страну родиной. И мне бы очень хотелось стать вами: то есть много пить, много гулять, много говорить... В самом деле, не много ли я сегодня говорю? Может, споем друзья? Что-нибудь очень ваше, здешнее... Очень вас прошу. *(Ждет).*

Все переглядываются, выбирают песню, в конце концов выжидая смотрят на Римму, слегка подталкивают ее. Римма запекает, поет сначала робко, потом, все более увлекаясь, песню, конечно же, из репертуара Аллы Борисовны Пугачевой. «Три счастливых дня было у меня, было у меня с тобой...». Аполлон сидит в обнимку с Гостем, тот неостановимо плачет. Борис задумчив и одинок. Римма заканчивает песню. Глаза ее полны грусти, рот широко открыт, словно она находится на приеме у дантиста. И вообще во время исполнения песни она на себя не похожа: такая кукла. Как только она садится, песня вдруг заводится заново, во всю мощь, Аполлон отчаянно машет кому-то рукой за сцену и песня наконец стихает.

Борис (*задумчиво*). Мне все-таки кажется, что понятие Родины — более узкое, может быть, более камерное...

Гость. Камера? ...Это очень интересно. (*Достаёт блокнот*).

Аполлон. Не поясните ли, пламенный мой?

Борис. Как бы вам все это объяснить? ...Вот я вам приведу такой пример. Из детства. Однажды я поехал к бабушке на дачу на электричке. Сел в поезд, когда тронулся, спохватился, — билета нет. Да и денег-то не было. Ну, думаю, как-нибудь, авось обойдется...

Гость. Авось? О, да, это очень местное... (*Записывает в блокнот*).

Борис. Ехал я, ехал и вдруг контролер! Все полезли за билетами. А я голову опустил, вжался в уголок. Думаю, хоть бы пронесло, а лучше бы превратиться в такое маленькое пятнышко, пока контролер не пройдет. Пусть даже он сядет на меня, на это пятнышко, посидит, отдохнет и дальше пройдет. Вот такая у меня детская фантазия была. Сидел я на последнем ряду, и вот дошел он до меня — ваш билет. Я — нету. Он хватя меня за руку, крепко-крепко, сел рядом, и главное, все в вагоне стали как-то радостно на нас оглядываться, — вон, мол, преступник сидит. Ехали мы с ним, ехали, давно уже и станцию мою проехали, я уже и поплакать успел и даже историю ему свою рассказать, — как живу, с кем, куда еду, в каком классе учусь, какие оценки получаю. Он слушает, головой кивает, дядька вроде неплохой, вроде все понимает, и глаза такие грустные, но меня никак не отпускает. И я ему: отпусти, дядь, ну отпусти! Зачем я тебе? А он мне, знаете, что сказал? Знаете?

Все (*с интересом*). Что?

Борис. Он сказал: не могу. Рука-то, которая держит тебя — не моя. Я сам не знаю, как от нее отделаться... Вот что он мне сказал!

Аполлон. Как это?

Борис. А вот так. Не его, и все тут. И стал я тогда с тоски в окно глядеть: там девушка в пруду купается, там домик такой аккуратный, черепица красная, дым из печной трубы, — ох, туда бы, а нет: железная рука, оказывается, и его, и меня держит, и никуда от нее не денешься. И стало мне казаться, что это никогда не кончится, вот так и в жизни: там что-то чудесное за окном, как бы родина, а выскочить нельзя, — рука, понимаете ли, да и поезд на полном ходу...

Аполлон. Постой, постой, что это ты какую-то чертовщину на нас нагоняешь? Руки, ноги, ты скажи еще, головы... (*Осторожно*). Ну а что с рукой-то, точнее, с контролером стало?

Борис (*напряженно*). С рукой или контролером?

Римма (*никогда ранее не видела таким мужа*). С рукой...

Борис. А ничего. Она до сих пор со мной.

Аполлон. Как? А ну, покажи...

Борис. Сейчас. (*Начинает что-то доставать из-под стола*).

Римма (*визгливо*). Не надо! Я прошу вас, не поргите вечер...

Гость. Очень интересно, уважаемый Борис. Вообще, детство это очень интересно. А у вас, уважаемые, как с вашими маленькими родинами?

Борис (*ни к кому не обращаясь*). Эта рука. Единственное, из чего я так и не смог вырасти, так это из этой руки. (*Совершает странные телодвижения, словно борется с кем-то под столом*).

Аполлон (*стараясь не обращать на него внимания*). Ну что до меня, то в детстве я всех слабых защищал, а сильных клюшками бил. Точно-точно! Вот такими (*показывает руками*). В прошлом, мастер спорта по хоккею. В общем, мастер... Не знаю, родина ли это, не родина. Клюшка, наверное, она тоже родина... Как ударю, так становится хорошо... (*Вдруг замахивается, словно держит в руках невидимую клюшку и замирает в такой позе*).

Борис продолжает странные телодвижения. Римма пораженно смотрит то на одного, то на другого.

Гость (*уже ничего не понимая*). Да. А что же наша прекрасная дама молчит? Может, и она поделится своими воспоминаниями?

Аполлон. Да, может, поделится?

Римма. Есть у меня одно воспоминание. (*Осторожно смотрит на соседей по столу*). Серое небо, заводская труба, дым из трубы, стая улетающих птиц в небе. Никак не могла понять, откуда это. Потом выросла, институт окончила, поехала в командировку, гуляла как-то по улице. Вдруг вижу: дым, труба, небо, птицы. Точь-в-точь, как в детстве. И так мне радостно стало, как будто я это много лет искала и наконец нашла. А дело все в том, что я в том городе родилась...

Все. В каком?

Римма. Сейчас и не вспомню... Когда я вернулась из командировки, мать подтвердила: да, точно, в этом городе мы какое-то время жили, я по улице с тобой гуляла, ты в коляске лежала, в небо смотрела и улыбалась. Вы представляете, какая интересная штука — память? (*Улыбается*). Я до сих пор тем улетающим птицам вслед машу. Своей родине машу. (*Приветливо машет рукой*).

Аполлон (*замахиваясь на гостя невидимой клюшкой*). Ну а вы, уважаемый, что скажете?

Гость. Самое яркое воспоминание моего детства это то, как нас освободили. Приплыли конквистадоры. Освободили нас: послали на рудники, понастроили заводов, железных дорог, магазинов, небоскребов, военноморских баз, банков... А теперь, где бы я ни был, везде вижу: технический прогресс. И гордость меня переполняет... Технический прогресс — это и есть моя Родина.

Аполлон: Да, это замечательно! Друзья выпьем за это!

Пьют и закусывают. Неожиданно Гость поднимает кулак.

Гость. Свободу Нельсону Манделе! Смерть белым оккупантам!

Все (*изумляясь*). Свободу! Свободу! Смерть белым оккупантам!

Римма машет рукой. Аполлон замахивается. Борис борется.

Гость (*обреченно*). Мы не свободны от собственного прошлого...

Римма по-прежнему приветливо машет рукой (улетающим птицам. Борис невозмутимо останавливает ее.

Да черт с ним, с этим прошлым! Колониальным прошлым. Давайте выпьем за наше настоящее. Ведь все мы настоящие, и каждого я могу потрогать... *(Пытается потрогать Аполлона, Аполлон грозно замахивается в свойственной ему манере).*

Аполлон *(опуская непослушные руки)*. Выпьем за наше настоящее!

Все пьют и закусывают.

Борис. Странная мысль у меня сейчас появилась. Вот, бабушка...

Гость. О да, что же с вашей бабушкой? Почему она не пришла?

Римма. Она захворала, но передавала всем привет.

Аполлон. Так что же с бабушкой?

Борис. Бойтесь идти по коридору. Ей кажется: вышла из светлой комнаты и пошла по коридору — темному и душному — а обратно вернуться никак не может. Так вот у нас с настоящим...

Гость. Так в чем проблема? *(Поднимает кулак)*. Вкрутить лампочки в коридоре, вычистить, проветрить, — вот вам и будет настоящее. *(Опускает кулак)*.

Римма. Вот именно. Давно бы занялся. *(Улыбается гостю)*

Борис. А что, уважаемый гость, хорошо бродить в наших потемках, — среди лжи, грубости и невежества?

Гость. У вас очень загадочная страна. И мой вам совет: особенно после распада советской империи... ни в коем случае не поддавайтесь заморским конквистадорам. *(Поднимает кулак)*. Свободу вашему Нельсону Манделе!

Аполлон и Римма. Свободу! Свободу!

Борис. Поводил бы я вас по нашим коридорам. А то ведь уедете и ничего толком не поймете.

Гость. Может быть, прямо сейчас?

Борис. Нет. Сейчас мы с вами можем только пить по-нашенскому... Давайте я вам покажу, как это делается...

Римма. Нашел, чем хвалиться. Я — женщина и давно танцевать хочу.

Аполлон. О, я к вашим услугам, пожалуйста!..

Встают и выходят на авансцену.

Борис. Ну, что, уважаемый, начнем? *(Наполняет стаканы водкой)*.

Пьют. Гость морщится, но пьет до конца. Римма и Аполлон танцуют на авансцене.

Аполлон. У вас такие поэтические воспоминания. Наверное, все ваше детство было одной поэзией. Расскажите мне что-нибудь еще.

Римма. Когда я была девочкой, мне казалось, что я встречу такого прекрасного сказочного принца. Я закрывала глаза *(закрывает глаза)* и долго их не открывала, потому что боялась: вдруг обман... А когда открывала, всегда видела нашего соседа по лестничной площадке, который там, за дверью, дено и ночью курил. Небритого, опухшего и синего капитана милиции в отставке.

Аполлон. Откройте сейчас глаза и вы увидите то, чего не смогли увидеть в прошлом.

Римма. Я увижу представителя культурного центра.

Аполлон. Который увезет вас в сказочную страну, где живут прекрасные и благородные люди.

На заднем плане гость и Борис активно соревнуются.

Гость. Я давно вырос из технического прогресса, братан!..

Римма (*танцует*). А вдруг там живут такие же люди?..

Аполлон. Нет, такого больше нет нигде. Поверьте мне, есть «вперед» и «назад», есть «справа» и «слева» и есть огромная яма, в которой мы живем. Так, что, долой эту яму?

Римма. Прямо сейчас?

Аполлон. Немного погодя, ведь с нами еще один человек, который гостит в этой яме и радуется ей, как экзотике...

Римма. О, лучше не трогайте его!

Аполлон. Пойдите... Вы так прелестно махали улетающим птицам! (*Смотрит на нее, потом страстно и долго целует в губы*).

Борис (*на заднем плане. Наливает*). Еще по одной?

Аполлон и Римма возвращаются.

Гость (*совершенно пьяный*). Я давно вырос из этого ресторана...

Борис (*не менее пьяный*). Так в чем же дело? Проветрить, почистить, вкрутить лампочки...

Аполлон. Уважаемый, по-моему, у вас завтра утром самолет.

Гость. Но у нас мужской спор! Я хочу доказать свое право называться освобождаемым...

Аполлон (*подхватывает его под руки*). Пойдемте, дорогой. Сделаем передышку. Пойдемте, ресторан скоро закроется.

Гость. Прошу всех в мой номер! (*Хватает бутылку и уходит*).

Римма. Борис, ты идешь?

Борис. Я останусь. Когда все уходят, кто-то должен оставаться.

Римма. Ты сегодня очень метафоричен. Я тебя совсем не пойму. Хочешь, догоняй нас. (*Уходит вместе с Аполлоном*).

Борис. Бегите... А я останусь, потому что это мой стол, мой стул, мой ресторан, мой город и моя страна... Подлецы! Я не позволю всяким заезжим гастролерам привязывать свои задницы к моим стульям. Походил бы ты, конквистадор, по нашим задворкам, пожил бы под нашими дырявыми потолками, понапивался бы вдрызг... Догонять! Вас? Ни за что! Родины ему моей захотелось! Вот моя родина! (*Стучит кулаком по столу*). Официант, водки! Официант! (*Озирается вокруг*). Почему так темно?..

На сцене медленно гаснет освещение.

(*Озирается*). Господи, как темно! Где я, Господи? Кто это там ходит? Ну-ка, подойди, только попробуй тронуть, все мое!..

Неожиданно за его спиной появляется Сосед, — уже сидит за столом, как-то нехорошо улыбается. Хватает Бориса за руку.

(*Вздрагивает, поворачивается, смотрит на руку*). Господи, рука! Опять ты? (*Поднимает голову*). Ты — кто?

Сосед. Не узнаешь? Я — сосед. Пришел за солью.

Борис (*радостно*). Соседушка! Кровинушка... (*Ласково*). За солью пришел? Вот, бери, кругом соль...

Сосед неподвижно смотрит на Бориса.

Что же ты не берешь?.. Ты кто? Ты не сосед, если соль не берешь!..

Сосед. Правильно. Я не сосед. (*Приближаясь*). Я — Ч-че-ерт!

Борис (*в ужасе*). Черт?! А что это такое?

Сосед (*умилленно*). Мальчик мой... Черт — это соглядатай. Который за всеми наблюдает, но никому, — ха-ха, никому! — не помогает.

Борис. Не помогает? И откуда ты такой?

Сосед. Оттуда... (*Показывает свободной рукой вниз, в подземелье*).

Борис. Господи! Да зачем же вы сюда понаехали?

Сосед. Скучно, брат там, внизу. А здесь любопытно, как живете вы, кувыркаетесь, ползаете... Вот, гляжу на тебя...

Борис. На меня? Может, ты за мной и пришел?

Сосед. Именно. За тобой.

Борис (*в отчаянии*). А зачем я тебе?!

Сосед. Освободить тебя хочу... От глаз.

Борис. Как это — от глаз?..

Сосед (*внезапно хватая его за шею*). Мне нужны твои глаза! Мне нужны новые дырочки...

Борис. Отпусти меня! У тебя же есть свои глаза!

Сосед (*душит его*). А у моего брата нет. Нам нужно много глаз! Нас много, понимаешь? ...На каждую семью по одному соглядатаю!

Борис (*хрипло*). Помогите...! (*Зажмуривается*).

Борис (*зажмурившись, держит себя обеими руками за шею, раскачивается из стороны в сторону, хрипит*). Помогите...

Появляется Аполлон. Обходит стол, подходит к Борису. Приглядевшись к Борису, Аполлон вздрагивает и замахивается невидимой клюшкой. Намеренно, не глядя на него, быстро, залпом, как лекарство, выпивает первую попавшуюся рюмку водки.

Аполлон (*занюхав рукавом*). Закрыт паноптикум печальный... (*Приходя в себя*). Официант!..

Официант (*подбегая*). Слушаю вас.

Аполлон. Рассчитай нас, пожалуйста. И отвезешь товарища по этому адресу (*Пишет на бумажке*). И чтобы все аккуратно. Понятно?

Старший официант. Будет сделано!

Аполлон уходит.

(Пересчитывая деньги). Малой!

К нему подбегает Младший официант.

Ну как, первый день работы? Намного нахлопал?

Младший официант. Страшноовато. Все какие-то злые.

Старший официант. Ну, ничего, мир не без добрых людей. Есть у нас с тобой на сегодня халтурка. *(Кивает на Бориса, который, зажмурившись, крепко сжимает себя за шею).*

Картина восьмая

Поздний вечер того же дня. Из своей комнаты, крадучись, выходит Антон с рюкзаком. Остонавливается, оглядывается. Стук в дверь. Антон вздрагивает, подбегает к двери, открывает.

Анна *(шепотом)*. Ты готов?

Антон. Тс-с, бабушка спит. Не дай Бог, сейчас проснется...

Анна. Ну тогда пойдем, что ли?

Антон. Подожди, давай присядем на дорожку... Знаешь, мы обязательно сюда вернемся.

Аня. Через несколько лет... Когда мы станем совсем взрослыми!

Антон. И наведем здесь порядок, уберем тапки, отремонтируем квартиру, чтобы здесь можно было по-человечески жить.

Анна. Ты думаешь, те, кто останется, не смогут это сделать за нас?

Антон. Я об этом всю ночь думал.

Анна. А я никогда не думаю о своем возвращении. Ну, может быть, когда-нибудь, проездом, погостить...

Антон *(задумчиво)*. И поэтому нам сейчас надо уйти, уехать, чтобы не стать такими же, как они...

Анна. А ты не боишься, что здесь ничего не останется?..

Антон пораженно смотрит на Анну.

(Осторожно). Ну, потолок обвалится, дом в аварийном состоянии.

Антон. Не говори так! Даже если так, то мы построим новый дом.

Анна. Были бы люди, которые смогли бы нас этому научить.

Из бабушкиной комнаты раздается шорох.

Анна. Слышишь? Такая тишина... Мыши это или у бабушки...

Шорох повторяется.

Ты слышал? Бежим, а то будет поздно.

Встают и уходят. В гостиную входит Мать, садится за стол.

Мать. Как тихо...! Я так привыкла к шуму дождя, что стала просыпаться, когда его нет... *(Встает, направляется к газовой плите, спотыкается о тазик, останавливается)*. Странный был сон. Будто дождь наконец кончился, и в дверях сантехник в своем лучшем костюме... *(Улыбается)*. Мы с ним собираемся к отцу на кладбище... А Бориса все нет. Я ищу его под столом, под тазиками... Борис, нам пора!.. *(Идет в коридор)*. Борис! ...Стало страшно и — проснулась, а тут тишина, как и там — во сне. Кончился дождь и что дальше? Что-нибудь изменится? И Борис изменится? ...Пусть лучше он бы лил, этот дождь, до конца моей жизни... Немного осталось. Так бы и дотянула, — в хлопотах, в телефонных звонках... Кому скажешь, подумают, совсем спятила. А, что, Римма, Борис, может, я в самом деле спятила? *(Обращается к залу)*. А разве с в а м и здесь не спятишь?.. Антон!.. *(Замечает роликтовую доску, поднимает ее, опять садится, кладет ее на стол. Обращается к доске)*. Кем ты станешь, Антон?.. А Борис ведь тоже был хорошим мальчиком... Борис, это я во всем виновата!.. Когда уходил твой отец, такая же стояла тишина. Хлопнула дверь и все: выстрел в грудь. Сколько же я тогда просидела — час, день, сутки? *(Резко поворачивается к портрету на стене)*. А потом ты, папа, — твои шаги... *(Соединяет ладони, с мальбой)*. Папа, милый мой, прости меня! Если бы ты знал, я все это наговорила тебе тогда с испугу!.. *(Встает, начинает ходить по комнате, сложив ладони)*. О, лучше бы шел этот дождь! Который я так ненавижу... Да, да, лучше бы шел!.. Никогда, Римма... Никогда, Борис, — никогда больше не лгите друг другу... Хватит того, что я лгала... *(Опять обращается к портрету)*. Папа, ты так и не простил меня... Господи!

(Закрывает лицо ладонями и плачет).

Раздаются шаги в коридоре.

Мать. Кто это? Папа... ты?

Стук шагов нарастает. Мать подбегает к двери, ведущей в коридор, и прислушивается. Шаги стихают, словно кто-то остановился у самой двери с той, темной, стороны.

Папа...

Пользуясь паузой, начинает метаться по гостиной — заглядывает поочередно в каждую из комнат.

(Шепотом). Римма! Борис! Антон! Все — сюда! Папа пришел! Здравствуй, папа... *(Прислушивается)*. Что?.. Говори громче... Где Антон? Да, Антон в школе... Римма? Борис? Борис с Риммой живут хорошо, вот ремонт затеяли, скоро кровлю починят, а то от дождя спасения нет... Да! У меня здесь помощник появился — сантехник, хороший парень... Борис? Подожди, он скоро придет. Что? Времени нет? Почему нет, ты же так редко к нам приходишь! Вот, подожди, послушай... — такси, слышишь, счетчик стучит, вот

расплатились... Что? Времени нет?.. Что?.. Больше не будет? (*Пораженная*) Как... больше не будет? (Медленно сползает вдоль двери)... Да, папа, да, у них есть ключи... Подожди, папа... (*Поднимается, идет к столу, берет тазик и ставит его на место, как бы восстанавливая первоначальный порядок. Замечает роликтовую доску, берет ее на руки, нежно гладит колесики*). Может, мне это, — это, может, мне взять с собой... Да, слишком поздно, папа, времени больше нет... Есть?! И... телефон есть?! Хорошо, папа... (*Мечется, суетится возле двери, словно пытается сделать то последнее, что необходимо сделать перед окончательным уходом*). Да, конечно, так лучше, да, ты как всегда прав, — ты рад, папа? — я очень рада, очень-очень, я иду, папа, милый мой, любимый, единственный... Я иду!.. (*Открывает наконец дверь и выходит в коридор*).

Дверь шумно открывается. В прихожей раздаются грохот и сдавленные чертыхания. Два официанта вносят в гостиную тело Бориса и усаживают его за столом.

Старший официант. Фу-у-у... Тяжелый боров.

Младший официант. Да, ничего себе халтурка. Пятый этаж!..

Старший официант. Деньги даром не даются. Ты машину случаем не отпустил?

Младший официант. Нет, я еще не расплатился. (*С сомнением*). Подожди, ты адрес точно проверил?

Старший официант. Видишь, ключ-то подошел (*Выкладывает ключи на стол*).

Младший официант. А чего ключ? У нас сейчас одним ключом можно полгорода открыть.

Старший официант. Даже если и так, чего беспокоиться? Ну проснутся хозяева — думаешь, удивятся? Разберутся!.. Ты до завтра дождись. Завтра — остальная половина города сольется с первой. Трезвого не сыщешь. А если сыщешь, значит, больной человек.

Младший официант. Завтра ставки надо повысить!

Старший официант. Ясное дело: в субботу вечером!..

Уходят.

Картина девятая

Утро. Борис спит за столом в той же позе, в какой его оставили ночью. Дверь долго открывают ключом. Наконец, в гостиную входит Римма. Увидев Бориса, пытается незаметно пробраться мимо него. Борис ворочается, мучительно стонет, затем просыпается.

Борис. Где я? (*Увидев Римму*). А ты где? (*Тяжело встает и идет в кухонный закуток, пьет из графина воду*). Ты только что вернулась?

Римма стоит в нерешительности.

Да-а, повеселились вы, видимо, неплохо...

Римма (с вызовом). А ты, я вижу, повеселился куда лучше...

Борис (пьет воду). Но как же я оказался в квартире?!

Римма (присаживается за стол). Ты хоть что-нибудь помнишь?

Борис. Лучше вообще ничего не помнить, чем помнить то, что наверняка произошло с тобой.

Римма. Господи, все начинается по-новому. Ты хоть один день можешь начать по-человечески?

Борис. По-человечески? Ха, теперь у меня есть против тебя непровержимые улики. Застукал с поличным. (Садится за стол напротив нее). Ну как, пламенная моя, теперь уже скоро т у д а? Велосипедисты благополучно добираются до пункта назначения?

Римма. В любом случае я постараюсь с тобой там не встречаться.

Борис. А ты представь: встречаемся мы с тобой где-нибудь там...

Римма. И начнется то же самое. Грызня... Сцены ревности... Об этом ты хочешь сказать?

Борис. Нам ни в коем случае нельзя выезжать за границу. Вывозить с собой свою заразу — грызню, злобу... Особенно членам одной семьи. Перезаразим стерильный мир гостеприимных хозяев. Это как лавина: советский СПИД.

Римма. И появится еще одна такая квартира. Может, лучше нам вообще не встречаться? А еще лучше кому-то не ехать. Я думаю, вы как джентльмен уступите даме очередь?

Борис. Ну это мы еще посмотрим...

Стук в дверь.

Римма. Да-да, открыто!

В гостиную входит Сантехник. С букетом красивых роз.

Сантехник. Здравствуйте... Я к вашей матери, дома ли она?

Римма и Борис переглядываются.

Борис (не вставая с места). Мама, к тебе пришли!

Римма. Располагайтесь, пожалуйста. Вы...

Сантехник. Да, я именно к вашей матери. Мы с ней договаривались заранее. У нас с ней очень важное дело.

Римма. А вы издалека?

Сантехник (улыбаясь). Ну это как посмотреть. Можно сказать, я попал сюда оттуда. (Показывает на потолок). А вообще-то я шел к этому дню всю свою жизнь... Дело в том, что мои родители — как бы это сказать? — слишком рано освободили меня...

Римма и Борис настороженно переглядываются.

Борис. Понятно, конечно, это очень серьезно.

Сантехник. Вот вчера в гостинице я вдруг подумал, что всегда существуют люди, которые очень близки к твоим идеалам родных и близких. И хочется вдруг обмануть время и обстоятельства!..

Римма. Борис, позови еще раз бабушку.

Борис подходит к двери, ведущей в коридор, останавливается.

Борис. Мама, к тебе пришли! Ты слышишь? Просыпайся?

Римма. Аврора Максимовна! К вам гости!

Борис. Странно, обыкновенно, она встает очень рано. *(Римме).* Может, она уже вышла, увидела меня и... опять ушла?

Сантехник. Почему?

Римма. Борис, что же ты стоишь? Иди и разбуди ее. Нельзя же гостя так долго держать. Тем более если он по сугубо личному делу.

Борис. Мама, вставай! *(Трет глаза).* Что-то я плохо вижу...

Сантехник. Не беспокойтесь! Мы с ней договаривались: ярким солнечным утром... *(Уходит через коридор в бабушкину комнату).*

Римма. Сыннок называется... Что, коридора испугался?

Борис. Запомни, я ничего не боюсь. Я давно вырос из этого коридора... Странно, где-то я его уже видел.

Римма. У меня тоже такое впечатление. Может быть, где-нибудь на приеме?

Борис. Да!.. Он же сказал: вчера, в гостинице. Это приезжий!

Римма. Приезжий? Что ж ему надо от нашей мамочки?

Борис. Черт его знает... Обыкновенно, если приезжают, то только родственники. А я такого, кажется, не припомню...

Римма. Он сказал, что приехал оттуда. А родители его занимались освобождением.

Борис. Освобождением?

Римма. Да! С цветами пришел и не родственник. Так-так. И ты его раньше никогда не видел. Так-так-так. Наши местные просто так с цветами не придут. Остается одно: значит, он — оттуда...

Борис. Что, еще один? А тот, вчерашний, — кто тогда?

Римма. Аполлон сказал, что он зоолог. Доктор биологии...

Борис. Зоолог?.. Ну все, приехали. Конечная остановка... «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден и выйдет обольщать народы...» Иоанн... Глава 20-я, строфа седьмая... А я все думал, чего это он так по-нашему стал хорошо говорить, да и цвет его кожи... Мандела-Мандала-Мудила... Хм, соотечественник! Агнец милый...

Римма. И зачем ему все это нужно было устраивать?

Борис. Господи, да ученый какой-нибудь, грант получил и приехал собирать материал для диссертации. А тема может быть такая: «Поведение здешних особей в преддверии тотальной миграции» Или: «Реакция здешних особей на человека оттуда в экстреме биологического выживания». *(Римме)* Да, попали мы с тобой...

В гостиную вбегает взволнованный Сантехник.

Сантехник. Там... бабушка...! *(Машет руками)*.

Римма и Борис. Что? Что с нашей бабушкой?

Сантехник. Лежит и не двигается.

Борис. Этого нам еще не хватало! Пульс, пульс трогали?..

Сантехник. Я и не подумал...

Римма. «Скорую», «скорую!..» *(Берется за телефон)*.

Борис *(сантехнику)*. Вы садитесь, пожалуйста. Не беспокойтесь. У нее такое бывает: усталость, переутомление...

Сантехник. Может, вам пойти и посмотреть?

Борис. Посмотреть?.. Глаза болят. Ничего не вижу. *(Трет глаза)*.

Римма. Занято... Разве от нас можно куда-нибудь дозвониться?

Сантехник. Я попытаюсь на улице поймать... *(Уходит)*.

Римма. Ничего себе, сыночек, даже на родную мать не может взглянуть. Что человек-то скажет? Тем более если он — о т т у д а...

Борис. Да замолчи ты! Ты понимаешь, если что-то произошло, то нас-то с тобой этой ночью здесь не было. Не было, понимаешь?

Римма. Ты был.

Борис. Я был, все равно, что не был. Ты-то где была? На ночном дежурстве? Вот... придет врач, спросит, где вы были — семейные — этой ночью? Что ты им скажешь?

Римма. Мы — не семейные. Я — свободная.

Борис. Да кого это волнует? Живем вместе и все тут. Тем более никто из родственников и знакомых не знает, что мы в разводе... Черт, что же делать? А тут еще этот — оттуда... Мировой скандал!

Римма. Занято и все тут. Разве отсюда куда-нибудь дозвонишься?

Борис. Постой, а где Антон?

Римма. Да, где Антон? Он-то был ночью.

Борис *(встает и проверяет комнату)*. Нету Антона. Ну и семейка!

Римма. Наверное, в школе. Еще.

Борис. Еще или уже?

Римма. В смысле?

Борис. В смысле-смысле... Который час? Утро сейчас или что?

Римма. Тебе, по-моему, лечиться пора.

Борис. Всем нам лечиться пора. Только от разного.

Римма. Что-о-о?

Борис. Ну ладно, ладно, это потом. Ну, звони, что ли?

Римма пытается дозвониться. В комнату входит Мать. На голове у нее полотенце, поверх халата еще одно. Зажигает плиту, ставит на огонь чайник, потом глядит в окно, разбирает тапки. Подходит к телефону, набирает номер.

Мать. Алло, это жилуправление? Техслужба? Мне, пожалуйста, сантехника, — того, что приходил в прошлый раз. С потолка течет, скоро обвалится. Да, приходил, обещал, но пока не появлялся. Ждать? Ждать больше нельзя!.. Дождя не будет? А я говорю — будет!

Входит Сосед с пачкой соли. Замирает, мгновенно оценивая обстановку. Неотрывно, уже с нескрываемым интересом. Потом входит Милиционер, крепко держа за руки Антона и Анку.

Мать (по телефону). Смотрите, внимательно смотрите в окно...

Все сохраняют неподвижность и смотрят в окно. Доносится слабый шум дождя. Сквозь него — вой приближающейся сирены.

Мать (по телефону). Вы внимательно смотрите? Вот видите. Что? Да, уже течет. Сейчас будет течь еще сильнее. Внимательно смотрите в окно. Адрес?.. Нет у нас адреса... Кто дома? ...Нет никого дома... Но сантехника пришлите обязательно. В ту же минуту не надо, но пришлите. Когда-нибудь... Когда-нибудь! Нет. Никого. Никогда... Солнце? Солнца в ближайшее время не будет. Да. Нет. Невозможно. Нет... Я же сказала, я живу одна. Совершенно одна. Совершенно. Да, спасибо. Буду ждать. Нет. Нет. Да. Да. Внимательно смотрите в окно...

Вой сирены стихает. Последним в квартиру входит сантехник, за ним санитары с носилками. Ливень.

Затемнение.

КОНЕЦ

*Алма-Ата,
март 1993 — апрель 2005 гг.*

НЕ УМИРАЙТЕ МОЛОДЫМИ

Драма в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тян Лев Петрович – президент торговой фирмы «Мираж».
Тян Нина Ивановна – его жена.
Тян Сергей – его сын от первого брака.
Ким Хе Гван – пенсионер.
Ким Наталья Яковлевна – его жена.
Ким Геннадий – их сын, менеджер фирмы «Мираж».
Ким Кира – их дочь, челночница.
Пак Константин – частный предприниматель.
Зоя – пассия президента фирмы «Мираж».
Венера – секретарь-референт фирмы «Мираж».
Батончик – мелкий торговец наркотиками.
Шахния – хозяйка ресторана.
В массовых сценах – молодые люди, телохранители.

ПРОЛОГ

В полумраке суетятся молодые люди. Резкий беспричинный смех, вальяжные объятия парней с девушками. Приходит молодой человек с дипломатом, и люди быстро окружают его. Он вытаскивает из дипломата порошки и раздает их. Вдруг раздается вой полицейской сирены. Молодые люди разбегаются кто куда...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Кабинет президента фирмы «Мираж», обставленный по современному офисному стандарту. Большой кабинет и приемная, где хозяйкой является энергичная молодая особа Венера – секретарь-референт.

Уголок отдыха, офисная мебель, несколько телефонов. Вдоль стены – высокий стеллаж, на котором выставлены различные товары в красочных упаковках. Быстрыми шагами входит взволнованный Тян.

Венера (*удивлена, привстает*). Лев Петрович!? Вы же в отпуску...

Тян. Вот, что Венера! Никого не впускай! И срочно набери Москву, мне нужен Георгий Сидорович. И еще. Найди Ким Геннадия! (*Садится за свой письменный стол и лихорадочно перебирает бумаги*).

Телефонный звонок.

Алло, Георгий Сидорович! Это я... Да, какой там отпуск. Семь лет не отдыхал. Да, случилось. Пропали вагоны с зерном. Целый эшелон. Ну да, в Россию. Но не дошли они до вас. Да, конечно, мой заместитель, кретин, не доглядел. Ты уж надави куда следует, помоги. Да, конечно... Сочтемся. Ну, пока. Я надеюсь на тебя. Привет твоей дражайшей супруге Антонине Петровне!.. *(Кладет телефонную трубку, закуривает. Успокоившись, набирает новый номер телефона)*. О! Саке! Салеметсиз ба! Кальгниз калай, Саке? Дома как? Родители? Дети?... У меня? Есть проблема... В общем, Саке, надо бы повидаться, энгиме бар... Удели мне немного времени. Буду признателен... Хорошо, дорогой, буду через час!

Из приемной доносятся раздраженные голоса.

Венера *(голос)*. Нельзя! Президент занят.

Зоя *(голос)*. У меня с ним назначена встреча! Уйди от двери!

Венера *(голос)*. Вы что не понимаете русского языка? Сказала, он занят. Посидите тут немного. Вы кто будете? Как вас представить?

Оттолкнув Венеру, входит в кабинет Зоя.

Тян. Венера, все в порядке. Оставьте нас.

Венера уходит.

Зоя. У тебя опять новенькая секретарша? Меняешь их как перчатки. Как тут вам на столе, удобно?

Тян. Я же просил тебя не приходить ко мне в офис. Говори, зачем пришла?

Зоя. Жена твоя тихая да спокойная, сам говорил. Но я не такая. Она-то и не подозревает, дура, о твоих шашнях с женщинами...

Тян. Прекрати, Зоенька. Успокойся и скажи, что случилось?

Зоя *(всхлиывая)*. Лева, мне сейчас очень тяжело и одиноко. Со мной творится что-то ужасное, сама не знаю, что. Мне иногда хочется умереть *(плачет)*.

Тян. Вот что, Зоенька, милая. Поезжай сейчас домой, отдохни, а вечером обязательно загляну. Там и поговорим обо всем. Идет?

Зоя. Нет. Вечером меня не будет дома.

Тян. Как? Почему не будет?

Зоя. А тебя это волнует? И... вообще, я устала ждать тебя. Приходишь ко мне только, когда тебе надо. Мне надоело!

Тян. Чего ты от меня хочешь? Квартиру я тебе купил, дочку твою устроил в лицей. В самый престижный.

Зоя. Мне не нужны твои подачки. Можешь забрать их себе. Только не забывай, что и я тебе немало дала. А ты меня кормишь только одними обещаниями!

Тяя. А что я тебе обещал?

Зоя. Жениться!

Тяя. Ах, вот ты о чем... Ладно, все. На сегодня хватит. Я должен ехать. У меня с сыном проблема. Вторую неделю не ночует дома. Тут еще твой приятель, этот кретин Геннадий проворонил вагоны с зерном. *(Подходит к селектору)*. Венера, вызови мне машину. *(Зое)*. Тебя подвезти?

Зоя. Спасибо, я сама доеду. Теперь я все сама... *(Внезапно плачет)*. У меня, Лева, тоже проблема... В последнее время меня подташнивает.

Тяя. Что? У тебя... это самое... как это... задержка?... Ну, Зоенька! Это меняет все! *(Пытается обнять и поцеловать Зою. Она отстраняется)*. Зоенька, ты моя лапочка. Вот что. Ты никуда не уходи отсюда. Дождись меня. Я очень скоро вернусь!.. *(Выходит из кабинета. В приемной сталкивается с Геннадием)*. Геннадий, ты мне нужен. Дождись меня, я скоро!..

Геннадий. Хорошо, шеф, как скажете.

Картина вторая

Геннадий входит в кабинет шефа.

Геннадий. Зоя?! Ты почему здесь?

Пауза.

Зоя. Здравствуй, Гена. Я давно хотела поговорить с тобой. Неподходящее место для такого разговора, но...

Геннадий. Что ж, давай поговорим.

Зоя. Ты знаешь, Гена... я была вместе с Львом Петровичем в Эмиратах. Отдыхали мы. На днях приехали...Кстати, по твоему звонку вернулись.

Геннадий. Стало быть, я прервал ваш отдых.

Зоя. Гена... Ты действительно потерял вагоны с зерном?

Геннадий. И... что? Давно у вас роман?

Зоя. С полгода. Все произошло очень банально, неожиданно. А сейчас я... беременна.

Геннадий. Да, уж... Неожиданно. Он же тебе в отцы годится. И что дальше? У него же семья.

Зоя. Пока не знаю. Обещал жениться. Но я не уверена.

Геннадий. Да, дела... Я ему не завидую. Впрочем, и тебе тоже.

Зоя. А сколько тебя можно было ждать? Сначала армия, потом институт. Все ждала, когда ты встанешь на ноги. Устала ждать. Я хочу жить нормальной жизнью.

Геннадий. А как это нормально?

Зоя. Это значит нормально одеваться, есть, пить, не считать несчастные копейки. Теперь у меня есть хорошая квартира, дочь устроена. Наконец-то я почувствовала себя женщиной! Тебе понятно? И все это благодаря ему...

Геннадий. Да врешь ты все. И себе врешь, да и мне тоже. Я знаю тебя... Говоришь, ждала меня? Пока я служил в армии, спугалась с засезжим артистом. Но я простил тебе. И все тянула с нашей свадьбой. Все чего-то взвешивала, искала выгоду и морочила мне голову.

Зоя (*спокойно*). Зря ты так. Хочешь сделать мне больно? Ты посмотри на себя. Все топчут тебя, а ты терпишь. Разве ты мужчина? Мы, женщины, предпочитаем сильных мужчин! Я все ждала, что ты станешь сильным, самостоятельным.

Геннадий (*не слышит ее*). Ты когда-то мечтала о семье, о большом доме, о детях...

Зоя. Ты не беспокойся обо мне. Все будет у меня. Но только не с тобой. Извини меня, ты неудачник.

Геннадий подбегает к ней, берет ее за плечи и потом обреченно отходит от нее. Опускается на стул.

Картина третья

Кира несмело заглядывает в кабинет. Венеры нет на месте. Увидела своего брата и Зою. Входит..

Кира. Ой! Вот не ожидала увидеть вас здесь вместе. (*Подходит к брату и целует его*). Привет Зоя. Я вам не помешала?

Зоя. Наоборот, ты очень кстати... Мы тут во всем разобрались с твоим братом. Теперь мне пора. Чао! (*Уходит. В дверях сталкивается с Венерой*).

Зоя. И сколько же ты получаешь здесь?

Венера. Моя зарплата оговорена в контракте. А что?

Зоя. А за работу вне рабочего времени? (*С независимым видом покидает приемную*).

Венера (*вслед*). Ненормальная какая-то...

В кабинете.

Кира. Гена, что случилось?.. Опять поругались?

Геннадий. Так, ничего серьезного. Лучше расскажи, как твой бизнес? К стати, когда ты была у родителей?

Кира. Недавно. Скучают. Ждут, не дождутся, когда ты женишься. Мечтают о внуках... А мой бизнес, сам, наверное, догадываешься, сворачивается... Съездил бы ты к родителям, а?

Геннадий. Ты же знаешь, сутками кручусь. Сейчас я все больше убеждаюсь: бизнес — это не мое дело. На беду связался с зерном. Не могу найти концов. Не знаю, что сказать боссу.

Кира. Ты, что, много должен ему?

Геннадий. Да, немало... Босс кредитовал мне 50 тысяч баксов. Закупил зерно, отправил в Россию. Хотел навариться, но увы, не повезло, пропали вагоны. То ли разграблены, то ли сгорели...

Кира. Не переживай, найдутся твои вагоны. Люди выходят и не из таких переделок... Гена, а что с Зоей? Вы же собирались пожениться в этом году?

Геннадий. Передумал.

Кира. Вот как... А почему?

Геннадий. У нее роман с Львом Петровичем. Успели даже побывать в отпуске в Эмиратах.

Кира. Вот так дела...

Геннадий. Ладно, проехали. А ты зачем сюда пришла?

Кира. Мне нужно было сказать Льву Петровичу про Сергея. Его видели на китайской барахолке в компании наркоманов.

Геннадий. Жаль парня. Говорят, он талант, стихи пишет.

Кира. Хочется помочь ему, только не знаю как...

Геннадий. Он тебе нравится?.. Кира, он ведь давно сидит на игле.

Кира. Тогда тем более нельзя оставлять его.

Пауза.

Геннадий. Ну, как знаешь... А меня зовет к себе на работу Константин Пак. Обещает большие деньги.

Кира. Константин? Очень интересно. Мне он тоже обещал райскую жизнь.

Геннадий. И что же ты ответила ему?

Кира. Я еще не пришла в себя от первого замужества.

Геннадий. Константин тебе не пара. Патологически жадный человек. Не то что Сергей.

Кира. Откуда тебе знать, кто есть кто...

Картина четвертая

Сюда, в кабинет, из приемной доносятся шум и крики.

Венера (голос). Нет, туда нельзя, Лев Петрович еще не вернулся.

Константин (голос). Скажите, уважаемая, как вас величать?

Венера (голос). Ну, Венера... Сергеевна.

Константин (голос). Дорогая Венерочка Сергеевна. Мне позволено входить в этот кабинет в любое время суток.

Константин распахивает дверь и бесцеремонно входит в кабинет.

Константин (двум своим сопровождающим). Оставайтесь тут. (*Увидев в кабинете Киру и Геннадия*). Ба! Какие люди! Ну и дела — им, значит, можно быть здесь, а мне нельзя? Разберемся!.. Привет, дорогой! Здравствуй, солнышко мое, Кирочка?

Геннадий. Легок на помине.

Константин. Ты что-то сказал, Геннадий?

Геннадий. Да нет, я просто так.

Константин подходит к столу Тяма и вальяжно располагается в кресле. С усмешкой смотрит на Киру и ее брата.

Константин. Если я вам помешал...

Кира. Нет, отнюдь.

Константин. Вы не стесняйтесь. Располагайтесь поудобнее. *(Нога на ногу и на стол. Закуривает)*. Скажи, Кирочка, каким же ветром занесло тебя сюда, в это осиное гнездо?.. Тут ловить нечего. За меня держитесь.

Кира. О чем ты говоришь, Константин?

Телефонный звонок.

Константин поднимает трубку.

Константин. Да... Нету Льва Петровича, умер! *(Бросает трубку на аппарат)*. Вот смотрю на вас и убеждаюсь: какие же вы все-таки наивные люди. Лев Петрович вас не пожалеет, съест с потрохами. К примеру, Геннадий, тебя взять. Ты ведь большой должник Льва Петровича?

Геннадий. А тебе откуда известно о моих долгах?.. Не твои ли это проделки?

Константин. Обижаетесь, брат.. Вот у меня есть вопросик к твоей сестре. Кирочка, скажи, светик мой, что у тебя общего с этим отъявленным наркоманом и вором Сергеем?

Кира. Не говори так... Сергей нормальный парень. Он просто связался с плохими людьми, сбился с пути. Выправится. Он нуждается в помощи.

Константин. Мать Тереза?..

Вбегает в кабинет Тяя Лев Петрович. Он разъярен, увидев Константина, расположившегося на его рабочем месте.

Тяя. Эй, ты негодяй! Что это ты устроил здесь балаган?

Константин. Остынь, Лев Пантерович... Тут интеллигентные люди, приличная дама. Мы твои гости.

Тяя *(в гневе)*. В гробу видел таких гостей! А ну, вон из кабинета!

Константин. Ну, ну полегче, Лев Пантерович. В гробу, говоришь? Смотри, как бы сам не оказался в нем. Когда вернешь мои кровные бабки?

Тяя. Слушай, ты молодой и не воспитанный! Тебя родители не учили как надо разговаривать со старшими?

Константин. Мне нужны мои бабки, срочно. Раскатывать с любовницей по границам у него есть деньги, а вернуть долги — их нет?

Кира. Константин, перестань!

Константин. А ты, Кирочка, не вмешивайся в мужской разговор. У нас с ним свои дела. Вот мне стыдно за твоего брата, за Геннадия. Потому что его любимую женщину обхаживает вот этот царь зверей, Лев Пантерович...

Геннадий. Эй, ты герой! Прекрати! Что ты лезешь не в свои дела? Со своими проблемами я как-нибудь сам разберусь.

Константин. Ой, ли? Растопчуг. Он же тебя уже растоптал, унизил. Но я тебе помогу, Геннацвале, не дам в обиду!

Геннадий. Говорю тебе, не лезь не в свои дела.

Константин. Ладно. Быть по-твоему. Я всегда к твоим услугам.

Тяя *(постепенно приходя в себя от наглости Пака)*. Костя, у меня сейчас временные денежные затруднения. Но скоро выправлю положение. Я ведь говорил уже твоим ребятам, которые приходили ко мне.

Константин. На что мне твои объяснения? Бабки нужны сегодня, сейчас!

Тян. Вот заладил, бабки да бабки. Деньги — они приходят к тебе, а потом также уходят. А вот совесть и честь — нет. Потеряешь — не вернешь.

Константин. Красиво говоришь, мой наставник. Ты многому научил меня. Но я знаю тебя. Говоришь одно, думаешь другое, делаешь третье.

Тян. Ну, все! Надоело слушать твой бред. Сказал — верну деньги, значит, верну.

Константин. А я тебе больше не верю. И не уйду, пока не вернешь долги. *(Кричит).* Эй! Ребята, ко мне!

Тян. Хочешь запугать меня своими церберами? Надо было уничтожить тебя тогда еще, когда ты ходил передо мной на задних лапках. Скажи, кому ты служишь сегодня, холуй?

Константин хватает Тяна за галстук. Вбегают телохранители. Два парня держат Тяна. Константин начинает избивать Тяна, и тот медленно опускается на пол. К нему на помощь прибегают женщины.

Константин. Если завтра не вернешь долги, тебе не жить на этом свете.

Тян *(тяжело встает).* Ты очень пожалелешь о своем поступке.

Константин. Угрозы? Ты же в полном дерьме. Впрочем, как и твой ненаглядный сыночек. Он плотно сидит на игле и навряд ли ты сможешь помочь ему.

Тян. Негодяй! Может быть, ты посадил его на иглу в отместку мне? Знаю: я у тебя стою на пути как кость в горле. Хочешь уничтожить мою семью!

Константин. Остынь, батя! К твоему сыну я никакого отношения не имею. Кстати, и он задолжал мне немалую сумму. Отдельно выставлю тебе счет.

Тян. Проваливай отсюда!

Константин. Лева!.. Скоро ты будешь ползать у меня в ногах. А теперь, Кирочка, идем! Тебе тут нечего делать.

Кира. Нет, я не пойду с тобой.

Константин. Не упрячься. И не связывайся с этим семейством. Ты знаешь, что твои предки очень пострадали от семьи Тяна.

Кира. Причем тут предки?.. Никуда я не пойду с тобой.

Константин. Зря ты так со мной... Ты бы лучше рассказала, как мы здорово развлекались. Не стесняйся.

Кира подходит к Константину и дает пощечину. Тот замахивается на нее, но его останавливает Геннадий, в руках у него пистолет.

Геннадий. А ну-ка, прочь от моей сестры! И вали-ка отсюда подброду-поздорову.

Константин, окинув злым взглядом всех, ударом ноги распахивает дверь.

Константин *(обращаясь к Кире).* Ты думаешь, он лучше меня? Ты плохо знаешь его! *(Ребятам).* Все, уходим! Но очень скоро вернемся!

Картина пятая

В кабинете остаются Тян, Кира и Геннадий.

Геннадий. Лев Петрович, прошу прощения, но я должен отлучиться ненадолго. Провожу гостей из Кореи.

Тян. Хорошо. Потом я тебя вызову... Кира, у меня разговор к тебе. Венера! Принеси, стакан воды.

Кира. Спасибо, Лев Петрович, я сама. *(Выходит).*

Тян берет телефонную трубку и звонит.

Тян. Алло, Саке. Это я опять. Сергея пусть привезут сюда, в офис. Что? Костя Пак — наркоделец?! Саке, давай-ка с тобой вечером посидим в «Империале». Ну, иногда же хочется оттянуться. Сауна, девочки — по полной программе. Ты сообщил отличную новость. Пока, до вечера.

Входит Кира.

Кира. Лев Петрович, вы нашли Сергея?

Тян. Да, начальник отдела наркотиков привезет его лично сюда.

Кира. Лев Петрович, вы меня извините, но мне кажется, что вы мало времени уделяете Сергею...

Тян. Он взрослый человек!.. Впрочем, может быть, ты и права. Кроме работы я ничего не знаю. После смерти матери Сергей резко изменился. Грубит маме... Как отец, я все сделал для него.

Кира. Как можно определить, все или не все?

Тян *(после паузы)*. Хорошо, что ты зашла ко мне... Не знаю только, как ты воспримешь мои слова.

Кира. Вы все время говорите намеками...

Тян. Кирочка, милая! Я хотел бы, чтобы вас с Сергеем связывали отношения больше, чем просто дружба. Одним словом, я ставлю на тебя.

Кира. Вы о чем, Лев Петрович? Это на скачках ставят на беговую лошадь.

Тян. Это я так, фигурально. Давай, поговорим откровенно. Когда-то наши предки жили в Корее в одной деревне и вместе покинули родину в поисках счастья. Вот бы и нам породниться и объединить свои силы. И никакие проходимцы, вроде Константина, не были бы страшны.

Кира. А причем тут Константин, Лев Петрович?

Тян. Дело тут такое. Я смогу вернуть деньги Константину только в случае, если найдутся злополучные вагоны твоего брата.

Кира. И тогда Гена сможет расплатиться с вами?

Тян. Кирочка, поверь мне, ради спасения своего сына я готов на многое! Только ты сможешь спасти его, он только тебе поверит!.. Выходи замуж за моего сына и переезжай к нам жить. Для вас, молодых, я ничего не пожалею. У вас будут роскошный дом, машина и все, что захотите. Мы должны крепко держаться друг за друга. Иначе нам трудно выжить, время такое. И, главное, ты здорово выручишь своего брата.

Кира. Вы плохо знаете моего брата. Он не примет мою жертву... И потом, я не совсем понимаю вас, Лев Петрович...

Тян. Сейчас не говори ничего, подумай хорошенько!

Кира. Лев Петрович, вы бы хоть ради приличия спросили меня, люблю ли я Сергея? Вы сами прекрасно понимаете, что Сергей серьезно болен. Его надо лечить. И кем я буду при нем? Няней? Сестрой милосердия?

Тян. Кем захочешь, тем и будешь! В противном случае... у твоего брата Геннадия будут очень серьезные проблемы.

Пауза.

Кира. Извините, Лев Петрович. У меня что-то разболелась голова. Я, пожалуй, пойду. *(Направляется к двери).*

Тян. Хорошо, иди. Я буду ждать ответа.

В дверях Кира сталкивается с Сергеем. Тяг стоит, отвернувшись, возле окна и запоздало замечает появление сына. Взлохмаченный, с опухшим лицом Сергей напоминает бомжа. Одет небрежно, джинсовые рваные штаны...

Сергей. А, Кирунчик, привет!

Тян *(оборачиваясь).* Ну, что допрыгался? Ну, скажи, чего тебе не хватает?

Сергей. Сво-бо-ды!..

Тян. Негодяй! С жиру бесишься! Я дал тебе все! Отмазал от армии, затолкал в престижный вуз. Жил бы себе как все нормальные люди. Я в твои годы — ... сам вот этими руками...

Сергей *(в гневе).* Да заberi ты все, что дал мне. Только оставь меня в покое. И больше не говори о твоих заслугах в молодости. Меня мутит от них, как от помоев.

Тян. Как ты смеешь так говорить?!.. Ты до сих пор ничего не сделал хорошего ни для себя, ни для других! Вон, смотри, как печется о тебе Кира!..

Сергей *(усмехнувшись, театрально оборачивается к Кире).* Спасибо вам, добрые люди, за заботу. Извините за хлопоты. *(Отцу).* Вы мне вернули жизнь, папа. Спасибо вам!

Кира. Сергей, перестань!

Сергей. Кирочка, вот тебя я послушаю.

Тян. Не ломай комедию.

Сергей. Пожалуйста! Только мне нечего сказать вам.

Тян. Нечего сказать? Скажи, сколько ты должен Константину? Он тебе достает наркотики, а мне платить?

Сергей *(истерично).* Что ты меня допрашиваешь? Хватит с меня одной полиции. Оставьте меня в покое!.. *(Выбегает из кабинета).*

Кира торопится выйти за Сергеем.

Тян. Кира! Я тебя очень прошу, не оставляй моего сына!..

Кира молча выходит из кабинета.

Картина шестая

Тян ходит по кабинету в сильном возбуждении. Бормочет: «Это неплохой вариант, ничего, все получится!». Закуривает. Входит Геннадий.

Геннадий. Разрешите?

Тян. Проходи, садись. Рассказывай, что случилось, где вагоны с зерном?

Геннадий. Я вам доложил подробно по телефону.

Тян. Кто сопровождал груз?

Геннадий. Люди из группы Шахины. У меня есть подозрение, что тут не обошлось без Константина Пака.

Тян. Смотри, какой догадливый! Да тут и младенцу ясно, что это дело рук Константина. У него есть подозрение!.. Столько подлецов развелось, закроешь глаза, нос отрежут!.. Вот что. Пиши заявление, по собственному желанию, ты не справился со своими обязанностями. Теперь поговорим о твоих долгах...

Геннадий. Заявление у меня с собой. Я не могу работать под вашим началом. Я был о вас другого мнения. Я ошибся.

Тян. Ты это о чем?

Геннадий. Мне Зоя все рассказала.

Тян. Ах, вот ты о чем... Да, не буду скрывать — у нас с Зоей близкие отношения. Давай будем мужчинами и не стоит винить кого-либо. Это стечение обстоятельств.

Геннадий (*задумчиво*). Проклинаю тот день, когда я пришел к вам на фирму. Вы отняли у меня все.

Тян. Хватит! Нечего нюни распускать. (*Нажимает на кнопку вызова*). Венера! Возьми заявление и оформи!

Входит секретарша, забирает заявление и уходит.

Тян. Теперь о твоих долгах. Я разговаривал с твоей сестрой.

Геннадий (*настороженно*). А причем тут Кира?

Тян. А притом, что она очень нравится мне. Я хочу, чтобы она стала моей снохой. Сергею нужна такая женщина, как Кира.

Геннадий. Вы говорили о моих долгах...

Тян. Дойдем и до этого. Ты помогаешь мне, а я — тебе. Давай объединим наши усилия. Тогда мы сможем задавить Константина. А долги спишем на свадьбу Киры и Сергея. Ты понял меня? Будут и волки сыты и овцы целы.

Геннадий. Это что торг? Мы что рабы у вас? И вообще, чье это решение? Что думают об этом Кира, Сергей? Я ничего не понимаю!

Тян. Не кипятись!.. Кира обязательно выгашит моего сына Сергея из ому-та. Я прошу тебя — уговори свою сестренку выйти за муж за Сергея, это моя великая просьба!

Геннадий. Я не стану этого делать. Все это пахнет какой-то грязной сделкой... Моя честь дороже всяких ваших денег!

Тян. Какие все горячие... Что ты выкаблучиваешься? Чтобы вернуть мне долги, тебе придется продать свою квартиру, родительский дом... Не горячись, подумай хорошенько.

Геннадий. Я уже подумал. Ничего этого не будет.

Тяв. Ах, ты такой гордый и честный! Ну, смотри. Потом будет поздно, слишком поздно!..

Геннадий (*стремительно направляется к выходу, оборачивается*). Да, пошел ты!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина седьмая

Сергей, еле передвигая ногами, ходит как неприкаянный по квартире. Кутается в теплое шерстяное одеяло. Напряжен и агрессивен. Потом заходит в спальню родителей. Шарит дрожащими руками под широким матрасом. Вытряхивает из комода все содержимое. Ничего не найдя путного, мечется по квартире. Находит небольшой сверток. Лихорадочно разворачивает его и видит маленький боевой пистолет. Сергей внимательно разглядывает его, затем заворачивает в тот же сверток и кладет на прежнее место. Сергея бьет озноб. Тихо бормоча какие-то несурзные слова, подходит к дивану и ложится. Внезапно, что-то вспомнив, соскакивает с дивана. Открыв шифоньер, рассматривает весь гардероб родителей. Выворачивает все карманы. Возвращается к дивану, ложится, скрючившись, и тихо стонет. Опять встает. Берет телефонную трубку. Руки и ноги дрожат. Осипшим голосом говорит по телефону.

Сергей. Батончик, это я. Привет. Есть разговор... Да, я один. Нет, укатили на дачу, с ночевой. Должок? Да, конечно. Отдам все сразу. Ты... не наезжай так на меня. Что? Эй, алло... (*Бросает трубку на аппарат*). Подонок! Убью!.. (*В отчаяние он вновь плетется из одной комнаты в другую. Подходит к аптечному ящичку, открывает его. Находит какой-то флакон. Читает надпись на этикетке, нюхает и потом, рассердившись, бросает его на стену. Наконец, совсем обессилив, садится на корточки и смотрит в одну точку. Постепенно скатывается на пол и начинает скулить. Тихо плачет*). Ой, мамочка, как мне больно. Ой! Больше не могу! Помогите!..

Звонок в прихожей. Сергей с трудом встает и плетется к двери. Открывается дверь, и в квартиру входит броско одетый молодой человек. В руках у него «кейс». Гость пухлощекий, суетлив и недоволен, будто его оторвали от важных дел. Это Батончик — «верблюд-разносчик наркоты».

Батончик. Чего звал? Башли достал?

Сергей. Не гони... Давай сначала поговорим.

Батончик. О чем базариться с тобой? Хозяин требует скорейшей оплаты долгов, у него включен счетчик на тебя. Это очень серьезно, Серый.

Сергей. Ты, Батончик, не беспокойся. Я сполна расплачусь с тобой. Скоро у меня будет много денег. Но сейчас их нет у меня. Войди в мое положение. Тело разрывается на части.

Батончик. Это твои проблемы, Серый.

Сергей. Батончик!.. Будь человеком. Когда-нибудь и я выручу тебя.

Батончик. Да, уж, от тебя дождешься.

Сергей. А ты вспомни, как мой предок по моей просьбе спас тебя, срок светился и немалый... Долг платежом красен.

Батончик. С кем не бывает... Я же отблагодарил! Сколько курева я отдал тебе за бесценок? Так что мы квиты с тобой. Все, я пошел. Приготовишь бабки, звони.

Сергей. Подожди, Батончик!.. Ну, выручи в последний раз. Сейчас у меня башка расколется напополам.

Батончик. А что мне твоя башка? *(Хочет уйти).*

Сергей начинает кататься по полу. Затем встает перед Батончиком на колени, с мольбой вытянув руки.

Сергей. Ну, хоть одну ампулу!

Батончик. Отстань, говорю тебе.

Сергей. Я клянусь тебе. Все сделаю для тебя... *(Хватает Батончика за штанину. Батончик отшвыривает его от себя. Тот внезапно преобразается, становится озлобленным).* Ты, гнида поганая! Если ты сейчас же не дашь мне ханку, я убью тебя. Не веришь? *(Бежит в другую комнату и оттуда выходит с пистолетом руках. Батончик не на шутку напуган).* А ну, выкладывай ханку, не то продырявлю башку! Считаю до трех! Раз, два...

Батончик. Ну, ну, Серый, ты не шути с этой игрушкой. Конечно, я тебе дам. На, подавись! *(Бросает кейс Сергею).*

Сергей хватается за кейс, высыпает содержимое. На пол сыплются коробочки с ампулами. Отбросив пистолет, Сергей хватается за коробочки.

(Подняв пистолет, направляет его на Сергея). А ну, Серый, оставь ханку! Она не для тебя!.. (Отталкивает Сергея от кейса. Собирает пакетики и обратно кладет их в кейс. Внимательно разглядывает пистолет).

Сергей опять катается по полу и с отчаянием смотрит на своего мучителя.

Сергей. Батончик, ты лучше убей меня сейчас!

Батончик. А зачем убивать тебя? Мертвые долги не возвращают.

Сергей. Ты, возьми что-нибудь здесь. Может, найдешь для себя.

Батончик с трудом отцепляется от Сергея. Хочет скорее уйти от него. Но после слов Сергея возвращается в большой зал. Освободив пистолет от обоймы, бросает его на пол. Внимательно осматривает богатую квартиру.

Батончик. Быть не может, чтобы в такой хате не водились деньжата или золотишко. А ну, Серый, пошевели задницей, если хочешь ханку.

Сергей. Что найдешь — твое.

Батончик *(обратив внимание на картину).* О! Такая картинка стоит немалых денег! Как, Серый, она моя?

Сергей. Да, она дорогая, наверное, батя припер ее из Парижа. Известный французский художник. Если нравится, заberi. В счет моих долгов.

Батончик, придвинув стул к стене, становится на него. Пытается снять со стены картину. Со стены со звоном выпадает какой-то предмет. Батончик живо слезает со стула и поднимает сверток. В свертке – фамильные драгоценности.

Сергей. Батончик, ты гениальный сыщик! *(Берет у Батончика сверток и разворачивает его. Там оказались бриллиантовые и золотые вещи).*

Батончик *(с жадностью отбирая вещи).* Да, на самом деле вещи клевые. Я их конфискую в счет твоих долгов. И вот тебе впридачу. *(Кидает коробку с ампулами Сергею).*

Сергей хватает коробку и удаляется в свою комнату. Возвращается со шприцом в руке. Дрожит от нетерпения.

Батончик. Серый, о нашей сделке никому ни гу-гу. Договорились?

Сергей. Ладно. Только, Батончик, ты мне вколи, а то я не попаду в вену.

Батончик берет у Сергея шприц и наполняет его жидкостью. Закавав рукав левой руки, пытается сделать укол. Но вся рука исколота, и на ней невозможно найти вену. Ругнув про себя, с большим трудом, делает укол на правой руке.

Батончик. Не дергайся. Скоро у тебя останется место только на пятке.

Сергей преображается. Становится веселым, чрезмерно возбужденным. Бежит с телефоном по квартире, разговаривает с партнерами по разгулу. Батончик не уходит. Он все еще осматривает квартиру.

Сергей *(внезапно засыпая).* Все, Батончик... Чепши отсюда...

Батончик покидает квартиру.

Картина восьмая

Прошел месяц. Коттедж Тяна Льва Петровича.

Ким Хе Гван и его жена, Наталья Яковлевна, стоят у двери роскошного особняка. Ким стучится в ворота.

Голос *(женский).* Кто там?

Наталья Яковлевна. Это мы, родители Геннадия и Киры.

Открывается дверь, и старики заходят в дом.

Нина Ивановна *(жена Тяна).* Здравствуйте. Вы ко Льву Петровичу? Побудьте немного здесь. Я сейчас позову его.

Старики от великоления и роскоши робеют, теряются. Ходят по огромному холлу, покачивая головой, в восхищении цокают языком.

Ким. Вот это да! Как в кино... *(Осторожно трогает большой позолоченный бюст хозяйна дома).*

Наталья Яковлевна. Не трогайте ничего руками. Ненаароком разобьете, платить придется.

Ким. Наверное, стоит уйму денег... Телефон... Тоже позолоченный. Теперь я могу своим знакомым рассказать о том, как живут наши новые корейцы.

Наталья Яковлевна. А чего бы им не жить так, коль деньги загребают лопатами.

Появляется Тяня.

Тяня. Добро пожаловать, гости дорогие, в мой дом. Очень рад видеть вас. Садитесь сюда поближе и расскажите про свою жизнь.

Ким. Да, что рассказывать. Плохи наши дела. Я насчет вашего предложения. Просим извинить нас, стариков, но мы не можем согласиться.

Тяня. Да?...М-да.

Нина Ивановна Тяня подкатывает блестящую металлическую тележку.

Тяня. Познакомьтесь, это моя жена Нина Ивановна. Нина, а это односельчане мои, Хе Гван-абай и его супруга. Извините, запямятовал ваше имя-отчество.

Ким. Ее зовут Наталья Яковлевна.

Нина Ивановна. Очень приятно. Пожалуйста, угощайтесь. А я пойду, пожалуй.

Тяня. Останься. У нас нет секретов. Так в чем проблема, Хе Гван-абай?

Ким. Тут такое дело... Мы не можем поженить вашего Сергея и нашу Киру. Нужно их согласие. Время сейчас другое как-никак. Теперь, насчет долгов Геннадия. Он просил нас продать дом, чтобы расплатиться с вами. А где же тогда нам жить? Геннадий обещал же вернуть свои долги в течение года.

Тяня *(не сразу)*. Я не могу ждать столько времени. Мои кредиторы насаждают, не дают прохода. Вы должны понять меня.

Ким. Мы тоже просим войти в наше положение...

Наталья Яковлевна. Этот дом муж строил своими руками. Это все, что он заработал за всю жизнь. В этом доме выросли наши дети...

Тяня. Прошу извинить меня. Но это эмоции. Я не могу уступить вам.

Наталья Яковлевна. Побойтесь бога! Где это видано, чтобы живых людей выгоняли на улицу?

Тяня. Я понял вас и на эту тему больше не будем разговаривать. Есть закон, есть суд. Мне придется обратиться в компетентные органы.

Ким *(в гневе)*. Что ты грозишься органами? Есть на свете людской суд! Послушай меня внимательно, Тяня! Это вы, семья Тяных, по гроб жизни должны нам!

Тяня. Угломнитесь... О чем вы говорите? Как это мы должны вам?

Ким. Может, ты и не знаешь. Но я напомним тебе былую историю. Из-за подлости твоего отца, мой отец лишился жизни. А цена жизни несоизмерима даже с твоими вонючими деньгами.

Тян. Вы можете спокойно объяснить мне, что случилось с нашими отцами?

Ким. В 1936 году твой отец, Петр Тян, ради спасения своей шкуры анонимно оболгал моего отца и засадил его в тюрьму. Там он и умер. Но твой отец тоже недолго прожил, думаю, совесть замучила. После смерти твоего отца мой дед списал его поступок на обстоятельства того времени. Он пожалел твою мать, которая одна поднимала своих детей и помогал ей, как своей родной дочери. Теперь тебе ясно?

Тян (*ошеломленно*). Это ложь. Такие обвинения требуют документального подтверждения.

Ким. У меня есть документы, но я не собираюсь с тобой судиться.

Тян. Клевета! А я хотел по доброте своей породниться с вами.

Ким. Ты, Лев Петрович, все вопросы привык решать деньгами. Но так не получится. Молодые пусть сами решат, как им поступить. Деньги мой сын вернет тебе. А вот как ты будешь жить с долгами своего отца?

Тян. Хватит!..

Нина Ивановна. Лева, успокойся. (*Старикам*). А вам лучше уйти.

Наталья Яковлевна. Да, мы уходим.

Ким. Ноги нашей не будет больше здесь. Бог все видит. Он накажет тебя за все твои пригрешения!

Тян. Вон, из моего дома!

Ким. Ты хорошенько подумай! У тебя одна цель в жизни — во что бы то ни стало разбогатеть. Все, пошли, старуха, из этого чертового логова.

Старики уходят. Тян нервно закуривает.

Тян. Проклятый старик! (*Жене*). А ты что думаешь по этому поводу?

Нина Ивановна. Наше прошлое догоняет нас.

Тян. О чем ты?

Нина Ивановна. Мои родители тоже были репрессированы по доносу соседей.

Тян. Ладно. Получается так, что я дал денег для доброго дела и сам же остался в дураках. Разберусь! Кстати, где Сергей? Он поедет с нами на дачу?

Нина Ивановна. Нет. Со вчерашнего вечера не выходит из своей комнаты. Говорит, голова болит.

Тян. Пусть отсыпается.

Нина Ивановна. Послушай, Лева! Я давно хотела сказать тебе одну вещь.

Тян. Говори, сегодня день сюрпризов.

Нина Ивановна. Недавно мне пришлось доставать сыну несколько граммов героина. Не могла видеть, как он мучается.

Тян. Это не лучший способ помочь человеку. Сегодня на дачу пригласил известного профессора-нарколога. Мы поговорим о сыне. Так что, собирайся на дачу. Позвали гостей, нельзя опаздывать.

Звонит телефон. Нина Ивановна собирается поднять трубку, но ее опережает Тян.

Тян. Слушаю, говорите... Что? В больнице? Почему в больнице? *(Поворачивается к жене).* Собирайся. Это из фирмы, секретарша попала в больницу.

Нина Ивановна не трогается с места.

(Сердито). Ну, что ты стоишь?

Жена нехотя уходит.

(Шепотом). Зоенька, лапочка, что случилось? Говори спокойнее. Что ты сказала? Аборт? Зачем? Что ты наделала, мы же договорились... *(Бросает трубку на аппарат и тяжело опускается на диван).*

Картина девятая

Пронзительный звонок в прихожей. Веселые и шумные молодые люди врываются в квартиру Тяна. Музыка, смех. На стол выставляются бутылки с напитками, фрукты. Парень с девушкой возле стола «заправляются» порошком. Кто-то курит марихуану. Сбрасывают с себя одежду.

Среди всей этой неразберихи скучает Кира. Сергей пробирается к ней.

Сергей. Кирунчик, как я рад тебя видеть!

Кира. Ты позвал, и вот я здесь. Как твои дела?

Сергей. Со мной все в порядке. А ты выглядишь потрясающе.

Кира. Спасибо за комплимент. Это все твои друзья?

Сергей. Как сказать... Некоторых вижу впервые. Как ты живешь?

Кира. Нормально. Ничего особенного.

Сергей. Знаешь что, Кирочка. Давай оторвемся сегодня по полной? *(Подходит к столу, берет два бокала с вином и подает один Кире).* За тебя!

Кира. И за тебя.

Сергей. В последнее время я много думаю о тебе, Кирунчик. И виню себя за то, что мы не вместе. Ты мне очень нужна.

Кира. Не надо, Сергей, это несерьезно.

Сергей. Ты не веришь мне? Я с ума схожу от тебя!

Кира. Можно растаять от таких слов.

Сергей. Кирунчик! Со мной что-то происходит. Я так хочу тебя, что могу съесть тебя!... Ты самая лучшая девушка!

Кира. Мне почему-то кажется, что это говоришь не ты... Твой отец очень хочет, чтобы я вышла за тебя замуж.

Сергей. Мне без разницы, что говорит мой отец... Вспомни, Кирунчик, как нам было хорошо...

Кира. Все, что было когда-то, быльем поросло.

Сергей. Да, я виноват перед тобой. Молод был, ветер в голове... Была бы ты рядом, ничего не случилось бы со мной такого...

Кира. Зачем бередить рану? Ты же знаешь, и я была к тебе неравнодушна.

Сергей. Так давай начнем все сначала, ты и я и больше никого!

Кира. Не надо слов, они ранят... Наркотики не проходят даром. Что будет со мной, если не бросишь?

Сергей. Брошу! И ты поможешь мне.

Музыка продолжает звучать.

Твоя любимая мелодия... (Берет Киру за руку и выводит на середину зала. Целует).

Кира. Не надо, Сергей.

Сергей поднимает Киру на руки и уносит в спальню.

Музыка все громче. Никто не слышит звонка в прихожей. Появляются Геннадий и Константин.

Геннадий. Общий привет! Я должен прервать ненадолго ваше веселье, так что просим извинить за временный дискомфорт.

Константин. Где хозяин дома, мать его?!

Один из молодых людей выходит вперед, чтобы остановить временных гостей, но, получив удар кулаком от Константина, отлетает, ломая мебель и посуду. Больше не находится смельчаков. Из спальни выходят Сергей и Кира.

Сергей. Еще гости? Располагайтесь как дома.

Геннадий. Вот так сюрприз! Моя сестренка тоже здесь! (Константину). Шеф, давай хлопнем стакашку? После трудового дня не грех расслабиться.

Константин. Ты что забыл, зачем мы пришли сюда?

Геннадий. Понято, шеф! (Отзывается в сторону сестру). Кирочка, я сегодня заработал такие бабли!.. И все благодаря ему... (Кивает на Константина).

Кира. Ты что? Теперь ты с Костей?

Геннадий. Дела так складываются.

Кира. Как ты можешь?..

Константин ходит к Сергею.

Константин. Я, кажется, предупредил, чтобы ты держался подальше от Киры.

Сергей. Это почему же должен держаться подальше от женщины, которую обожаю безгранично?

Кира (подходя). Костя, в чем дело?

Константин. А ты помалкивай!.. И чего ты нашла в нем? Он же продаст тебя за порцию ширева.

Сергей. Ты, Константин, гость в моем доме. Хотя и незваный. Но, пожалуйста, будет лучше, если ты уберешься отсюда и как можно скорее.

Константин подбегает к Сергею и сбивает с ног. К лежащему Сергею подбегают Кира и Геннадий.

Константин. Это аванс. Полный расчет будет попозже. Сначала рассчитаюсь с твоим отцом.

Кира сидит на корточках возле Сергея и тихо плачет.

Геннадий. Ну все, ребята. Продолжайте веселиться!

Девушки повисают на нем. Овободившись от них, Геннадий наливает вина в фужер и подает Сергею.

Геннадий. Освежись.

Сергей. Мне нужно совсем другое...

Геннадий. Серый, у нас к тебе серьезный разговор.

Сергей. По поводу башлей?

Геннадий. Ты же понимаешь, шутки с Шахиной плохи. Надо вернуть долги.

Сергей. Надо... Но человек попался с травкой. Теперь он в тюрьме.

Геннадий. Товар взял ты, ты и расплачивайся.

Сергей. Интересно, ты-то кто у Шахины? Адвокат? Порученец? Почему бы ей напрямую не поговорить со мной? Может, поняла бы?..

Геннадий. Она поручила это дело мне.

Сергей. Нет у меня ни травки, ни денег. Режьте меня, убивайте!

Геннадий. Дурочку не ломай, а? Что хочешь делай, а башли сегодня чтоб были, понял?

Сергей. Нет у меня ничего.

Пьяной походкой подходит к ним Кира.

Кира. Сереженька, пошли со мной танцевать.

Сергей. Отвали! Вон, твой братец режет меня без ножа.

Кира. Ну и мужики! Одни разборки. Надоело!

Сергей *(истерично)*. Убирайтесь! Все! Оставьте меня в покое!

Геннадий *(Константину)*. Что делать, шеф?

Константин. Делай, что велено!

Сергей. Гена, ты холуй!.. Перед моим отцом хвостом вилял, теперь перед этим хапугой? *(Кивает на Константина)*.

Звонок телефона. Сергей берет трубку, но Константин перехватывает.

Ты что позволяешь себе?!

Константин. Заткнись!.. Шахиня, это я не вам. Да. Слушаю вас... Нет, самого хозяина нет, только сыночек его... Конечно, все будет путем!.. Да, с Геннадием. Справляется. *(Передает трубку Геннадию)*.

Геннадий *(робко берет трубку)*. Да... Нет, но это... не по моей части. Не могу... Да, я понял... *(С волнением кладет трубку на аппарат)*.

Сергей. Что, в штаны наложил? Крутись-вертись и задницу береги! (*Хочет*).

Геннадий. Поглядим, кто будет смеяться последним!

Гости начинают расходиться. Сергей быстро уходит в свою комнату, чтобы принять дозу наркотиков. Выходит с пистолетом в руке.

Сергей. Вот теперь давайте поговорим по-мужски!

Геннадий. Парень, ты что спятил?

Сергей. К тебе у меня нет претензий. Уходи и уведи сестренку.

Геннадий. Не дури! Ты же всех нас потянешь!..

Сергей. Семь бед, один ответ. Мне терять нечего! Надоело все!..

Звонок в прихожей. Геннадий идет открывать дверь. Возвращается вместе с Шахиной и ее телохранителями. Они держат окровавленного Тяна, рот которого залеплен пластырем.

(*Подняв пистолет*). Всем стоять на местах и не двигаться!

Шахиня. Ай-яй-яй! Какой нехороший молодой человек. Зачем играешь не по правилам? Мы пришли за своими деньгами, а ты встречаешь нас с оружием в руках. (*Незаметно кивает телохранителям*).

Сергей. Стоять! Стреляю без предупреждений!

Шахиня (*нервно*). Чего стоите? С сосунком не можете справиться?

Один из телохранителей бросается к Сергею, но падает, сраженный пулей. Тут же раздается ответный выстрел другого телохранителя. Сергей рушится на пол мертвым. Шахиня со своей бандой моментально исчезает.

Кира (*бросаясь к Сергею*). Сереженька! Не умирай!..

Тян. Сынок!.. За что?!..

Занавес.

Звучит песня в исполнении Виктора Цоя.

КОНЕЦ

НЕ ЦВЕТЕТ ВИШНЯ ОСЕНЬЮ

Мелодрама
(2 действия, 6 картин)

Адаптированная редакция — Лаурентий СОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИНА — 34 года
ВЕНЯ — 36 лет
ЛЮДА — 34 года
АЛЯ, их дочь — 16 лет
ВАЛЕРА, их сын — 15 лет
ДИРЕКТОР детдома — 50 лет
БАБУШКА — 70 лет
АНТОН — 16 лет

ПРОЛОГ

Бабушка. ... Старые люди много знают, потому что многое видели, многое пережили, им есть о чем рассказать... Вот и мне вспомнилось... Думаю о молодых семьях, о молодом поколении. В круговерти рыночной экономики они быстрее сориентировались и зажили более энергично. У большинства молодых людей есть и работа, и хорошее жилье, и достаток. Но отчего же переполнены брошенными детьми дома малюток и детские дома? И они, эти брошенные дети, не могут громко крикнуть и позвать свою маму, ни в горе, ни в радости... Детям нужны родители, нужна мама, материнская ласка...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На скамейке в сквере сидит Нина, видно, что она устала. Сняла туфли, рядом в ярких пакетах покупки. Появляется Веня.

Веня (кому-то вдогонку). Вечером не задерживайтесь!.. Вон автобус, бегите! Куда ты! Не суетись!.. Теперь иди.

Аля (голос). Пока, папка!

Веня. Пока! (Не замечая Нины, проходит мимо, разворачивает газету).

Нина. Не может быть... Веня?

Веня с удивлением разглядывает ее.

Надо же... Вот так встреча. Как в кино!

Веня. Мы с вами знакомы?

Ниня. Сколько лет прошло... Шестнадцать, семнадцать? И ты совсем не изменился!..

Веня. Я хоть и не артист, но все равно приятно, когда незнакомые узнают тебя. Как в кино, только плохом. А насчет изменения вы ошибаетесь. Человек меняется в каждое мгновение. А через семь лет он полностью обновляется, то есть все молекулы, из которых он состоит, совсем уже другие. Кто вы?

Ниня. А я тебя сразу узнала. По голосу!

Веня (*пытаясь вспомнить*). Такого не бывает... Только у женщин... до самой старости не меняются голоса...

Ниня. Да это же я, Нина! Не узнал?

Веня. Ниня?!

Ниня. Изменилась? Постарела?

Веня, похоже, вспомнил, отводит взгляд.

Я вот к маме приехала...

Веня. Ты была... на кладбище?

Ниня. Да. (*Простуженно кашлянув*). Ну что ты так на меня смотришь? Скажи что-нибудь...

Веня. Я не знаю что говорить...

Ниня (*протягивая руку*). Скажи «здравствуй»!

Веня (*несмело отвечая рукопожатием*). Здравствуй.

Ниня. Ты и тогда был такой, несмелый. Сразу было видно, что из деревни.

Веня. Ты тоже была не из Москвы. Или Ленинграда.

Ниня. Санкт-Петербурга...

Веня. Тогда был Ленинград.

Ниня. Нет, ты не изменился. Ты и тогда был такой же точный и обстоятельный. Сейчас говорят — надежный. Сейчас на надежных мужчин большой спрос, за ними гоняются...

Веня. Я что-то не наблюдал такого, чтобы за мной гонялись. Разве что долги? Но долги — это связь с обществом. Пупкин сказал.

Ниня. Нет, ты не изменился. Всегда и всему находишь объяснение.

Веня. Вряд ли... К примеру, я не смог объяснить себе, почему ты уехала тогда... Не дождавшись меня.

Пауза.

Ниня. А представь себе — ты возвращаешься из армии, а у меня на руках ребенок. Не твой ребенок, разумеется... Как бы я тебе объяснила, откуда ребенок?

Пауза.

Вот я и сбежала. От твоих вопросов, от матери несчастной, которая меня выгнала из дома... Чего молчишь?.. И что меня ожидало впереди? Бросила

бы училище, мыкалась бы с ребенком по углам, без работы, без денег, как жить?

Пауза.

Веня. А что у тебя случилось... с тем парнем?

Нина (*хохотнув*). Да он тут же исчез, как узнал, что я от него беременна!.. И к кому мне было обращаться за советом, за помощью?

Веня. А почему ты не написала мне?

Нина. О чем? О том, что пока ты в армии я ребенка нагуляла?!

Пауза.

Веня. Впрочем, я узнал про все, соседи написали. Правда, когда ты еще не родила... Мы были на учениях, мне дали потом отпуск, но я отказался...

Пауза.

Нина. У меня есть старая фотография. Помнишь, перед армией, тебя еще не успели постричь... Какие мы смешные были!..

Веня. У меня почему-то нет такой фотографии... Ладно. Как ты живешь там на Камчатке? Наверное, холодно?

Нина. Хорошо живу, Веня. Двое мальчишек, муж, трехкомнатная квартира, дом прямо на сопке стоит, из окна море видно!..

Веня. Должно быть, красиво, из окна море...

Нина. Не говори, такая красота, волны бьются о скалы!... А ты как живешь? Женат, дети?

Веня. Женат, дочка и сын. Погодки. Дочери шестнадцать, сыну пятнадцать.

Нина. Ты преуспел. Такая взрослая дочь.

Пауза.

Веня, спасибо тебе за маму.

Веня. За маму?

Нина. Я знаю, ты забрал ее из больницы. А потом похоронил.

Веня. Так получилось.

Нина. Она говорила с тобой обо мне?

Веня. Говорила.

Нина. Значит, ты знаешь все. Что нет у меня никакой семьи, детей, мужа, все знаешь?

Веня. Знаю.

Нина. Нет, ты не все знаешь...

Веня. Какое это имеет значение?

Нина. Как какое? Столько лет сидели за одной партой! Пять лет, изо дня в день... Ты же изучил меня, как тот листочек клена, который мы рассматривали под микроскопом! Разве можно после этого любить, скажи мне честно?

Веня. Давай не будем об этом.

Нина. А я так не могла, понимаешь? Мне нужно было что-то новое, непонятное, незнакомое. Тогда интересно, тогда хочется жить!

Веня. Да прекрати ты, Нина... Чего старое ворошить, все прошло. У нас с тобой разные дороги, всякое бывает в жизни.

Нина. А если мне хочется оглянуться назад? Если мне хочется понять, почему так сложилась моя жизнь?.. Вот уже дважды успела развестись!.. На Камчатке шутят, что ветер выдул из города всех настоящих мужчин.

Веня. Бедняжки, мерзнут, поди, сейчас где-нибудь под открытым небом.

Нина. Какой ты весь правильный, мудрый, прямо-таки скучно. Хотя бы глупость какую сказал...

Веня. Ты же говоришь, нам на двоих хватает. Извини, не хотел тебя обижать.

Появляется запыхавшийся Антон. Он долговяз, шея длинная, глаза большие, растерянные. Сцена идет на русском языке.

Антон. Дядя Веня, а где Аля?

Веня. Как где, в школе. А ты почему не в школе?

Антон. Мы договорились встретиться на перекрестке, а нету ее...

Веня. Так она давно уже в классе, чего на перекрестке ждать?

Антон. Мы договаривались вместе идти в школу.

Веня. Мало что договаривались. Дуй скорее в школу, уже пол-урока прошло!

Антон. Ладно... *(Уходит)*.

Нина. Кто это?

Веня. Одноклассник дочки. Дружат.

Нина *(мечтательно)*. Счастливые дети... Моей дочери тоже было бы шестнадцать... Ты ни разу не спросил про нее, почему?

Пауза.

Я приехала из-за нее. Где она, что с ней?.. Я хочу найти ее.

Веня. Не надо ее искать, зачем? Поздно... Я так думаю.

Нина. Нет, Веня, не поздно! Как ты не понимаешь, это же моя дочь!

Веня. Когда ты уезжаешь?

Нина. У меня же никого нет, кроме нее!... Да, я виновата, я сбежала от нее, она росла тут и, наверное, ждала! Я хочу найти ее!.. Помогите мне найти ее, Веня...

Веня. Извини, Нина, не могу. Я очень занят. И вообще мне надо идти. *(Уходит)*.

Нина *(вслед)*. Ну, ладно... я ее все равно найду, сама найду!

Свет гаснет.

Картина вторая

Кабинет Веры Дмитриевны Ким, директора детдома. На стенах огромные фотографии детей: смеющихся, плачущих, спокойных...

Директор *(по телефону, на русском)*. Хорошо, посылайте его ко мне, и немедленно! Нам как раз нужен учитель по физике. Сколько ему лет?.. Такой молодой? Женим!.. С квартирой посложнее. Комнату дам, прямо в детдоме! Пусть только объявится, уговорю! Две ставки дам, в акимат пойду, спонсоров найду, я ему такой кабинет отгрохаю! Ничего! Сейчас тут много южнокорейских фирм, пусть пару компьютеров подарят детям!.. Спасибо! *(Кладет трубку на аппарат)*. Уф, лишь бы кто его не перехватил!

Стук в дверь. Входит Нина.

Нина *(на русском)*. Здравствуйте, Вера Дмитриевна.

Директор *(на корейском)*. Опять вы пришли? Я же вам сказала, ничем не могу помочь!

Нина *(на корейском)*. Вы только скажите, кто ее забрал отсюда. Обещаю, я даже не подойду к ней, Вера Дмитриевна. Мне бы только глянуть на нее, ей уже шестнадцать лет...

Директор. Ну и что, что шестнадцать?

Нина. Я вам всю правду рассказала, виновата я, но я больше не могу, поймите меня!..

Директор. И вы тоже меня поймите!.. Редко у нас забирают детей, но чаще всего возвращают. А ее не вернули. Значит, прижилась. У нее теперь и мама, и папа! И не надо беспокоить ребенка!

Пауза.

Нина. Я бы не вернула... А почему возвращают?

Директор. Чужие дети есть чужие дети. Как бы мы ни старались, они не получают того, что им положено. У них свои привычки, а в новой обстановке все по-другому! Они не верят, что к ним относятся всем сердцем, они привыкли бороться за жизнь самостоятельно! Вон на прошлой неделе вернули мальчика, полгода терпели и вернули! Ему же десять лет, уже поздно усыновлять. Я их предупредила, а они не послушались, и вот результат. Душевная травма у ребенка!

Нина. Но мою-то дочку взяли в двухлетнем возрасте! Из Дома малюток. И директором Дома малюток работали именно вы!

Директор. Знаете, сколько детей в Доме малюток? Всех не упомнишь. До пяти лет там, а потом по детдомам распределяют.

Нина. Но корейской национальности девочка была только одна! Это была моя дочь!..

Директор. Кто вам сказал, что это ваша дочь? Вы даже имени ей не дали! Бросили и с концом. А теперь — подайте ее сюда? Не выйдет! А насчет национальности скажу вам так — у меня в детдоме сейчас четверо корейских подростков! А раньше их не было!

Пауза.

Да знаете ли вы, что такое для ребенка родной дом?.. Если вы найдете ее, все разрушится!

Нина. Я не собираюсь ничего разрушать, Вера Дмитриевна! Просто, чем дальше, тем больше я изнываю, я не могу так дальше жить.

Директор. Шестнадцать лет могли, а теперь вдруг не можете. Не верю я вам!

Нина нерешительно начинает рыться в сумочке и достает во много раз сложенную газету, разворачивает и протягивает Директору. Та, слегка удивившись, тем не менее начинает читать, все больше вникая в содержание статьи.

Нина. Это «Комсомольская правда». Уж не помню, как попался мне на глаза этот номер... Возможно, это совпадение, конечно же, совпадение!.. Шестнадцать лет, корейка, родителей нет с рождения, и эта же область. И вот повесилась... Я как прочитала, чуть с ума не сошла, решила, что это моя девочка! Не знаю почему, но так решила, ни фамилии, ни имени, пять дней места себе не находила. Вот и прилетела... Я хочу найти ее, убедиться, что она жива, что это фатальное совпадение...

Директор. Надо было в газету написать.

Нина. Написала! Нет ответа!

Пауза.

Директор. Где вы были в нашем городе, куда ходили?

Нина. В роддом. Дом малюток. Интернат. В Комиссии по усыновлению.

Директор. И что вам сказали там?

Нина. Сказали, что ничем не можем помочь... Вот я олягу пришла к вам. Потому что именно вы тогда работали директором Дома малюток. Вы можете мне помочь, но не хотите.

Директор. Не говорите чепуху. Есть закон о тайне усыновления ребенка. В его же собственных интересах. И никто не имеет права разглашать эту тайну... Кстати, в деле вашей дочери не было даже расписки, что вы отказываетесь от нее.

Нина. Поэтому вы не имели права отдавать ее чужим людям! Я не отказывалась от нее, я просто не знала, что делать!

Директор. Да. Вы не отказывались от нее, вы просто сбежали.

Нина. Да сколько мне самой было лет?! Я испугалась! Я всех боялась: сестер, нянечек, врачей, соседок по палате! От страха я не могла даже кормить ребенка, дотронуться до нее не могла, это правда! Мать выпнала меня из дому, отказалась от меня. И куда мне было деться? В общежитие? С ребенком?

Директор. Вашей дочери сейчас шестнадцать лет. Может и с ней приключиться подобное. Родит кого-нибудь, и до свидания. Вы же не хотите ей такой судьбы?

Нина. С чего вы взяли, что я хочу этого? Ни за что! Хватит и того, что я наказана, Вера Дмитриевна!.. Вы тоже мать...

Пауза.

Директор. Под какой фамилией вы находились в роддоме?

Нина. Тен! И у девочки должна быть такая фамилия. Это было перед самым Новым годом...

Директор. Дальше можете не рассказывать. Могу сама рассказать... Роды у вас прошли благополучно. У молодых всегда так бывает, особенно, если ребенок нежеланный. Нежеланный ребенок легко выходит в мир. Как подорок! Вам хочется, чтобы его не было, чтобы он умер, а он живой, здоровый, такие дети не умирают! Они с первого дня на редкость стойкие и терпеливые. Будто знают, что никому не нужны, никто их не пожалеет. Не капризничают, не плачут, как обычные дети!..

Нина. Зачем вы говорите мне все это? Это жестоко. У меня другая беда, вы же все знаете?

Директор. Какая разница, дети ведь брошены!.. Я насмотрелась на них, брошенных. Поздно начинают ходить, поздно начинают разговаривать. Вот у вас сын, сказали. Когда он начал ходить?

Нина. Как все...

Директор. Как все... Нормальные дети к году начинают лепетать, становятся на ноги. Так вы весь день, сутками возитесь с ним, разговариваете, на руках носите, потому что он у вас родной, единственный. А кто здесь будет носиться с ним, кто будет ласкать и любить его? Нянюк не хватает, воспитательниц мало, кто? Звери не бросают своих детенышей, пока те не вырастут! А люди... хуже зверей, выходит.

Стук в дверь. Входит Антон. С букетом цветов и огромной коробкой торта.

Антон (на русском). Мне Веру Дмитриевну надо.

Директор (на русском). Во-первых, здравствуйте!

Антон. Ну, здравствуйте. Кто Вера Дмитриевна?

Директор. Во-вторых, надо представиться, ты кто?

Антон. Не ты, а вы.

Директор. Извини. Так кто вы будете? Вера Дмитриевна это я.

Антон. А я... Я спонсор. *(Протягивает ей букет и торт).*

Директор. Дорогой мой спонсор, я что-то не понимаю, это мне?

Антон. У вас сегодня день рождения у двенадцати детишек. Пожалуйста, пусть чай попьют и цветы понюхают...

Директор. Э-эх, понюхают, тоже мне сказал. Все равно тебе, то есть вам, огромное спасибо! Это ж надо! И кто вам сказал про день рождения?

Антон. Сказали и все, какая разница.

Директор. И все-таки?

Антон. Одноклассница.

Директор. Как фамилия?

Антон. Зачем это вам знать? Она не знает, что я цветы принес.

Директор. Сплошные тайны! Тебе что, трудно фамилию назвать?

Антон. Ну, Ли ее фамилия. Не говорите ей, а то смеяться будет.

Директор. Почему будет смеяться?

Автов. Подарок небольшой... В следующий раз побольше заработаю.

Директор (*в чувствах кидаясь к нему и обнимая*). Ах, ты, спонсор мой дорогой! Дай я тебя расцелую!

Автов (*смущаясь, сопротивляется*). Не надо...

Директор. Ты — самый настоящий спонсор! А то приходишь к кому, тот сразу и говорит, вот если бы месяцем раньше, то обязательно помогли, а сейчас никак не можем! Спасибо, дорогой! Звать-то как?

Автов. Антон Максимович.

Директор. Еще раз большое спасибо вам от имени наших именинников и от себя лично! Заходите почаще, Антон Максимович!... А почему одноклассница сама не пришла поздравить именинников?

Автов. Она после уроков на курсы корейского языка ходит. В Центр просвещения, там бесплатно.

Директор. Ах, так! Бесплатно, это хорошо. Еще раз спасибо!

Автов. До свидания. (*Уходит*).

Директор (*на корейском*). Ну и дела сегодня... Учителя по физике обещали прислать, да тут еще спонсор объявился!

Нина вдруг отвернулась, похоже, плачет.

Что с вами? (*Встает, наливает из графина воды, подает*). Выпейте...

Нина (*вылив*). Спасибо... Иногда я думаю, лучше бы тогда умерла...

Директор. Перестаньте! Умереть легче, чем воспитать человека! Как, говорите, фамилия вашей дочери?

Нина. Тен. Но раз удочерили, у нее может быть другая фамилия.

Директор. Может быть, другая... Не знаю как вам помочь. Все документы давно уже в архиве, их больше пяти лет не держат в Доме малюток.

Нина. Если вы не поможете мне, я не знаю к кому обратиться еще...

Директор. Я ничего не обещаю! Столько времени прошло... Вы простите меня, я должна сейчас идти, меня детишки ждут, у них сегодня день рождения, а вы себя расстроили и меня довели. Мне же надо их поздравить, веселой быть! Смеяться и танцевать вместе с ними, чтобы они почувствовали праздник, их у нас бывает так мало, только по дням рождения! (*Открывает дверь. Врывается веселая музыка, слышен детский смех и возгласы*). Слышите, мне пора!!!

Свет гаснет. Свет. На авансцену выкатывается огромный торт со свечками. Детишки дуют на них. Хоровод поет английскую песенку-поздравление с Днем рождения!..

Свет гаснет.

Картина третья

В доме Бабушки, у которой остановилась Нина.

Бабушка (*суетливо пытается вдеть нитку в игольное ушко*). Что за незадача! Только соберусь выйти, как пуговица оторвется, чулок продырявится или еще что-нибудь...

Нина (*выходит, она в халате*). Давайте, я помогу вам.

Бабушка. Зрением стала слаба, ничего не вижу. Не хотела тебя будить.

Нина (*вдевает нитку*). А я давно проснулась. Что там у вас, давайте зашью.

Бабушка. Вот собралась в магазин сбегать, смотрю, в сумке дыра с мою ладонь...

Нина берет сумку и начинает зашивать.

Умирать буду, что-нибудь эдакое случится. Дух рассердится, закричит: ах ты, старая! И так на земле задержалась, опять мешкаешь! А я скажу ему смиренно: да вот, почтенный, беспорядок в погребальной одежде, пришью поясик и предстану перед вами... (*Смеется*). Лишнюю минуту у смерти отниму!

Нина. И как вам Это удастся, бабушка? Даже о смерти со смехом говорите, не боитесь вы ее.

Бабушка. А чего ее бояться? Жизнь-то порой страшнее смерти бывает. Но ты еще этого не знаешь, молода, красива, счастлива... И потом, дело старых людей — умирать... Сколько лет было твоей матери?

Нина. Шестьдесят два.

Бабушка. Жить бы ей да жить и внуков нянчить... Я вот уже правнуков жду. Садись завтракать. Я уже попила чаю. С утра успела к своим сходить, внуков в школу отправила, а то их родители вечно просят.

Нина. Вы как ранняя пташка, бабушка.

Бабушка. И то правда. У старых людей утренние сны птицы расклеивают, поэтому мы встаем чуть свет... Ты и сегодня куда-то собираешься? Что у тебя за дела, вчера совсем поздно пришла.

Нина. Ничего у меня в жизни не ладится... Опять ходила к маме на кладбище. При жизни я столько не разговаривала с ней как теперь. Но этим все равно не поможешь горю.

Бабушка. Думаю, твоей матери на том свете теперь спокойней стало, чувствует она твою горе.

Нина. Утешаете... А может, я так виновата, что и простить нельзя.

Бабушка. Родители всегда прощают своих детей. Вот подрастут твои дети, поймешь.

Нина. Будет ли это?

Бабушка. Конечно, куда денешься — свои же, родные! И дети не должны обижаться, что бы ни случилось.

Нина. Ах, если бы все вернулось! Я бы не обиделась и не убежала.

Бабушка. Что же такое случилось?

Нина. Когда я призналась матери, что беременна, и что ненаглядный мой сбежал, она схватилась за сердце, а потом: опозорила ты меня перед людьми, ты мне больше не дочь и чтоб ноги твоей не было в моем доме!.. Вот я и повернулась и ушла.

Бабушка. Это же только слова! Разве можно верить словам, даже таким страшным? Молодые вы, глупые... Вам собственное несчастье глаза закрыло, а каково было ей? Отчего же нельзя было ей простить?

Нина. Мама тоже не умела прощать людям, даже маленькие слабости.

Бабушка. Видно, у вас с матерью характеры одинаковые.

Нина. Наверное... А что, если я повторю ее судьбу? Она отказалась от меня, а я... Значит, я продолжаю ее вину?

Пауза.

Бабушка. Ох, неспокойно у тебя на душе... Ты поговори, выговорись, может, полегчает... Что значит, продолжаешь ее вину?

Нина. Не могу, бабушка, обо всем поведать, может, потом скажу... Ой, мне надо собраться, расспросить кое-кого. *(Уходит в другую комнату).*

Появляется Антон. Он очень спешит. (В этой сцене Антон говорит на русском, изредка прибегая к скудному запасу корейских слов, а Бабушка — на корейском языке).

Антон. Здравствуйте, бабушка!

Бабушка. А, это ты, заходи, заходи...

Антон. Я деньги принес... *(Кладет на стол несколько купюр).*

Бабушка. Что за деньги?

Антон. Я занимал у вас двести пятьдесят тенге, вот, пожалуйста!

Бабушка. Ну и молодец. Беги, коли спешишь.

Антон *(вдруг останавливается в нерешительности).* Бабушка, как надо свататься?

Бабушка. Свататься? Зачем тебе это знать, ты же еще маленький?

Антон. Человек один хочет жениться, просил узнать, как свататься. К вашим родителям приходили же свататься, вспомните.

Бабушка. Вообще-то, родители твоего знакомого должны знать...

Антон. У него нет родителей! То есть они есть, но их... нет!

Бабушка. Что ты такое несешь? Вот у моего будущего мужа действительно не было родителей.

Антон. Ну и как сватовство-то прошло?

Бабушка. А он сам пришел и сказал: я хочу жениться на вашей дочери!

Антон. Во дает! А родители ваши?

Бабушка. Они его выгнали!

Антон. А он?

Бабушка. А он вернулся и стоит на своем — хочу жениться на вашей дочери!

Антон. Круто!!!

Бабушка. В любом деле, Антон, надо стоять на своем. Так и передай своему знакомому.

Антон. Передам, бабушка! *(Убегает).*

Из соседней комнаты выходит Нина, на ней нарядное платье.

Бабушка *(любуясь).* Сама сшила?

Нина. Я в ателье работаю, все сама шью.

Бабушка. Золотые у тебя руки!

Нина (*разглядывая себя в зеркале*). Бабушка, у вас знакомых, наверное, много в городе, а?

Бабушка. Много, не много, а полгорода будет. Меня на все праздники приглашают. На барабане бить. Так и говорят — маленькая бабушка с большим барабаном!

Нина. Так вы знаменитая бабушка! А вы не припомните, кто-нибудь из ваших знакомых не брал ребенка на воспитание? Например, из Дома малюток? (*Надевает передник, на голову косынку*). Помогю прибраться...

Бабушка. У них свои дети, зачем же чужих брать на воспитание.

Нина. Но бывает же так, что нету своих. Вот и берут чужих, которые остались сиротами.

Бабушка. Что-то не припомню. Правда давно это было, одна молодая семья взяла девочку, мама ее совсем еще молодая, глупенькая, сама предложила, так они пожалели и взяли! Только долго оформляли документы...

Нина (*вся внимание*). Кто они, вы их знаете, бабушка?

Бабушка. Как не знать, они жили тут рядом, через дорогу. Потом получили квартиру и переехали. Но меня не забывают, перед праздниками навещают... Мне кажется, они очень тревожатся, что кто-нибудь скажет девочке, что она не родная. Хорошая семья. А через год у них у самих сыночек родился, так Веня на седьмом небе был!

Нина. А кто это... Веня?

Бабушка. Отец семейства. И дети такие воспитанные! Старшая, Аля, на следующий год школу заканчивает.

Нина медленно опускается на стул.

Что с тобой, ты же спешила... Устала, поди, отдохни немного.

Нина. А вы давно видели их?

Бабушка. Кого?

Нина. Детей. Девочку и мальчика.

Бабушка. Да почти каждый день! Мимо моего дома в школу ходят. Иногда заходят ко мне, помогают прибраться... А ты зачем спрашиваешь про них? (*С тревогой*). Никто не знает про девочку, уже все забыли. А тебе я рассказала, потому что ты не здешняя, скоро уедешь. Вообще-то все равно не надо было язык распускать...

С улицы раздаются голоса. Бабушка подходит к окну.

А вот и они! (*Зовет в окно*). Валера, а где Аля? А ну-ка, зайди!

Голос Валеры (*на русском*). Алька, да поскорее же ты, бабушка зовет!..

Бабушка (*Нине*). Такой строгий мальчишка, ни на шаг не отпускает сестру. Сейчас объявятся...

Нина (*в замешательстве*). Подождите, бабушка, что ж так сразу! Подождите... (*Срывает с головы косынку, снимает передник*). Я в таком виде...

Входит Валера с двумя портфелями.

Валера *(на русском)*. Здравствуйте! Уже уборка? Сейчас мы с Алькой мигом приберем!

Вбегают Аля, с разбега натывается на ведро, опрокидывает его.

Аля. Ой!.. Я сейчас все уберу!

Бабушка. Не надо прибираться, платье замараешь!.. Вот проказница, не успела войти в дом, как все перевернула!

Валера. Она по-другому не может.

Аля. Принеси воды! Быстро!..

Валера уходит с пустым ведром. Аля замечает Нину.

Здравствуйте. А вы кто будете, вы родственница бабушки?

Бабушка. Все тебе надо знать. Это тетя Нина, она приехала в гости. Приехала издалека, из Камчатки, слыхала?

Аля. Правда? Из самой Камчатки? В Москве пятнадцать часов, в Петропавловске-Камчатском — полночь!..

Нина. Да, большая разница во времени...

Аля. Ну, давайте вашу метлу, полезу паутину доставать.

Нина. Подожди. У тебя что-то в волосах... *(Убирает что-то в волосах Али, рассматривает ее).*

Аля вместе с Ниной отодвигают стол.

Аля *(на русском)*. Валерка, ты где там пропал, неси воду скорее!

Бабушка. Эти дети мертвого из могилы подымут своими криками...

Нина. Осторожнее, девочка, упадешь!

Аля. Не упаду...

Нина. Давай, наденем передник, а то ты вся в пыли... *(Завязывает на Але тесемки передника).*

Появляется Валера с наполненным ведром.

Валера. Вот так ты и пойдешь на дискотеку!

Аля. Могу и так. Но у меня джинсы есть.

Валера. А чем они лучше — дырявые?

Аля. А сейчас модно — дырявые в коленках.

Валера *(Нине)*. Слыхали? Скажите ей, она посторонних больше слушается. А то действительно в дырявых джинсах пойдет. *(На русском)*. У грузовика мотор заглохнет и тормоза откажут.

Нина. Какой грузовик, причем грузовик?

Валера. Да, Антона так зовут, от Альки с ума сходит.

Аля. И правильно делает!

Валера. Слыхали? Ей нравится, что он с ума сходит.

Аля. Конечно! Может, я за него замуж выйду. Когда он вырастет.

Валера. Сначала сама подрасти.

Аля. Вместе вырастем, а там видно будет.

Валера. Когда он вырастет, поймет, что на такой вертихвостке ни в коем случае нельзя жениться.

Аля. А я и не собираюсь удерживать!

Валера. О, о, о! Насмешила! Только и слышишь — Антон, где ты был, почему опоздал, почему не подождал?

Нина. А почему — «грузовик»?

Валера. Потому что она вечно его загружает, с первого класса! Возьми сумку, понеси куртку, пошли направо, пошли налево, иди рядом, сиди рядом, дыши рядом. Да я бы на его месте...

Аля. Вырастешь, сам будешь такой, я тебя таким воспитала!

Валера. Хо — хо — хо! Она меня воспитала! Да я ни за что не стану ходить в дырявых джинсах, она меня воспитала!

Нина. А хочешь, Аля, я тебе платье сошью, я умею.

Бабушка. Тетя Нина мастер-швея, соглашайся Аля.

Аля. Вы что, тетя Нина... серьезно?

Нина (*обрадованно*). Материал я подберу!

Аля подходит к зеркалу, разглядывает в нем свою фигурку.

Аля. Снимайте мерку!

Нина. Это необязательно. Я могу шить, не снимая мерки. Для меня важно человека знать...

Аля. Ничего себе, как так? Вы же меня первый раз видите?

Нина. А такое чувство, что всю жизнь знаю тебя...

Валера. Вот она такая, хитрая! Вотрется в доверие, понравится, и человек уже готов все для нее сделать: и мороженое купить, и черчение начертить, дом построить, в космос слетать! (*Нине*). Вот и вы — тут же хватаетесь за иголку с ниткой платье шить!

Нина. Мне это труда не составит, сошью! Я все могу сделать для тебя, девочка моя!

Валера. А я что говорил?!

Пауза.

Аля. Спасибо, тетя Нина... Только я должна у мамы спросить...

Бабушка. Я маму твою уговорю.

Аля. Нет, я сама спрошу. Она у меня такая... такая... самая хорошая! Я всегда советуюсь с ней!.. Если мама скажет «да»...

Валера (*на русском*). Наконец-то прорезался зуб мудрости!.. Я, а вместе со мной весь мир, давно уже потеряли всякую надежду, что к ней вернется разум!!! (*Произносит эту фразу, театрально вскидывая руку*).

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

В доме Вени. Аля сидит перед зеркалом с бигудями на голове. Настроение паршивое. Вокруг прохаживается Валера.

Валера. Чего тянешь? Антон, наверное, уже на посту, ждет на перекрестке.

Аля (*раздраженно*). Отстань!

Из соседней комнаты выходит Люда, мать Али. В руках — блузка.

Люда. Аля, я придумала. Сейчас поглажу эту блузку, она тебе очень идет.

Аля. А юбка? Она мне короткая.

Валера. Так и будешь сидеть, как истукан? Давай прическу делай! Мама, погладьте блузку... (*Але*). А ты перестань злиться. Во-первых, тебе обещали шить платье. Подождем еще немного. В крайнем случае наденешь свои дырявые джинсы.

Аля (*капризно*). Они мокрые после дождя!

Валера. Тогда мои натянешь. Если сможешь. Отьела попу!

Аля. Сам ты попа!.. Никуда я не пойду!

Валера. А что сказать твоему Антону, пусть катится?

Звонок в дверь. Валера идет открывать. Входят Бабушка, за ней Нина с большим пакетом.

Бабушка. А вот и мы!.. Люда, познакомься. Это Нина, из Камчатки приехала. У меня гостит.

Люда. Здравствуйте! Проходите! Мне Аля про вас говорила.

Нина. Здравствуйте...

Валера (*Але, с укоризной*). Хоть бы встала, поздоровалась...

Аля (*вставая*). Здравствуйте, бабушка. Здравствуйте, тетя Нина.

Нина. Мы боялись не застать тебя, Аля. Ты ведь на дискотеку идешь?

Аля. Раздумала. Ничего хорошего там не будет.

Бабушка. Иди сюда, посмотри, что тетя Нина принесла. Всю ночь шила.

Нина разворачивает пакет, извлекает нарядное платье.

Аля (*восторженно*). Тетя Нина... Это мне?

Бабушка. А кому же?

Люда. Вот выручили!.. А сколько оно стоит?

Нина. Нисколько, это я в подарок девочке.

Люда. Спасибо огромное!.. Мы ей туфли новые купили, а с платьем проблема вышла, ничего подходящего не смогли подобрать. Сейчас молодежь так одевается!

Бабушка. Мы проходили мимо Дворца, там столько молодежи, нарядные, красивые, музыка играет! Даже я, старая, почувствовала волнение в душе!..

Из соседней комнаты Валера выводит под руку Алю в новом платье и в новых туфлях.

Валера. Ну, как?!

Бабушка. Ах ты, красавица наша! Вишенка белая! И когда ты успела вырасти? Ты посмотри, Люда, какая у тебя дочь, будто фея!

Аля. Ой, тетя Нина! Как будто я — не я!

Бабушка. Главное, и туфли, и платье по цвету подошли!

Аля. Вы волшебница! *(Бросается к Нине, обнимает ее, целует).*

Люда. Ну, слава богу, развеялась. А то силела, чуть не плакала, Спасибо вам, Нина, вы так вовремя пришли, да еще с таким подарком! Дети, бегите, а то Антон заждался уже, поди!

Валера *(Але, на русском).* Вашу руку, мадам!

Дети уходят.

Люда. Вы посидите немного, я сейчас ужин соображу.

Нина. Что вы, не надо беспокоиться!

Люда. Нет, нет, как же так!.. *(Уходит на кухню).*

Бабушка. Я помогу тебе... *(Уходит следом).*

Нина остается одна. Сидит, закрыв глаза. Открывается дверь, входит Веня.

Веня. Почему дверь не заперта, кто дома? *(Оборачивается, видит Нину).*
Нина?.. Как ты оказалась здесь?

Нина. Успокойся, все в порядке... Дети только что ушли на дискотеку. Аля надела новое платье. Она просто красавица! Как невеста выглядит!..

Веня. Нина, что случилось, почему ты здесь?.. Есть кто дома?

Нина. Люда с бабушкой стол накрывают.

Веня. Какая еще бабушка?

Нина. Я у нее остановилась, ты ее хорошо знаешь.

Пауза.

Веня. Почему ты не уехала, что тебе надо?

Нина. Не надо нервничать... Ты знаешь, она поцеловала меня.

Веня. Ты не ответила, что тебе надо в этом доме?

Нина. Я же сказала тебе, Веня, все в порядке. Я нашла дочь свою... Оказывается она и твоя!.. Все эти годы она была с тобой! Как в кино. Скажи кому-нибудь, не поверит... А я чуть было не уехала! Это судьба.

Веня. Какая еще судьба к чертям собачьим, что ты собираешься делать?!

Нина. Как что? Скажу Але, что я ее настоящая мама...

Веня. Дура!..

Нина (*спокойно*)... Я всю ночь не спала, шила платье и думала, как у нас теперь будет хорошо...

Веня. Ты бредишь... Ты просто с ума сошла!

Нина. Веня, ты добрый и сильный. И ты всегда делал за меня то, что я забывала. Ты даже мать мою похоронил. И спас мою дочь. Нашу дочь. Она такая светлая девочка! Я хочу сказать тебе спасибо...

Веня. Ну, сказала и хватит, уходи, прошу.

Нина. Милый, дорогой мой человек. Единственный мой. Сколько лет мне понадобилось, чтобы понять это!

Веня. Послушай... Пожалуйста, не надо... Нина!

Нина. Теперь я хочу отблагодарить и до конца жизни заботиться о тебе и Але. Ты не можешь запретить мне это. Ты же любил меня!.. Ой, у тебя седина уже...

Из кухни выходит Люда.

Веня. Люда...

Люда. Не надо ничего говорить. Я поняла — это она. Оставь нас, дай поговорить.

Веня. Никуда я не уйду. Вы тут такое натворите!.. (*Садится на стул*).

Нина. Люда... Я ничего плохого не хочу вам сделать, поверьте мне... Вы много лет были рядом с Вениамином и Алей и не знаете, что такое одиночество... Но я нашла свою дочь. Аля моя дочь. Я хочу начать новую жизнь.

Люда. Что? Хотите начать новую жизнь? А вы подумали о том, что разбиваете чужую семью?.. И кто вам дал такое право?

Нина. Вы женщина и должны меня понять...

Люда. Ничего я вам не должна.

Нина. Да, вы вырастили мою дочь...

Люда. Нет! Аля моя дочь!.. Да, она похожа на вас, но только похожа. Аля моя дочь, моя и Венина. Слышите, она наша дочь!.. Веня, почему ты молчишь? Скажи, чтоб она ушла!

Веня молчит.

Молчишь?.. Ты все забыл? Забыл, как она часто в детстве болела. Сколько слез я тогда, сама еще девчонка, пролила над ней, сколько ночей!.. (*Нине*). А каково мне было узнать, что Аля не Венина дочь? Он мне сказал, что это его дочь, что вы, мать, оставили ее в роддоме, когда Веня был в армии. Я поверила, а потом он сознался, рассказал всю правду. И тогда я решила — выздоровеет девочка, уйду!.. И вдруг она сказала: мама!.. Понимаете, нет! Папа!.. Да что вы можете понять?!

Нина. У вас есть сын, верните мне Алпо, умоляю!

Люда. Никогда! Веня, скажи же что-нибудь!.. Хорошо, я сама скажу, и скажу я тебе!.. Я знаю, почему ты взял ребенка из Дома малютки. Ты надеялся, что мать девочки вернется к тебе. Ты долго ждал. И дождался. Ну, так и уходи с ней. Оба уходите, я противиться не стану!

Веня. Люда...

Люда. Только Алло не трогайте! Она моя дочь!

Веня. Хватит!.. Люда, о чем ты говоришь? Как ты можешь так говорить?!

Нина, тебе надо уехать. Сейчас же и навсегда!

Нина. Веня!

Открывается дверь, появляются Аля, Валера, за ним Антон, худющий, с тонкой шеей. Он топчется на месте и решительно молчит. Строгий костюм слегка помят, галстук торчит поверх бортов пиджака.

Аля (бросаясь к Люде). Мама! Мама!..

Люда. Аля! Что случилось? Почему ты плачешь, кто тебя обидел?

Валера. Никто ее не обижал. (Кивает на Антона). Это вон его хотели побить.

Веня. Тебя, Антон? Кто?

Аля (всхлиывая). Эти студенты... из техникума, твои практиканты...

Веня. Мои практиканты? За что?

Антон пытается что-то сказать, но только машет руками и сердито затишает.

Валера. Да он сам виноват, вырядился как жених! Она тоже, в этом платье всех убила!.. А парни как с ума сошли, только ее и приглашают танцевать, наперебой, один за другим! А Алька прыгает, как бабочка! Антон, конечно, против. Тогда студентки решили поколотить его. Хорошо, что я рядом был!

Антон (на русском). Они свое получили. И еще получают.

Веня. Ну, ну, ну... Что защитили даму, это вы правильно поступили. А вообще, лишний раз нечего кулаки распускать, договорились?

Антон переминается с ноги на ногу. Поправляет галстук и выступает вперед.

Антон (на корейском). Алина мама и Алин папа. Я хочу жениться на Але. Пришел за благословением.

От неожиданности все в недоумении. Кроме Валеры.

Валера (на корейском). Послушай, Антон. Ты так лихо говоришь на корейском, что никто ничего не понял. Повтори на русском.

Антон собирается духом. С этого момента он говорит на русском, остальные — на корейском языке.

Антон (торжественно). Людмила Никоновна и Вениамин Филиппович! Я пришел просить у вас руки вашей дочери. Я хочу жениться на Але.

Валера. Во! Он хочет жениться, время подошло!

Веня. Валера, перестань... Аля, иди, умойся. И вообще оба уходите!

Аля силой уводит Валеру.

Веня. Антон, ты сам-то понимаешь, о чем говоришь?

Антон. А-га...

Нина. Да что вы понимаете, молодой человек! Вам сколько лет?

Антон. Семнадцать... Через пять месяцев.

Нина. Еще и семнадцати нет! К чему такая спешка?

Антон. Извините, а вы кто будете?

Нина. Я мать, и я не позволю...

Веня. Нина, прекрати!

Люда. Антон, тетя Нина права... *(Обращаясь к Нине).* Простите, как ваше отчество?

Нина. Александровна.

Люда. Нина Александровна права, вы с Алей еще совсем молоды, вам школу еще заканчивать, впереди институт, специальность получить, а вы жениться надумали...

Антон *(упрямо).* Одно другому не помешает.

Нина. Да вы, юноша, совсем жизни не знаете!

Антон. Я люблю Алю, а не вашу дочь, Нина Александровна.

Нина. Если хотите знать, молодой человек, я Алина мама!

Люда. Нина Александровна!.. Антон, я, как мать Али, не против вашей дружбы, но...

Появляются Валера и Аля в домашнем халатике.

Антон. Наша дружба переросла в любовь.

Валера. Видали? Уже переросла! Интересно, как это происходит!..

Аля кидается на Валеру с кулачками, тот отмахивается, защищаясь.

Видал, какая у тебя будет жена, чуть что дерется! Ты сначала запишись в секцию бокса, Антон!

Антон. Аля, оставь его. Я с ним потом разберусь.

Веня *(на русском).* А может, Антон, ты нас не понимаешь, потому что мы говорим по-корейски?

Антон. Я по-корейски все понимаю, только говорить не получается, а родители разговаривают по-русски. Такое поколение.

Валера. Конкретно!

Аля опять кидается на него, тот смеется, отбиваясь.

Антон. Я немного запугался...

Валера. Сам запугался и всех запугал! Давай, распутывайся!

Веня *(на детей).* А ну, марш отсюда!

Аля опять силой уводит в другую комнату.

Антон. Я хочу понять — кто есть кто? Вениамин Филиппович, вы Алин папа. *(Женщинам)*. А кто из вас мама, я не разобрал...

Люда и Нина *(почти вместе)*. Я мама!..

Пауза.

Антон. Ясно... Тогда — Вениамин Филиппович, Людмила Никоновна и Нина Александровна! Мы с Алей решили пожениться. Разрешите, пожалуйста. Я все сказал.

Веня. Та-а-ак... *(На корейском)*. И что дальше? Как жить будете? Надо же школу заканчивать.

Антон. Там видно будет.

Люда и Нина *(почти вместе)*. Что он такое говорит?!

Антон. Аля пусть учится на дневном, а я перейду на заочное.

Из соседней кухни выскальзывает Валера.

Веня. А на что жить будете?

Антон. Это не проблема...

Валера. Влюбленные питаются одним лишь воздухом!

Антон. Летом я одной семье шинковал морковь. Они салат из моркови, морковь-чя продавали. Триста баксов заработал.

Валера. Алька, запомни, он морковь-чя любит!

Антон. Теперь я не люблю морковь-чя, я ее на дух не переношу! Но шинковать буду.

Долгая пауза.

Веня. А может, все-таки не стоит спешить, а?

Антон. Надо... Вдруг не поступлю в институт, в армию заберут. Аля хорошая, к ней все пристают, а меня не будет рядом.

Веня. Я так понял, вы с Алей заодно. Раз вы любите друг друга, она дождется твоего возвращения из армии, разве не так?

Антон *(после короткой паузы)*. В жизни всякое бывает. Лучше сразу пожениться.

Валера. Ну, философ, ну, вундеркинд!

Веня. Я не понял, что будет со школой, вдруг дети пойдут?

Антон. Дети пойдут, конечно.

Веня. И много детей у вас будет?

Антон. Сколько захотим, столько и будет, пожалуйста, это не проблема.

Люда. Антон, дорогой мой, вам самим с Алей еще расти и расти...

Антон. Мне не надо расти, я метр восемьдесят пять. А Аля подрастет. Как поженимся.

Веня. М-да, очень убедительно. Главное, что детей нарожают...

Антон. Обещаю!

Веня. Да верю я...

Нина. Венямин, ты с ума сошел! О чем ты говоришь с ним, он же ничего не понимает.

Веня (*грубо*). Нина!

Нина. И ты согласен! Люда, скажите что-нибудь! Кошмар какой-то!..

Люда молчит.

Антон (*с надеждой*). Бабушка, скажите им... Я хороший. Я не оставлю Алю. Мы любим друг друга.

Пауза.

Бабушка (*улыбнувшись*). Моя мама вышла замуж в четырнадцать лет. И жили дружно, кучу детей народили и воспитали.

Валера. Четырнадцать лет?! Так эти-то уже опоздали!

Люда (*сыну*). Валера, перестань паясничать!..

Опять долгая пауза.

Антон. Все молчат... Молчание — знак согласия. (На корейском). Значит, мы поженемся!

Свет гаснет.

Картина пятая

На кладбище. Нина у могилы матери.

Нина. Мама, я попрощаться пришла... Вы простите меня за мою нескладную жизнь. Много горя я вам принесла. Ничем не искупить мне своей вины перед вами. И перед Алей... Так зовут мою доченьку, Аля! Это ее я оставила в роддоме, совсем крохотную! Она жива, и я бесконечно рада этому! Живет она в хорошей семье, у нее есть и папа... и мама! Настоящие папа и мама!.. Когда я увидела ее, Алю, мир перевернулся, силы вернулись ко мне, замечталась я, думала, теперь у меня все изменится в этой жизни, теперь мы будем вместе — Аля, Веня и я... Но потом поняла, что я тут не причем, что не имею права... Аля ничего не знает, и хорошо, что так все получилось. Я еду обратно на Камчатку, что будет дальше со мной, не знаю. Как жить дальше, тоже не знаю. Но я должна уехать... Мама, вы не ругайте меня, что убежала тогда из дому и не давала о себе знать. За то, что вы тогда выгнали меня, я тоже прощаю. Я понимаю, что вы не могли поступить иначе... Прощайте мама! Вы у меня единственная, с кем я могу делиться своим горем и разговаривать сколько душе угодно и обо всем... Прощайте, мама!..

Свет гаснет.

Картина шестая

Удания аэропорта. Слышны объявления. Гул улетающих самолетов.

Бабушка. Днем-то еще ничего, а ночью с неба такой гром доносится... Я уж сомневаюсь, прилетит ли пух за мной, когда умирать буду. Вдруг перепугается, подумает, что тут какая-нибудь чертова кузница, а может, наоборот, сам прилетит на самолете и унесет меня с собой?.. Ты все молчишь, Нина. Обидела чем-нибудь?

Нина. Что вы, бабушка. Спасибо вам за все. Если бы не вы...

Бабушка. А насчет матери не беспокойся. Что обещала, то и сделаю. Буду ходить к ней на могилку. Когда просто приберу, когда посижу, чтобы ей скучно не было одной.

Нина. Спасибо, бабушка.

Бабушка. Только вот Алю не тревожь. Уезжай. Она ведь не виновата. Ей лучше не знать правды... Я понимаю твое состояние, но подумай о ее будущем. С тобой у нее не будет этого будущего... Извини, иногда и такие слова не грех выслушать.

Гул взлетающего самолета.

Не опоздаешь на самолет?

Нина. Объявят по радио, услышу.

Бабушка (подавая сверток). Возьми вот это, дорога дальняя.

Нина. В самолете кормят, бабушка.

Бабушка. Чем они там могут накормить, возьми, не помешает.

Нина. Спасибо... Скажите, бабушка, как жить мне дальше, что делать?

Бабушка. Первую половину жизни человек сеет, во вторую — собирает то, что выросло на его поле. Надо выдержать, Нина.

Нина. Ничего у меня в жизни не осталось. И никого.

Бабушка. И все-таки надо жить, Нина. Живи, и пусть живут твои любимые люди.

Опять раздается гул взлетающего самолета. Бабушка провожает его взглядом.

Бабушка. Все летят и летят... Раньше в небе только звезды были... В старину говорили, умирает человек — гаснет звезда, рождается человек — зажигается новая звезда.

Нина. Как жить дальше...

Бабушка. Все равно надо жить.

Слышно объявление по радио.

Нина. Пора, бабушка, мой рейс объявляют.

Влетает запыхавшаяся Аля.

Аля. Тетя Нина!.. Почему не сказали, что улетае?! (Обнимает ее).
Нина. Аля! Девочка моя!.. (Порывисто обнимает Алю).

Бабушка отворачивается и платочком вытирает слезы.

Аля. Жалко, что вы живете так далеко. Но ничего, я вам писать буду, можно? Знаете, я еще никому не писала писем, все рядом живут!

Нина. Напиши. Я всегда буду ждать твоих писем! (Быстро достает ручку, пишет). Вот адрес!..

По радио сообщают о скором завершении посадки на самолет.

Аля. Хочу подарить вам фотографию, можно? Мама велела, иди, говорит, сфотографируйся в новом платье и подари тете Нине. Вот, возьмите, я подписала.

Нина. Аля! Спасибо, Аля!.. (Снимает с рук серебряное колечко). А ты возьми от меня на память вот это...

Аля. Это же серебряное колечко, как я возьму такой дорогой подарок?

Нина. Это мне от мамы досталось, она умерла в этом городе, я приезжала навестить ее, мы с бабушкой на могилку ходили, возьми, пожалуйста, Аля!

Аля. Спасибо, тетя Нина!

Нина. Если сможешь, прилетай ко мне в гости. С Антоном!

Аля. Хорошо! Мы с Антоном решили подождать с женитьбой, мама убедила нас.

Нина. Все равно прилетайте вместе!.. Аля! Девочка моя! Напиши мне обязательно, я буду ждать! Слышишь, я буду ждать!..

Аля. Напишу!..

Нина уходит. Оглядывается и видит в стороне от всех Веню. Звучит песня...

КОНЕЦ

САД БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Пьеса-сказка в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩЕ ЛИЦА

Учитель.

Сольго — его ученик, художник.

Меджон (он же Хахи) — его ученик, каллиграф.

Фея.

Чихи.

Правитель князь Пак.

1-я жена правителя.

2-я жена правителя.

3-я жена правителя.

4-я жена правителя.

Министр левой руки.

Тюремщик.

Вождь гуннов.

Переводчик.

Монах.

Стражник.

Слуга.

Служанка.

Слуги правителя, стражники, девушки-феи из Сада белых журавлей.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Двор возле хижины старого Учителя-монаха. Видны горы. Ученик Меджон подметает.

Меджон. Пока учителя нет, все надо успеть. Вернется, снова примется за нравоучения. Ну, все меня учат!..

Входит ученик Сольго с принадлежностями для рисования, садится и работает.

Сольго. Все ворчишь, Меджон. Чем ты недоволен, дружище?

Меджон. А чем я могу быть доволен? Начать с моего рождения. Родился в год двойной лошади, первая плохая примета, при рождении уже был с зубами — вторая плохая примета.

Сольго. Лучше быть с зубами, чем беззубым.

Меджов. Ты что? Старуха, принимавшая роды у моей матушки, сразу ей и выложила, мол, не к добру родился ваш сынок. Вот злодейка!

Сольго. Ну и что с тобой, бедолагой, дальше сделали?

Меджов. Дальше хуже. Решили выбросить ребенка вон из дома... Но нашлась в доме одна добрая душа, служанка, пожалела меня, невинного, и украла. Но когда несла меня в темноте, попала мне пальцем в глаз, отчего я окривел на всю жизнь.

Сольго. Зато остался жив. Хоть одним глазком, да смотришь на мир. А я о себе ничего не знаю, где родился, у каких родителей...

Меджов. Вместо отца-матери у нас с тобой наш учитель. Вообще-то неплохой старик, только придиричивый.

Сольго. А когда он вернется из монастыря?

Меджов. Да пусть подольше не приходит, поживем без него, как вон те птички на свободе... *(Слышен вдали журавлиный крик)*. Ну что ты все работаешь? Отдохни! Посмотри, как цветет все вокруг, красота!

Сольго. Вот я и пытаюсь эту красоту запечатлеть на бумаге. Но разве можно передать эту гармонию на этом листе?

Меджов. Вот и не старайся, раз невозможно. Давай съедем чего-нибудь вкусного! Одной красотой сыт не будешь, согласен?

Сольго. Да, хорошо бы поесть...

Меджов *(скрывается в хижине и выходит с миской)*. Ешь, Сольго! Это сушеная хурма.

Сольго. А учитель разрешил тебе брать эти сладости?

Меджов. Разрешил. Клянусь феей Вина, которую я очень чтю!

Сольго. Какая сладкая! Помню, в детстве мне в монастыре давали такую, только по праздникам... Я слышу шаги. Учитель возвращается.

Меджов. Бежит, будто дома кувшин с медом оставил... *(Бросает оземь тушечницу, та разбивается)*.

Сольго. С ума сошел! Любимая тушечница учителя!

Меджов. Скорее дожевывай и делай, как я!.. *(Падает на землю и стонет)*. Ну, падай, а то попадет нам от старика!

Входит старый Учитель-монах с дорожным мешком.

Учитель. Что с вами, дети? Заболели?

Меджов. Учитель, что я натворил! Я должен теперь умереть!

Учитель. Что ты болтаешь, неразумный? Что случилось?

Меджов. О, учитель, я нечаянно разбил вашу любимую тушечницу и решил умереть с горя, потому что вы меня ни за что не простите.

Учитель. Ну если так, ты не умрешь, проказник.

Меджов. Помните, вы спрятали в шкафу сушеную хурму и велели не трогать ее, говоря, что она ядовитая. Я решил умереть и съел ядовитую хурму! И Сольго съел ее. И теперь мы оба должны умереть на ваших глазах, учитель!

Учитель *(сердито)*. Проказники вы, непослушники! Я оставил хурму, чтобы угостить вас в день цветения лотосов. Но вы не дождались... Ну, ладно. Не притворяйтесь, эти благословенные плоды не ядовиты.

Оба ученика встают с виноватыми лицами. Сольго дает Меджону основного тумака.

Меджон. Учитель, в день цветения лотосов я угощу вас чем-нибудь посытнее. Старуха Ли из нижнего селения просила написать ей поминальную табличку и обещала заплатить рисовыми хлебцами. Она мастерица печь хлебцы.

Учитель. Сольго, покажи свою работу... (Меджону). А ты, ленивец, что сделал? Принеси. (Вздыхает). Одно ты умеешь делать, писать иероглифы, а рисовать не желаешь. Посмотри, как Сольго чувствует цвет.

Меджон. Каждому свое, учитель. Я похлебку, а он кашу. Сольго будет художником, а я каллиграфом.

Учитель. Тогда каждому по его заслугам. Сольго, подай мой мешок. Тебе, Сольго, я принес разную тушь. Вот тушь цвета алого персика, вот тушь «певца ветра и луны», тушь «шоуянская слива», а эта тушь называется «отрыжка дракона».

Сольго. Я так давно мечтал о такой туши.

Учитель. Тебе, Меджон, будущий каллиграф, принес я кисти. Из шерсти ласки, из колонка, из овечьей шерсти, а бумагу поделите. И еще братья монахи передают вам пожелания трудолюбия в учении.

Меджон. Спасибо, учитель! Вы заботитесь о нас, ничтожных, лучше отца с матерью. А я, худший из учеников, огорчаю вас... Возьмите метлу, прошу вас, учитель!

Учитель. Подмести осколки?

Меджон. Нет, нет, побейте меня, учитель!

Учитель. Оставь меня в покое, Меджон!

Сольго. Учитель, поручите мне побить его!

Меджон. Нет, я сам себя побью! (Бьет себя метлой).

Учитель. Эй, оставь метлу, ломаешь!..

Картина вторая

Цветущий персиковый сад. Появляются Сольго и Меджон с дорожными мешками.

Сольго. Куда мы с тобой попали, Меджон? Это сон или на самом деле?

Меджон. Ущипну-ка я себя за ногу... Ой, больно! Значит, не сон.

Сольго. Никогда не видел такого прекрасного благоуханного сада. Слушай, а, может, мы с тобой попали в чудесный сад, в котором живут феи?

Меджон. Какие феи? Тут поблизости за 20 ли ни одной девушки нет, а он — феи... Правда, хотел бы я увидеть хоть на минуточку юную девушку в розовой юбке с опущенными глазками... Нет, лучше миска с кашей, клянусь феей Вина!

Сольго. Как говорят, рот да брюхо — твои враги. А учитель нас учит: художник не должен быть сытым.

Меджон. Ты, малый, не в себе. Ты что, собираешься работать?

Сольго. Пока солнце не зашло, поработаю. Смотри, как хорошо освещено вон то цветущее дерево.

Меджон. Ну, как хочешь, работай, а я полежу. На этих горных тропках я себе все башмаки стер... (*Ложится*).

Сольго. Как совершенна красота природы, и как неумелы мои руки... Цветок персика будет цвести одно мгновение, а затем его лепестки опадут. Поистине неуловима его красота. Добрые духи, помогите мне передать этот персиковый цвет на бумаге... Нет, ничего не выходит! (*В отчаянии отбрасывает листы бумаги*). Я бессилен...

В полутьме Сольго убирает свои вещи и ложится рядом с засыпающим товарищем. Возникает тихая мелодия «Сада белых журавлей». Радужный свет озаряет сад, появляются призрачные тени белых журавлей. Они стряхивают с себя белое оперение, превращаясь в девушек, их восемь. Они танцуют и поют.

Над землей мы пролетаем
Журавлиным острым клином,
В высоте звучат наши голоса,
И люди, слушая их, думают:
«О, как хотели бы и мы
Полететь в прозрачную даль!»
Не завидуйте нам, люди,
В небе мы тоскуем по земле,
На земле тоскуем по небу,
Нигде нет нам покоя,
Птицы-девушки мы,
И жизнь наша, как сон,
Прозрачный, тающий сон...

Просыпается Сольго, толкает Меджона, тот спит. Сольго прячется за деревом и наблюдает за девушками. Одной из девушек, самой красивой, подруги вплетают в косы цветы. Слышен журавлиный клик. Девушки надевают оперение и тают в воздухе. Сольго бросается за ними, возвращается, видит на земле белое перо и подбирает его.

Утро. Под корявым деревом спят Сольго и Меджон. Никакого сада вокруг нет, это обычная площадка в горах. Меджон находит горлянку, пьет воду и открывает глаза.

Меджон. Э, что такое? Вроде заснул я в персиковом саду, а сейчас вокруг ни одного дерева, кроме этой коряги... Эй, Сольго, дружище, тебе тоже приснился персиковый сад? (*Будит его*).

Сольго (*во сне*). Не улетай, фея, не улетай...

Меджон. Никак ему приснилась фея Вина. Вставай! Посмотри-ка вокруг!

Сольго. А? Что? Почему? Где сад? Где фея?

Меджон. Сейчас заплачет бедный, как ребенок, потерявший материнскую грудь. Э, успокойся! Я тебя спрашиваю, куда мы вчера пришли?

Сольго. В сад, в цветущий сад!

Меджон. Поздравляю, не я один с ума сошел! Сада нет, как видишь.

Сольго (*раскрывает ладонь, там белое перо*). Нет, был сад. Была прекрасная фея с подругами, потом они улетели. (*Поднимает листы*). Да вот, смотри, я же нарисовал цветущее дерево.

Меджон. Что толку от него? Вот если бы на нем висели спелые персики, другое дело... Пошли, Сольго, мой голодный художник. Когда мы с тобой придем в селение и поедим, ты скажешь, что лучше — быть сытым или голодным? Ладно?..

Картина третья

Ухижины Учителя, который листает большую книгу. Меджон возится у очага.

Меджон. И говорит мне эта бабка: молодец, сынок, хорошую поминальную табличку написал, только забыл по сторонам отверстия сделать. Спрашиваю, зачем отверстия? Бабка давай меня ругать — что же ты, балбес, не знаешь, для чего эти отверстия? Через них в поминальную табличку вселяется душа покойного. Ну, ладно, сделал я отверстия, бабка довольная, мне полный короб лепешек положила, слышите, какой запах? Сейчас попробуем бабкины лепешки. Скажите, учитель, куда девается после смерти душа человека?

Учитель. По нашим поверьям у человека три души. После смерти одна улетает в загробный мир, другая остается в могиле, а третья, бабка права, вселяется в поминальную табличку.

Меджон. Вот как! Значит, я после смерти разделюсь на три части и буду пребывать сразу в трех местах. Но больше всего мне понравится пребывать в поминальной табличке.

Учитель. Почему, проказник ты этакий?

Меджон (*приносит столик с едой и ставит перед учителем*). Потому что меня станут часто угощать и при этом вспоминать самыми хорошими словами. Ну что я при жизни слышал? Меджон — негодник, лентяй! Толстый увалень! Одноглазый разбойник! Если меня, невинного ребенка, родители решились выбросить...

Учитель. Ты не должен поминать своих родителей со злобой.

Меджон. Молчу, молчу, учитель. Прошу вас, отведайте рисовых лепешек. Как я и обещал вам — именно сегодня в день цветений лотосов.

Учитель. Дай мне сначала воды, Меджон.

Меджон. Сейчас, учитель. (*Проворно подбегает к источнику и черпает воду горлянкой*). Самому пить захотелось... (*Пьет из горлянки, но затем кувшин как бы прилипает к его рту, отчего Меджон мычит и делает знаки учителю*).

Учитель. Ну где ты там? Не мычи, скажи толком, что опять случилось? (*Смеется*). Что, кувшин к губам прилип? Говорил я тебе, что ты непочтителен к старшим, за это духи и посмеялись над тобой...

Меджон мычит, просит сделать что-нибудь.

О, дух воды Хэ-бо! Простите этого непочтительного сына, впредь он не станет первым пить воду, которую надо поднести старшему...

Кувшин отпадает.

Меджон *(на коленях)*. О, всесильный дух воды Хэ-бо! Благодарю вас за урок, который вы преподали мне, ничтожному из людей, живущих на земле! *(Набирает воду и почтительно подносит ее учителю)*.

Учитель. Спасибо!

Меджон *(принимаясь за трапезу)*. Что-то в последнее время у нас стали вращаться разные странные дела...

Учитель. Какие?

Меджон. То мы с Сольго забрели в персиковый сад, а наутро сад исчез...

Учитель. Вам повезло. Такое бывает раз в жизни. Персиковый сад — это волшебное место, куда прилетают небожители.

Меджон. После этого Сольго стал как ненормальный. Разговаривает сам с собой, куда-то уходит, все ищет персиковый сад.

Учитель. Ему дан дар неба и, надеюсь, душа художника. Пусть ищет свой персиковый сад.

Меджон уносит столик. Входит Сольго, рассеянный, осунувшийся.

Меджон. Где ты пропадал? Мы по тебе уже соскучились.

Сольго. Бродил по горам.

Учитель. Не покажьешь, что сделал?

Сольго. Не стоит, учитель. Все это всего лишь бледная тень того, что я видел. Я ничего не могу, учитель!.. Вот цветок лотоса и вот его тень на бумаге!

Меджон *(разворачивает его сверток)*. Интересно, что тут есть.

Сольго. Не трогай!

Учитель. Успокойся, сядь возле меня. *(Берет лотос)*. Тот, кто сотворил это маленькое чудо, был величайший художник. Превзойти его невозможно. И человек — тоже одно из творений великого создателя.

Меджон. И не лучшее творение...

Учитель. Ты художник, ты, как река, в которой отражаются цветы, кусты, облака, значит, воды реки должны быть чисты. В мутной воде ничего не отражается. Я говорю о твоей душе, она должна быть чистой.

Меджон. Сольго, не сердись, но пусть учитель посмотрит вот эту работу. Кажется мне, что я это видел, или мне приснилось?..

Учитель *(смотрит лист)*. Журавль. Благословенная птица. На их крыльях летают небожители. Белее оперение, как облако в небе, Птица журавль, почему ты так печальна? Ищешь себе пару на пустом озере?

Меджон. Как хороши ваши слова. Разрешите мне записать ваши строки. *(Пишет тушью на листе)*.

Учитель. Неплохо, неплохо.

Сольго. Но картина не закончена, учитель.

Учитель. Подожди, пока душу твою озарит свет, тогда рука будет верной.

Меджон. А мне нравится и так, клянусь феей Вина!

Ночь. Сольго сидит перед картиной, вертит в руках белое перо. Вдруг ему слышится отдаленная музыка Сада белых журавлей. Он берет кисть и вдохновенно работает. На заднике — проекция картины: журавль раскинул крылья в последнем миге перед полетом. Из картины выходит Фея.

- Сольго.** Сон это или явь?
В белом персиковом саду
Я увидел тебя впервые,
С тех пор, не зная покоя,
Ищу тебя всюду...
Кто ты: сон или явь?
- Фея.** Легкая кисть художника
И его горячая душа
Вызвали меня к жизни,
Птица отряхнула белые перья
И на время забыла высокое небо
Ради земной любви...
- Сольго.** Прекрасная фея,
Моя недостижимая мечта,
Неужели ты со мной?
- Фея.** Пока сердце твое любит,
Пока чиста твоя душа,
Как горная река,
Я буду с тобой.
Все изменчиво! в жизни,
Как облака, плывущие по небу,
И только верная любовь
Удержит меня на земле...

Картина четвертая

Учитель, Сольго и Меджон. Ученики собираются в дорогу.

Учитель (*перед картиной*). Не часто я хвалю тебя, но эта картина — твоя лучшая. Вся наша жизнь — всего лишь миг по сравнению с вечностью, но ты смог уловить частицу этого мгновения. Птица перед полетом...

Сольго. Я не достоин таких слов.

Меджон. Скромник ты наш...

Учитель. Я говорю не о руке, здесь ты достиг высоты своей души.

Сольго. Учитель, откройте вещью Книгу перемен — И-Цзин — и скажите нам, что ожидает нас в жизни.

Меджон. Теперь нам придется жить без ваших мудрых наставлений.

Учитель (*открывает книгу, дает юношам кости*). Бросайте по 6 раз.

Ученики бросают кости. В полутьме под таинственную музыку звучат речитативом слова Учителя.

Учитель. Тебя возлюбил небо
и вручило дар божий.
Ты высоко поднимешься
на лазоревом облаке
и захочешь отведать
из кубка славы и богатства.
Но всему свой черед:
развеется облако,
растет сладкий сон.
Так выбирай сам: что лучше
Сон или явь?..
Вот что гласит
вещая Книга перемен.

Сольго. Что же, пусть исполнится то, что предначертано мне судьбой.

Меджон. А что скажет Книга перемен о рожденном в недобрый год двойной лошади?

Учитель. Кто при рождении был отмечен
Недобрými приметами,
в дальнейшем будет вознагражден.
Его путь пролегает
вдоль русла большой реки.
Увидит он невиданную роскошь
и насладится ею лишь успеет,
как настанут перемены...
Но, сохранив свой нрав веселый,
он избежит печали и потерь.

Меджон. Можете не хвалить меня, учитель, за мои достижения, достаточно вашего предсказания.

Учитель. Ты достиг больших успехов в каллиграфии, твои иероглифы энергичны, изящны, правда, им не хватает строгости, но таков твой проказливый нрав. Надеюсь, что люди оценят твое искусство.

Сольго. Мы готовы в путь, учитель.

Учитель. В последний раз поллбуюсь на твою птицу... *(Сворачивает картину и подает ее Сольго).* Вот твой талисман, я продел в него шнурок, чтобы ты мог постоянно носить его. Да хранит он тебя, как хранил с рождения. *(Надевает ученику на шею талисман).* Ничего не забыли?

Сольго и Меджон. Нет, учитель. Жаль оставлять наш дом, где мы жили три года.

Учитель. Я тоже уйду. Возвращаюсь в свой монастырь, где буду размышлять о бренности пути земного.

Меджон. Мы придем к вам, когда понадобится ваше мудрое слово.

Учитель. А это тебе, проказник. Возьми немного сушеной хурмы. Когда напроказничаешь и захочешь покаяться, съешь ее.

Меджон. Учитель, как вы добры!

Учитель. Ну теперь идите, идите!..

Интерьер богато убранного дома. Сольго перед своей картиной.

Сольго. Вот уже месяц, как мы переселились сюда, в этот флигель. Чем же ты недовольна, моя прекрасная фея? Молчишь? Но кто поможет мне в моих сомнениях, если не ты? Поговори со мной, гордая небожительница, прошу тебя...

Из рамы картины выходит Фея.

Сольго. Хочешь, пройдем в сад, он маленький, но ухоженный. И посмотри, какой вид открывается отсюда! Вон дворец правителя и его сады.

Фея. Сад мне нравится.

Сольго. Конечно, ты видела другие, пышные сады. Но здесь так тихо. А там, где мы прежде жили, с утра до ночи крики торговцев, да лавочников, ремесленников!

Фея. А мне там нравилось: и крики торговцев, и запах свежей рыбы, что привозили рыбаки. И какой был забавный точильщик дядюшка Лим!

Сольго. Зачем тебе эта суета? Ведь ты привыкла к жизни в небесных чертогах, там звучала возвышенная музыка.

Фея. Видишь ли, Сольго, у той, небесной жизни, все другое, а земная ваша жизнь такая шумная, веселая, пестрая. И я только начала привыкать к ней.

Сольго. То была жизнь бедных кварталов. И мы испытали там нужду и голод, зато сейчас заработали право на благополучную жизнь.

Фея. Помнишь, что говорил твой старый учитель?

Сольго. Художник должен быть голодным, тогда его глаза и душа сохраняют зоркость. Я помню его слова. Но почему я должен быть нищим и думать, что ждет меня на обед или ужин? Нищета унижает.

Фея. Знаешь, о чем я думаю? Человек может насытиться лепешкой и чашкой воды, но он стремится, чтобы его стол ломился от еды. Для жизни и спокойного сна достаточно одной комнаты, а он желает иметь целый дворец. Зачем? Я не понимаю...

Сольго. Ты существо из другого мира. Тебе этого не понять.

Фея. Да, я многого в вашей жизни не понимаю.

Сольго. Поэтому я хочу, чтобы ты наконец стала земной женщиной. Не хочу, чтобы ты пряталась от чужого глаза, хочу назвать тебя своей женой.

Фея. Придется еще подождать, Сольго. Не наступил еще мой срок.

Сольго. О, я хотел бы окружить тебя красивыми вещами, нарядить в лучшие шелка и драгоценности.

Сольго. Но мне этого совсем не нужно, Сольго. Все это я уже видела в яшмовом Дворце, да его небесная красота радовала глаз, но совсем не грела мою душу.

Сольго. Ты все это уже видела, ты жила в роскоши. А я бедный монах-художник, неизвестно от кого рожденный, еще недавно я не знал, что такое — есть досыта. И я хочу видеть вокруг себя красивые вещи, чтобы глаза мои радовались.

Фея. Есть и пить вдоволь, носить пышные одежды и сверкающие драгоценности могут и обезьяны. Разве не жалко тратить вашу короткую земную жизнь, чтобы добыть все это?

Сольго. Ты говоришь совсем, как мой учитель. Только он стар, а ты такая юная.

Фея. У небожителей нет возраста, их жизнь бесконечна. Временами наш верховный правитель Яшмовый император в виде наказания посылает небожителей на землю, чтобы они прожили земную жизнь.

Сольго. Тебя тоже наказали? За что?

Фея (*лукаво*). Я не послушалась старших и заговорила с одним прекрасным юношей.

Сольго. Вот как!

Фея. Он был похож на тебя.

Сольго. Какая ты красивая!..

Слышен голос Меджона, распеваящего песню.

Фея. Кто-то идет! Я ухожу, Сольго... (*Исчезает*).

Сольго. Как жаль расставаться с тобой. Почему-то мне кажется, что мы расстанемся надолго...

Появляется Меджон с корзиной продуктов.

Меджон. Эх, что мне удалось купить на рынке! Мы с тобой сегодня славно пообедаем, Сольго. Я попросил тетюшку Унен, чтобы она послала мне на помощь одну из своих девушек из мастерской. Сам не управлюсь так быстро...

Сольго. Не торопись. Я приглашен на обед, угадай к кому?

Меджон. К важному янбану, который желает, чтобы ты изобразил его благородным мужем! Угадал?

Сольго. Совсем не угадал! Я приглашен к Министру левой руки. Ну как?

Меджон. Да, это почетное приглашение! Весьма! А что, это правда, что у министра есть дочка на выданье, бутончик лотоса?

Сольго. Не болтай лишнего! Где моя лучшая одежда?

Меджон. Сейчас посмотрим... (*Приносит ворох одежды*). Выбирай!

Сольго (*примеряет*). Нет, это не годится для званого обеда у министра. Ну что такос, Меджон? Неужели ты не догадался купить мне приличную одежду?

Меджон. Ай-яй-яй! Кто ж мог знать, что ты будешь ходить по дворцам! Сейчас сбегаю в лавку купца Че.

Входит Слуга со свертком.

Слуга. Всех благ желает вам мой хозяин купец Че! Он посылает вам одежду в уплату за исполненную вами работу. И надеется, что вы будете довольны! (*Бросает одежду на ширму с картиной, ширма падает*).

Меджов (*разворачивает и примеряет*). Это то, что надо! Передай своему хозяину, что я очень доволен!.. (*Поднимает ширму*). То ли я окривел на оба глаза... Странно... По-моему, картина потемнела...

Сольго. Не выдумывай! Дай мне шляпу! Просто освещение не то... Мне пора. Желаю тебе вкусно пообедать.

Меджов. Это ты говоришь мне? Представляю, какое угощение тебя ждет у министра, а мне надо все самому приготовить...

Сольго уходит, Меджон ставит свою работу в раме и делает мазки.

Меджов. Прекрасная Журавушка, это Сольго оживил тебя силой своей кисти. Знаю, что ты иногда превращаешься в девушку, нет, нет, я знаю, что тебя никто не должен видеть, кроме Сольго! Хочешь узнать, что я делаю? Пожалуйста, у меня секретов нет! Я тоже нарисовал фею, фею Вина. Но неужели я не смогу оживить ее?

На свете много фей,
прекрасных добрых волшебниц.
Но мне всех милей и нужней фея Вина.
Фея Вина, налей мне кубок вина,
опьяняющего на тысячу дней.
Подари мне веселье,
чтобы я побывал в раю...

Делает последний мазок, любуется, затем делает поклоны. Вдруг из рамы картины протягивается женская рука с сосудом. Меджон поспешно хватается за кубок и ловко подставляет его, льется вино. Меджон почтительно берет руку девушки и настойчиво тянет ее к себе.

Меджов. Прекрасная фея Вина! Прошу тебя выйти из картины, раз ты ожила! Раздели со мной веселье, ну хотя бы потанцуй со мной, чертовски хочется сплясать, а не с кем!

Фея (*смеется*). Будешь ли ты почтителен ко мне, как небожительнице?

Меджов. Чтоб я провалился в колодец, как та глупая лягушка, если я не буду почтителен с тобой, фея!

Фея выходит из рамы, она закрывает лицо большим веером, наливает вина Меджону и себе, что несколько удивляет его. Затем они принимаются плясать.

Фея. Веселящее зелье в моем сосуде.
Только избранным его наливаю.

Меджов. В яшмовый кубок
налей мне вина,
чтобы я побывал в раю,
где смеются нежные феи...

В самый разгар веселья раздается стук в дверь.

Меджон. Пойду посмотрю, кто там меня беспокоит. Может, хозяйка прислала мне девушку в помощь. Подожди меня, Фея, мы еще с тобой повеселимся... (*Уходит*).

Фея наливает остаток вина в кубок и со смехом исчезает. Входят Меджон и слуги правителя.

Слуга. Это дом поставщицы вееров его превосходительству?

Меджон. Да, уважаемый, только госпожа Унен живет в большем доме, а мы ее жильцы — художники.

Слуга. Здесь проживает художник Сольго по прозвищу Радующий Глаз?

Меджон. И каллиграф Меджон по прозвищу Стремительная Кисть!

Слуга. Нам нужен художник Сольго.

Меджон. Он в гостях у Министра левой руки.

Слуга. Художнику Сольго велено передать приглашение. Досточтимый князь Пак, что освещает своим умом всю землю, велит художнику прибыть к нему во дворец в день полнолуния. (*Вручает Меджону бумагу*).

Слуга. Приказ правителя для всех закон,
Ему повиноваться все должны,
Кто не согласен с ним,
Того проводим мы в темницу.
Ты не согласен? Он не согласен?
Живо проводить его в темницу!

Меджон. Зачем правителю художник?
Украстить новые покои
Или портрет исполнить?

Слуга. Тайна и секрет,
Секрет и тайна!
Кто эту тайну разгласит,
Того в темницу? В темницу!

Слуги в усердии хватают Меджона и уводят его с собой. Крики за стеной, затем Меджон возвращается.

Меджон. Слова им не скажи олухам правителя, сразу хватают неповинного человека... Еле вырвался! Не зря прозвали его князь Тыква, князь Пак. Каков хозяин, таковы и слуги. А где моя фея? Эй, фея Вина! Выходи, не прячясь, эти олухи уши. Фея?

Входит Сольго.

Сольго. Э, какую фею ты ищешь?

Меджон. Думаешь, только тебя посещает фея?

Сольго. Эге, ты что жареных воробьев объелся? Что с тобой? Лучше послушай, как принимали меня у министра...

Меджон. Да что такое Министр левой руки? Всего лишь второй чин, а вот тебе доставили приглашение от самого правителя! Вот почитай-ка!

Сольго. То-то я видел сон, будто на мне одежда красного цвета, это же высший почет!

Меджон. Как говорится, везучий охотник и тигренка поймал, и тигра. Как ты думаешь, зачем тебя приглашают во дворец к правителю, к нашему дорогому князю Птыкве?

Сольго. Не повторяй слова черни! Значит, в день полнолуния... Давай представим, что меня ждет... Вот я попадаю во дворец... Что меня там ждет, как по-твоему?

Меджон. Слава. Деньги и слава. Если угодишь правителю.

Тихая музыка Сада белых журавлей.

В полутьме появляется Фея.

Сольго. Моя прекрасная Фея! Ты появилась в самый счастливый миг моей жизни! Меня зовут во дворец к правителю. Что ты скажешь, Фея?

Фея. О, Сольго, стоит ли тратить короткую земную жизнь на всю эту суету?

Сольго. Конечно, стоит!

Фея. Стали мутными воды
Прозрачной горной реки,
Растаял, как облако, сон о любви,
И высокое небо зовет меня в путь.
Только птица бескрылая
На земле остается жить.

Сольго. В белом персиковом саду
Я увидел тебя впервые.
Останься со мной, фея,
Без тебя нет мне счастья.

Фея. Прощай! Зовет меня небо,
Прощай, мой сон о любви... *(Исчезает).*

Меджон. Растаяла твоя Журавушка...

Сольго. Не уходи, ты мое творение...

Меджон. Э! Смотри-ка и на картине ничего не осталось, будто и не было ничего... Ой, что с нами теперь будет, Сольго? Все феи от нас ушли, будто мы совсем негодные...

Сольго. Моя фея!.. Зачем ты ушла?..

Меджон. Моя веселая фея Вина, зачем ты ушла?..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

Во Дворце правителя. Сольго, Меджон и слуга.

Слуга. Его превосходительство скоро примет вас. Подождите! (*Уходит*).

Меджон. Говорят, в детстве он был похож на тыкву, за это его и прозвали князь Тыква. А теперь он правитель, и у него самый богатый дворец.

Сольго. Болтай потише...

Меджон. Наверняка, эти стены не слышали такого. А что нам правитель? Мы — вольные художники, а не слуги...

Сольго. Интересно, что нам будут заказывать? Неужели портрет самого правителя?

Меджон. Это будет очень трудно! Тебе придется закрыть глаза, чтобы не нарисовать его слишком похожим на себя!

Сольго. Э, да я столько янбанов изобразил благородными мужами, что и тут смогу! Надо облагородить лицо, сделать его мужественным, чтобы взгляд, как у орла, стать, как у тигра. Кисть художника, оказывается, может быть лукавой, как речи царедворцев.

Торжественно появляются слуги, челядь и сам Правитель князь Пак. Он садится на помост под балдахином и милостиво кивает художникам.

Правитель. Кто из вас художник Сольго?

Сольго. Я, господин правитель. А это мой друг — каллиграф Меджон.

Правитель. Слышал я, что ты прославился, рисуя портреты моих подданных, янбаны довольны, все хвалят тебя. Даже Министр левой руки сказал о тебе хвалебные слова.

Сольго. Готов послужить и вашему превосходительству.

Правитель. Мой заказ, как бы сказать... особого свойства. В последнее время государственные дела отнимают у меня так много времени, что почти не вижу моих жен и наложниц. Так вот, я хочу, чтобы ты исполнил портреты моих жен и наложниц, тогда я чаще смогу любоваться на них.

Сольго. О, это прекрасный заказ, ваше превосходительство. Готов приступить к работе немедленно.

Правитель. Но ни один посторонний мужчина не имеет права войти на женскую половину дворца. Поэтому я присваиваю тебе звание придворного художника. Министр, прочитайте указ!

Министр. «Высказывая особое благоволение художнику Сольго по прозвищу Радующий Глаз, его превосходительство князь Пак присваивает ему высокое звание придворного художника. Вручить придворному художнику драгоценный зонтик и шляпу придворного художника!».

Министр вручает Сольго зонтик, надевает ему шляпу.

Сольго. Благодарю вас, ваше превосходительство!

Правитель. Есть у тебя просьбы и пожелания?

Сольго. Да. Работы будет много и мне нужен помощник. Разрешите мне взять с собой моего друга Меджона.

Правитель. Для этого опять требуется мое особое разрешение и указ. Но я принимаю указы только по благоприятным дням, которые укажут мои придворные астрологи.

Министр. Придется подождать. А пока художнику помогут слуги, которых я выделю.

Правитель сходит с помоста и в сопровождении челяди уходит.

Меджон. Вот дела! Как поступим, дружище?

Сольго. Сейчас обращусь к министру... Господин министр! Разрешите сказать вам несколько слов?

Министр. Конечно, конечно. Кстати, идемте, я покажу вам ваши комнаты... *(Уходит).*

Входит молодая девушка Чхихи со связкой пестрых вееров. Увидев Меджона, хочет скрыться.

Меджон. О, какая милая фазаночка залетела во дворец!

Чхихи. А откуда вы знаете мое имя, господин?

Меджон. А что, я угадал?

Чхихи. Меня зовут Чхихи — фазаночка.

Меджон. Так ты здесь служишь, фазаночка?

Чхихи. Нет, я принесла веера для жен правителя. Моя тетушка держит мастерскую и поставляет веера во дворец.

Меджон. Так это не тетушка Унен?

Чхихи *(лукаво).* Да, это моя тетушка Унен. А вы и ее знаете?

Меджон. Как не знать? Это наша хозяйка! Месяц назад мы с Сольго сняли у твоей тетушки отличный флигель. А вот тебя что-то не видел, ты помогаешь тетушке?

Чхихи. Конечно. Остальные девушки расписывают веера, а самые дорогие веера вышиваю я.

Меджон. Ах, ты вышивальщица моя! Живем рядом, а познакомились во дворце князя Гыквы. Какая честь!

Чхихи. Потихе, здесь такие строгие правила!

Меджон. Знаю. Чужих мужчин на женскую половину не пускают, и мне теперь туда не попасть.

Чхихи. Ах вы, разбойник! Зачем вам на женскую половину?

Меджон. Совсем не за тем, о чем ты подумала, моя фазаночка! Сольго получил большой заказ, я должен помочь ему. Он будет рисовать портреты жен и наложниц князя.

Чхихи. Ой, заболталась с вами! Мне пора идти на женскую половину.

Меджон. Постой-ка! А что если сделать так... Но ты поможешь мне, моя фазаночка!.. *(Шепчет ей на ухо, Чхихи прыскает, качает головой, потом соглашается).*

Чхихи. Подождите меня здесь. Я постараюсь принести то, что вам нужно. *(Уходит, тихо напевая песенку феи Вина, оглядывается).*

Меджон. Послышалось?.. показалось?.. Эй, Чхихи! Ты слышала?

Чхихи. Нет, а что такое?

Меджон. Ты иди, иди... В чужих стенах чего только не послышится. Будто голос моей феи Вина...

Из-за кулис доносится песенка феи Вина. Меджон бросается туда: «О, моя фея! Ты здесь?» Сталкивается с Сольго.

Сольго. Опять он за какой-то фесей гоняется! Опомнись! Министр обещал отпустить тебя через неделю.

Меджон. Министры думают, а Меджон делает!..

Картина седьмая

Женская половина дворца. Уподрамника Сольго. Одна за другой входят жены правителя.

Сольго. Рад вас видеть, мои прекрасные госпожи!

1-я жена. Я — первая жена князя. Я была рядом с ним с трудные дни его жизни, он любит и уважает меня. Вы меня должны рисовать первой.

Сольго. Как вам будет угодно. Присядьте сюда... Вот здесь будет хорошо на фоне цветущих веток.

1-я жена. Я возьму в руки комунго. Муж так любит, когда я ему пою.

Сольго. Пожалуйста, уважаемая дама! (*Подает комунго*).

2-я жена (*передразнивая*). Он любит, когда я ему пою... Голос, как у старой черепахи...

3-я жена. На фоне колпочки надо ее нарисовать. По характеру подходит!..

4-я жена (*раздраженно*). Первая жена, первая жена... Нашла чем гордиться! Сына не могла ему родить...

1-я жена. О чем вы там шепчетесь? Стоит вам только собраться, как уже сплетничаете, сороки!

2-я жена. Мы вовсе не сплетничаем, а решаем, какое выражение лица принять для портрета.

3-я жена. Я скромно опущу глаза и возьму в руки вышивание, ведь я вышиваю мужу шелковые туфли.

4-я жена. А я возьму в руки ветку рододендрона, чтобы он вспомнил о дне нашей свадьбы.

Сольго. Очень хорошо, уважаемые дамы! Вам всем хочется выглядеть краше. Я постараюсь угодить вам. Только и вы должны слушать меня.

1-я жена. Я хотела сказать вам, уважаемый художник... (*Женам*). Ну, идите же к себе, не мешайте нам работать...

Жены, шушукаясь, недовольные уходят.

1-я жена. Я слышала, что вы не так богаты.

Сольго. Приподнимите голову, хорошо... Да, это правда, я вырос без родителей и сам зарабатывал себе на жизнь.

1-я жена (*вынимающая кошель*). Вы молоды, вам нужны деньги! Примите от меня скромную сумму.

Сольго. Ни за что, уважаемая дама! Мне назначено жалованье, как придворному художнику. Уберите ваши деньги, а то я не буду работать.

1-я жена. Гордый молодой человек! Зря вы отказываетесь.
Сольго. Поправьте платье у шеи, хорошо...

Тихонько входят жены и кладут на столик, кто кошелек, кто ларец или статуэтки.

Сольго. Что это, уважаемые дамы?

Жены. Это наши скромные подарки. Примите их, пожалуйста.

Сольго. Немедленно уберите все! Это все лишнее. За работу мне заплатит его превосходительство.

Жены убирают подарки.

1-я жена. Бессовестные сороки! Подкупить решили молодого художника, чтобы он нарисовал вас красивее, чем вы есть на самом деле?

Входит Чхихя, с нею женщина.

Чхихя. Желая вам доброго здоровья, прекрасные госпожи!

Жены окружают ее со словами: «Чхихя пришла! Что ты принесла? Наши заказы? Ах, как хорошо! А кто это с тобой? Твоя подружка?»

Чхихя. Вот лента, вы просили вышить. Ваш веер, госпожа. Нравится? Очень рада. А это служанка господина художника.

Жены. Служанка господина художника? Ах, какая ты смешная! Ты из какой провинции? Что за башмаки у тебя, ну и ножищи! А где ты, бедняжка, потеряла свой глаз?

Служанка. Ах, мои прелестные госпожи! Не смейтесь над бедной девушкой! Я и так смущаюсь, попав к таким красавицам, вы просто феи!

Жены. Она назвала нас феями! А ты их видела? Забавная девушка!

1-я жена. Что это вы опять раскудахтались?

Чхихя. Осмелось доложить, тут пришла служанка господина художника, принесла ему кисти, тушь, бумагу.

Сольго. Вот и хорошо... Подойди ко мне... Откуда ты взялась такая? Тебя министр послал?.. Что за образина? Не нашлось получше во всем дворце?

Служанка (шепотом). Не узнал что ли? Пришлось малость преобразиться, чтобы проникнуть сюда... *(Громко).* Мой господин! Пусть я уродлива и крива на один глаз, зато работающая и скромная девушка! Вы будете довольны мной!

Сольго. Ну ладно, скромница! А как тебя кличут?

Чхихя. Ее зовут Хвахи.

Жены. Ой, насмешила ты нас, Чхихя! Хвахи — Рисовое зернышко!

1-я жена. Я бы назвала тебя Картофельной!

Общий смех. Хвахи веселится больше всех.

Сольго. Ну хватит, посмеялись и хватит, не мешайте мне.

Жены переговариваются с Хвахи в сторонке.

2-я жена. Милая Картофелинка! А что твой господин не любит денег?

3-я жена. И подарки тоже?

Хвахи. Мой господин, как художник, очень ценит красивые вещи. Их можно купить только за деньги, как вы сами понимаете.

4-я жена. Ты знаешь, твой господин рассердился на нас за эти скромные подарки. Не возьмешь ли их ты, а потом как бы нечаянно вручишь ему?

Хвахи. Разве смею я огорчать вас, мои красавицы, мои щедрые феи? Давайте, давайте свои подарки! *(Собирает подарки в подол).*

Жены. Обещай, что твой хозяин нарисует нас красивыми!

Хвахи. Тысячу раз скажу ему, что вы самые красивые госпожи на свете, обещаю! Уж я ему так распишу, что он изобразит вас с личиками, блее яшмы, клянусь феей Вина!

Чхихи. Что это за фея такая?

Хвахи. Таковую увидишь один раз, потом можно и умереть.

2-я жена. Чхихи, голубушка, былалиты в павильоне Белых Крыльев? Видела новую жену нашего господина?

Чхихи. Я только что от нее, и с удовольствием рассказала бы вам о ней, но я ее не видела.

3-я жена. Как не видела? Но ты же с ней говорила?

Чхихи. Она разговаривала из-за ширмы, сказала, что больна и не одета.

4-я жена. А о чем вы разговаривали?

Чхихи. Она заказала мне веер, вот такой, как на этом рисунке.

Жены. Покажи, пожалуйста!.. Милый рисунок! У нее неплохой вкус.

Сольго. Если вы устали, уважаемая госпожа, то можете отдохнуть.

1-я жена. С удовольствием! *(Сходит с помоста и подзывает Хвахи, передает ей кошель).*

Жены разбирают веера из корзинки Чхихи. Поют и танцуют.

Как птицы в золоченой клетке,
Мы живем,
Судьба нас предназначила
Для господина нашего.
О, как бы я желала
Быть единственной
Для своего повелителя,
Быть неразлучной с ним,
Как дикие гуси.
Но мы красивые игрушки
В руках повелителя,
Мы завидуем другу другу,
Мы — соперницы
И невольные подруги,
Плачем по одиночку,
А веселимся вместе...

Картина восьмая

Портреты готовы и стоят в ряд, среди них одна не начатая картина. Жены правителя рассматривают, каждая любуется на свой портрет.

4-я жена. Какой талантливый художник!

3-я жена. Прекрасно!

1-я жена. Как он сумел уловить тот миг вдохновения, кажется, я сейчас запою!..

2-я жена. И всех бы перепутала, старая черепаха!

1-я жена. Что ты сказала, милая?

2-я жена. Я говорю, жаль, что ваш прекрасный портрет не запоет. А что вы скажете о моем портрете?

1-я жена. Неплохо, весьма неплохо... Особенно хорошо вышла туфля, которую ты вышиваешь нашему повелителю.

2-я жена. Завистница...

3-я жена. А я?

1-я жена. Слишком тут легкомысленна, моя милочка.

3-я жена. Но наш муж так любит веселье!

1-я жена. Жена должна угождать мужу, а не веселить. Ты не кисн.

2-я жена. А я думаю, она показывает, что счастлива. И это понравится нашему мужу.

4-я жена. Мы все такие красивые, как феи.

2-я жена. Но посмотрите, здесь нет портрета новой жены нашего повелителя?

3-я жена. А вот подрамник, он только собрался рисовать ее! Вот бы подглядеть за нею!

1-я жена. Ну уж, не стану, как девчонка, подглядывать за новой женой!

4-я жена. А нам так хочется посмотреть на нее! Но как это сделать?

3-я жена. Спросим у нашей милой Картофелинки!

2-я жена. Эта толстуха Хахи такая ловкая! Поищем ее! Хахи! Где ты?

Жены уходят в поисках Хахи. Появляются Чихи и Хахи (Меджон).

Хахи. Опять они меня ищут, вот неутомонные бабы. Как только князь Тыква управляется с ними?

Чихи. А он не вмешивается в их дела. Тут командует всем 1-я жена, они ее свекровью называют.

Появляется Сольго.

Сольго. Все портреты готовы, кроме последнего. Меджон, то есть Хахи, извини, ты была в павильоне Белых Крыльев у новой жены правителя?

Меджон. Была... был. Видеть не видел, но разговаривал с нею.

Сольго. Ты спросил, когда она придет позировать мне для портрета?

Меджон. Видать, не скоро, бедняжка больна. У нее такой слабый голос.

Сольго. Как же быть? Скоро наступит назначенный правителем день. Чихи, а ты видела ее?

Чхихи. И я не видела ее, господин художник. Сейчас отнесу ей заказанный веер, может, и увижу.

Сольго. Узнай, когда она сможет придти сюда.

Меджон. Проводить тебя, моя фазаночка?

Чхихи. Не надо, я сама. *(Уходит)*.

Меджон. Жены так довольны портретами, они тут стрекотали, как на ярмарке. Слушай, я твердо решил, ни за что не заводите нескольких жен. Они меня в гроб сведут своими капризами и ссорами.

Сольго. Ну, вряд ли ты так разбогатеешь, чтобы иметь нескольких жен. Это может только правитель.

Меджон. Ну, бог с ними, с женами, а вот славный домик с садом мы с тобой, пожалуй, сможем купить!.. Да еще правитель наградит тебя за твою работу.

Сольго. Меджон, разбойник, ты все-таки взял у них подарки? Я же запретил тебе!

Меджон. Ты что? Как я мог отказаться? Они тут стали рыдать и всего меня замочили своими слезами. Насильно сунули в руки свои подарки, клянусь феей Вина!

Сольго. Ты натуральный разбойник! Будь осторожнее, как бы кто не заподозрил тебя.

Меджон. Только от новой жены правителя я не получил никаких подношений... *(Разглядывая картину)*. Разве это не странно? Видно, не желает выглядеть на портрете красавицей.

Появляется Министр левой руки.

Министр. Правитель желает осмотреть портреты своих жен завтра утром. Все ли портреты готовы?

Сольго. Как завтра? Господин министр, новая жена правителя больна, так что ее портрет не готов.

Министр. Его превосходительство не отменяет своих решений. К тому же завтра он принимает гостя — вождя гуннов — и желает ему показать портреты своих жен. Так что постарайтесь успеть. *(Уходит)*.

Сольго. Вот загвоздка! Скорей беги в павильон к новой жене.

Входит Чхихи.

Меджон. Чхихи, ну как там новая госпожа?

Чхихи. Она по-прежнему больна.

Сольго. О, эти мне женские капризы! А мне что прикажете делать?

Чхихи. Я понимаю вас, но в ее голосе такая слабость... А что, если вы попробуете нарисовать ее по моим словам?

Меджон. Так ты видела ее?

Чхихи. Нет, но у нее чудесный голосок, нежный и чистый, как ручеек. Я думаю, что она красавица. Нарисуйте ее.

Сольго. Это невозможно!

Меджон. Ну почему невозможно? Ты слушай, что говорит Чхихи, а сам смотри на меня и рисуй! Чем не красавица, я — милая Картофелинка?!..

Сольго. Ты уморишь меня своими проделками!.. А что, давай попробуем!

Сольго весело работает. Меджон позирует, строя уморительные рожи.

Чхихи. О, как похоже! Милая Картофелинка!..

Картина девятая

Тройная зала правителя. Под балдахином восседает Правитель — князь Пак. Перед ним на почетном месте вождь гуннов. Вокруг челядь, Министр левой руки, Сольго. В сторонке — пробравшиеся в зал Меджон и Чхихи.

Правитель (переводчику). А спроси-ка, сколько жен у вождя гуннов?

Переводчик (спрашивает и переводит ответ). У вождя гуннов три жены.

Правитель. Красивые?

Переводчик. Вождь гуннов говорит, что они хороши, как молодые лошади-трехлетки, глаза, как у лани, а косы, как змеи.

Правитель. Они сравнивают своих жен с лошадьми, оленями и змеями! Вот странно! Скажи, что сейчас он увидит моих жен!

Вождь гуннов удивлен и показывает жестами, что ни за что не покажет своих жен гостю.

Правитель. Он мне не покажет своих жен, а я покажу! Дикий народ! Министр! Пусть доставят сюда портреты моих жен!

Министр дает распоряжения. Входят слуги, каждый несет портрет и проносит его перед правителем и гостем.

Правитель. Ну что он говорит?

Переводчик. Он восхищен!

Правитель. Дикарь! А что он думал, я ему живых жен покажу?.. Налобовался? А теперь поближе ко мне, хочу посмотреть на своих жен!

Слуги проносят портреты перед правителем. Входит молодой слуга с последним портретом Меджона в женском одеянии. Сольго безуспешно делает знаки и хватается за голову.

Правитель. До чего же хороши, оказывается, мои милые женушки! Одна краше другой! Министр! Наградить художника пятью мерами золота!.. Это моя первая жена, давно не слышал, как она играет на комунто... А это что такое? Что за уродина? Кто посмел? Художник!

Сольго. Ваше превосходительство! Не гневайтесь, это ошибка.

Правитель. И это моя жена?.. Министр, ты расхваливал ее, как лучшую драгоценность во дворце?

Министр. Она не могла так измениться?! Это не она!..

Правитель. Немедленно привести ее сюда!.. (*Видит гостя, который застыл перед этим портретом*). А-а, вот что я сделаю! Подарю ее вождю гуннов, ему она, видно, очень понравилась!

Министр уходит.

Переводчик. Наш высокий гость спрашивает – это тоже ваша жена?

Правитель. Нет, нет! Я дарю ее ему, так и скажи! Пусть увозит ее в свою дикую страну, где женщины похожи на лошадей и змей!..

Возвращается Министр, с ним женщина под густым покрывалом.

Правитель. Пусть подойдет ко мне! Снимите с нее покрывало, нечего прятать свое уродливое лицо!

Министр снимает покрывало. Это фея Сада белых журавлей. Пауза. Возникает мелодия.

Фея. Белым облаком на землю я спустилась,
белым облаком отсюда улечу.
В роскошных дворцах
Не живут небесные птицы.
Правитель. Моя жена! Ты моя жена!
Вождь. Ты подарил ее мне!
Это моя жена, моя добыча!

Сольго порывается к Фее, Правитель и Вождь гуннов хватают ее и тянут к себе. На сцену опускаются белые облака, ленты газа, кисеи. Темнеет. Фея исчезает. На земле белое крыло, Сольго подбирает его и прячет.

Правитель. А-а, это ты, жалкий маляр, изобразил ее некрасивой? Заговор! Взять его и посадить в темницу! Министр! Послать отряды, найти мою прекрасную... мою чудесную жену!..

Стража хватает Сольго и уводит его. Правитель и Вождь гуннов, обнявшись, голосят.

Правитель. За что я так наказан? Только обрел ее и тут же потерял...

Вождь. Это ты во всем виноват! Раз подарил, нельзя забирать назад... Злые силы и отняли ее у меня...

Правитель. У меня!..

Вождь. Нет, у меня!..

Картина десятая

В монастыре. В глубине сцены ложе, у которого возится Учитель.

Учитель. Ну как ты себя чувствуешь сегодня, моя бедная птица? Попей воду, попей... Крыло я тебе перевязал, вот лекарство положу, и скоро все заживет... Заживет.

Появляются монах и Меджон.

Монах. Учитель, этот человек поднялся из Долины и говорит, что вы ему срочно нужны.

Учитель. Кто ты, добрый человек?

Меджон. Вы не узнаете меня, учитель?

Учитель. Меджон, это ты? Да ты весь промок от дождя, дрожишь... Брат, не найдется у нас сухой одежды?

Монах. Конечно, найдется, сейчас принесу... (*Уходит*).

Меджон. С трудов нашел вас. Далеко и высоко ушли вы от мира.

Монах (*с одеждой*). Вот вам сухая одежда, переоденьтесь, брат. А это я унесу и высушу над очагом.

Учитель. Спасибо, брат. Наверняка, наш гость голоден.

Монах. Я позаботился и об этом.

Меджон (*переодеваясь*). Я ночами шел, днем прятался. По всем дорогам шныряют слуги и воины князя Тьквы, ищут его пропавшую жену.

Учитель. Ну что ж, не будем торопиться, поговорим после трапезы.

Монах вносит столик с едой. Меджон садится за столик, Учитель открывает книгу.

Меджон. Помните, учитель, вы предсказывали нам нашу судьбу из «Книги перемен»? Сбылось, все сбылось, особенно у меня.

Учитель. Кто при рождении был отмечен недобрыми приметами, в дальнейшем будет вознагражден. Его путь пролегал у русла большой реки, увидит он невиданную роскошь и насладиться ею лишь успеет, как настанут перемены, но сохранив свой нрав веселый, он избежит печали и потерь.

Меджон. Это удивительно, учитель! Мой путь пролегал у русла большой реки — это моя жизнь с Сольго! Знаете, учитель, он стал настоящим художником!

Учитель. Чем вы занимались?

Меджон. Сольго получил большой заказ правителя — нарисовать портреты его жен...

Учитель. Сольго стал придворным художником?.. Да, да, ведь «Книга перемен» предсказала ему именно это...

Ты высоко поднимешься на лазоревом облаке
И захочешь отведать
Из кубка славы и богатства...

Меджон. Все верно, учитель! Он поднялся на лазоревом облаке, добился успехов, мы даже были богаты.

Учитель. Все суета и преходяще в нашей жизни.

Меджон. Да, вы правы. И это прошло, как сон.

Учитель. Где он сейчас?

Меджон. В темнице. Высоко поднялся и больно упал. Правитель приказал схватить его. А мне удалось бежать.

На ложе какое-то движение.

Меджон. Вы не один, учитель?

Учитель. Это птица, я подобрал ее в горах. У журавля подбито крыло, вот я и лечу.

Свет озаряет ложе в глубине сцены. С него поднимается Фея.

Меджон. Чудеса!

Учитель. О, посланница неба! Ты осветила своим сиянием мою скромную обитель! Благодарю тебя!

Фея. Это я благодарю вас, учитель. Вы спасли меня. Жадность и злоба людская ранили меня, а вы излечили... *(Подходит ближе).*

Меджон. Не нашали это Журавушка? Похоже, что она... Она же пропавшая жена правителя... Ну и ну!

Фея. Это правда, Сольго брошен в темницу?

Меджон. Мне жаль огорчать вас, Фея, но вас ищут повсюду, а Сольго грозит казнь.

Фея. Это я виновата!

Меджон. Нет, все это случилось из-за моего портрета!

Фея. Я решила посмотреть, каково ему будет во Дворце...

Учитель. Друзья мои! Что толку кричать: я виноват! Надо идти и спасать Сольго!

Меджон. Я пришел к вам за этим, учитель!

Фея. Поторопимся, а то опоздаем!..

Картина одиннадцатая

В тюрьме. За железной решеткой Сольго. Тюремщик подает еду.

Сольго. Уберите, я не буду есть.

Тюремщик. Этим вы себе нисколько не поможете. Вам нужны будут силы.

Сольго. Я не хочу жить.

Тюремщик. Видал я вашего брата... Перед смертью вам так захочется жить.

Сольго тихо напевает песню Сада белых журавлей.

Тюремщик. Петь запрещено!

Сольго. Птице вы тоже запрещаете петь?

Тюремщик. Таков приказ.

Входят стражники с закованным Учителем.

Стражник. Открой вторую камеру, это опасный преступник!

Тюремщик (*открывая камеру*). Значит, он долго сидеть не будет?

Стражник. Правитель в большом гневе! Чтобы немного успокоить его, решили казнить этого старика. Все равно жить ему осталось недолго.

Учителя вводят в камеру и запирают дверь.

Тюремщик. А что ожидает молодого узника?

Стражник. Тоже казнят. Попозже, чтобы не волновать народ. Тебе же приказано явиться к начальнику.

Стражники и тюремщик уходят.

Сольго (*стучит в стену*). Послушайте! Кто вы? За что вас посадили?

Учитель. Разве у нас сажают за плохие дела?.. А вас в чем обвиняют?

Сольго. Заговор против правителя. Но что мне их суд? Я сам себя осудил.

Учитель. За что же?

Сольго. Я предал истину. О, я так быстро забыл слова моего мудрого учителя, выбрал суету и легкую удачу...

Учитель. Голос Сольго... Тебя зовут Сольго?

Сольго. Да, меня зовут художник Сольго-Радующий Глаз. Я радовал взоры богатых и недобрых людей...

Учитель. Это я, твой учитель!

Сольго. Учитель? Как вы попали сюда?

Учитель. Мы шли, чтобы как-то помочь тебе. Меджон, фея и я. Возле города нас выследили, меня схватили, а Меджон и фея успели скрыться.

Сольго. Она шла спасать меня? О небо!.. Но учитель, что будет с вами?!

Учитель. Что предпослано судьбой, то и свершится. Я не боюсь смерти. Я думаю о тебе, ты должен жить, Сольго!..

Возвращается Тюремщик.

Тюремщик (*Учителю*). Ваша казнь назначена на завтра. Есть у вас последнее желание?

Учитель. Позвольте поговорить с моим учеником.

Тюремщик. Лучше бы заказали роскошный ужин или музыку.

Учитель. В последние часы моей жизни я хочу поговорить с учеником.

Тюремщик. Ну что же, если таково желание...

Сольго. О, учитель! Расскажите, как вы жили после нашего расставания?

Учитель. Я вернулся в монастырь на Облачной вершине. Читал древние книги, молился, разговаривал с братьями-монахами, лечил людей, я ведь знаю некоторые секреты народной медицины.

Тюремщик. Так вы из монастыря что на Облачной вершине?

Учитель. Да.

Тюремщик. А скажите, помнят ли монахи, как однажды много лет назад к ним принесли ребенка, он умирал с голоду? На нем ничего не было, кроме тряпья, а на шее был талисман — нефритовая черепашка.

Учитель. Помню. Я выхаживал его. Ребенок остался жив.

Тюремщик. Что с ним было дальше? Умоляю, говорите.

Учитель. Я воспитал его, я пытался передать ему все, что считал нужным.

Тюремщик. Где же он теперь?

Учитель. Сольго, покажи свой талисман.

Тюремщик отпирает камеру. Выходит Сольго и показывает спрятанный на груди талисман. Тюремщик падает перед ним на колени.

Тюремщик. Так это ты? Мой потерянный брат!

Сольго. Брат? Встаньте, прошу вас!.. Кто я, кто вы, расскажите мне!

Тюремщик (плача). Матушка наша, как родила тебя, скончалась... Вскоре отец женился на другой, тяжело ему было с двумя детьми. Мачеха невзлюбила нас с тобой. Когда я понял, что она готова известить тебя, я убежал из дому, взяв тебя. Этот талисман остался от матушки, я положил его в пеленки. От голода ты стал совсем слабый, и тогда я решил оставить тебя в монастыре. Сам я долго скитался, жил в нищете и дал себе слово, что позже разыщу тебя. Но я до сих пор не дошел до монастыря. Ты сам явился ко мне в свой самый тяжелый час, мой брат!..

Сольго. Мой старший брат! Наконец-то мы встретились с тобой!

Учитель. О, судьба, ты послала эту счастливую встречу в тюрьме! Как невероятны твои пути!..

Тюремщик. Учитель! (Отпирает замок). Что же теперь делать?

Учитель. Если бы я знал... Надо спасти Сольго!

Тюремщик. Но невозможно пройти семь ворот и семь цепей охраны!

Сольго. Раз так, прослушай, брат, что я решил.

Тюремщик. Что ты придумал, Сольго?

Сольго. На смертника накидывают мешок, и никто не увидит лица. И я решил перейти в камеру учителя и переодеться в его одежду...

Тюремщик. Ни за что, брат! Наутро тебя отведут на казнь, я этого не выдержу! Скорее я пойду на казнь, чем отпущу тебя!

Учитель. А меня вы уже не спрашиваете?

Сольго. Учитель, молю вас об этом, как о последней милости!

Учитель. Нет! Мир перевернется от такой несправедливости! И не прося!

Тюремщик. Благодарю вас, учитель! Обещаю, я сделаю все, чтобы спасти брата, сам умру, но спасу его!

Голоса стражников.

Быстро по камерам!..

Входит стража.

Стражник. Проверка! (*Проверяет засовы в камерах. Тюремщику*). Завтра к часу дракона приготовишь смертника. Его последняя воля исполнена?

Тюремщик. Да, он пожелал благословить своего соседа — молодого узника.

Стражник. Смертник благословил смертника! Вот умора! Ну, стереги их, как цепная собака! (*Уходя, протяжно кричит*). Проверка! Проверка! Час крысы! Час крысы! (*Слышны отклики часовых*).

Тюремщик. О, Великая Печальница Хваньым, богиня милосердия! Помогите мне! Пусть я недостоин вашей милости, вы видите все!..

Учитель. Вознесем наши молитвы к Тысячерукой Печальнице... Одна ты жалеешь бедных и скорбных своих детей!..

Бормотание. Свет гаснет. В вышине возникает световое пятно, в нем силуэт Феи. Музыка.

Фея. Учитель, выслушайте меня... Уступите Сольго, исполните его просьбу.

Учитель. Нет, прекрасная Фея! Не могу это сделать!

Фея. Такова воля верховного божества — самого Яшмового императора!

Учитель. Душа моя противится этому повелению... Но воле неба нельзя перечить... Я повинуюсь, Фея... Но что будет с Сольго?

Фея. Он получит то, что заслужил... (*Исчезает*).

Утро. Слышны крики стражников, грохот засовов. Тюремщик отпирает дверь камеры Учителя.

Тюремщик. Выходите, учитель. Позвольте мне обрядить вас в страшный путь... И простите меня...

Учитель выходит. Тюремщик собирается накинуть на него мешок.

Учитель. Подождите, друг мой. Сольго, я повинуюсь воле неба, я согласен.

Тюремщик. Как?

Сольго. Брат, открой скорей!

Тюремщик с горестными стонами отпирает камеру Сольго.

Сольго. Учитель, благодарю вас! Брат, прощай!..

Появляется стража. На Сольго накидывают мешок и уводят.

Картина двенадцатая

Площадь, народ. Высятся помост для казни, стоит палач. Появляется Правитель со свитой, усаживается под балдахином. Забили барабаны. Стража выводит узника в мешке.

Министр. «Указ его превосходительства! Преступник, он же монах монастыря, открытого морю, совершил страшное преступление против Правителя. Он похитил одну из жен князя. За это преступление повелеваю: казнить преступника лютой казнью, а имя его предать проклятию!».

Правитель машет черным платком. Узника ставят на колени. Палач замывается мечом. В этот момент раздается звук лопнувшей струны, и все на площади застывают. Правитель с поднятой рукой с черным платком и палач с мечом. Помост окутывается белым облаком. Гаснет свет. Свет вспыхивает. На помосте палач опускает меч, узника нет. Смятение. Народ опускается на колени и воздевает руки к небу.

Голос. Это небо спасло его!.. Всемогущие небесные силы!.. Накажите жестоких слуг правителя!.. Великая Печальница! Пожалей и нас!..

Правитель. Бунт! Заговор! Всех схватить! В тюрьму их всех! Разбойники!..

Голос Фен. Твоя душа полна черной злобы... Небо наказывает тебя. Огненные не разогнуть тебе своей злой руки, пока душа твоя не очистится...

Рука Правителя застывает в поднятом положении. Попытки разогнуть ее безуспешны. Челядь усаживает его в палантин и торопливо уносит. Народ смеется, показывая на Правителя. Стража разбегается в страхе. Из толпы выскакивает Меджон.

Меджон (пританцовывая).

Вместо головы у князя
выросла большая тыква,
выросла пустая тыква,
постучишь по ней: пай-пай!
И в ответ: пай-пай!
Ты руки не разогнешь,
не подпишешь ты указов,
издевательских указов
против бедняков!

Кто-то надевает на голову тыкву, изображая князя Тыкву.

Ой, моя головушка!
Отчего ты так пуста?
Все, кому не лень,
бьют по голове,

постучишь по ней: пай-пай!
И в ответ: пай-пай!

Общее веселье.

Картина тринадцатая

В персиковом саду. Сольго и фея. Вдали танцуют девушки-журавли. Появляются Меджон и Чхихи.

Сольго. Мои друзья! Как я рад видеть вас!.. Вы уже неразлучны, Чхихи? Чхихи. Прицепился, как колочка, шагу не дает сделать.

Меджон. Журавушка, наконец-то ты улыбаешься.

Фея. О, да! Мы все в моем персиковом саду, и я могу с этой минуты остаться в человеческом облике на земле вместе с вами.

Сольго. Поверишь ли ты теперь? Пойдешь ли со мной по жизни?

Фея. Ты должен был пройти через соблазны, испытать легкую удачу и увидеть, как идет жизнь в блестящих дворцах.

Сольго. Да, ты права, моя любимая!

Появляются Учитель со старшим братом Сольго Тюремщиком.

Сольго. Брат мой! Позволь мне познакомить тебя с моей избранницей! Они кланяются друг другу.

Меджон. Значит, Журавушка никуда не улетит, а останется хозяйкой в доме Сольго?

Фея. Разве так положено сватать земную девушку?

Сольго. Теперь у меня есть старший брат. Я попрошу Учителя и моего брата стать моими сватами.

Учитель. Мы хорошо проведем сватовство, Сольго, не сомневайся.

Тюремщик. Подождите, дайте моим глазам привыкнуть к этой красоте, а сердцу моему — к великой радости. Народ славит тебя, Сольго! Люди освободили из тюрьмы нас с учителем.

Учитель. Правитель заперся во дворце и боится показываться.

Меджон. Ну все вроде хорошо! Только я, как сиротка, без пары... Учитель! Не сосватаете ли мне эту быстроглазую девушку?

Чхихи. Так ты же мечтаешь о фее Вина! Помнишь? «В яшмовый кубок налей мне вина, чтобы я побывал в раю, где смеются нежные феи!». *(Наливает из сосуда в кубок вино).*

Меджон. Проказница, обманщица, притворщица! Так это ты фея Вина? Как же ты смогла обвести меня, самого хитрого в квартале лавочников?

Чхихи. И фазан бывает слеп.

Меджон. Ай да Чхихи! Такая женушка мне под стать!

Чхихи. И мне такой муж вполне годится!

Учитель. Дети мои! Ваше счастье — мое счастье. Поблагодарим небо за оказанные нам милости!

Звучит песня фей. Все закружились в хороводе.

Много раз по весне
будет цвести персиковый сад,
и белым облаком
будут опускаться сюда журавли.
В Саду белых журавлей
мы обрели свое счастье.
В Саду белых журавлей
пусть цветет весна...

КОНЕЦ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЕИ НА ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ

*Музыкальная сказка о том, чего не было, нет и не будет
(в 2-х действиях, с прологом)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пастух
Младшая фея
Янбан
Шут
Министр
Охотник
Олень
Заяц
Сорока (он)
Мать Пастуха
Старшая фея
Придворные слуги (четверо)
Феи (пестеро)
Гейши (шестеро)

Место действия — ни там и ни сям.

Время действия — тоже непонятно.

ПРОЛОГ

На авансцену выходит Шут в своем традиционном одеянии — клетчатый балахон, штанины различной окраски и колпак на голове.

Шут. Уважаемое высокое собрание! История, которую предстоит мне рассказать вам, необычная. Дело в том, что события эти никогда не происходили — ни в давние времена, ни в будущем, ни в наши дни. И действующих лиц этой истории тоже никогда не было, нет и не будет. Хотя бы потому, что таковых не бывает. К примеру, можете ли вы представить себе янбана, то есть богатого дворянина, разговаривающего со своими коллегами из соседних княжеств по сотовому телефону?

В сопровождении гейш появляется Янбан с сотовым телефоном. Они танцуют вокруг него; он же говорит, точнее, поет в трубку сотового телефона.

Янбан. Как, друзья мои, живете?

Пополняется казна?
Иль худеет в пересчете
От стараний братана?
Но не жалуйтесь, пируйте!
Жизнь такая, так и прет...
Все воруют? Вы воруйте!
И хвалите свой народ!..

Распевая песню, Янбан взбирается на свой трон. Гейши обмахивают его веерами.

Шут. Я абсолютно с вами согласен, что такого янбана не было, нет и не будет. И таких глупостей он никогда не говорил, во всяком случае вслух!.. Или же взять фей! Волшебство этих фей очень просто — они спускаются к нам по крутой радуге, наполняя окрест гармонией и красотой!..

По радуге спускаются на землю феи. Семь красавиц в голубых прозрачных хитонах. Коснувшись земли, они кружатся в плавном танце и поют.

Фей. Есть края в Поднебесье,
Где Любовь, Доброта,
Нету места там мести
И зима там не та!
Треволнений там нет
И печаль — не беда!..
Только б радуги свет
Не погас никогда!
И зимою, и летом,
Весенней порой
Пусть играет на флейте
Пастух молодой!..

Фей исчезают вместе с радугой.

Шут. Вы заметили, фей всего лишь семь? А ведь по легенде положено восемь! Где восьмая?.. Итак, в давние-предавние времена жил-был, а может, его и вовсе не было, один янбан. Владение его было огромным, много мелких, средних и крупных стран могло разместиться на его территории. И были у него слуги придворные...

Появляются четверо слуг и становятся у подножья трона.

И охотник у янбана самый ловкий и удачливый!..

Появляется Охотник, весь увешанный в поясе добычей в виде уток и зайцев. За спиной — лук и колчедан со стрелами.

Были и министры. Но кабинет министров занят экономическими преступлениями, поэтому на прием к янбану обычно приходил старший Министр!..

Появляется старший Министр и отвешивает уважительный поклон Янбану.

Верой и правдой служил он своему хозяину, но и себя не обижал!.. Жили и трудились во владении янбана и другие люди, например, Пастух, влюбленный в одну из фей, младшую...

Играя на флейте веселую мелодию, проходит Пастух в сопровождении Олея, Зайца и Сороки.

А вот мать пастуха...

С воздетыми к небу руками появляется Мать и останавливается возле сына.

Но был и есть у янбана шут, это я!.. Однажды янбан решил избавиться от меня и даже казнить, но Небо указало ему, что этого делать не следует, потому как шут всегда говорит чистую правду. А без нее, без правды, мир придет к печальному финишу, который мы имеем сейчас... Итак, дворец янбана!..

Полный свет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Дворец Янбана. Гейши стоят позади трона и обмахивают веерами владыку. Придворные Слуги, Министр и Охотник стоят у трона.

Янбан. Сегодня я собрал вас для того, чтобы вы растолковали сон, приснившийся мне этой ночью. Того, кто верно разгадает мой сон, я щедро вознагражу!

Министр (подобострастно). Я уверен, что вам приснился прекрасный сон!

Янбан. А приснилось мне, будто стою я на берегу бурной реки, через которую мостом перекинута длиннющее бревно. И предстоит мне перейти по нему эту реку. На середине реки я не удержался на вертящемся бревне и полетел вниз навстречу бурному потоку... К чему мне приснился подобный сон, кто ответит?

Слуга-1. Было это днем или перед заходом солнца?

Слуга-2. Летели вниз головой?

Слуга-3. Что вы чувствовали при этом?

Слуга-4. Долетели до бурного потока?

Янбан. Нет. Я проснулся в холодном поту!

Охотник. Высокочитимый господин наш и учитель! А где же были в это время ваши слуги, которые только и клянутся в верности вам?

Янбан. Действительно, где вы были в это время?

Слуга-1. Было это днем или перед заходом солнца?

Слуга-2. Лучше лететь ногами вниз, потому что их можно излечить с помощью гипса, что никак не сделаешь с головой!

Слуга-3. В полете вы не ощущали боли в животе?

Слуга-4. Были бы мы рядом, мы не допустили бы вашего падения!

Янбан. Вот и я спрашиваю, где вы были, когда я падал?

Слуги-1, 2, 3, 4 (хором). Ваша честь! Мы охраняли казну!

Министр. Ваша честь! Они так охраняют казну, что она худеет не по дням, а по часам.

Слуги-1, 2, 3, 4 (хором). Клевета!

Охотник. Ваша честь! Поскольку речь о казне, разрешите и мне высказать свое мнение?

Янбан. Говори!

Охотник. Кто пополняет казну?.. Я! Я и должен ее охранять!

Шут. Любопытно знать, как пополняется казна и на что она расходуется.

Янбан. Я не давал тебе слова!.. Впрочем, пусть народ узнает, как пополняется казна и на что она расходуется. Говори!

Охотник. Ваша честь! Методы самые обычные, можно сказать, традиционные — налоги с юридических и физических лиц, налоги за импорт и экспорт, взятки за импорт и экспорт, а также налоги за использование воды, земли и воздуха. Особенно за воздух! Слишком свободно стали дышать!

Янбан. А на что расходуется наша казна, приоритеты определены?

Министр. А как же! На умножение богатства и зарплату депутатов.

Янбан. А что с беднотой в нашем государстве?

Министр. С беднотой, Ваша честь, покончено!

Шут. Остались богатые и нищие.

Министр. Ваша честь! Я не потерплю крамольных речей. А посему разрешите применить относительно шута соответствующие санкции?

Янбан. Нет! Санкции можешь применять внизу, у простолодинов, а шут все-таки при дворце. Здесь никого не трогать! А то могут подумать, что не все в порядке в верхних эшелонах!..

Слуги аплодируют и затягивают хором молитву. Гейши танцуют. Янбан наблюдает хоровод, восседая на троне.

Все. Гром ли грянет или хуже,
Горы рухнут в облака...
Мы не слышим, нам не нужен,
Мы не видим бардака!
Волны ринутся в просторы
И сметут все хижинны —
Пусть обиженные стонут,

Мало ли обиженных!
О, Всевышний, помоги
Устранить бедлам!
Чтобы черные враги
Сгнули к чертям!..

Янбан (*прерывая молитву*). Означает ли ваша молитва, что сон мой предвещает процветание моего владения?

Шут. Молитвы читаются перед надвигающейся бедой. Так что близится ваш скорый конец.

Янбан. Повтори, негодник!.. Или я ослыпался?

Шут. Нет, мой господин, вы не ослыпались. Повторяю: если и дальше будете царствовать, как царствовали до сегодняшнего дня, то вас непременно унесет бурным потоком народного возмущения. И тогда все равно, ногой ли коснетесь водоворота или головой.

Министр. Ваша честь! Я настаивал и продолжаю настаивать — избавьтесь от этого проклятого шута. Он первый враг всех реформ и благих намерений вашего добрейшего сердца!

Янбан. Молчать! Не ты подбирал кадры!.. Чую, в моих владениях безобразия творятся. Как же от них избавиться?

Шут. Чтобы не видеть черного, надо избавиться от белого.

Янбан. О чем это ты, паразит?

Охотник. Разрешите мне, ваша честь, объяснить слова этого болтуна.

Янбан. Разрешаю.

Охотник. Он говорит о том, что всему помеха пастух и его друзья, феи разные да животные. Надо избавиться от них. Позвольте это сделать мне?

Министр. Похвально, дорогой! Именно вам, а не кому-нибудь доверил наш господин лук и стрелы!

Охотник. Верой и правдой служу вам, отец вы наш, но бог свидетель — эти зайцы, утки, олени и прочие твари так быстро размножаются, что не успеваю отстреливать! Но самым большим злом является пастух. Сколько стрел я израсходовал на него, все напрасно! Стрелы меняют полет или же не долетают!

Министр. Расставь сети!

Охотник. В них попадается всякая мелочь, но не пастух.

Янбан. Я снимаю тебя с должности главного охотника!

Охотник. И все же разрешите, ваша честь, высказать одну идею, как избавиться от пастуха.

Янбан. Говори.

Охотник. Надо завлечь пастуха во дворец, навалиться всей мощью силовых структур, скрутить и бросить в нашу тюрьму, где, как известно, крепчайшие запоры и замки!

Министр. Но как заманить его сюда?

Охотник. Я так устрою, что он сам придет сюда, клянусь!

Янбан. Я возвращаю тебе должность главного охотника. Действуй!

Охотник. Мое чувство благодарности вам безгранично, мой господин!

Шут. Мой господин! Вы обещали щедрое вознаграждение тому, кто верно растолкует ваш сон. (*Протягивает руку*). Я жду.

Явбан. Но ты предрек мне скорый конец! *(Дает хорошего пинка).*

Шут кубарем катится по земле. Придворные хохочут. Свет медленно гаснет, высвечивается лишь авансцена. Поглаживая ушибленное место, прихрамывая, выходит на авансцену Шут..

Шут. Что за е-ка-лэ-мэ-нэ,
Это дождь или град?
Вместо парочки монет
Мне пинка под зад!
Лишь одно успокоение —
Хромота пройдет.
Ну, а собственное мнение —
Грех и недочет.
Каюсь — грешен перед вами,
Не найти мне равного.
Кто хромает головами,
Кто хромает на ногу.
Не судите меня строго,
Больно мне, а вам смешно,
Но у нас одно дорога —
И смеяться не грешно!..

Свет гаснет.

Картина вторая

Поляна альпийского луга. Вдали виднеются вершины Алмазных гор, водопады и фонтаны брызг. И над всем этим — разноцветная радуга.

Пастух играет на флейте светлую мелодию.

По крутизне радуги спускаются на землю семь фей. Они танцуют под музыку флейты.

Пастух прерывает игру.

Пастух. Милые феи! Уж который раз являетесь ко мне, радуя душу и глаза! Но вас должно быть по легенде восемь, где же еще одна?

Старшая фея. Ты прав, добрый юноша! Есть у нас восьмая фея, самая младшая. Но она стесняется показаться на людях.

Пастух. Отчего же? Вы все так прекрасны и удивительны!..

Старшая фея. Хорошо... Мы расскажем тебе про нашу сестричку. Только играй на флейте. По звучанию ее мы разгадаем — понравилась она тебе или нет. А замолкнет флейта раньше, значит, сестричка наша вовсе тебе не по душе...

Пастух подносит флейту к губам — возникает дивная музыка. Феи складывают крылышки в сторонке, начинают танец. В сопровождении волшебной музыки речетативом звучит рассказ Старшей феи.

Родилась она в тот самый миг, когда первые лучи солнца коснулись вершин Алмазных гор. Оттого она лицом красна и статью совершенна!.. Но вдруг горы вздыбились, засверкали молнии, грянул гром, и воды грязным потоком залили равнины, сметая на пути бедняцкие хижинки. От горя лицо нашей сестрички застыло в плаче и с тех пор она не знает улыбки. Вот она и стесняется показаться на людях, но всегда расспрашивает о тебе!.. Я закончила рассказ, а ты продолжаешь играть, юноша?

Пастух опускает флейту, но мелодия не прерывается.

Пастух. Красна сестричка ваша не только лицом и статью, но и душою, преисполненной бесконечной любовью и состраданием к несчастным людям, чьи хижинки смело бурным потоком грязи. О, как хочу я видеть вашу младшую фею!

Старшая фея. Добрый юноша! Она явится сюда, если услышит мелодию, рожденную твоей душой.

Пастух. Я чувствую ее, эту мелодию, она рождается во мне, вот она!..

Пастух подносит к губам флейту — возникает самая прекрасная в мире музыка. По крутой дуге разноцветной радуги спускается она, Младшая фея. Сложив два своих крылышка рядом с другими, она приближается к Пастуху. По мере того, как она поднимает голову, с лица ее исчезает горечь страданий, оно светится улыбкой. Сестры-феи кружат хоровод, вовлекая в него влюбленных.

Вдруг появляются запылавшиеся Олень и Заяц.

Олень (Пастуху). Добрый друг и повелитель! Нас выследил Охотник со своими собаками и по их разговору мы поняли, что они охотятся за тобой. Вот мы и прискакали предупредить тебя. Бежим скорее отсюда!

Заяц (феям). Милые феи! Берите свои крылышки и улетайте прочь!

Феи улетают. Олень и Заяц хватают Пастуха и вместе исчезают.

Появляется Охотник. В руках — пара крылышек.

Охотник. Вот это удача! Уж одну-то фею я все-таки поймаю, никуда она без крылышек не улетит!

Меняется свет, окрашивая горы и водопады в серый цвет. Радуга гаснет, оставив Младшую фею на опушке. Вид ее полон печали.

А-га, вот и она! (Поддевая пальцем подбородок феи). Покажи-ка свое личико. Да-а-а... Действительно красота неописуемая! И получу я за тебя от янбана достойную награду!

Младшая фея. Отпустите меня, храбрый охотник...

Охотник. Отпустить? Смеешься что ли?.. Я столько ночей не спал и собак загонял, а ты «отпусти»?

Младшая фея. Верните мне крылья, храбрый охотник...

Охотник. Еще чего!.. Впрочем, не ты мне нужна, мне нужен твой пастух!
И поэтому я беру тебя в плен, как теперь говорят, в заложники! (*Обвязывает
фею в поясе волосьяным арканом.*)

*Свет медленно гаснет. На авансцене — Младшая фея. Возникает мелодия
отчаяния.*

Младшая фея.

Ты прости меня, прости,
Добрый мой Пастух —
По моей вине настит
Тебя вражий дух.
Я гадала, я мечтала
Свидеться с тобой
И весенним снегом талым,
В холод или зной.
Но душа, полна разлуки,
Не примчит к тебе —
Нету крыльев, только руки,
Покорюсь судьбе.
Не печалось все же боле,
Счастлива я тем,
Что находишься на воле
И встречаешь день.
Поиграй же на рассвете,
Добрый мой Пастух!
Пусть услышит твоя флейта
Сердца перестук!..

Свет гаснет.

Картина третья

*Пир во дворце Янбана. Столы ломаются от яств. Бьют барабаны, словно
перекаты грома, ухают медные тазы, звенят серебристые тарелочки. Затем
вся это музыка стихает.*

Министр (*читает Указ*). По высочайшему указу нашего учителя, уважае-
мого янбана, день сегодняшний объявляется государственным праздником,
потому что в этот день родился сам уважаемый янбан!..

Все аплодируют, испытывая благоговение.

Слуги и господа, министры всех рангов, труженики и лентяи — все должны
сегодня отдыхать, пить и есть досыта, угощать друг друга тем, что есть на
столах и чего нет в помине!..

Все (*хором*). Будем пить и есть досыта!

Министр. Простолюдины кланяются хозяевам, а хозяева принимают подношения! Праздник продолжается!..

Слуга-1. Так будет всегда, до и после захода солнца!

Слуга-2. Не перепутать бы в суматохе — головой соображать или ногами кренделя выписывать!

Слуга-3. Никогда я не чувствовал разницу между вашими ногами и вашей головой!

Слуга-4. Эх, дожить бы до старости, а потом уж обрести бессмертье!

Министр. Ну и противный же вы народ, слуги придворные! Как вас терпит наш господин?

Слуга-1. Эй, полегче в выражениях, ты министр, а не шут!

Министр. Ничего, я доберусь до вас!

Слуга-2. Не получится! Как-никак мы постоянно рядом с нашим высокочтимым янбаном!

Министр. Интриганы проклятые!

Слуга-3. Возьмем да и шепнем хозяину, что ты никудышный министр и в твоём министерстве процветают коррупция и взяточничество!

Министр. А где они не процветают? Они родились в природе раньше нас с вами, а законам природы нельзя противиться!

Шут. Главное — вовремя передать эстафетную палочку, отец сыну и далее без остановок.

Министр. А как же!

Янбав. Прекратите! Что подумают люди про нас?.. Где главный охотник, он обещал поймать пастуха, от которого все зло исходит?

Пританцовывая и пьяно шатаясь, появляется Охотник. В руке он держит конец волосяного аркана.

Министр. Что за манеры, главный охотник? Вы не в кабаке, а во дворце уважаемого янбана!

Охотник. Мой господин! Скоро во владении вашем установится порядок и прекратятся всякие безобразия! *(Тянет аркан, ко второму концу которого привязана в пояс младшая фея).*

Янбав *(возмущенно).* Ты обещал мне привести и бросить в тюрьму пастуха! А что мы видим — это же девушка. Я лишаю тебя должности главного охотника!

Охотник. Не гневайтесь на меня, мой господин, я помню свою клятву. А это действительно девушка, но непростая. Она фея и, как вы убедились, прекрасна собой...

Янбав. Где пастух?!

Охотник. Он безумно влюблен в нашу красавицу, так что скоро примчит сюда как миленький!

Янбав. Ты уверен?

Охотник. Век свободы не видать! Дело в том, что душа у пастуха никуда не годится, жалостливая, добрая и благородная. И она обязательно подскажет ему, где искать свою избранницу. А мы его тут хватать за ручки и в тюрьму, где стальные замки и запоры...

Янбав. Я возвращаю тебе должность главного охотника!

Охотник. Мое чувство благодарности к вам безгранично, мой господин! И очень прошу, прикажите министру, пусть мобилизует свои силовые структуры.

Явбан. Ты готов, министр?

Министр. А как же! Вот наручники. *(Извлекает из-за пазухи и показывает наручники).*

Явбан. Отлично. Отныне ты старший министр!

Министр. Но я и так старший министр, мой господин! Вы дали мне старшего, когда я приснился вам с дорогими подарками.

Явбан. Подарки во сне в счет не идут!.

Министр. Я это понял и утром пришел наяву! С теми же подарками, которые вы видели во сне...

Явбан. Дарю тебе должность первого министра!

Министр. Наконец-то! *(Опомнившись).* Мое чувство благодарности к вам безгранично!

Охотник *(заключая новоиспеченного главного министра в объятия).* Коллега! Теперь мы оба главные — я главный охотник, ты премьер-министр. Надо бы sprysnut' по такому замечательному случаю, а?

Явбан *(Охотнику).* Так где же пастух?!

Охотник. Он скоро объявится, клянусь честью главного охотника!

Явбан спускается с трона и, не в силах скрыть своего восхищения красотой Младшей феи, приближается к ней.

Министр. Что с вами, господин мой? Вы стали неровно дышать. Неужели эта красавица так взволновала вас?

Явбан презрительно оглядывается на него.

Все, все, все, я понял. Вы абсолютно правы — красота должна служить власти. Вы хотите, чтобы фея стала вашей старшей гейшей!

Слуги-1, 2, 3, 4 *(хором).* Красота должна служить власти!

Министр. Переодеть фею подобающим образом!

Слуги-1, 2, 3, 4 *(хором).* Фея станет гейшей!

Гейши уводят Младшую фею.

Министр. Вот за что мы любим вас, наш повелитель, и готовы служить до конца ваших дней...

Явбан. Не моих, а ваших!

Министр. Я и говорю, ваших, то есть наших...

Шут. Запутался бедняга. Ваших, наших, скоро всем вам придет каюк.

Явбан. Не дождетесь, я избран на все сроки. И с любым из вас могу расправиться в любой час!

Шут. Э, нет... С кем угодно, но не с подхалимами и лъстцами!

Министр *(Явбану).* Мой господин. Я не перестаю восхищаться вашим умом! У вас отменный вкус. Это гениально — превратить фею в гейшу!

Выводят Младшую фею в наряде гейши.

(Младшей фее). А ну, покажись! Не понравилась нашему повелителю, не миновать петли на шею. Музыка!

Грянула музыка. Гейши начинают танцевать. Младшая фея застыла в неподвижной позе, она смущена своим новым нарядом.

К ней подходит Шут, что-то шепчет, уговаривает. Она включается в танец. Темп убыстряется. Она прыгает, кружится по дворцовой площади, ускоряя темп.

Гейши одна за другой выбиваются из сил, падают.

Шут подходит к Янбану и что-то шепчет на ухо. Тот поднимает руку. Музыка и танец обрываются.

Шут (Янбану). Мой повелитель, что вы делаете? Дай вам волю, вы всех превратите в гейш. А придут иностранцы заморские, что вы им покажете, гейш? У них у самих сколько хочешь!

Янбан. Что ты хочешь этим сказать, говори прямо!

Шут. Хоть прямо, хоть криво, ясно одно — вы должны сохранить в первозданности фею-красавицу. Пусть будет во дворце хоть одно светлое пятно...

Министр. Крамола!

Шут. Новоиспеченный премьер-министр обнаружил в вас отменный вкус, мой хозяин. Конечно, он погорячился! Потому что, превратив прекрасную фею в обыкновенную гейшу, вы, мой господин, доказали обратное, у вас дурной вкус! Но есть шанс исправиться.

Янбан. Каким образом?

Шут. Пусть эта вульгарная гейша вновь обратится в красавицу-фею.

Янбан. Переодеть ее!

Гейши бросаются к Младшей фее.

Министр. Нельзя этого делать, мой господин!

Янбан. Я лишаю тебя должности главного министра!

Министр. Вы самый умный повелитель! Как это я сразу не сообразил — ведь, если этот смутьян-пастух узнает, что во дворце нет красавицы-феи, он не зайвится сюда, вы гений, мой повелитель!

Янбан. Я возвращаю тебе должность главного министра.

Министр. Мои чувства благодарности не имеют границ!

Гейши уводят Младшую фею.

Появляется Мать пастуха. Подойдя к янбанскому трону, она опускается на колени и воздевает кверху трясущиеся руки.

Мать. О, хозяин могущественного владения! Я мать пастуха. Мой сын, измученный страданиями от любви к своей прекрасной избраннице-фее, бродит в беспмятстве по лесам и горам! Если вам нужна его жизнь, заберите

мою! В материнской жизни заключена жизнь многих сынов и дочерей. И на весах справедливости она перевешивает жизнь любого из своих детей...

Министр. Не слушайте ее, мой господин! Разрешите прогнать ее!

Охотник. Ни в коем случае! Это же двойная удача — и мать, и фея в наших руках. Теперь пастух непременно приползет сюда! А моему коллеге, первому министру, представится случай испытать мощь силовых структур — надеть на него наручники!

Министр защелкивает наручники на запястьях Матери и Младшей феи и уводит их, оставляя на земле волосяной аркан.

Мой господин! Пока богохульник-пастух мечется по просторам вашего владения в поисках своей горемычной матери и красавицы-феи, разрешите мне сказать тост в честь вашего здоровья?

Янбая. Разрешаю.

Охотник. Будьте владыкой ваших земель навечно — и во второй срок, и в третий, и в десятый!

Шут. Пока не коснетесь головой бурного потока людского гнева.

Охотник. Чтоб ты содох, проклятый шут! *(Выпивает).*

И снова хоровод слуг и гейш кружится у подножья трона, на котором величественно восседает Янбая.

Появляется измученный Пастух. Он видит волосяной аркан, поднимает его с земли, прижимает к груди и тревожно бросает взгляды по сторонам.

Пастух *(к Янбану).* Где моя мать и любовь моя — фея? Не отпирайтесь, вы пленили их!.. Отпустите их, умоляю! Я пришел, делайте со мной что хотите, только не томите в неволе мою мать и фею!..

Охотник моментально выхватывает волосяной аркан из рук Пастуха и обвязывает его в пояс. Другой конец аркана бросает слугам, те намертво цепляются в него.

Янбая *(Пастуху).* Скажи-ка мне, наглец, это правда, что ты сеешь смуту и творишь безобразия в моем владении? Тому свидетели мой главный охотник и первый министр, шут подтвердит справедливость моих слов.

Шут. Источник света не причем, когда тени кривые.

Охотник. Опять мозги парить?! Терпение мое вот-вот лопнет!

Янбая *(Пастуху).* Молчишь, не хочешь отвечать?

Пастух. В чем провинился я перед вами, уважаемый учитель? Никакой смуты я не сею и безобразий тоже не творю. Я обыкновенный пастух. У меня есть друзья — олени, зайцы, утки и другие птицы. Они любят слушать, когда я играю на флейте. И феи слушают мою флейту...

Охотник. Вот, вот, мой повелитель! От этих фей и пастуха исходит свет и кривые тени по земле ползут. Кто им разрешил?!

Шут. Источник света не причем, когда тени кривые.

Охотник. Опять!

Янбав. Мне все ясно. Министр!

Никто не отвечает.

Министр! Позвать сюда министра!..

Появляется первый Министр.

Министр. Кабинет министров на заседании...

Янбав. А ты что, не министр?

Министр. Я премьер-министр. Часом назад ваша честь лично пожаловала мне это высокое звание.

Янбав. Ну, хорошо, премьер-министр!

Министр. Есть!

Янбав (*указывая на Пастуха*). Арестовать и казнить!

Министр с опаской подходит к Пастуху и защелкивает на его запястьях наручники.

(*Пастуху*). Даю тебе предсмертное слово, говори!

Слуги-1, 2, 3, 4 (*хором*). Предсмертное слово! Предсмертное слово! Предсмертное слово!

Свет медленно гаснет. Высвечивается лишь авансцена, на которую выходит Пастух.

Пастух. Вы простите меня, моя мама!

Много страданий я вам причинил...

Пел я беспечно, не чувствуя раны

В сердце в вашем, я жил, не тужил...

Фея моя, мечта моих грез!

Я — причина твоих неоправданных слез,

Но, клянусь, и в жару, и в студёный мороз

Будем вместе всегда, но только не врозь!..

И волшебная флейта моя не умолкнет,

Я сыграю на ней чуть проглянет заря!

Только вот незадача — в болоте промокла,

А потом я и вовсе ее потерял...

Но сыновнее сердце мое не отступит,

Силы утроит и цепи разрубит!

Я без вас не живу, безысходно немею,

Мама моя и любовь моя, фея!..

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Поляна альпийского луга у подножья Алмазных гор. На обрубке повалившегося дерева сидят Олень и Заяц и горько плачут.

Олень. О, горе! Нет с нами нашего брата и друга Пастуха!

Заяц. ...нашего брата и друга Пастуха!

Олень. И не слышим мы больше его волшебной флейты!

Заяц. ...его волшебной флейты!

Олень. Все братья лесные в печали горькие слезы льют!

Заяц. ...горькие слезы льют!

Олень. Солнце скрылось в облаках, стало темно кругом!

Заяц. ...стало темно кругом!

Олень. А в лесах и в ущельях ветер гуляет и птицы молчат!

Заяц. ...птицы молчат!

Олень. Что же делать, как нам быть?

Заяц. Чем нам горю пособить?

На поляну вышагивает Сорока.

Сорока. О чем причитаете, бескрылые?

Заяц. Разве ты не знаешь, что уже несколько дней нет с нами нашего брата и друга Пастуха, и не звучит его волшебная флейта?

Лес наполнился шумом ветров, а не дивной музыки...

Олень. Какое дело Сороке до музыки? Летает себе с ветки на ветку и думает только о червях да гусеницах, О, горе!

Сорока. Горе, горе, горе!.. Вот смотрю я на вас и удивляюсь. Вроде голова на месте и размером побольше моей. А у некоторых даже с рогами? Зачем они, рога-то? Даже эти глупые люди, когда у них вырастают рога, такой скандал-мандал устраивают, что в их разборки вмешиваются адвокаты и судьи!.. Вот скажи мне, Олень, зачем тебе нелепые рога? Можно подумать, что это твои антенны. Но тогда в каком искривленном виде ты получаешь информацию!

Олень. Оставь нас в покое, не до тебя сейчас. Мы потеряли друга. Как мы теперь без Пастуха?

Заяц. ...как мы теперь без Пастуха?

Сорока. Ах да, я и забыл, что вам, четвероногим, обязательно нужен пастух. Ну, никак не можете обойтись без него! А все почему? Потому что у вас лишняя пара ног и вы не знаете, как управлять ими. Однозначно! То ли дело две ноги, поджал и полетел куда захотел!

Олень. Летел бы ты, Сорока, куда подальше, а?

Заяц. ...куда подальше!

Сорока. Пожалуйста! *(Улетает).*

Олень. О, небо! Скажи нам, где сейчас наш друг пастух, какая беда с ним приключилась?

Заяц. ...какая беда с ним приключилась?

Возвращается Сорока.

Сорока. Эй, рогатый, куда это я полетел?

Олень. Куда послал, туда и полетел.

Сорока. А куда это ты меня послал?

Заяц. Куда подальше!

Олень. Полетай еще и не мешай нам думать.

Заяц. Не мешай, тебе говорят!

Сорока. Зря вы меня гоните. У меня хоть и нет компьютера, спонсоры только обещают, но информация имеется полная.

Олень. И какая же у тебя информация?

Сорока. А что тебя интересует?

Олень. Мы хотим знать, где наш Пастух.

Сорока. Это проще простого. Спроси что-нибудь посложнее.

Олень. Что может быть для нас важнее вести о нашем друге?

Сорока. Например, где его флейта волшебная?

Олень. Разве он расстался с ней?

Сорока. Вот она! *(Торжественно достает флейту из-под крыла и поднимает вверх).*

Олень и Заяц *(вместе)*. Флейта нашего Пастуха!

Сорока. Ваш друг, растяпа, потерял ее на болоте, которое чуть не затянуло его самого в свои вонючие топи. Пришлось вытащить его на сухое место, а флейту забрать.

Заяц. Молодец, Сорока!

Сорока. Информация номер два! Ваш друг сейчас находится в застенках тюрьмы янбана. И, кажется, приговорен к смерти... Информация печальная, но я не могу умолчать. Привычка.

Олень. Приговорен к смерти? За что?

Сорока. Господам не нравится, когда кто-то волшебным образом играет на флейте.

Олень. Наш Пастух может играть только волшебным образом!

Сорока. Ну и глупо! Сфальшивил бы слегка, загорал бы сейчас на лужайке, чай с лимоном пил, все так делают... Информация номер три. Заполучив вашего друга, придворные вытолкнули мать Пастуха и фею за ворота, и теперь они идут сюда. Встречайте!

Появляются убитые горем Мать и Младшая фея. Друзья бросаются навстречу и усаживают их на повалившееся дерево.

Заяц. Фея! Надо спасти нашего друга Пастуха! Сорока говорит, что он в тюрьме и приговорен к смерти!.. *(Плачет навзрыд).*

Сорока. Я сказал «кажется, приговорен»...

Заяц. Да замолчи ты, Сорока! Лучше посоветуй, что нам делать, как нам быть, чем нам горю пособить?

Сорока. Ты смотри, какой он парень, запросто стихами шпарит!

Младшая фея. Спасти Пастуха смогут только мои сестры-феи...

Олень. Ну, так позови их скорее!

Младшая фея. Они прилетят, когда усльшат флейту Пастуха. А он потерял ее...

Олень. Флейта у нас, ее нашли на болоте!

Сорока. Немаловажный фактор — флейту нашел я. Однозначно! *(Вручает флейту Оленю).*

Заяц. Сыграй же, Олень!

Олень пытается извлечь из флейты звуки, но слышны лишь хрипы да свист.

Сорока. О, боже! Четыре ноги с рогами! Каких только музыкантов не развелось, ни слуха, ни голоса. Рогатый, прекрати немедленно!

Младшая фея. Флейта зазвучит только у Пастуха!

Заяц. Надо немедленно передать флейту Пастуху! Это сделаю я!

Сорока. Остановись, хвастунишка! По имеющейся информации зайцы непомерно трусливы и при виде охотника их сердце убегает в пятки, а во дворце есть охотник, и не просто охотник, а главный охотник!

Олень. Поручите это мне!

Сорока. А ты со своими никчемными рогами застрянешь в дверных косяках янбанского дворца. Известно, что подобные случаи нередко наблюдаются у людей, когда они за полночь возвращаются к своим женам!

Младшая фея. Красивая птица! У тебя доброе сердце и я верю, что ты сможешь доставить флейту нашему Пастуху! И он будет спасен!

Сорока. О, волшебница фея! Еще никто так славно и точно не называл меня. Что только не говорят про меня — и скандалист я, и сплетник. Между тем, никакой я не скандалист и не сплетник. Я лишь собираю информацию и разношу ее по горам и долам. Пользуйтесь! В наше время информация это все! А когда спонсоры подарят мне давно обещанный компьютер...

Заяц. Тебя о чем просят, причем тут спонсоры да компьютеры?!

Сорока. Превеликое спасибо, добрая фея! Я обязательно выполню твою просьбу и доставлю флейту твоему избраннику. Однозначно! *(Выхватывает флейту у Оленя и улетает).*

Свет гаснет.

Картина пятая

Дворец Янбана. Праздник в честь его дня рождения продолжается. Звучит музыка в ритме рок-н-рола. В танце под нее появляются четверо придворных Слуги и поют.

Слуги-1, 2, 3, 4. Сколько лет, сколько зим
Служим господину,
И бесшумно скользим
Мы по залам длинным!
Господину янбану

Ничего не надо...
Доставлять приятное
Мы стараться рады!
День рождения господ —
Праздник государственный!
Заболест, не дай бог,
Отпоим лекарствами!
Господину янбану
Ничего не надо...
Доставлять приятное
Мы стараться рады!
Ни в Сеуле, ни в Париже
Нет такого янбана...
Может, где-нибудь поближе?
Поищите, граждане!
Господину янбану
Ничего не надо...
Доставлять приятное
Мы стараться рады!

Танцую вместе с гейшами, появляется сам Янбан и взбирается на трон. Следом выходят Министр и Охотник. Шут хлопает в ладоши, требуя тишины.

Шут. Уважаемые и не! Заслуженные и не! Главные и не! Сегодня последний день торжества в честь дня рождения нашего благочестивого и не... янбана! Да будет вам известно — пока вы тут пели, танцевали и транжирили казну, господин ваш объехал все уголки своего владения и узнал много приятного и не, увидел людей богатых и не, первые жаловались на свою трудную судьбу, а вторые не, потому что толку нет и не будет жаловаться на первых! От всего услышанного и увиденного у янбана испортилось настроение, потому что никак и ничем невозможно исправить положение, пусть оно катится, как катилось, и господин янбан поспешил к вам, родным подхалимам, зная, что вы не подведете и доставите ему приятное! Начинайте, кто первый?

Первыми выбегают гейши.

Назад, вертлехвостики! Ваш трудовой день еще не начался да и господин ваш непомерно устал после ночи с вами!

Слуга-1. Мой господин! Чтобы не мучило вас услышанное и увиденное в нелегкой поездке по стране, настоятельно советую заказать молочную ванну, принять стопочку и заснуть сном безвинного младенца, помогает!

Слуга-2. Мой господин! Чтобы вас не мучило услышанное и увиденное в нелегкой поездке по стране, настоятельно советую заглянуть в школьный дневник вашего благородного отпрыска — вы обнаружите там пятерки, пятерки и еще раз пятерки, я подправил все отметки и потратил на это целые сутки!

Слуга-3. Мой господин! Да приснится вам сон, в котором вы совершаете беспосадочный перелет через бурную реку и делаете мягкую посадку на том берегу прямо в объятия преданных вам слуг!

Слуга-4. Мой господин! Я хочу, чтобы вы счастливо дожили до старости, а потом вместе с нами обрели бессмертье!

Министр. Ну и противный же народ, эти слуги!

Слуга-1 (*Янбану на ухо*). А Министр взяточник.

Слуга-2 (*Янбану на ухо*). А Министр ворует больше других.

Слуга-3 (*Янбану на ухо*). Родственников пристраивает.

Слуга-4 (*Янбану на ухо*). А про вас такое говорит!

Министр. Клевета! Я на вас в суд подам!

Слуги-1, 2, 3, 4 (*хором*). А судьи кто?

Министр. Я сам судья и прокурор! Мой господин самолично назначил меня, вот так!

Янбан. Лишаю тебя мантии судьи и прокурора!

Министр. Опомнитесь, мой повелитель! Другой до вас доберется!

Янбан (*оборачиваясь к Шуту*). Доберется?

Шут. Доберется, если он не слепоглухонемой.

Янбан (*Министру*). Возвращаю тебе мантию судьи и прокурора!

Министр. Мои чувства благодарности к вам не знают границ! И в знак признательности и преданности, разрешите сделать вам по-настоящему приятное?

Янбан. Разрешаю сделать мне приятное!

Министр. Ваше сиятельство! Вы обладаете прекрасным качеством радоваться, когда получаете на свои вопросы исчерпывающие положительные ответы. Так что, повелитель мой, задавайте любые вопросы, касающиеся вашего могущественного владения!

Янбан (*подумав*). Как с реформами, продвигаются?

Министр. А как же! Благодаря им жизнь улучшается!

Слуги-1, 2, 3, 4 (*хором*). Все стали богатыми!

Шут. Кроме бедных.

Янбан. А как с культурой, поддерживаете?

Министр. А как же! Недавно прошел день культуры, все было очень культурно!

Янбан. А как обстоят дела со средствами массовой информации, свобода слова соблюдается?

Министр. А как же! Журналисты критикуют нас направо и налево, проходу не дают. Пользуются тем, что отменили цензуру.

Янбан. Ввести цензуру!

Министр. Никак нельзя, мой повелитель.

Янбан. Почему? Кто тут хозяин в конце концов?

Министр. Введем цензуру — не будем знать кто о чем думает. А мы должны знать.

Янбан. Отменить цензуру. Но следить!

Министр. А как же!

Шут. Эх, министр! Хоть ты и первый министр и стараешься всюю, а настроение у янбана не поднимается. Плохи твои дела.

Слуги-1, 2, 3, 4 (*хором*). Мы же говорили, министр некудышный!
Министр. Мой господин, поверьте! Дела во владении идут прекрасно и пойдут все лучше и лучше, даю вам слова премьер-министра!

Янбан. Поглядим... А кто же действительно сделает мне приятное?

Охотник. Я, мой господин!

Янбан. Попробуй.

Охотник. Велите вашему первому министру привести сюда проклятого пастуха и я расправлюсь с ним в один миг, прямо на ваших глазах!

Янбан. Разве пастух еще не казнен?

Охотник. Нет, мой господин. В честь вашего дня рождения все государственные дела отложены.

Министр. Так вот отчего мне не удалось поднять настроение нашего господина, пастух еще жив! Разрешите, мой повелитель, привести сюда этого преступника?

Янбан. Разрешаю.

Министр энергичными шагами удаляется.

Охотник. Мой господин! У вас храброе сердце, это всем известно. Но оно может переполниться жалостью при виде моих решительных действий над пастухом, и в этом будут повинны ваши нежные гейши, на глазах которых появится слезы. Убедительнейшим образом прошу — пусть они уйдут в ваши покои и не травмируют вас своей жалостливостью...

Янбан (*оборачиваясь к Шуту*). Ты понял что-нибудь?

Шут. Он просит отослать гейш, чтобы вы не разрыдались вместе с ними при виде казни пастуха.

Янбан (*гейшам*). Ждите меня в моих покоях!

Гейши нехотя уходят. Появляется Министр со связанным Пастухом.

(*Охотнику*). Покажи, на что способен!

Шут. Хозяин! Время такое и жизнь такая, каждый думает только о себе. Вы наслаждаетесь властью, а ваш главный охотник хочет продемонстрировать свою жалкую храбрость и доставить вам несколько приятных минут...

Янбан. Короче.

Шут. Казнь Пастуха не сулит вам ничего хорошего. И если она состоится столь диким образом, без суда и следствия, то вам каюк, ваш день рождения будет последним в вашей и без того бледной биографии, и лично мне будет некому говорить чистую правду.

Янбан. А-га-а, наконец-то сознался, что не можешь обойтись без меня!

Шут. Чтобы сорвать плод истины с древа мудрости, приходится порой становиться на пень.

Янбан. Переведи на человеческий язык.

Шут (*уклоняясь от ответа*). Охотник не готов расправиться с Пастухом...

Охотник. Я не готов?!

Шут. Он нервничает, у него есть проблемы.

Янбан. Главный охотник, какие у тебя проблемы, почему ты нервничаешь?

Охотник. Никаких проблем, господин мой! Разве что вчерашний случай...

Янбан. А что вчера случилось?

Охотник. К вашему праздничному столу пришлось подстрелить стаю жирных уток. А чмыри из соседнего владения наехали на моих братков, мол, не имеете прав стрелять уток, поскольку они летели с их стороны. Если еще раз случится подобное, то не видать вам, то есть нам света, белого, крыша у них конкретная, не в пример вашему, то есть нашему. Это они про вас так зубоскалили, но я с этим натурально не согласен, вы крыша что надо!

Янбан (багровея). Разберемся конкретно! (Достает из-за пояса сотовый телефон, набирает номер). Ало!.. Это ты, Саксаул?.. Да, да, это я, Дуб! Послушай, в чем дело в натуре? Не надо косить дурачка! Утки летают со всех сторон, и любой имеет права стрелять, усек?.. Надо жить по понятиям. Конкретно — пусть твои не наезжают на моих, а то я заеду к тебе и будет в натуре не очень весело, все!

Слуги-1, 2, 3, 4 (хором). Да здравствует наш великий повелитель!

Шут. И все-таки, хозяин, главный охотник неважнецкий работник. Если каждый раз он будет звать на помощь крышпу, то есть, вас, то когда же вам заниматься делами государственного масштаба? Вон у него до сих пор трясутся руки от страха.

Охотник. Неправда! Не трясутся мои руки, я могу попасть в любую движущуюся мишень, только прикажите!

Слуга-1. Мой господин! Велите главному охотнику подстрелить вон ту птицу, она уже целый час кружит над дворцом, того и гляди, осквернит дворцовый мрамор!

Слуга-2. Если не попадет, велите отобрать лук и стрелы!

Слуга-3. Если не попадет в птицу, попадет ему самому!

Слуга-4. Помогите ему натянуть тетиву!

Охотник целится в птицу.

Янбан (Шуту). Что за птица, кто разрешил ей летать над моим дворцом?

Шут. Это сорока, хозяин. Если главный охотник подстрелит ее, то ваша судьба будет решена и вряд ли вы сможете что-либо изменить.

Янбан (Охотнику). Не стрелять!

Шут. Но если промажет, то можете на что-нибудь надеяться...

Янбан (Охотнику). Стрелять мимо!

Охотник стреляет. Под нарастающий бой барабанов Сорока летит по небосклону и падает на землю, кубарем подкатываясь к ногам Янбана. Тот в испуге поднимает руки.

(Кричит). Обыскать эту тварь!

Министр подбегает, обыскивает и находит у Сороки флейту.

Янбан. Бомба? Террорист!?

Шут. Это флейта, хозяин. Волшебная. Она может творить чудеса, если заиграть на ней.

Янбан. Какие чудеса?

Шут. Неслыханные и невиданные.

Янбан (*Министру*). Играй!

Министр подносит к губам флейту и начинает дуть в нее. Блики молнии и раскаты грома ослепляют и оглушают всех. В ужасе люди прикрываются руками. По стенам ползут кривые тени.

Янбан (*давая пинка Шуту*). Мерзавец! Какие же это чудеса?!

Шут (*одной рукой потирая уши, другой зажимая нос*). Коню следует давать овес, а не флейту! Он так раздулся, что испортил воздух. Велите прекратить, а то задохнемся!

Янбан. Прекратить!

Министр перестает дуть.

Разбить, казнить, уничтожить флейту!

Шут. Чего гневаться, хозяин? Дайте поиграть на этой флейте Пастуху. Его игра доставит вам истинное удовольствие и вы ощутите много приятного! Настолько приятного, что все покажется вам трън-трава...

Янбан (*недоверчиво*). Поди, опять что-нибудь затеял?

Шут. Не хотите получить кайф, не надо.

Янбан (*подумав*). Отдайте пастуху, пусть подует!

Министр отдает флейту Пастуху. Тот начинает играть. Медленно возникает радуга и по ней спускаются во дворец феи и кружат хоровод. Все завороженно смотрят на них, затем, будто в полусне, следуют за ними в плавном танце...

Сорока, оценив ситуацию, убегает и возвращается с двумя крылышками, спрятанными Охотником.

Сорока. А вот и крылышки Младшей феи, надо их вернуть ей!

Придворные продолжают сомнамбулический танец. Наконец феи улетают.

Исчезает Сорока с крылышками.

Уходит и Пастух, играя на флейте.

Радуга гаснет.

Придворные в изнеможении валяются на землю.

Усталый, но испытывая бесконечную негу, Янбан взбирается на трон, достает сотовый телефон, набирает номер.

Янбан (*в трубку*). Послушай, братан, я поймал такой кайф, что не могу даже долго разговаривать с тобой... О'кей, в натуре!..

Картина шестая

Поляна на альпийском лугу у подножья Алмазных гор. Обрубок повалившегося дерева.

Появляется Сорока, держа подмышками два крыла.

Сорока. Эй, звери лесные, глупые и беспомощные! Скорее ко мне, есть информация!

Торопятся и выходят на поляну Олень и Заяц.

Олень. Мы глупые?

Заяц. Мы не глупые, мы беспомощные!

Сорока. Оттого и беспомощные, что глупые. А глупость от отсутствия информации. Слушайте сюда!

Олень. Флейту передал нашему другу?

Заяц. ...передал нашему другу?

Сорока. Ушастый, позови мать и фею. Я принес ей крылышки, так что она может спокойно улететь!

Заяц убегает.

Олень. Что с нашим другом, говори же скорее!

Сорока. Он на свободе и движется сюда через густые леса и болота, крутыми горными тропами.

Олень (*заклячая Сороку в объятия*). Ура-а-а!

Сорока. Что за нежности!

Появляются Заяц, Мать и Младшая фея.

Олень (*торопясь навстречу*). Наш друг на свободе!

Сорока. Да. Ваш сын и твой бойфренд, красавица, свободен и вот-вот объявится.

Заяц (*давая пинка Сороке*). Какой бойфренд, они любят друг друга!

Сорока. Стало быть, предстоит разлука. (*Вручает Младшей фее ее крылышки*). Пока твои сестры-волшебницы охмурали... (*Получает пинка от Заяца*). ...то есть, кружили в танце придворных, мне удалось проникнуть в их хоромы и прихватить на всякий случай твои крылышки. Сестры твои полетели домой. Пастух заиграет, радуга появится — пожалуйста, ты тоже можешь улететь.

Мать. А как тебе удалось попасть во дворец?

Сорока. Информация проста и вряд ли достойна внимания. Скажу лишь одно — главный охотник мазила, каких свет не видывал. Выстрелил в меня, я притворился подбитым и упал прямо во дворец. Дальнейшее было делом техники, одним словом, флейта оказалась у Пастуха, они сами отдали ему в руки!

Заяц. Ну, когда же появится наш друг?
Сорока. Полагаю, что скоро. Слетаю, гляну! (*Улетает*).

Младшая фея, прижимая крылышки, выходит на авансцену.

Младшая фея.

Мой друг на свободе, свободна и я,
Только сердце мое беспокойно стучит...
Что же делать, мои дорогие друзья? —
Оставаться нельзя, мне судьба не велит...

Прилетает Сорока.

Сорока. Террористы повержены, жертва на свободе, обошлось без выкупа.
Вот он!

Появляется Пастух. Бросается к Матери, обнимает. Затем оборачивается и видит Младшую фею. Подходит, берет за руки. Крылышки падают на землю.

Пастух. Фея! Любовь моя! Как я счастлив, что опять мы вместе! Ты печальна? Ты не рада встрече?.. Отчего молчишь?

Сорока. Перегруз эмоциональных информации. Ты сыграй, Пастух, на своей дудке, она и заговорит.

Пастух. Что угодно сделаю, только не молчи, любовь моя!

Сорока. Говорят же, поскорее, ты сыграй любимой фее! Даже я по звукам флейты закодирован в поэты!.. Что это со мной, а?

Заяц. Сбой в информационных блоках!

Пастух в нерешительности, будто впервые разглядывает свою флейту, прежде чем поднести ее к губам. Льет волшебная музыка. На небе проявляется радуга. По ее крутизне спускается на землю семь фей-сестер. Покружившись, они подходят к Младшей фее, подают ей два крыла и обращаются к Пастуху.

Старшая фея. Улетаем мы снова,
Не печалься, мой друг!
Впереди еще много
Будет встреч и разлук...
А захочешь увидеть
Нашу младшую фею —
Сотвори чудо-диво,
Ничего не жалея...
Поиграй на рассвете —
Она прилетит,
И печаль твоей флейты
Ее не смутит...
Только помни всегда —

Мы живем в небесах,
Где беда — не беда
И секрет не в летах...
Улетаем мы снова,
Не печалься, мой друг!
Впереди еще много
Будет встреч и разлук!..

Все склонили головы в печали. Сорока вышагивает перед ними.

Сорока. Ух, не люблю я сантименты! Не могут пустячный вопрос решить. Так уж быть, помогу. Итак, общая позиция: фея не может остаться на земле, потому что безобразий тут столько, что они повалят в инфаркте стадо слонов! Информация номер два, форс-мажорная, — кажется, фея влюблена в нашего Пастуха и не желает расставаться! А он, бедняга Пастух, не может улететь с ней в небеса, во-первых, потому что нет у него крыльев, во-вторых, надо пасти этих оболтусов (*указывает на оленя и зайца*) и других животных, братьев меньших, точнее, бездельников...

Заяц награждает Сороку очередным пинком.

И, в-третьих, он родился на земле, где холод и голод, мафия и коррупция, убийства и самоубийства! И без звуков его волшебной флейты людям не выжить! Как быть, господа, я вас спрашиваю?

Все молчат. Затянувшуюся паузу нарушают Заяц и Олень.

Олень. Что же делать, как нам быть?

Заяц. Чем нам горю пособить?

Сорока. Информация на выходе: Пастух должен жить и страдать на земле, а его избранница-фея пусть улетает к себе и страдает там, в небесах! (*Надевает Младшей фее крылья*).

Опять молчание. И тут Младшая фея снимает с себя крылья, подходит к Пастуху и отдает их ему.

Оба выходят на авансцену и поют.

Пастух. Я во сне иль наяву?

Сердце бьется часто,
Я тобой одной живу —
Это мое счастье!

Младшая фея.

Да, любимый мой Пастух,
Не могу расстаться!
Слышишь сердца перестук? —
Это мое счастье!

Пастух и Младшая фея.

Мы отныне и всегда,
При любом ненастье,
Точно берег и вода —
Это наше счастье!

Все (*кружась в хороводе*).

Будьте вместе и всегда,
При лобом ненастье,
Точно берег и вода —
Это ваше счастье!

Старшая фея. До свидания, сестренка! Пусть играет на флейте твой любимый, и мы встретимся вновь!

Феи улетают. Радуга исчезает. Молодые, взявшись за руки, стоят друг против друга. Мать, Олень, Заяц и Сорока кружатся в танце вокруг них...

На авансцену выходит Шут.

Шут. Вот и сказки моей конец, в которой вы услышали и увидели то, чего не было, нет и никогда не будет!.. А может быть, было, есть или будет, а, уважаемые дамы и господа?

Занавес.

КОНЕЦ

СОБОЛИНИ

Комедия в 2-х действиях (12 картин)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СОБОЛЕВА Вероника Васильевна, хористка Оперного театра, 40 лет.

ЗОЯ, ее дочь, учащаяся колледжа, 16 лет.

ЛЕША, инженер Патентного бюро, 30 лет.

ТАМАРА, бухгалтер, соседка Вероники, 33 года.

АРНОЛЬД, муж Тамары, бизнесмен, 35 лет.

РАИСА, администратор аэропорта, подруга Вероники, 40 лет.

ОЛЬГА, жена Леша, продавщица универсама, 25 лет.

МЕНЕДЖЕР, иностранец, 50 лет.

ДИРИЖЕР Оперного театра, 50 лет.

РАДАМЕС, герой из оперы «Аида».

События происходят в столичном городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Интерьер однокомнатной квартиры. В глубине — двустворчатый шифоньер. Справа от него разложен диван, накрытый пледом. На него навалена верхняя женская одежда — платья, кофточки. Портфель, сумочка.

Окно. Трюмо, пуфик перед ним.

Дверь в кухню. Дверь в ванную.

Старенькое пианино. Столик с телефоном.

Дверь в коридор.

Звонит телефон.

Из кухни появляется Вероника. Высокая, статная женщина. Темные волосы разливаются, перехваченные косынкой по-домашнему небрежно. Самое примечательное — атласный зеленого цвета халат, разрисованный яркими розами, на манер китайских. Причем цветы эти расположены на самых выразительных местах — две розы на груди и одна пониже.

Вероника (в трубку). Але...

Голос (бархатный баритон). Здравствуйте. Мне Веронику Васильевну Соболеву.

Вероника. Я слушаю.

Голос. Меня звать Леша. Раиса Николаевна сказала, что вы сдаете комнату. Она договаривалась с вами насчет меня.

Вероника. Что-то не припомню...

Голос (после паузы). Вы передумали?

Вероника. Ничего не передумала... Я просто еще не думала.

Голос. Как же быть тогда, мне надо жить где-то...

Вероника. Вы не торопите меня, я думаю.

Голос. Хорошо.

Вероника. Как снег на голову... В таком деле нельзя спешить. Пустишь кого попало, а потом не выгонишь. Такое дело...

Голос. Какое дело? Вы съедаете комнату, я плачу за нее пятьдесят баксов в месяц. Могу за месяц вперед.

Вероника. Пятьдесят баксов?!

Голос (женский, из ванной). Мама, потри мне спину, опаздываю на занятия!

Вероника (в трубку). Минуточку... (Кладет трубку на столик, подходит к двери ванной). Зоя, нам предлагают пятьдесят баксов.

Голос Зои. Кто предлагает, за что?

Вероника. Он хочет жить с нами.

Голос Зои. С нами? С тобой, наверное?

Вероника. Не со мной, а с нами. Вместе. С тобой и со мной.

Голос Зои. Тогда сто долларов!

Вероника. Не болтай глупости! Я серьезно. Он хочет комнату снять. Ты давай, выходи скорее, в колледж опоздаешь! (В трубку). Але!

Голос. Я что-то не понял — пятьдесят баксов, это мало?

Вероника. Да не в этом дело. У нас с дочкой всего одна комната. Мы спим с ней на диване.

Голос. Одна комната? А где я буду спать?

Вероника. Я про то и говорю. Вам что, совсем негде жить?

Голос. Да я найду...

Вероника. Постойте! Какой вы нетерпеливый... Поговорите еще.

Голос. А что говорить, раз одна комната?

Вероника. У вас такой голос...

Голос. Причем тут голос?

Вероника. Я в голосах разбираюсь. У вас очень приятный тембр.

Голос. Спасибо, у меня другие проблемы.

Вероника (после паузы). У вас есть мой адрес?

Голос. Да, Райса Николаевна дала.

Вероника. Приезжайте, что-нибудь придумаем. (Кладет трубку на аппарат. Приходя в себя). Зоя, сейчас этот человек придет!

Из ванной появляется Зоя. На ней куцый заношенный халатик.

Зоя. Что за человек?

Вероника. Хороший человек. С таким голосом человек не может быть плохим.

Зоя. Вот ты, мама, всегда так!

Вероника. Ему жить негде. И вообще, пятьдесят баксов на улице не валяются, это же почти моя зарплата.

Зоя. Терпеть не могу посторонних. Я уже не маленькая!

Вероника (*суетясь и расхаживая по комнате*). Ты действительно уже не маленькая, и должна понимать, что во всем мире экономический кризис, в нашей семье тоже... Для кого-то пятьдесят долларов не деньги, а для нас с тобой — ой-ей-ей!.. И потом, если человеку плохо, почему бы не помочь ему?

Зоя. Кто бы нам помог!

Вероника. А разве нам не помогают? Вон дядя Арнольд устроил тебя на работу в киоск. Какие ни на есть, а все же деньги, на твою учебу хватает... Все, придумала!

Зоя. Что ты еще придумала?

Звонок в дверь, Вероника открывает. На пороге — Леша. Невысокого роста, тщедушный на вид мужчина. Входит. Ставит на пол чемодан и небольшой футляр. Под мышками держит рулон ватмана и рейсшину.

В минутном замешательстве Вероника отступает и, подбоченясь обеими руками, застывает.

Вероника (*растерянно*). А говорил-то, говорил-то как... Прямо-таки басом! Думала, гигант какой.

Не отрывая взгляда от Вероники, Леша прислоняет к стене рулон и рейсшину и обалдело замирает.

Вы что так смотрите на меня, а? Зоя, ты глянь на этого человека...

Зоя, напустив на себя серьезность, обходит гостя вокруг и с дурашливым восхищением оглядывается на мать.

Вероника. Вы Леша?

Леша торопливо кивает головой.

Это вы только что разговаривали со мной?

Леша опять кивает, сначала утвердительно, потом отрицательно.

Вы что головой крутите, оторвется же, шея как у воробышка. Скажите что-нибудь, я хочу услышать ваш голос!

Леша отрицательно замотал головой.

Зоя, он немой!

Зоя. Не может быть, ты же разговаривала с ним по телефону.

Вероника (*после паузы*). Может, стукнуть его... (*Замахивается*).

Леша невольно защищается руками.

Зоя. Мама!

Леша (*сухо во рту*). Вы чего это?

Вероника. Да-а-а... Послушайте, вы же говорили совсем другим голо-
сом?

Леша. Я... это самое... приятеля попросил. С вами поговорить.

Вероника. Приятеля? Зачем.

Леша. Райса Николаевна сказала, что вы певица, а у меня, видите, какой
голос... У приятеля хороший голос, к нему больше доверия.

Вероника. Вы мелкий обманщик.

Леша. Извините.

Вероника. А где ваш приятель? Почему он не пришел?

*Леша засобирался. Берет рулон и рейсшину. Они поочередно падают на пол, он
прихватывает их подмышками, то рулон, то рейсшину. Наконец, ему удается
прибрать оба предмета.*

Вы что, уходите?

Леша утвердительно качает головой.

Ну и дела... Где приятель-то ваш?

Леша. Я ему скажу, он придет.

Вероника. Пойдите-ка. Кому негде жить, вам или вашему приятелю?

Леша. Мне.

Вероника. Тогда зачем ему приходиться сюда?

Леша. У него голос.

Вероника. Причем тут голос! Вам негде жить, вот мы и решили помочь. За
пятьдесят баксов!.. А может, вы жулик, аферист?

Леша отчаянно закрутил головой.

Нет? Но все равно вы обманщик!

Леша. Вы тоже.

Вероника. Я?!

Леша. Как мы будем жить втроем в одной комнате?

Вероника. Все будет о'кей! Если, конечно, вас устроит раскладушка.

Пауза.

Леша. Соболева — это ваша девичья фамилия или по мужу?

Вероника. Это что, так важно? Может, вам еще паспорт показать? Зоя,
объясни человеку.

Зоя. Соболева — девичья фамилия мамы, а по мужу никак.

Леша. А где он?

Зоя. Кто?

Леша. Муж. Ваш отец.

Зоя. О, это длинная история. Я не видела его ни до рождения, ни после.
Достаточно?

Леша. Извините меня, Вероника Васильевна, это я так, интересуюсь просто.

Зоя. А вы в общем-то ничего... Только росточком не выдались А кто повыше, крутых охраняют. Секьюрити, слышали?

Леша. Не выше, а длиннее. Как сказал один человек.

Вероника. Приятель?

Зоя. Это Наполеон сказал, верно?

Леша. Верно. Все маленькие так говорят. *(Берется за ручку чемодан).*

Вероника. Значит, не устраивает... И куда вы сейчас?

Леша. Объявлений много. Я и к Раисе Николаевне по объявлению попал. Сначала она согласилась, а сегодня утром, когда я пришел, отказала. К ней племянник из Шымжента приезжает. Вот она и дала ваш адрес. Я думал, что она согласовала с вами.

Вероника. А по телефону с Раисой кто разговаривал – вы или ваш приятель?

Леша. Я.

Вероника. А почему по телефону согласилась, а потом отказала?

Леша. Я же говорю, к ней неожиданно племянник приезжает, она не знала.

Вероника. И вы верите этому?

Леша *(улыбаясь)*. Знаете, я произвожу на людей неважное впечатление. Особенно с первого раза. Вот и на Раису Николаевну не произвел.

Вероника. Что правда, то правда. А со второго раза?

Леша. Второго раза обычно не бывает. Да и работаю я все время в одном коллективе.

Помолчали.

Вероника. Зоя, как тебе дядя Леша? Пятьдесят долларов на улице не валяются, а?

Леша. Нет, нет, что вы, извините меня...

Вероника. За что извините-то?

Леша *(не сразу)*. Во-первых, как-то нехорошо получилось с приятелем, я действительно обманул вас. Во-вторых, если даже простите, где же я буду спать, у вас только один диван?

Вероника. На диване мы спим, с дочкой.

Леша. Вот видите.

Зоя. А мы, дядя Леша, уложим вас между собой, диван широкий, вы же не будете приставать?

Вероника. Зойка! *(Леше)*. Не обращайтесь на нее внимания, она еще маленькая и шутки у нее глупые.

Леша. Нормальные шутки.

Вероника. Как это нормальные?

Леша. А сейчас все дети так шутят.

Вероника *(деловито)*. Вот сюда мы поставим раскладушку! Повернем пианфоньер и за ним – раскладушку. Пианино тоже немного развернем, места хватит. Постель дадим.

Леша. Я иногда ночью печатаю на машинке.

Вероника. Печатайте сколько хотите. Только за ночной свет дополнительная оплата, совсем немного.

Леша. Согласен. А когда раздеваться, свет будем тушить?

Вероника. Чего на вас смотреть-то? Не таких видели. А мы — Зойка еще маленькая, я уже старая, как хотите, тушить так тушить.

Леша. Вы очень красивая.

Вероника. А это зачем вы говорите?.. Зоя, ты опаздываешь в колледж! Я тоже уйду на репетицию. Вечером решим, как быть со входным ключом, где-то есть запасной.

Зоя скидывает с себя халатик и без всякого стеснения переодевается. Леша отворачивается.

Ой, отвернулся!.. Она еще маленькая, шестнадцати нет, привыкайте.

Зоя, прихватив портфель, убегает.

Ну, все, пошли. Я в театр, и вы тоже идите на работу. Кстати, где вы работаете?

Леша. В Патентном бюро.

Вероника. И много платят?

Леша. Откуда, мы же бюджетники... Я отпросился, могу до обеда дома побывать.

Вероника. Пожалуйста. Только на кухне. Будете уходить, захлопните дверь.

Леша. Почему на кухне?

Вероника (*одеваясь*). Когда меня нет, я закрываю комнату. Зоя тоже ждет на кухне.

Леша. А почему не здесь, в комнате?

Вероника (*открывая шифоньер*). Смотрите сюда. Это театральные костюмы. Вот царица Амнерис из первого акта. Это из второго. Это Изольда, три платья, очень дорогие, много украшений. Вот Кармен, Аида на весь спектакль, не богато, она же рабыня, ой, я опаздываю! (*Закрывает шифоньер, ключ прячет в сумочку*). Это я все на свои деньги спшила. Шестнадцать костюмов ждут своего часа, а вы возьмете да и продадите.

Леша. Я?!

Вероника. И давайте сразу договоримся — когда меня нет, вы ждете на кухне. Или ищите другую квартиру.

Леша (*вдруг рассмеявшись*). Согласен!

Вероника. Вот и хорошо!

Свет гаснет.

Картина вторая

Эта картина длится немногим более 3-х минут и при полной темноте. Звучит лишь фрагмент из оперы «Аида», где царица Амнерис обращается к находяще-

муся в заточении Радамесу: «Радамес! Ты будешь на свободе, клянусь! Царица я, ты слышишь голос мой? Душа моя в огне! От смерти я спасу тебя!».

Свет.

Картина третья

Вечер. Та же комната, но в ней изменения — шифоньер развернут дверцами к разложенному дивану. Комната разделилась на две половины. В меньшей, за шифоньером — раскладушка. Она заправлена и накрыта легким суконным одеялом, у изголовья — подушка.

Пианино переставлено к торцу шифоньера, «лицом» к зрительному залу. Ближе к авансцене — обеденный стол и три табуретки.

Звонок. Появляется Вероника в простеньком халате, с кофейником в руке. Открывает дверь.

Вероника. Куда это вы исчезли, я же кофе заварила? Вам тут звонили. Только ушли и — звонок.

Входит Леша с огромным целлофановым пакетом и тортом в картонной коробке. Проходит в комнату и выкладывает на стол — сахар, чай, хлеб, круг колбасы, сыр, макароны, банки консервов, кульки со свежими помидорами и огурцами, пучки лука, бутылку шампанского и бутылку водки.

Вероника с немым восхищением наблюдает за Лешей.

Что это?

Леша. Новоселье, Вероника Васильевна! Кто звонил, мужчина, женщина?

Вероника. Женский голос.

Леша. И что она сказала, Вероника Васильевна?

Вероника. Вам сколько лет?

Леша. Мне? Тридцать.

Вероника. Зовите меня просто Вероника.

Леша. Нет, я так сразу не могу. И вообще я с малознакомыми людьми и женщинами привык по имени-отчеству.

Вероника. Я разрешаю, зовите просто Вероника.

Леша. Это когда мы с вами поближе познакомимся, а сразу не получится.

Вероника. Что значит «поближе познакомимся»?

Леша. Ну, вот, каждый день будем общаться и станем совсем близкими.

Вероника. В каком смысле «совсем близкими»?

Леша. Ну, как вам объяснить...

Вероника *(после паузы).* Какой прыткий...

Врывается Зоя, бросает портфель на диван. Удивлена перестановкой мебели.

Ты сюда глянь, Зоя. Это все дядя Леша купил! *(Показывает на стол).*

Зоя *(оценив)*. Будем есть?

Вероника. Дядя Леша новоселье отмечает.

Леша. Будем есть и пить! *(Поднимает бутылку шампанского).*

Вероника. Шампанское! Последний раз пила на дне рождения, почти год прошел! *(Наблюдая за дочерью, которая долгим взглядом благодарит дядю Лешу)*. Зоя, ты чего уставилась? Доставай скатерть и не смотри на него так. Это дядя Леша, наш квартирант, понятно? *(Леше)*. И вы тоже! Она еще маленькая.

Зоя. Мама!

Вероника. Доча, тащи сюда вилки, ложки, тарелки, пировать так пировать!

Звонил телефон. Вероника берет трубку. Зоя и Леша сервируют стол.

Але?.. Здравствуй, Людочка... А-га... Ну и что? Ты же знаешь, я ничего не боюсь, конкурс так конкурс... Конечно, очень хочется, больше такого случая не предвидится... Что? Какой еще спонсор? Где я такого найду?.. Да нет у меня никакого спонсора... Три тысячи? Долларов? Они что, с ума сошли, кто их мне даст, ужас какой... *(Кладет трубку на аппарат. Сидит неподвижно, задумавшись. Затем резко встает)*. Ну и черт с ними!

Зоя. Кто это, мама?

Вероника. Людмила.

Зоя. Что она сказала, на тебе лица нет?

Вероника. А ничего! Безвыходных положений не бывает... У-у-у, какой стол! Надо Тамару позвать. *(Леше)* Это соседка, вот такой человек! Красавица, все оглядываются. Муж у нее бизнесмен, денег куча. Зоя, сходи, может, тетя Тома уже дома. Позови.

Зоя выходит.

Да, утром я не успела спросить, вы почему решили квартиру снять?

Леша *(помедлив)*. Я ушел из дому. На развод подал.

Вероника. Вон как... А что случилось?

Леша. Ничего оригинального.

Вероника. Измена?

Леша. Да нет... С моей мамой она не может ужиться. Кто прав, кто не прав, устал разбираться.

Вероника. Вы мужчина, вы обязаны разобраться. Дети есть?

Леша. Сын. Два годика.

Вероника. Это хорошо, все уладится.

Леша. Вряд ли. Уже не первый раз. Но последний. Мама уехала к сестре моей, в другой город.

Вероника. Уехала, так приедет, все от вас зависит. Советую хорошенько подумать. Вон Зоя у меня без отца выросла, чего хорошего? У детей должны быть родители, вы меня поняли?

Входит Зоя.

Зоя. Тети Тамары нет еще, дяди Арнольда тоже. Я им записку оставила.

Вероника. Везет же Томке, мужа любит, с ума сходит. А он любовницу завел! Тихий такой был, а тут бизнесом занялся. А бизнесмену, говорят, положено любовницу иметь. Арнольдом зовут. Имя какое-то ненашенское.

Леша. А вы местная?

Вероника. Нет, из Ленинграда приехала, Санкт-Петербурга. Там у меня комната была, вот и поменялась на квартиру, Людмила позвала. Она давно уже в этом театре, Аиду поет... Ну что, садимся?

Сели. Мать с дочерью по одну сторону стола, Леша — напротив.

Леша *(пытается открыть шампанское).* Дамам шампанское, а я водку.

Вероника *(поспешно).* Леша, а давайте шампанское оставим на мой день рождения? Зоя маленькая еще, не пьет, а я могу немного водки выпить.

Леша. Еще купим!

Вероника. Нет-нет, не открывайте, а?

Леша. Ладно... *(Открывает водку, наполняет рюмки).* Кто скажет тост?

Вероника. Я скажу! Дорогой, дядя Леша! Как хорошо, что вы будете жить у нас. Вы такой культурный, интеллигентный человек. И столько всего купили! У-у-у, Раиса дурочка, такого человека выгнала!

Леша. Она не выгнала, к ней племянник приезжает.

Вероника. И вы поверили? Я знаю, почему она отказала вам, сказать? Вы кто для нее? Ей подавай здоровых мужиков да побогаче. Летчиков она к себе пускает, это ее идеал. Во всех отношениях! А вы вон какой... *(С жалостью смотрит на Лешу).* Пьем?

Чокнулись. Выпили. Зоя ставит свою нетронутую рюмку на стол. Вероника жмурится и машет ладонью возле рта. Приступают к еде. Едят молча, торопливо и усердно, будто голодные. А Зоя ест неспеша. И поглядывает то на мать, то на дядю Лешу.

(Перехватив взгляд дочери). Зоя, какие отметки? *(Леше).* Глупенькая, совсем еще ребенок, на пятерки учится. Принеси зачетку, покажи дяде Леше.

Зоя. Ну, мам...

Вероника. Хорошо, потом покажешь. Ешь... Это ж надо столько закупить! И откуда у людей деньги берутся? Вот Раиса, понятное дело, администратором в аэропорту работает, и квартиранты у нее летчики. И деньги хорошие, и удовольствие заодно!.. *(Внимательно, чуть захмелевшим взглядом смотрит на Лешу).* Ну, ладно, там видно будет...

Леша взялся еще наливать.

Я больше не буду. А вы пейте, Леша, у меня голова кружится...

Леша. Одному неинтересно.

Вероника. Ну, Раиса! Если бы она видела, что мы сейчас делаем! Везде экономический кризис, а у нас на столе вон что делается. Да-а-а, Раиса, прогадала... Самая близкая подружка, а уже лет пять не ходим друг к другу.

Леша. Пять лет? Почему?

Вероника. Зависть. *(Продолжает энергично есть).* Завидует, что у меня квартира с удобствами, а у нее, вы же видели, туалет во дворе. Зато денег уйма. Мне бы ее деньги, я бы столько костюмов нашла! Двадцать три партии soprano и mezzo знаю, костюмов не хватает...

Леша. Двадцать три роли?

Вероника. Одну я скоро получу. Пройду конкурс и буду петь царицу Амнерис! *(Подходит к шифоньеру, достает костюм царицы, накидывает на себя).* «Радаме-е-ес! Ты будешь на свободе, клянусь! Царица я, ты слышишь голос мой? Душа моя в огне! От смерти я спасу тебя!» и так далее, ну как?

Леша. Потрясающе!

Вероника. У меня же фактура, голос!.. Только вот годы летят. *(Возвращает костюм на место, закрывает шифоньер).* Да где же Тамара? Наверное, опять за Арнольдом слезку устроила...

Звонок в дверь.

О, наконец-то, она... *(Подходит к двери, открывает. И тут же отступает)* Раиса!?

Входит и останавливается в дверях Раиса. Черное облегающее платье, аккуратная короткая стрижка, искусно подведенные брови и веки, белолицая, меланхолический взгляд, в котором и удивление, и сожаление, напряжение и ускользающее чувство достоинства, волнение и стыд, что первая пришла к подружке, не выдержала...

А-а-а, пришла!.. *(Торжествуя, усаживает Раису рядом с Лешей).* Зоя, принеси себе табуретку из кухни.

Зоя уходит и возвращается с табуреткой. Садится.

(Широким жестом указывая на стол). Вот, это все он! Шампанское пьем, торт едим. Такого человека ты не пустила к себе!

Зоя *(умоляюще).* Мам...

Вероника *(шумно).* Посиди рядом с хорошим человеком. У него пишущая машинка есть, он научит меня печатать на ней. Леша, бог с ним, с днем рождения, открывайте шампанское и наливайте!

Леша выстреливает шампанским и наполняет стаканы.

Раиса. Я не буду.

Вероника. Раиса, немножко, умоляю...

Раиса. Хорошо. Только немножко.

Вероника (*поднимая стакан*). Давайте выпьем за счастье! Я желаю вам всем счастья!

Выпивают.

Зоя, поставь чайник, торт будем есть!

Зоя уходит на кухню.

(Раиса). Как это ты решилась прийти, пять лет только по телефону общались и на тебе — пришла!

Раиса. Вероника, хватит...

Вероника. Все, молчу, молчу.

Раиса (*Леше*). Алексей. Я пришла сказать вам. Если вам будет неудобно здесь... или будут обижать, всякое в жизни бывает, вы можете переехать ко мне. Племянник позвонил, он скоро приедет.

Вероника (*поперхнувшись*). Это почему же я обижу его? Культурный человек, вежливый, на машинке научит меня печатать, и я его обижу? Ну, ты Раисочка, даешь! Лучше признайся, почему хорошему человеку отказала? Ему жить негде!

Раиса (*со страданием в голосе*). Перестань, Вероника.

Вероника. Ух, Раиса, я тебя насквозь вижу! (*Подходит к Леше сзади и начинает щупать его плечи, мышцы рук и шеи*). Ну, слабоват он для тебя, ну и что? А вдруг он половой гигант, а?

Из кухни появляется Зоя с чайником в руке.

Громкий стук в дверь и одновременно звонок. Зоя подбегает и открывает дверь. Срыгается Тамара, вся в слезах. Попадает в объятия Вероники. На пороге стоит Арнольд.

Арнольд. Верка, отпусти ее, пусть вернется, а то хуже будет!

Вероника (*усаживая на свое место плачущую Тамару и всплеснув руками*). Что опять случилось, Арнольд?

Арнольд. Это ты ее спроси.

Вероника (*взяв Арнольда за грудки*). Чего ты позоришься, а?!

Арнольд (*пытается обнять Веронику*). Верунчик, золотце мое...

Вероника (*резко усаживая его на Зоину табуретку*). Сиди! Пей, если хочешь. Леша, налейте ему. Леша — это наш человек, он будет жить у нас. Тебе не стыдно перед незнакомым человеком?

Арнольд (*протягивая руку Леше*). Арнольд. (*Встает*).

Вероника. Сиди.

Леша (*пожимая протянутую руку*). Леша.

Арнольд (*протягивает руку неотразимой Раисе*). Арнольд. (*Встает*).

Вероника. Сиди, говорят!

Раиса (*пожимая руку*). Раиса.

Арнольд (*протягивает руку Веронике*). Арнольд!

Вероника. Так ты уже того? Где успел-то?

Арнольд. Я сегодня такой контракт подписал!

Раиса (*встает*). Мне надо идти.

Арнольд (*преграждая ей путь*). Исключено! (*Извлекает из кармана пиджака бутылку коньяка и ставит на стол*). Вы брезгуете нашим обществом? Верунчик, что за дела, нас не уважают?

Вероника. Раиса, и правда, куда тебе спешить? Племянник что ли ждет?

Леша. Раиса Николаевна, посидите еще, я вас потом провожу.

Раиса садится.

Вероника (*обнимая притихшую Тамару*). Честное слово, Арнольд, совесть у тебя есть? Тамара, как ипак, все тащит домой, капусту цветную, пирожки печет, все Арнольд да Арнольд, а ты?

Арнольд. А что я? Я нормальный предприниматель, чего ей не хватает?

Вероника. Ты только посмотри на нее, она же у тебя красавица, на улице все оборачиваются.

Арнольд. Вот-вот! Как увидит кого посимпатичнее, вся извертится, и так повернется, и эдак, а меня алкашом называет! (*Раисе*). За ваше здоровье, за вашу красоту! (*Леше*). Алексей, поднимем бокалы за прекрасных дам!

Вероника. Ой, Тамара, он ревнует тебя.

Тамара. Это он специально, чтобы свою Полиночку скрыть.

Арнольд. Опять двадцать пять!

Тамара. Можешь бежать к ней, не держу.

Арнольд (*встает и подходит к Раисе*). Мадам! Разрешите пригласить вас на танец! Зойка, включи музыку!

Зоя подходит к магнитофону, включает его. Арнольд и Раиса танцуют. Вероника поднимает Лешу и вместе подходят к танцующей паре.

Вероника. Арнольд, я хочу с тобой танцевать. (*Раисе*). А ты потанцуй с Лешей.

Раиса и Леша подчиняются. Зоя наливает тете Тамаре чай.

(*Подводит Арнольда к Тамаре, мирит*). Может, хватит, а? Вам бы ребеночка завести, чего тянете, потом будет поздно.

Арнольд. Она фигуру бережет!

Тамара. Балда! Чтобы еще один алкаш мне нервы трепал?

Арнольд. Да если бы я был алкашом, ты бы отъела такую попу? Чего только нет в доме — мебель, какую захотела, ковры, посуда, и еще я алкаш!

Тамара. Перестанешь пить, хотя бы полгода, я подумаю, родить или нет.

Арнольд. Слыхала, Верка? Полгода! Да если я захочу, сколько угодно рожу, пожалуйста, есть нормальные женщины, женюсь и рожу!

Тамара. Дуры они все, потому и согласны родить. А помучились бы с мое, так и на порог не пустили.

Вероника. В общем, мир?.. А теперь посоветуйте, как мне быть.

Арнольд. У тебя проблемы?

Вероника. Мне нужен спонсор. Разумеется, богатый.

Арнольд. Зачем тебе спонсор?

Вероника. У меня конкурс на роль царицы. Я должна выиграть.

Арнольд. Обязательно выиграешь, Верка!

Вероника. А если не выиграю?.. Нужен спонсор. Он выложит три тысячи долларов на постановку спектакля, а мне дадут царицу Амнерис.

Тамара. Ничего не понимаю, зачем три тысячи, взятка что ли?

Вероника. Говорю же, деньги нужны на постановку. Людмила все разузнала, она так переживает за меня.

Арнольд. Три тысячи... А если найду спонсора, что я буду иметь с этого?

Вероника. А чего ты хочешь?

Арнольд. Надо подумать.

Вероника (*подумав*). А он молодой, старый?

Арнольд. Кто, спонсор? Допустим, не молодой, но и не старый.

Вероника (*вздыхая*). Эх, стара я, а то бы на все пошла!.. Но все-таки познакомь меня с ним, вдруг я приглянусь ему, а?

Арнольд (*протягивая руку*). Арнольд. Твой спонсор, Верунчик. Прошу любить и жаловать.

Вероника (*не сразу*). Ты это серьезно?

Арнольд. Базара нет.

Вероника. Откуда у тебя столько денег?

Арнольд. Это мои проблемы.

Вероника. И что ты хочешь от меня?

Арнольд. Все!

Вероника (*после паузы*). А Тамара?

Арнольд. Это ее проблемы.

Вероника (*берет Арнольда за шиворот, подводит к Тамаре*). Ты слыхала, что он говорит? На колени! И проси прощения, подлец!

Арнольд (*стоя на коленях, воздев руки*). Да будет мир во всем мире, а у меня наследник! Томка! Последний раз прошу тебя, роди мне сына-богатыря!

Тамара плачет навзрыд. Вероника обнимает ее за плечи).

Вероника (*Арнольду*). Будешь вести себя прилично, она родит тебе ребеночка да не одного! Это я тебе обещаю!

Арнольд. А я тебе достану спонсора богатого-пребогатого!

Вероника. Я тебе серьезно, а ты паясничаеть,

Арнольд. Клянусь!

Вероника. А теперь, марш домой, займитесь делом!

Арнольд встает, театрально склоняет голову перед Вероникой и также картинно предлагает жене взять его под руку. Тамара бьет его кулачком по плечу, затем берет под руку. Уходят.

Рамса (*Леше*). Алексей, вы проводите меня?

Вероника. Я сама провожу тебя. До остановки.

Раиса. До свидания, Алексей. До свидания, Зоя.

Леша. До свидания.

Зоя. До свидания, тетя Рая.

Раиса и Вероника уходят.

Зоя и Леша начинают убирать со стола, унося посуду на кухню.

Зоя. Вы и вправду научите маму печатать на машинке? *(Уходит с тарелками на кухню).*

Леша *(появляясь в комнате)*. Она просит. Я ее спрашиваю, зачем вам это? А вдруг, говорит, голос потеряю, вот и буду печатать. *(Уходит с тарелками на кухню).*

Зоя *(появляясь в комнате)*. А я могу научить вас играть на пианино... Вам нравится мамин голос? *(Уходит с посудой на кухню).*

Леша *(появляясь в комнате)*. Я не слышал как она поет. Но вообще у вас хорошая мама.

Зоя *(появляясь в комнате)*. У мамы очень красивый голос. Она больше двадцати партий сопрано знает, сама учила, а играть не дают.

Леша. Почему?

Зоя. Она же в хоре поет. А если вы поете в хоре, то очень трудно получить роль. Сейчас мама к конкурсу готовится, может, пройдет и тогда будет петь царицу Амнерис...

Звонит телефон. Леша поднимает трубку. Зоя продолжает курсировать между столом и кухней, унося остатки еды и посуду.

Леша. Але, вам кого?

Голос *(женский)*. Леша, это ты?

Леша. А, это ты, Дина? Говори...

Голос. Я купила, что ты просил.

Леша. А что я просил?

Голос. Дудку-аккордеон, сынишке подарок, ты забыл?

Леша. А, ну, конечно же! Вот спасибо тебе, завтра заберу...

Голос. Ты чего так поторопился? Я же говорила тебе, что моя тетя на месяц уезжает отдыхать. Ты бы бесплатно посторожил ее квартиру.

Леша. Я уже нашел квартиру.

Голос. А что за хозяйева?

Леша. Хорошие.

Голос. Молодые?

Леша. Дочка молодая. И очень симпатичная!

Голос. Что ты делаешь завтра вечером? В гриль-бар пойдем, там дискотека.

Леша. Ты что, куда мне, старику!

Голос. Я тебя очень прошу.

Леша. Я хочу сына навестить, подарок вручить. А за приглашение спасибо.

Голос. Вместе сходим! А потом в бар, о'кей?

Леша. Да ты что, вместе не получится!

Голос. Я же выполнила твою просьбу, и ты не смеешь отказать мне...

Зоя решительно подходит к Леше, отбирает трубку и бросает на аппарат. Открывает крышку пианино, садится на вертящийся стул.

Зоя. Берите табурет, садитесь рядом. Начнем с гаммы, потом аккорды.

Леша, помедлив, берет табурет и садится рядом.

Сначала одной рукой. Это «до». До, ре, ми, переводите большой палец на «фа», фа, соль, ля, си, до и обратно — си, ля, соль, фа, ми, ре, до. Дайте мне вашу руку. Начинайте большим пальцем.

Леша играет гамму. Получается.

Вы быстро научитесь. Надо каждый день заниматься. Жаль, что мама закрывает комнату, я всегда жду ее на кухне. Вы попросите ее, вас она послушается, пусть не закрывает комнату, или же перенесем пианино на кухню. Мы бы с вами каждый день занимались.

Шумно появляется Вероника. Оба мгновенно оборачиваются к ней.

Вероника. Чем это вы хотите заниматься каждый день? Зойка, отсыдь от дяди Леша. (Зоя отсаживается). Вот так... (Леше). Знаете, почему Раиса отказала вам? Ну, какой из вас любовник? Ну, не дура, а?.. А теперь спать! Тушим свет? (Щелкает выключателем).

Свет гаснет. Возня с раздеванием и укладыванием — мать с дочерью на диване, Леша — на раскладушке.

Картина четвертая

Эта картина, как и вторая, идет при полной темноте и длится не более трех минут. Романс.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывает день, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас...

Свет.

Картина пятая

Утро. Диван прибран и накрыт пледом. Леша спит на раскладушке. За пианино сидит Вероника и просыпается.

Вероника. И-и-и-е-е-а-а-о-о-у-у... (Акомпанирует себе на пианино). Ро-о-о-ди-и-и-на-а-а... Р-о-одина-а-а, просторы полей золоты-ы-ых, ро-одина, бескрайние нивы поле-е-ей, ро-о-одина-а-а... ро, ро, ро...

Леша ошалело вскакивает на раскладушке и спросонья крутит головой. Затем берет полотенце у изголовья и плетется в ванную.

Вероника полощет рот эфирным раствором, разведенным в стакане, с шумом выбрызгивает воду на пол. Берет аккорд.

И-и-инте-е-ер-на-а-а-ци-о-о-о-на-а-а-а!..

Из ванной появляется Леша. Заправляет постель на раскладушке.

Вероника негромко поет.

...Я встретил вас и все бывшее в отжившем сердце оживило, я вспомнил время золотое и сердцу стало так тепло...

Леша (подпевает вторым голосом). ...я вспомнил время золотое и сердцу стало так тепло...

Вероника и Леша (дуэтом). ...Как поздней осени порою бывает день, бывает час, когда повеет вдруг весною, и что-то встрепенется в нас... Когда повеет вдруг весною, и что-то встрепенется в нас...

Вероника (удивленно). Ну-ка, подойди сюда...

Леша подходит. Вероника бьет по клавише (низкая нота).

Возьми эту...

Леша берет. Вероника бьет по другой клавише (высокая нота).

А эту?

Леша берет и высокую ноту. Вероника бьет тыльной стороной ладони по его животу.

Так у тебя голос? В самодеятельности пел?

Леша. Откуда... Я вас каждый день слушаю. Так что вы мой учитель.

Вероника. Целую неделю живет и молчит, каков, а? Неужели талант? Это ужасно.

Леша. Какой там талант... И почему ужасно?

Вероника (задумчиво). Когда я только начинала петь, я все мечтала, чтобы кто-нибудь подпевал мне, и обязательно, чтобы он парнем был... Где ты был раньше?

Леша (в тон ей). А вы где были, Вероника Васильевна?

Вероника. Далеко я была... Ты не ругаешь меня?

Леша. За что?

Вероника. По утрам спать не даю, ору себе, голос чищу.

Леша. Нет. Уже привык. И потом, это же ваша работа.

Вероника. Понимаешь, значит. А вот наши хористки «прости-господи» не понимают. Приходит на репетицию неподготовленные, голос сипит, грудь вялая, кто так делает? На репетицию нужно приходиться с чистым голосом!

Леша. Грудная у вас работа.

Вероника. Ничего подобного. Хорошо петь гораздо легче, чем плохо петь. Платят, правда, мало, но ничего, все равно когда-нибудь разбогатею. Получу роль, буду гастролировать по всему миру, денег будет куча!

Леша. Я все хотел спросить, как это вы стали певицей?

Вероника. Во-первых, я еще не классическая певица, в хоре пою. Во-вторых, я талантлива, у меня голос, фактура, так что мне ничего не стоит выучить партии... Помню, пришла на вступительные экзамены в училище, как раскрыла свою пасть, так у всех челюсти отпали. Приняли!

Леша. Ну, конечно, вы вон какая красивая. И голос тоже красивый.

Вероника. Лучше бы не приняли тогда.

Леша. Почему?

Вероника. Устала... Помню, «Риголетто» ставили, в Ленинграде это было. Баритона из Новосибирска пригласили, шута петь. А я в хоре пела... Приглянулась я ему. Красавец был! Жили как муж и жена. А он спел свою партию и тью-тью. Я к нему в Новосибирск, а его и след простыл, уехал мой ненаглядный за границу, насовсем!.. Он даже не знает, что у него взрослая дочь растет. Зойка все приставала, где мой отец, где? Когда выросла, рассказала. Она молодец, поняла меня. И с тех пор мы подружки!.. Прошло все. Иногда, правда, как вспомню, так вся дрожу, ух, мужчина был! Тогда трясло и сейчас трясет... Были у меня мужчины, но такого!.. Ладно, ты мне мешаешь, на работу пора, заболталась. Тебе тоже пора... (*Уходит в ванную*).

Леша тоже поспешно собирается.

(*Из ванной*). Вчера конкурсантка из Кипшинова прилетела, тоже на роль Амнерис, соперница моя. Голос ничего, я моложе меня. Дирижер возле нее так и крутится, так и вертится! Со мной не репетирует, все внимание ей. Говорит, гостей надо уважать, а ты, Вероника, свой человек, успеешь. Я же знаю, что у него на уме, паразит такой!.. (*Выходит из ванной*). Попши? Я закрываю комнату!..

Уходят.

Свет гаснет.

Картина шестая

Глубокая ночь. В комнате полумрак, в окно бьет лунный свет. На диване едва угадывается сияющая Вероника. Раскладушка не тронута.

Слышится возня с замком. Дверь открывается. Щелчок выключателя — и яркий свет. Прическа на Зое сбита. На ее хрупкие плечи навалился Леша. Он пьян.

Леша (поет). ...Скажи ты мне, ска-а-ажи ты мне, что любишь ты меня!..
Вероника (в ужасе вскакивая с дивана). Что это такое?

Зоя усаживает Лешу на вертящийся стул возле пианино и торопливо уходит в ванную.

Леша. Извините, Вероника Васильевна, я напился! (Протягивает ей картонную коробку).

Вероника (принимая коробку). Леша, ты пьян!

Леша. Вероника Васильевна, мы были в баре. На дискотеке! Захотелось молодость вспомнить. А вы не хотите молодость вспомнить?

Вероника. Зоя, что он такое несет? Объясни толком, где вы были и почему вместе?

Зоя (выходя из ванной, на ней застиранный куцый халатик). Мы в баре встретились.

Вероника. Дядя Леша тебя в бар пригласил?

Зоя. Нет.

Леша. Да нет же!..

Вероника. А как же ты там оказалась?

Зоя. Догадалась.

Леша. Дочка у вас, Вероника Васильевна, золото!

Вероника. Да замолчишь ты наконец, не тебя спрашивают!

Зоя. Я знала, что дядя Леша будет там и пошла.

Вероника. Зачем?

Зоя. Чтобы забрать его оттуда.

Вероника. А как ты узнала, что этот пьяница будет там?

Леша. Я не пьяница.

Зоя. Слышала, как эта женщина приглашала дядю Лешу. По телефону.

Вероника. Какая еще женщина?!

Зоя. Дина ее звать, противная такая... (Раздевается и ныряет по одеяло на диване).

Леша. Ну, Зоя... Никакая она не противная.

Вероника (Леше). Говори, что еще за женщина?

Леша (вертеться на стуле). Дина хорошая девушка, сотрудница наша, вместе работаем. Старший инспектор по авторским правам!.. Хотела поселить меня на квартире у своей тетки. Но я сказал, нет, спасибо, я прекрасно устроился!

Вероника. Перестань вертеться! Ты что, женщину завел?

Леша. Что значит «завел»? Я сам по себе, она сама по себе, хорошенькая, не замужем.

Зоя (*откинув край одеяла*). Противная!

Вероника. У тебя семья, сыну два годика, а ты, значит, женщину завел? (*Замахивается коробкой*).

Леша (*защищаясь руками*). Стоп! Это подарок моему сыну, музыкальный инструмент, Дина купила. Я хочу, чтобы сын мой стал музыкантом...

Вероника. Может, ты эту женщину надумаешь сюда привести?

Леша. Зачем?

Вероника. Ну, если у тебя с ней шуры-муры...

Леша. Исключено! Я с женщинами покончил. Я только вас люблю, Вероника Васильевна, и вашу дочку Зою. У нее, кстати, симпатичный кавалер, мне он понравился.

Вероника. Что? Какой еще кавалер?

Леша. Как много вопросов вы задаете, все-то вам надо знать...

Зоя. Да, Витька это, я знакомила тебя. Он и помог дядю Лешу привезти, у него «мерседес».

Вероника. Зоя, доченька моя хорошая, прошу тебя, не водись ты с этим Виктором; не надо, а?

Леша. Почему? Пара, скажу вам, что надо, на «мерседесе» будем кататься!

Вероника. Раскатался! (*Зоя*). Ты знаешь, кто его родители? Может, и хорошие люди, но уж больно богатые. Как можно честным трудом так быстро разбогатеть!.. Совсем недавно были нормальные люди, здоровались, а сейчас проходят мимо, будто нас и нет. Разве мы виноваты, что приходится считать каждую копейку?

Леша. А они... они-то чем виноваты?

Вероника. Да не виню я их, пусть живут как хотят, только не лоблю, когда смотрят на тебя сверху вниз, потому что богатые.

Леша. Они сообразили вовремя и заработали, а мы — нет.

Вероника. Ну и помогли бы другим, кто очень нуждается.

Леша. А почему? Почему они должны помогать? Им тоже нелегко деньги достаются, ночами не спят, нервничают, кидают друг друга, стреляют, убивают и вот, здарсьте, желаю всем помочь, так что ли?

Вероника. Да ничего мне от них не надо!

Леша. Опять мимо! Разберем конкретный случай. Ваш будущий зять, которого Виктором зовут, богатый человек. А Зоя — самая красивая невеста, и он не посмеет смотреть на нее сверху вниз! Иначе я самолично сверну ему башку!..

Вероника подсаживается к дочери. Обнимаются, шепчутся, успокаивая друг друга.

И еще запомните, Вероника Васильевна. Англичане говорят — хорошая девушка долго внизу не будет. Так что неизвестно, кто на кого будет смотреть сверху!

Вероника. Пошляк! Чтобы завтра же исчез, смотреть тошно... *(Подходит к Леше, силой укладывает его в постель и накрывает с головой. Выключает свет. Ложится рядом с дочерью).*

Опять в комнате полумрак. Мать с дочерью тихо разговаривают.

Леша. О чем вы шепчетесь, я ничего не слышу! *(Встает и, шатаясь, направляется к дивану, ложится поверх одеяла между Зоей и Вероникой).* Мне скучно одному...

Вероника *(вскочив)*. Ну-ка, марш отсюда! *(Тянет Лешу за руку)* Ты что, спать с нами надумал?

Зоя хохочет.

Леша *(сопротивляясь)*. Ну, что такое, в чем дело? Я хочу знать, о чем вы шепчетесь. Я же люблю вас, сколько можно говорить! Вас, Вероника Васильевна, и вашу дочь люблю!

Вероника. Я покажу тебе любовь, ты у меня на полу будешь спать, понял?

Леша. Не хочу на полу! Вы хотите смотреть на меня сверху вниз? Не выйдет!

Вероника хватается и бросает Лешу на раскладушку. Не удержавшись, сама падает рядом.

Здесь неудобно! Пойдемте на диван!

Вероника. Ну, хватит! *(Встает. Опять накрывает его с головой).* Попробуй только встать... И вообще, всем спать! *(Ложится рядом с хохочущей дочерью).*

Свет гаснет.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина седьмая

Глубокая ночь, глубокий сон. Только Вероника сидит за столом и возится со швейной машинкой. На столе среди вороха материала раскрытая книга, в которую она заглядывает время от времени. Горит настольная лампа.

Просыпается и, свесив ноги, садится на раскладушке, Леша. Голова разламывается после вчерашней выпивки. Встает и неслышно проходит в ванную. Умывшись, выходит из нее.

Вероника. Чего не спишь?

Леша подходит к ней и виновато улыбается.

Улыбается еще, бессовестный.

Леша (*берет табурет и садится рядом*). Можно?

Вероника. Сиди. Плохо тебе?

Леша. Пройдет. Я вчера буянил?

Вероника. Ничего не помнишь? Ты спать с нами собрался.

Леша. Я?

Вероника. Еще раз напьюсь, выгоню.

Леша смеется.

Смейся, смейся.

Леша. Представляю... Втроем спим на одном диване!

Вероника. И вообще, не морочь голову девчонке, понял?

Леша. Да вы что, Вероника Васильевна...

Вероника. А то!

Леша (*откровенно любуясь хозяйкой*). Знаете, Вероника Васильевна, вы мне очень нравитесь. Честное слово, я первый раз встречаю такого человека, вы очень добрая.

Вероника. Не подлизывайся.

Леша. Хорошо, что встретил вас.

Вероника. Интересно, что скажешь, когда выгоню из дома. А я обязательно выгоню, если будешь так вести себя.

Леша (*не слушая ее*). А что вы пьете?

Вероника. Перешиваю. У царицы Амнерис платье должно быть построжее, вот вычитала... (*Кивает на раскрытую книгу*).

Леша. Что это за книга?

Вероника. «Искусство древнего Египта». Был такой ученый, француз, Мариетт его звать. Он расшифровал папирус. Египет воевал с Эфиопией. По этому сюжету и оперу создали. Видишь, какие линии, строгие костюмы. Я теперь все знаю про эту историю.

Леша. А зачем это знать?

Вероника. А вдруг на конкурсе спросят, кто такая царица Амнерис, кто Аида, Аманасро, Радамес, все надо знать. А то поют и ничего не знают.

Леша. Вы точно станете царицей, бог видит.

Вероника. Для меня сейчас бог один, это Арнольд. Он спонсора ищет. Тамара говорит, что он уже встречался с руководством театра, вроде договорился по частям внести эту сумму. Три тысячи все-таки большие деньги... Ой, неужели получится?

Леша. Хотите, я вам еще дам двести баксов, наперед? Больше не получит-ся. Это чтобы вы не выгоняли меня. (*Уходит к раскладушке, берет деньги из кармана брюк, возвращается*). Вчера за халтуру получил.

Вероника (*не берет деньги*). А жене помогаешь?

Леша. Какой разговор. Только не жене, а сыну.

Вероника. Тогда возьму. Арнольду все меньше доставать. Завтра же отнеси сыну подарок. Ох, и глупые вы, молодые! Сын твой ничего не может понять, где папа, почему он не живет с нами?..

Леша. Вероника Васильевна, мы же договорились, про это ни слова.

Вероника. А почему это я должна молчать? Знаешь, как трудно одной воспитывать ребенка? Вот Зойка. Она никого и никогда не называла папой. Как-то была у подружки и обратилась к ее отцу «папа» и так ей странно было. Я давай реветь, а она смеется, гладит меня по спине, говорит, что все понимает и не страдает.

Леша. Зоя у вас золото.

Вероника. Как отпуск, хористки подцепят бизнесменов и — на Канарские острова или в Эмираты, а я? Иду в ресторан посуду мыть или кассиром в супермаркет. И трясешься, вдруг кто-нибудь из театра увидит. Наши страсть как любят посплетничать.

Леша. Ну и что, подумаешь... Сейчас вон с высшим образованием лестницы в подъездах моют, лишь бы платили.

Вероника. Сравнил тоже. Это же артистки, творческие работники... Однажды все-таки попала. Давно это было, еще в Ленинграде. Устроилась на лето кассиром. Тогда продуктов было мало, а очередей, ужас!.. И вот вижу в конце очереди Петька Заикин стоит. Это наш тенор, Хозе в «Кармене» пел. Ну, думаю, разрезвонит по всему театру, что я кассиром подрабатываю. Незаметно исчезаю с кассы, наблюдаю. Очередь шумит, где кассир? А я спряталась и жду, когда Петька уйдет. Смотрю, нет его, ушел. Возвращаюсь в кассу, выбиваю чеки и вдруг — Привет, Верунчик! Поднимаю глаза — Петька! Я не растерялась, говорю, в кино пригласили сниматься, героиня кассиром работает, вот и тренируюсь, так что не подумай ничего такого, и вообще, в театре никому ни слова, а то завидовать станут. А он мне, да ладно, Верунчик, не морочь голову, второе лето тренируешься. А я ему, все равно, Петенька, не говори, а? И он действительно никому ни слова, так благодарна была, хороший человек, и я отдалась ему.

Леша вытаращил глаза.

Чего ты так смотришь на меня? Петька и раньше нравился мне, но он прима-актер, солист, а я кто? — хористка. А тут такой случай. Подружились. Потом он перестал ходить ко мне, жены испугался.

Просыпается Зоя. Подходит.

Зоя. Mam, почему не спишь?

Вероника. Я дяде Леше рассказываю, какая ты хорошая у меня, заботливая и учишься на одни пятерки. Закончишь свой медицинский колледж, поступишь в институт, станешь врачом, ох и заживем тогда!

Зоя. Куда только деньги будем девать.

Вероника. Что вы сейчас в колледже проходите, расскажи дяде Леше.

Зоя. Mam, ну хватит.

Вероника. Пусть дядя Леша убедится, что ты хорошо учишься, и мне будет приятно, ну? Какую тему сейчас проходите?

Зоя. Наружные половые органы.

Вероника. Вот дурочка!..

Свет гаснет.

Картина восьмая

Телефон-автомат. Вероника опускает жетон в щелку аппарата, набирает номер.

Вероника. Добрый день. Мне Ольгу Краснову... Здравствуйте. Нам с вами надо поговорить, у вас когда перерыв?... Нет, вы меня не знаете. Я хозяйка квартиры, ваш Леша живет у нас уже второй месяц. Меня звать Вероника Васильевна, я нашла телефон у Лешки и вот звоню... Хорошо, я жду. *(Вешает трубку на аппарат, отходит от будки, смотрит на часы).*

Появляется Ольга в униформе продавщицы.

Вероника *(протягивая руку для приветствия).* Здравствуйте...

Ольга. Здравствуйте.

Вероника. Леша говорил, что вы красивая, так оно и есть, вы красивая.

Ольга. Еще что он вам говорил?

Вероника. Говорил, что родители ваши очень состоятельные люди.

Ольга. Допустим.

Вероника. Одним словом, вам пора помириться. Леша переживает. И очень скучает по сыну. *(Спыхватывается).* И по вас тоже! Он должен вернуться в семью... Леша такой интеллигентный, вежливый и внимательный, мы с дочкой прямо полюбили его.

Ольга. Зачем же отпускать такого хорошего человека?

Вероника. Причем тут мы? У вас семья, ребенок растет, вы должны вместе воспитывать его. Я растила дочку одна, знаю, что это такое.

Ольга. Послушайте, Вероника Васильевна. Вы или действительно такая добрая или вам Леша надоел?

Вероника. Зачем вы так, Ольга?... Ничего он нам не надоел. Напротив... Просто нельзя так дальше, он мучается. Вы должны простить его, даже если он виноват. Конечно, не сразу, надо выдержать, а потом простить. Времени уже прошло достаточно.

Ольга. Почему не он, почему вы решили поговорить со мной?

Вероника. Неужели не понятно? Во-первых, я старше вас, у меня жизненный опыт. Я верю, что у вас все наладится.

Ольга. А он не говорил, почему мы разошлись?

Вероника. Подробности не знаю, но что-то связано с его мамой.

Ольга. Да, мы с ней совершенно разные люди! Она кого угодно изведет своими взглядами.

Вероника. Конечно, я не имею права, но скажите, какие у вас разногласия, может, я помогу?

Ольга. Чем вы можете помочь? Я хочу жить отдельно. Без его мамы. Мои родители могут нам купить квартиру.

Вероника (*после паузы*). А куда же его матери деться, семьдесят шесть лет, все-таки возраст...

Ольга. А мне какое дело? Я что, не имею права жить отдельной семьей?

Вероника. Конечно, имеете... Но вы тоже когда-нибудь состаритесь, у вас сын растет.

Ольга. Да я и сама не захочу жить вместе с семьей моего сына. Чего молодым жизнь портить?

Помолчали.

Вероника. Ольга, подумайте, прошу вас... А про наш разговор не говорите Леше, хорошо? Это моя просьба.

Ольга. Спасибо за хлопоты. Извиняйте, у меня перерыв заканчивается, я должна идти... И пусть даже не надеется, я не отступлюсь. (*Уходит*).

Вероника (*расстроенная, вдогонку*). Зря вы так, Ольга... (*Себе*). Эх, сбросить бы мне десяток лет, я бы с тобой и разговаривать не стала, дорогая вы моя красавица!

Свет гаснет.

Картина девятая

Та же комната. Раскладушка убрана. Диван сложен. На авансцене — праздничный стол. Леша и Зоя сервируют его. Звонок в дверь. Зоя открывает. Входит Вероника, шаря в полуоткрытой сумочке.

Вероника (*озабоченно*). Куда же подевались ключи... (*Оглядывая комнату*). Как вы попали в комнату, где взяли ключ?

Зоя (*обнимая мать*). С днем ангела тебя, мамуля!

Вероника (*замечая накрытый стол*). Я и забыла... (*Подходит к шифоньеру, отмыкает замок и пересчитывает висящие в нем костюмы*).

Леша. С днем рождения, Вероника Васильевна! (*Целует ручку*). Вы оставили ключи в дверях, и мы продали ваши театральные костюмы и на вырученные деньги накрыли этот стол.

Вероника (*устало опускаясь на табурет*). Издеваетесь... Ой, как хорошо мне сейчас! Это ж надо такой стол накрыть...

Зоя (*подавая платье*). Мама, скоро гости придут, переоденься.

Вероника нехотя забирает платье и уходит в ванную.

Опять звонок в прихожей. Зоя открывает дверь. С шумом, с цветами в руках входит Тамара, за ней неспеша и тоже с цветами — Раиса.

Вероника (*в праздничном платье*). А где Арнольд? (*Объятия, поцелуи*).

Тамара. Он знает. Сказал, что попозже подойдет.

Вероника. Тогда садимся?

Рассаживаются. Леша разливает.

Я скажу тост!.. Дорогие мои милые друзья! Сегодня мне исполнилось, не стану скрывать, сорок лет. И я пью шампанское! Очень рада, что вы со мной, что вы не забываете меня. Я хочу, чтобы вы все были счастливы и всегда молоды! Я вас очень люблю! За вас и за меня, виват!

Чокаются, выпивают. Леша снова наполняет стаканы шампанским.

Леша (*встает*). Теперь я скажу. Дорогая наша Вероника Васильевна! Вы прожили эти годы достойно. Лично я восхищаюсь вами, вашей добротой, оптимизмом и талантом! У вас прекрасная дочь, и все еще впереди, я очень люблю вас! Большое спасибо вам за то, что вы такая есть! Вы царица! Аплодисменты!

Все аплодируют. Выпивают.

Раиса. Ох, и напьюсь я сегодня, завтра у меня выходной!

Тамара. Напьешься?

Раиса. А что тут такого? И вообще, я хочу поменять свой стиль, свой имидж!

Тамара. Давай, давай, поменяй.

Раиса. На первом плане духовная жизнь, остальное потом.

Тамара. И что, для этого надо напиваться? Выходит, мой Арнольд живет духовной жизнью, каждый день ходит под градусом.

Леша. В двух случаях человек пьет. Когда у него куча денег или когда их совсем нет.

Тамара. А кто же тогда не пьет?

Раиса. Покойник! А я живу и хочу пить!

Вероника. Э, что с тобой, Раиса? Летчик-квартирант появился?

Раиса. Фу, как грубо! Я к ней с открытой душой, а ей обязательно надо ущипнуть.

Вероника. Да ладно, не обижайся, я все по-старому, а ты новую жизнь начинаешь, извини, хорошо?

Раиса. Вот возьму и уведу в отместку Алексея!

Вероника. Стара ты для него, да и семья у него есть. Не позволю.

Раиса. А может, у меня любовь к нему? Семья тут не причем.

Вероника. Раисе больше не наливать, поняли?

Раиса. Алексей, давай напьемся, а? И укатим куда-нибудь, пусть Вероника локти кусает! (*Выпивает*).

Вероника (*спохватившись, идет к шифоньеру, достает утепленную болоньевую куртку*). Зоя, примерь. Это подарок тебе. (*Ко всем*). Ни за что не угадаете, сколько стоит, Тамара, молчи!

Тамара. Сколько бы ни стоила, подарок есть подарок. Самое главное, на свой день рождения она купила дочке подарок!

Вероника. Почти задаром взяла, секунд хэнд, но смотрится как новая.

Зоя примеряет куртку, она хорошо смотрится на ней. (Умалчивает о цене), целует мать.

Вероника. А зимой купим шерсть, свяжем воротник и манжеты. Будешь ты у меня самая модная девушка в городе, ни у кого не будет такой оригинальной куртки! Снимай.

Зоя (умалчивающе). Мама... *(Отходит к трюмо и любуется собой).*

Вероника (садясь и скидывая руки вверх). Как мне холодно. Если бы не конкурс, я бы еще выпила.

Леша. Вы займете первое место, Вероника Васильевна, вы победили!

Вероника. Я так боюсь...

Леша. Сколько раз я просил, выкиньте вы это слово из головы...

Вероника. Э-э-э, ты уже напился, дорогой мой *квартирант!* *(Ментально запрокидывая голову).* Неужели я буду петь Амнерис?

Леша. И даже не сомневайтесь!

Вероника. Как все хорошо у меня складывается, вы только подражайте друзья мои. Дочь красавица, на зиму куртка есть, на платику платит себе подрабатывает и платит за учебу. День рождения спланирован, шампанское нет на столе, шампанское пьем! И скоро буду петь партию. Вот так и жизнь не бывает!

Леша. Мы все придем на премьеру!

Тамара. Билеты купим на первый ряд, где крутые сидят.

Вероника (встает). Представляете, пою партию Амнерис, меня все знают. Приглашают в Большой театр. А там, может, в Ла-Скала *принимается!* *(Полетая в Италию, кругом реклама, интервью, ужас, что искусство бытия нет, аншлаг, дирекция в панике, а на афишах крупными буквами — в роли Амнерис, и моя фамилия — Вероника Соболева! Нет, Соболева не любит, что за фамилия, итальянцы — народ с тонким вкусом. Лучше так — в роли Амнерис Вероника Соболини, а?!)*

Леша. Bravo! Bravo! Со-бо-ли-ни!

Все (скандируют). Со-бо-ли-ни! Со-бо-ли-ни! Со-бо-ли-ни!

Вероника раскланивается, будто на сцене перед заслуженным публикой. Звонок в дверь. Тамара подбегает и открывает. Видит букетик розовых цветов, а за ним иностранец Ким, менеджер.

Арвольд. Верунчик!.. От имени всего прогрессивного искусства ближнего и дальнего зарубежья и от меня лично, а также от имени уважаемого господина Кима из Республики Корей поздравляю вас с этой победой!

Леша подносит им стаканы с шампанским.

Итак, слово предоставляется уважаемому гостю международного искусства господину Киму!

Ким (слегка смущаясь). Я искренне рад, что благодаря таланту и талантам находжусь на вашем торжестве, уважаемая Вероника, уважаемый Леша, уважаемая

счастливой жизни. Как мне сказал Арнольд-сенсяним, у вас прекрасный голос, и вы поете в Опере. Желаю вам успехов, Верунчик-сенсяним!

Вероника. Спасибо...

Все выпивают.

Арнольд. Сенсяним по-ихнему «учитель», у них так принято обращаться.

Ким. Примите, пожалуйста, Верунчик-сенсяним, от меня маленький подарок. *(Подходит и вручает конверт).*

Вероника *(вертя в руках конверт).* Что это, письмо? От кого?

Арнольд. Ну, темнота! Спрячь конверт, там деньги.

Тамара. Деньги?

Арнольд. У них там, в Корее, такой обычай. Это на первый раз.

Вероника благодарно склоняет голову.

Тамара. Вот это обычай! Хочу в Корею!

Ранса. У кого деньги есть, это не проблема.

Тамара. У тебя их нет, что ли? Съездила бы в Корею!

Ранса. Я на квартиру коплю. *(Киму).* А вот нашей Веронике обязательно надо туда слетать и спеть в вашей опере, у вас есть оперный театр?

Ким. Есть, есть.

Ранса. Но, думаю, таких голосов, как у Вероники, у вас нет!

Арнольд. Господин Ким — менеджер по искусству. Я специально привел его к тебе, чем черт не шутит, а, Верунчик? Оцени!

Вероника *(Киму).* Вы можете пригласить меня в вашу оперу, это правда?

Арнольд. Стоп, стоп, по тормозам! Что за дела, сразу быка за рога! Он ведь не слышал. Как ты поешь, должен убедиться, что ты достойна сцены Сеульской оперы...

Ким. Всегда приглашают лауреатов. Только первое место. Второе место — это второе место.

Леша. Извините, уважаемый сенсяним, наша Вероника Васильевна будет петь в Большом театре и даже в Ла-Скала!

Ким *(удивленно).* Да?

Вероника *(смеясь).* Ой-ей-ей, дядя Леша уже готов. Зоя, уведи его на кухню.

Леша. Не хочу на кухню, я уже два месяца на кухне! Но готов целую вечность там прозябать, лишь бы вы, Вероника Васильевна, спели свою царичу! *(Падает в объятия Зои, она уводит его на кухню).*

Ранса *(выпив).* В Корее, наверное, хорошо, не то что у нас...

Тамара. У нас тоже можно жить! *(Киму).* Скажите, сенсяним, чего хорошего вы навиделись у нас?

Ким. У вас очень много земли! Поэтому я плохо понимаю, почему люди живут не очень хорошо?

Ранса. О, сенсяним, вам многого не понять.

Ким. Почему?

нагрузка падает на хор, потому что действие само по себе очень простое — верховный жрец вручает Радамесу священный меч. Больше работайте дома. Иначе мы завалим спектакль. Вы же не поете, а выкрикиваете слова под музыку, куда это годится? Все свободны... Соболева, задержитесь, пожалуйста.

Высвечивается фигура Вероники.

Ходят слухи, будто вы знаете, Соболева, более двадцати партий сопрано и меццо. Вот и покажите комиссии Аиду.

Вероника. Как Аиду, я готовила царицу...

Дирижер. Настройтесь показать Аиду.

Вероника. А Людмила? Это же ее роль...

Дирижер. С ней мы договоримся.

Вероника. Прошу вас, не трогайте Людмилу, она прекрасно поет Аиду!

Дирижер. Ей нужен дублер, все-таки возраст.

Вероника. Дайте мне царицу.

Дирижер. Ну, что вы уперлись? И вообще, с этим спектаклем проблема. Не хватает средств на постановку.

Вероника (*слегка приблизившись и теребя сумочку*). Но вы же встречались с моим спонсором...

Дирижер. Встречались. И даже договорились. Но возникли новые обстоятельства. По окончательной смете не хватает семи тысяч. Передайте спонсору наш разговор. К сожалению, смета есть смета.

Вероника. Вы же сказали, что не хватает трех тысяч, где взять еще четыре?

Дирижер. Какой-то не музыкальный разговор у нас с вами. Сцена, музыка, опера, царица Амнерис и рядом сплошная бухгалтерия. Но ничего не поделаешь, искусство нынче не в почете. Наш театр — не исключение.

Пауза.

Вероника. Скажите, у других конкурсанток спонсоры богатые?

Дирижер. О чем вы говорите? Где они, богатые спонсоры?.. Я настоятельно рекомендую вам показать Аиду. Хотя, верю, царица у вас может получиться недурно! Конечно, при определенной доработке драматического исполнения.

Вероника. Да я готова работать!

Дирижер. Поговорите со спонсором. Конкурс на носу. Желаю удачи!

Свет гаснет.

Картина одиннадцатая

На сцене полумрак. Идет конкурсное прослушивание. Вертикальным лучом высвечен Радамес. Слева от него Аида, партию которой исполняет Вероника. Эпизод в подземелье.

Радамес (*удивленный неожиданным появлением Аиды. Поет*). «Любовь моя, вот и настал конец!..»

Вероника (*Аида*). «Любимый мой, я решилась! Нам вместе не страшна смерть, теперь никто не сможет разлучить нас! Прости, земля, прости, приют всех горестных страданий!..»

Заканчивается дуэт, после которого должен прозвучать плач царицы. Но нет исполнительницы Амнерис, и сцена обрывается. И тут Вероника преображается в царицу Амнерис, сцена продолжается.

Вероника (*Амнерис*). «О, боги, сжальтесь! Без Радамеса жизнь моя ни к чему. Отныне я, Амнерис, не царица, о, боги, сжальтесь! Пусть жив останется герой моих страданий Радамес!..»

Свет гаснет. Гром аплодисментов. Полный свет высвечивает авансцену. Из-за кулис с цветами и поздравлениями выбегают Леша, Зоя, Тамара, Раиса и Арнольд.

Зоя (*кидаясь к матери*). Mamочka!..

Вероника. Как я, доченька?

Зоя. Как всегда!

Раиса. Ой, Верочка!.. Я шмыгнула в зал, слушала царицу из Молдавии и Урала, никакого сравнения, ты класс! Комиссия не дышала. Когда ты пела.

Тамара. Это ж надо так, была рабыня, а потом раз — стала царицей!..

Леша. Вы царица, Вероника Васильевна!

Арнольд. Верунчик, поздравляю!.. Разговор есть, отойдем.

Вероника. Что-нибудь случилось? Внес деньги?

Арнольд. Три-то я внес, сенсяним помог. Еще надо четыре, ты же знаешь.

Вероника. Ну?!

Арнольд. Я опять кинулся к этому корейцу. Говорит, о'кей, только потребовал залог.

Вероника. Какой еще залог?

Арнольд. Когда занимаешь большую сумму, нужен залог. Кто машину закладывает, кто квартиру...

Вероника. Зачем?

Арнольд. На всякий случай. Вдруг человек не сможет вовремя вернуть деньги, тогда залог отдает.

Вероника. Машины нет, значит, квартира?! А где мы с Зойкой будем жить?

Арнольд. Не волнуйся, Верунчик, я рассчитаюсь. Перезайму и рассчитаюсь. А сейчас надо залог оформить. Нужны документы на твою квартиру.

Вероника. Ты рассчитаешься, а с тобой как я рассчитаюсь?

Арнольд. Об этом не думай. Вернешься из Италии, рассчитаешься.

Вероника. Какая Италия, ты что?!

Арнольд. Стоп. Хватит. Время идет. Если сейчас не оформим залог, ты прозвоняешь царигу! Я этого не выдержу! Идем за документами, вперед!.. *(Убегают).*

Свет гаснет.

Картина двенадцатая

Та же комната. Мебель расставлена как в первой картине. Раскладушки нет, шифоньер и пианино водружены на свои прежние места.

На диване, уткнувшись лицом в подушку, лежит Вероника в зеленом халате с китайскими розами.

Раздается звонок, и тут же шумно входят Тамара и Раиса с корзиной цветов.

Тамара. Ты смотри, царица отдыхает!

Раиса. Имеет право! Вероника, ты пела прекрасно. И рабыню, и царигу, даже комиссия аплодировала.

Тамара. Вставай, к тебе гости пришли поздравить с победой!

Вероника *(садясь на диване).* Ну, что вы, девочки, какая победа...

Раиса. Не скромничай. Я видела их реакцию, у тебя шанс!

Вероника. Какие красивые цветы... Наверное, дорого стоят? Зачем надо было тратить...

Раиса. Тамара, как дела у Арнольда?

Тамара. По нотариусам бегает, залог оформляет.

Вероника. Надо сказать ему, не надо оформлять. Поздно. Определили нас. Дирижер извинялся, он тоже не знал, что молдавскую певицу еще до конкурса внесли три штуки, а потом добавили.

Тамара. Как?!

Вероника. Очень просто...

Тамара. Значит, мой напрасно бегает?

Вероника. Значит, напрасно.

Раиса. Да-а-а, дела... Ну царигу не дали, а как рабыня, тебе же ее обещали?

Вероника. Нельзя. Это Людмилы роль. Ее единственная большая роль.

Раиса. Ты что на самом деле! Сейчас такое время, выпал шанс, не упускай!

Вероника. Если я отберу у нее роль Аиды, ей предложат уйти на пенсию. А как проживешь на пенсию? Муж кандидат наук, без работы... Люда только что была здесь. Говорит спасибо, а сама плачет. Еле успокоила.

Раиса. И что, опять будешь в хоре петь?

Вероника. Буду петь в хоре.

Раиса. Тебе нельзя петь в хоре, все говорят, что твой голос не для хора, ты талант, все знают, надо пробиваться!

Вероника. Если все будут пробиваться, кто в хоре останется?

Раиса. Пусть другие поют в хоре, а ты должна быть первой солисткой, царицей, потому что ты Соболини!

Вероника (*смеется*). Какая там Соболини, Соболева я!..

Появляются Зоя и Леша. Он с тортом и бутылкой шампанского.

Леша. Здравствуйте, Вероника Васильевна. Надо отметить ваш успех!

Вероника (*принимая торт*). Ну, вот!.. Леша, ты всегда вовремя.

Зоя. Mam, тетя Лена прислала телеграмму. В Одесской опере нужны сопрано. Тоже в хоре.

Леша. Опоздала ваша тетя, Вероника Васильевна Соболини теперь будет петь царицу...

Вероника. Зоя, спрячь телеграмму, потом разберемся. Нам с тобой нужно все хорошенько обдумать. А сейчас — праздник! Давайте стол, шампанское, хрусталь граненный!

Тамара и Леша быстро выдвигают стол. Открывают шампанское, разливают. Все торжественно поднимают наполненные стаканы.

Раиса. Алексей, Веронике не дали царицу, а рабыней она не хочет быть, вы разве не в курсе?

Леша. Нет...

Вероника. Ничего страшного, Леша. Лучше расскажи, как твои дела?

Леша. Все хорошо, Вероника Васильевна. Оля так изменилась. Они с мамой поняли друг друга, я не узнаю их.

Вероника. Ну и славно. А кто скажет тост?

Зоя. Я скажу.

Вероника. Говори, доченька.

Зоя. Мама!.. Не знаю, какая я дочь у тебя, но ты у меня самая хорошая в мире мама! Как говорят боксеры, надо уметь держать удары. Ты лучше всех боксеров!.. Я очень люблю тебя!

Тамара. Я сейчас заплачу... Зойка говорит совсем как взрослая.

Зоя. Да, тетя Тома!.. Ну, что такое для моей мамы эта комиссия? Все эти дирижеры, хормейстеры, они же упиваются властью и над кем? Над рядовыми артистами. Захотят — дадут роль, не захотят — не дадут. Мне даже говорить об этом противно, насмотрелась. Поэтому я хочу, чтобы мы подняли шампанское за мою маму, Веронику Соболеву! Мама, можно я тоже выпью, немного?

Вероника. Конечно же, родная моя!

Все выпивают. Кроме Леша.

(*Леше*). А ты что такой смурной, а?

Леша. Не знаю, Вероника Васильевна.

Вероника. Только что говорил, что у тебя дома все наладилось.

Леша. Да, дома все в порядке... Почему-то не хочется от вас уходить. (*Выпивает*).

Вероника. Главное, Леша, не ныть и не плакать. Ныть — это большой грех, так в Библии сказано.

Леша. Мне будет не хватать вас. И вашей дочери... Не уезжайте, а?

Вероника. С чего ты взял, что мы уедем?

Леша. Уедете в Одессу. Вот и телеграмму получили.

Вероника. Ну, хватит! Давай-ка лучше споем что-нибудь душещипательное, мы с тобой давно не пели. Споем?

Тамара. И правда, спойте, а?

Раиса выдвигает две табуретки и усаживает на них Веронику и Лешу. Они поют в два голоса.

Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди...
Восторг любви нас ждет с тобою,
Не уходи, не уходи!.. *(и так далее)*.

Занавес.

КОНЕЦ

ПАМЯТЬ

(хроника первых лет)

Драма в 2-х действиях (12 картин)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семья Ким.

Ким Николай, юноша — 17 лет.

Ким Гиль Ман, его отец — 45 лет.

Те Су Нег, его мать — 45 лет.

Ким Ен Дин, его дедушка — 65 лет.

Семья Пак.

Пак Анна, девушка — 18 лет.

Пак Петр, ее отец — 45 лет.

Ю Хя Сен, ее мать — 45 лет.

Че Ген Най, ее бабушка — 63 года.

Семья Ли.

Лиза, молодая женщина — 40 лет.

Федор, ее муж — 45 лет.

Казахская семья.

Орынбай Темиров, чабан — 60 лет.

Халима, его жена — 45 лет.

Другие роли.

Рассказчик.

Милиционер.

Водитель.

ПРОЛОГ

Осенняя ночь 1937-го года. Степь. Небо светится бисером звезд. Слышится приближающийся рев мотора. Темень прорезают фары подъехавшего грузовика. В контрастном свете — сумятица людей, слышен лишь грохот открывающихся бортов и беспорядочные реплики, полные страха и ужаса перед неизвестностью.

Голоса. — Что вы делаете?! (рус.)

— Куда мы приехали? (кор.)

— Дети, вы где? (кор.)

— Осторожно, не упадите! (кор.)

— Отцепись, старый хрыч! (рус.)

— Почему мы здесь, где люди? (рус.)

— Мое дело маленькое, ишь чего захотел? (рус.)

— Коля, стой здесь, не плачь! (кор.)

— Бабушка, осторожнее! (кор.)

— Дайте сюда Ондори! (кор.)

— Везите туда, где люди! (рус.)

— Молчать! (рус.)

И выстрел! Полная тишина. Всклипывание и детский плач.

На авансцену, пьяно шатаясь, выходит и останавливается перед фарами Водитель. К нему, сгорбившись, подсакивает Милиционер и, размахивая пистолетом, орет. (Диалог на русском).

Милиционер. Ты чего прячешься, в штаны наложил?!

Водитель. Не могу я!.. (Лихорадочно пьет из походной фляжки).

Милиционер. А я могу?! (Вырывает фляжку и делает несколько судорожных глотков). Ты, значит, человек, а я зверь? У меня нет сердца, да?

Водитель. Помрут они все тут...

Милиционер. Под трибунал меня хочешь подвести, сволоочь? (Кидается на Водителя).

Водитель. Лучше бы ты меня пристрелил, чем пинать старушек, мусор поганый!

Милиционер. И пристрелю!

Водитель (срывая на груди телогрейку с петель). Стреляй!

Милиционер. Нетушки! Ты повезешь меня обратно, на станцию! Как миленький повезешь. А там разберутся с тобой, кулачье недобитое!

Водитель. Разберутся, а как же! Со всеми разберутся, дай только срок, со всеми разберутся, и кое-кто дерьмом захлебнется, э-э-эх!..

Милиционер. Дурья твоя башка! Велено нам с тобой выгрузить их в степи, так выполняй приказ! Или вышку хочешь заработать?!

Водитель. Не могу я больше... Все горит вот тут! (Стучит по своей груди). И спирт не подмога, смотреть больно...

Милиционер. А ты закрой свои зенки, и уши портянкой заткни!

Водитель. Быдло ты в погонах!

Милиционер. Пристрелю!!!

Свет гаснет. Только луч прожектора освещает Рассказчика на авансцене.

Рассказчик. Так оказались в осеннюю ночь 1937-го года в казахстанских степях немало корейских семей. Это были наши дедушки и бабушки, отцы и матери. Корейцев везли из Дальнего Востока и разбросали по степям Казахстана и Узбекистана. Наш рассказ всего лишь о нескольких семьях... Наступило утро следующего дня...

Свет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Ранний рассвет. В тумане едва различимы грязно-белый курган из человеческих спин, накрытых мешками.

Движимые страхом и любопытством, приближаются к кургану старый чабан Орынбай и его жена Халима. Остановились. (Диалог между ними на казахском).

Халима. Это, кажется, люди... Живы ли? (*Мынаны кара... Адамдарга уксой гой...*).

Орынбай. Да помолчи же ты... Если это люди, тем хуже для нас... Говорил Жылкыбай, что скоро в этих краях объявятся пришельцы... Да убережет нас Аллах общаться с ними – расстрелом грозил. (*Унинди ошир... тыныш! Ешкимде жумысын болмасын... Жылкыбай айтып еди гой. Боскындарды жалатпандар деп, ату жасасын береди, кудай сактасын!*)

Халима. Ой-а-ай...

Услышав голоса, серый курган зашевелился. Один из мешков сполз со спины сидевшего на землю, человек обернулся. Это Пак Петр. Весь продрогший, он встал. Чабаны в испуге отступили на шаг.

Петр (*хрипло, на корейском*). Анненгхасимника...

Чабаны молчат.

(*На русском*). Здравствуйте... (*Протягивает в приветствии обе руки*).

Чабаны застыли в оцепенении.

Орынбай. Вы кто? Что случилось? (*рус.*)

Петр. Ночью привезли. Там железная дорога... (*рус.*)

Орынбай. Что надо? (*рус.*)

Петр. Где люди? (*рус.*)

Орынбай. Нам нельзя разговаривать с вами, беда будет!.. Уходите. (*рус.*)

Подошел старик Ким Ен Дии.

Ен Дии (*спрашивает у Петра*). Что за люди, кто они?

Петр. Это местные.

Ен Дии. И что они говорят, есть тут люди?

Петр. Чужаки мы для них, пришельцы. Боятся нас, просят уйти...

Ен Дии. Как это уйти, куда? И чего нас бояться-то?

Петр. Откуда мне знать.

Ен Дии. Вы спросите, где тут люди?

Петр (*Орынбаю, рус.*). Вам не надо бояться, мы корейцы. Нас привезли ночью... Мы не хотим зла. У нас ребенок маленький, мой сын Ондори... (*Подбегает к жене, забирает сынишку, укутанного во всевозможные одеяла, возвращается к чабанам, показывает*).

Осмелев, Орынбай заглядывает в закуток из одеяла.

Курган нарушился. Люди подходят, становятся в круг. Плачет Ондори на ру-

как у матери Ю Хя Сен. Халима тоже убеждается, что это маленький ребенок, снимает с себя выцветшую шаль и накрывает ребенка поверх одеяльца.

Старик Ен Дин благодарственно склоняет голову в сторону Орынбая. Халима пытается взять на руки плачущего ребенка. Хя Сен насторожена и еще крепче прижимает сыночка к груди. Тогда Халима берет под руки Хя Сен и предлагает жестом идти. Хя Сен в нерешительности оглядывается на своих.

Орынбай (жене). Что ты надумала? Ты что, забыла, о чем нас предупреждали? (Жындымысын? Бизди ескерттип еди гой, ешкимди жолатпандар деп!).

Халима. Про ребенка ничего не говорили. Ребенок мерзнет, его надо кипятком напоить. (Нересте, жас бала жониде ештеме айтылган жок еди гой. Катып капты, бейшара. Ен болмаса жылы су берип тирилтип алайык.)

Молчит Орынбай. Молчат и корейцы, не понимая, о чем говорят казахи. Халима уводит мать с ребенком.

Орынбай. Я казах... А вы кто будете, сынок?

Петр. Мы корейцы.

Орынбай. Корейцы?

Петр. Да... А казахов здесь много?

Орынбай. Было много. Джут был, померли все. Кто успел, в Китай ушел... Мы с женой остались, больше никого здесь нет.

Петр. Что такое джут?

Орынбай. Джут — это голод.

Ен Дин (кор.). Что он говорит?

Петр. Говорит, что голод всех уничтожил, кто смог, в Китай ушел. Они только вдвоем в этих краях остались, больше никого нет.

Орынбай (рус.). Мы живем вон там, за холмом. Юрта маленькая, не могу всех пригласить в гости, да простит меня Аллах... (Уходит).

Ен Дин. Кто он по национальности?

Петр. Казах.

Ен Дин. А-а-а... Попросите его, пусть старушек возьмет к себе в дом погреться.

Петр. Да говорят же вам, нельзя ему с нами общаться, строго предупредили.

Гиль Мая. Мы что, прокаженные что ли?

Петр. Еще один умник нашелся! Книжки читает, а что на белом свете творится, никакого понятия.

Спешно возвращается Хя Сен. Без ребенка.

Хя Сен. Ондори описался, пеленки мокрые...

Петр. Так замени!

Хя Сен в поисках одежды перебирает узлы, что свалены в стороне, развязывает их, не находя, откладывает, хватается за другие узлы, движения ее нервные, отчаянные, становятся все беспорядочнее...

Хя Сен. Аня, ты не видела узел с детской одеждой, там пеленки? Бабушка, я же вас просила присмотреть за тем узлом!..

Все трое начинают искать злополучный узелок. Напрасно.

Петр (жене). Ты не можешь поаккуратнее, чего все разбросала?

Хя Сен. А что вы на меня кричите? Ребенок мокрый, пеленку ищут! Не могла же я оставить в машине, все время рядом держала, куда делся узелок?!

Бабушка. Что вы затеяли ссору, людей бы постыдились.

Лиза. Пусть, бабушка, покричат немного, разогреются. Послушай, Хя Сен, успокойся, пусть ребенок мокрым поспит. Развернешь, совсем пропустишь.

Хя Сен. Не вмешивалась бы, а?

Лиза. Вот так всегда! Хочешь людям добра, а они лаются как собаки.

Хя Сен. Как ты сказала? Я что ли собака?!

Петр. Заткнитесь, вы!

Хя Сен. И не кричите на меня! Лучше ее успокойте, кошку блудливую, давно она хочет этого!

Лиза издевательски хохочет.

Хя Сен. Бесстыжая!

Петр. Да замолчишь ты наконец?!

Бабушка. Хватит вам. Из-за чего скандал устроили...

Хя Сен. Нет, я этого так не оставлю! Чуть что, кричит, хоть слово нормальное когда услышала. (Мужу). Думаете, я не знаю, почему кричите? Я не слепая! (Вскакивает и кидается на Лизу).

Петр перехватывает ее за плечо и вновь бросает на узлы. Дочка Аня бросается к маме.

Аня. Мама, не надо!

Ев Дин. Послушайте, Петр, остепенитесь. Подумайте — что с нами, где мы? Нашли время ссориться...

Петр. А вам что за дело? Одной ногой на том свете, а все поучать людей норовите.

Гиль Ман. Похоже, ты с ума сходишь, Петр! Как ты разговариваешь со старшими?

Петр. Ну и ну!.. Это у тебя не хватает мозгов — ваше время давно прошло, умники нашлись. Из-за таких, как вы, может, мы и оказались здесь!

Гиль Ман. Что ты такое несешь?

Петр. А то, что батрачили мы на вас, поизмывались вы над людьми, а конец один — подыхать будем вместе на чужбине!

Гиль Ман. Кто измывался?!

Петр. Да вся ваша сволочная порода! Если бы Советская власть не раскулачила вас, так и продолжали бы мы работать на вас.

Гиль Ман. Да ты вспомни, мы как братья росли! Сколько я книг в ваш дом носил в детстве...

Петр. Книги носил, а дома у себя ел рис, нашими руками выращенный. Насрал я на твои книги, понял?!

Бабушка (сыну Петру). Опомнитесь!

Лиза. Ух, какой вы горячий, Петя! Можно погреться, а то продрогла с головы до пят? Да ладно уж, пожалею твою жену дурочку... У меня свой муженек есть, и на твоего, Хя Сен, не стану зариться! *(Хохочет)*.

Хя Сев. От тебя, такой стервы, не зря муж сбежал.

Лиза. Врепшь, дорогая, не сбежал он. Все знают, что он в другой эшелон попал. Но он все равно найдет меня... А ты зорче присматривай за своим, как бы он не сбежал!

Хя Сен, уткнувшись в узлы, плачет.

Появляется Орынбай с женой. Халима несет ребенка. Хя Сен, спохватившись, принимает его. Орынбай принес огромный закоптелый чайник и пиалы. Халима разливает кипяток в пиалы и раздает.

Орынбай извлекает из-за пазухи вдвое сложенную лепешку, разламывает ее на маленькие кусочки, угощает.

Медленно гаснет свет. Луч прожектора высвечивает Рассказчика.

Рассказчик. К зиме корейцы вырыли землянки и спрятались в них. Из землянок над ровным снежным покровом заструился горький дым миновавшей беды и грядущих надежд — выжили... Пять весен прошло с тех пор. Пять неимоверно трудных лет — выжили... Что корейцу нужно? Солнце, земля, вода... Всего этого было достаточно на казахстанской земле... А где-то далеко на западе шла война...

Картина вторая

Рассказчик (продолжает). Итак, весна 1942 года. Ким Николаю уже 17 лет, а Пак Ане — 18... *(Уходит)*.

Поляна покрыта маковым цветом. Высоко в небе заливаются жаворонки.

Слышится приближающийся голос Николая: «Аня!»

Оглядываясь по сторонам, появляется Аня. Вот и Николай. Он прячет зади венки из одуванчиков. Подходит к Ане и водружает венок ей на голову. Аня трогает венок кончиками пальцев, она счастлива.

Аня. Ты и вправду ходил в военкомат?

Николай. Да... Ходил. *(Вздыхает)*.

Аня. Зачем?

Николай. Надо было.

Аня. Ты просился на фронт?

Николай. Просился... Сказали, что нет восемнадцати. Откуда они знают, что нет мне восемнадцати, у меня же нет паспорта?

Аня. Если бы взяли, вернулся попоцаться... с родителями? Со мной?

Николай. Вообще-то не представляю, как это я прощался бы...

Аня. Я так испугалась, когда ты не пришел сюда. Ждала до самых звезд... Спросила у твоей мамы, она сказала, что ты, наверное, ушел на станцию, последнее время ты все бредил военкоматом. Потом мы договорились с ней и ночью тронулись в дорогу. Думали, к утру доберемся до станции, но нас нагнал твой отец и вернул назад. Он очень добрый, твой отец, не кричал, не ругался, молча повел нас назад.

Николай. У нас в семье никто никогда не кричит... А как бы ты ждала меня с фронта, вот интересно мне знать.

Аня (*игриво*). А вдруг я замуж вышла бы?

Николай. За кого? Кругом степь, никого нет.

Аня (*после паузы*). Ты вон много книг прочитал, а сообразить не смог, каково было бы мне — ушел, не попрощавшись... Прямо в поле в воду упала. Рассаду взяла, хотела стебелек отделить, да как закружится голова, и плюх — в воду. Твоя мама рядом была, подхватила и вывела на дамбу...

Николай. Голодный обморок?

Аня. Не знаю.

Николай. А как Ондори себя чувствует?

Аня. Плох он, еле ходит. Выйдет из дому, на солнышке прогреется и назад. Целый день один, все же на поле, с рассвета до темна, надо с посевом успеть.

Николай. Каждый год успевали, в этом что ли не успеем...

Аня. А ты думал в эти дни про меня, вспоминал?

Николай. Да я был зол, хуже тигра... Казахов берут на фронт, а нас, корейцев, — нет. Четверо нас было, те постарше, но все равно, говорят, еще рано, возвращайтесь домой.

Аня. Совсем не вспоминал?

Николай. Вспоминал. Ночами.

Аня. А как... вспоминал?

Николай. Песни твои вспоминал. Ты говорила, тебя тетя Лиза учила петь.

Аня. Да, тетя Лиза.

Николай. Тогда отчего она веселые песни поет, а ты — грустные?

Аня. Как получается, так и пою... Вчера родилась песня, целый день пела, не вслух, а так, про себя.

Николай. Споешь?

Аня. Нет. Опять скажешь, что грустная.

Николай. Да ладно тебе. Мне нравится, как ты поешь. Спой.

Аня. Давай вместе.

Николай. Я же слов не знаю...

Аня. Они простые... (*Поет*).

Опять мы расстались,

Опять не простившись —

Только дыханье твое...

Опять в ожидании

Скорых свиданий —

Радость и горе мое...

И я, и ты,
И ты, и я —
Нам расставаться нельзя.
А если случится
Нам разлучиться? —
Нет, расставаться нельзя,
Нет, нет, нет,
Нам расставаться нельзя!..

Аня и Николай (дуэтом):

И я, и ты,
И ты, и я —
Нам расставаться нельзя.
А если случится
Нам разлучиться? —
Нет, расставаться нельзя,
Нет, нет, нет,
Нам расставаться нельзя!..

Голос (Бабушки). Аня... Аня!..

Появляется Бабушка.

Бабушка. Что же ты делаешь, Аня? Отец ищет тебя.

Еле сдерживая себя, появляется Петр.

Петр (дочери). Ну-ка, марш домой. *(Николаю).* А ты, сосунок, еще раз увижу тебя с Аней, пеняй на себя!

Аня. Папа!..

Петр (дочери). Я предупреждал тебя — не водиться ни с кем из этой породы!

Николай. По какому праву вы оскорбляете меня? Что значит «порода»?

Петр. Ты глянь на него, он еще огрызается!

Николай. Я не огрызаюсь, я говорю, что вы оскорбляете меня и моих родителей.

Петр. Вот что. Передай своим умникам-родителям, что никогда нам не породниться. И ты тоже это запомни. И чтоб я тебя не видел с Аней, понял?

Бабушка. Зачем обижать молодого человека, что он такого сделал?

Петр. Оставьте! Не слепой я. Думаете, не вижу, что у него на уме? *(Ане).* Я кому сказал, марш домой! Дождешься, выпорю как следует!

Николай. Только попробуйте Аню тронуть!

Петр. Что?!.. Молоко на губах не обсохло, а все туда же, с угрозами.

Николай. Я не угрожаю. Я предупреждаю.

Бабушка. Коля, тебе лучше сейчас уйти. Послушайся меня, иди домой.

Опустив голову, Николай уходит.

Петр (дочери). А ты чего стоишь?

Бабушка берет за руку Аню. Уходят.

(Садится на землю, обхватывает голову в висках). Что же делать с этим сопляком... Не дай бог, если уже натворил чего... Как выдержать такое? За что мне такое наказание?

Голос Лизы. За грехи, Петя, за страшные грехи.

Появляется Лиза, поигрывая веточкой тamarиска.

Петр. Тебе-то что надо, по ночам шляешься?

Лиза. Не догадываешься? Чтобы ты не сбежал от своей благоверной.

Петр. Сумасбродная... Федор твой мотается где-то, может, с голоду помирает, а ты чужих мужиков пасешь.

Лиза *(после паузы)*. Устала ждать... Твоей-то хорошо, поди каждую ночь любовню занимаешься, а? Ее не убудет, если со мной поделится.

Петр. И правда — бесстыжая... А еще песни поет.

Лиза. Пою. И знаю, что тебе нравится, как я пою.

Петр. Кто это тебе сказал?

Лиза. А то не вижу! И дочь твоя Аня говорила. «Тетя Лиза, папа велел мне у вас научиться песни сочинять, говорит, что вы очень хорошо поете». Говорил, сознавайся?

Петр. Не было такого, выдумывает.

Лиза. И тебе не нравится, как я пою?

Петр. Подойди, сядь рядом.

Лиза. Зачем?

Петр *(усмехнувшись)*. Два вопроса задают женщины, на которые мужики не знают что ответить.

Лиза *(присаживаясь)*. Это что за вопросы?

Петр. Первый вопрос — что ты делаешь? А второй — зачем?

Лиза. Ты тоже не знаешь ответа? Бедняжка!..

Петр. Знаю! *(Обнимает Лизу за плечи, и оба опрокидываются на спину).*

Появляется Гиль Ман. Он смущен увиденным..

Гиль Ман. Кхе, кхе... Послушайте, все вас ждут.

Лиза *(высвобождаясь из объятий Петра)*. А что случилось?

Оба встают, приводят себя в порядок.

Гиль Ман. Забыли что ли? Собрание.

Лиза. О, господи, когда эти собрания кончатся...

Петр. Послушай, Гиль Ман, ты бы что-нибудь помудренней придумал, а то — собрание... Признайся, за Лизой следил? Могу исчезнуть, все равно у тебя ничего не получится.

Гиль Ман. Не говори глупости. Про собрание еще вчера было объявлено, Лиза может подтвердить.

Петр. Интересно, где это вы договорились? (*Лизе*). Он тебе случайно стихов не читал?

Лиза. А хоть бы и читал, тебе-то что надо?

Петр. Что мне надо, тебе известно. А что Гиль Ман хочет, а? (*Гиль Ману*). Бедняжка, ты весь дрожишь! Признайся, не прочь Лизу потискать, а?

Гиль Ман. Заткнись.

Петр. О-о, вот это уже мужской разговор. А то собрание да собрание... Только хочу предупредить тебя, Гиль Ман, если с первого захода не справишься с ней, второго не будет...

Лиза наотмашь дает Петру пощечину. Тот, сдержав гнев, гладит щеку, улыбается.

(*Гиль Ману*). Видишь какая она?.. А ты со своими стихами. Плохи твои дела.

Гиль Ман (*хватает Петра за грудки*). Говорю тебе, на собрание надо идти, а ты несешь чепуху!

Петр. Чепуха, говоришь? Не-ет, женщина — это не чепуха... Отпусти рубашку и отойди подальше, ненароком могу и по ушам врезать.

Гиль Ман отпускает Петра.

Гиль Ман. Лиза, извините, пожалуйста.

Петр. Ты глянь на него, какой воспитанный, Любопытно, с чего ты начнешь мужское дело, если оставлю вас наедине... Не бойся, Гиль Ман, я не скажу твоей жене. Приступай! (*Хочет уйти*).

Гиль Ман (*преграждая ему дорогу*). Постой! На собрание вместе пойдем. Лиза, идемте...

Лиза подходит к Гиль Ману, берет его за руку и гладит по груди. Улыбается.

Лиза. Пойдем, конечно же, пойдем на собрание...

Гиль Ман, словно, укрощенный, в бессилии садится на землю и опускает голову.

Петр. Ты, Лиза, поосторожнее, видишь, что с ним делается, страсть сжигает человека.

Лиза. Помолчал бы, кобель! (*Продолжает успокаивать Гиль Мана*).

Появляются Су Нег и Хя Сен.

Петр (*смеясь*). Ну и дела!..

Су Нег. Гиль Ман, мы уже устали ждать, будет собрание или нет?

Лиза отходит от Гиль Мана, поправляет прическу.

Петр (*обращаясь к Су Нег и Гиль Ману*). Ну и парочка, помешались на собраниях! Ты не думай, Су Нег, твой муж только о собраниях тут говорил и ни о чем другом.

Су Нег (*сдержанно*). А я и не думаю.

Петр. А давайте тут собрание устроим? Повестка дня: аморальное поведение некоторых членов нашей бригады, кто «за»? (*Поднимает руку*).

Хя Сен (*мужу*). Может, ваше поведение?

Петр. А я-то причем? Не меня ласкала наша красotka Лиза.

Гиль Мая. Что вы распумелись? Никто никого не ласкал... Это так, случайно. Идемте на собрание! (*Уходят*).

Петр в стороне хохочет, спрятав лицо в своих ладонях.

Свет гаснет.

Картина третья

У землянки Кимов. Дедушка Ен Дин читает старинную книгу при свете масляного фитиля. К нему подходит с раскрытой тетрадкой Су Нег.

Су Нег. Дедушка, проверьте, пожалуйста, я правильно написала, ошибок нет?

Ен Дин (*пробежав страничку глазами, возвращает тетрадку*). Уже стали лучше писать. Прочтите, что написали.

Су Нег (*ободренная похвалой, читает*). «Мы приехали из Вондо. Это Казахстан. Мы живем в этой степи уже пятый год. Урожай в этом году ожидается неплохой...»

Входит Николай. Су Нег смущенно закрывает тетрадку и торопливо уходит в сторону.

Николай. Мама, вы уже здорово читаете и пишете. Глядишь, писателем станете, а?

Су Нег. Не говори глупости. И не шуми, отца разбудишь. (*Уходит в землянку*).

Ен Дин (*внуку*). Что-нибудь случилось, отчего такой мрачный?

Николай (*помолчав*). Нет, ничего не случилось.

Ен Дин. Впрочем, дело понятное, весна. Прекрасная пора!.. Хочешь стихи послушать? Самые подходящие для тебя... Твой отец очень любил эти стихи. В молодости. Слушай. (*Читает нараспев стихи о любви*).

Николай (*после паузы*). Дедушка, я хочу спросить вас...

Ен Дин. О чем?

Николай. О многом.

Ен Дин. Спрашивай, чтобы душа не томилась.

Николай (*после паузы*). Почему мы здесь, в чужих краях? За что нас выселили из Вондо?

Пауза.

Ен Дин. Послушай меня, Коля. Никогда не задавай подобных вопросов.

Николай. Почему же?

Ен Дян (*после паузы*). Потому что многие поплатились жизнью, пытаясь узнать правду... Прошу тебя, не спрашивай.

Пауза.

Николай. Казахов берут на фронт, а нас — нет. Ведь война идет, любой должен идти на фронт, защищать страну от фашистов!.. Мы в чем-то виноваты?

Из землянки выходит проснувшийся Гиль Ман, подсаживается к ним.

Гиль Ман (*сыну*). Не на все вопросы можно найти скорый ответ. Лучше послушайся дедушку... Коля, у меня есть к тебе один вопрос. Если не хочешь, можешь не отвечать... Я про Аню хочу спросить. Похоже, вы не можете жить друг без друга, это так?

Николай. Да.

Гиль Ман. Может, это тебе так кажется? Ты ведь не был знаком с другими девушками.

Николай. Папа, при чем тут другие девушки? Да хоть тысячу распрекрасных девушек, для меня есть только Аня, она такая хорошая!

Гиль Ман. Любят не хороших, а любимых.

Николай. Я без Ани и дня не проживу. Я никогда не оставлю ее!

Гиль Ман. Аня тоже так думает?

Николай. Да. А почему вы спрашиваете об этом? Вы же знаете, я никогда не скрывал, что люблю Аню.

Гиль Ман. Мудрость человека в том, чтобы понять другого человека. Я имею в виду Аниного отца.

Николай. Вряд ли я достиг мудрости, но я его понимаю.. Но это не значит, что должен отступить от Ани...

Гиль Ман. Ты прав. И никогда не оставляй Аню. Ей очень нужна твоя поддержка...

Свет гаснет.

Картина четвертая

День. Дедушка Ким Ен Дин с кетменем наперевес проходит мимо двора Паков. Останавливается.

Ен Дин. Есть ли кто дома?

На зов выходит Бабушка Ген Най.

Бабушка. А-а, это вы... Я жду Петю.

Ен Дин. Все на поле, там и обедают. Я вот иду туда, как бы дамбу не прорвало. В этом году в Каратале щедрая вода, того и гляди зальет чеки больше положенного... А чего это сына ждете?

Бабушка. Внучек мой, Ондори совсем занемог. Аню отправила за отцом... Вы-то как себя чувствуете?

Ен Дин. Совсем не так, как в молодости... Да-а. Вы тогда были, слов нет — красота ваша могла поспорить днем с солнцем, а ночью с луной, а?

Бабушка. Что это вас потянуло такими словами изъясняться?

Ен Дин. Неужели забыли, как молоды мы были? Многие завидовали мне, когда мы с вами вместе шли по селу!.. Не думаю, что вы забыли.

Бабушка. Нашли что вспомнить.

Ен Дин. Я вот иногда думаю, как это так получилось, что даже на чужбине вместе оказались?

Бабушка. Обькновенно. В один эшелон попали. Даже в один вагон.

Ен Дин. В том-то и дело, что даже члены одной семьи попадали в разные эшелоны. Вон Лиза с мужем расстались...

Бабушка. Да Федор побежал, чтобы хоть несколько снопов риса в дорогу накопить, ведь все поспело! А Лизу погнали вместе с нами на станцию, вот и расстались.

Ен Дин. А вот мы с вами вместе. Спасибо судьбе.

Бабушка. Конечно, это хорошо, что знакомые люди вместе оказались, тем более на чужбине.

Ен Дин. Быть может, это смешно звучит, но я вас считаю не просто знакомой, а даже родственницей. Наверное, оттого мне радостно, что наши внуки дружат между собой. Мне кажется, наш Коля влюблен в вашу внучку... Хоть бы так породниться.

Бабушка. Прошу вас, не говорите об этом при моем сыне. Он и слышать не хочет.

Ен Дин. Какая сила может противостоять чувству любви!

Появляются запыхавшиеся от быстрой ходьбы Петр, его жена Хя Сен и дочка Аня. Хя Сен и Аня вместе с бабушкой тут же исчезают в доме.

Петр недовольно оглядывает старика Ен Дина, затем следует за женщинами.

Помедлив, дедушка Ен Дин отставляет кетмень и решается войти в дом. Навстречу выходит Петр, заставляя старика пятиться.

Петр. Ну что вам здесь надо? Что вы тут околачиваетесь, ребенок болеет?!

Ен Дин. Покажите мне его, может, совет какой дам, я кое-что знаю.

Петр. Я еще раз повторяю, уйдите и копайтесь в своих книгах, не будите во мне зверя. Сколько можно говорить, видеть вашу породу не могу.

Ен Дин. В книгах — мудрость. И о болезнях многое говорится. Покажите мне ребенка.

Петр. Уйдите, вам говорят!.. *(Угрожающе наступает на старика, тот неловко оступается, падает)*. Тоже мне лекарь нашелся!.. Раньше надо было о ребенке думать. Забыли, как в вагон садились? Из-за вапих книг наши мешки с рисом выкинули. Мы же умоляли вас оставить книги, лучше взять рис, в дороге пригодится, так нет же! Как паук вцепились в сундук с дурацкими книгами, а в дороге сами чуть с голоду не подохли! Ребенку кашу не из чего было сварить!..

Ен Дин (*поднимаясь с земли*). Книги тут не причем. Мы отдали вам весь рис.

Петр. А кто его вырастил? Кто вам принес целых два мешка?

Ен Дин. Я обучал грамоте ваших детей, это была плата за обучение.

Петр. К черту вашу грамоту! Умирает Ондори, ему ваша грамота не нужна!

Ен Дин (*твердо*). Если я и в чем-то виноват перед небом, так только в том, что не научил именно вас читать и понимать.

Петр. Что?! Вы хотите унизить меня?.. Да, я безграмотный темный человек. Вот где вся моя грамота! (*Показывает мозоли на ладонях*). Вот эти руки и руки моих родителей кормили таких умников, как вы и ваша порода!

Ен Дин. Хватит, уважаемый! Хотя я и немощен против вас, но оскорблять не позволю!

Петр. Послушай, старый хрыч, не выводите меня из себя. Я не посмотрю, что ты стоишь одной ногой уже в могиле!..

Из дома на шум выходят встревоженные Бабушка и Аня.

Бабушка. Петя, как вы можете так разговаривать со старшими...

Петр. Мама, оставьте! Кто его просил сюда приходить, да еще с нравоучениями. Да, я его сейчас за оскорбления!.. (*Бросается к старику*).

Бабушка (*становясь на пути*). Петя!

Аня. Папа! Не надо!.. (*Тянет отца за руку в дом*).

Бабушка оборачивается к Ен Дину и слегка наклоняет голову.

Бабушка. Простите... У нас ребенок болеет. Возвращайтесь домой.

Ен Дин. Вы бы показали его мне.

Петр. Вон!

Аня. Папа!..

Петр. Что вы хорошего сделали для людей? От таких как вы одни беды! Из-за вас, кто с японцами яхшался, мы оказались здесь! Я неправду говорю?!

Ен Дин. Правды никто не знает. Но то, что говорите вы — это ложь. Клевета! Придет время, поймете...

Бабушка. Хватит вам! Никчемные слова... Доживем ли?

Свет гаснет.

Картина пятая

Вечер, ближе к ночи. В доме Паков все сидят возле большого Ондори.

Хя Сен (*склонившись над ребенком*). Ондори, попей хоть водички. Или кашу, хоть немножечко, а? Весь день ничего не ешь, как же ты поправишься... Что делать, бабушка, он ничего не ест?

Бабушка (*после паузы*). Аня, сходи за дедушкой Ен Дин.

Петр. Ни к чему это, не ходи!

Бабушка. Довольно!.. Аня, зови дедушку.

Аня, выжидая поглядев на отца, выходит из дому. Во дворе она встречает Николая.

Николай. Аня! Ты чего не пришла? Я ждал тебя, мы же договорились встретиться на берегу, как обычно...

Аня. Ондори совсем плохо. Он умирает... *(Всклипывает)*.

Николай *(подходя, трогает за плечо)*. Не плачь... Ондори поправится. Ему бы травяных настоев попить, у дедушки их много разных...

Аня. Меня послали за твоим дедушкой.

Николай. Так идем же!

Убегают.

Хя Сен *(склонившись над ребенком)*. Ондори, сыночек мой, потерпи немного, скоро утро настанет, солнышко выглянет и станет тепло, здесь столько цветов и бабочек, помнишь, как ты бегал за ними, завтра вместе пойдем на поле, ты увидишь сколько там разных бабочек летает...

Слова Хя Сен звучат монотонно, устало, как безнадежная молитва. Нет больше слов. Воцарилось молчание.

Петр. Да что это за доля такая? Чем я не угодил небу, за что же сына у нас забирают? Разве я не тружусь из последних сил, разве преступления какое совершил, за что такая кара?.. Ондори, мальчик мой, как я хочу гордиться тобой, не оставляй меня, все отдам, ничего не пожалею, только не умирай... *(Сухо плачет, закрыв лицо руками)*.

Входит Аня, за нею старик Ен Дин.

Ен Дин. Здравствуйте...

Петр встает, склоняя в приветствии голову.

Душно у вас. Лучше всем выйти на улицу. Оставьте меня с ребенком, я посмотрю его.

Все выходят. Во дворе, в сторонке стоит Николай.

Тихо возникает гнетущая музыка. Она усиливается. И вдруг резко обрывается на самой высокой ноте отчаяния.

Из дома выходит дедушка Ен Дин. Все оборачиваются.

Ен Дин. Ондори умер.

Хя Сен. Нет!!! *(С криком бросается в дом)*.

Бабушка *(в молитве)*. О, небо!.. Мало ли горя мы перенесли? Что может сравниться с нашим несчастьем? Всевышний! За что же ты отнял еще

нашего Ондори? Лучше бы меня забрало, о небо!.. Ондори... Ондори...
Ондори...

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина шестая

Лунная ночь. Лиза и Су Нег несут на коромыслах ведра, полные воды. На пригорке они опускают ведра на землю и складывают возле них коромысла. Садятся.

Су Нег. Землянки надо было вырыть поближе к реке. Вон Петр удачно дом поставил, вода рядом.

Лиза (*массируя спину*). Поясницу ломит, мочи нет.

Су Нег. Простудила. В землянке сыровато?

Лиза. Не в сырости дело...

Су Нег (*с тревогой*). Что-нибудь серьезное?

Лиза наклоняется и шепчет что-то Су Нег на ухо. Затем обе хохочут.

Лиза. Да... Где-то мой Федор мотается, скорей бы нашелся.

Су Нег. Найдется твой Федор, обязательно найдется.

Лиза. Кто знает... Уже пятый год. Пригрела какая-нибудь змея, семьей обзавелся. Убью, если узнаю!

Су Нег. Выкинь ты из головы дурные мысли, Федор не такой.

Лиза. Да знаю я его, кобеля!.. Тут ждешь, ждешь, а он, поди, тискает какую-нибудь бабенку, а про меня и думать забыл.

Су Нег. Ну, что ты изводишь себя, перестань.

Лиза. Тебе-то легко так говорить, муж под боком. Какой ни на есть, а все мужик, твой Гиль Ман. Не обижает?

Су Нег. Мы по любви поженились. Я ведь сирота, у меня даже приданного не было. Тогда в их семье тоже были сложности. Все, что было отобрали. Коровы были и свиньи, все отобрали.

Лиза. Знаю, раскулачили их. Я даже больше скажу. Это Петя. Он сходил куда надо и рассказал о вашем богатстве, гад такой... Вот ненавижу, а как позовет, так вся дрожу!.. Ну, расскажи про своего, как поженились-то?

Су Нег. Он так смешно сватался!

Лиза. Помнится, вы молча ходили по селу, он такой длинный, а ты такая махонькая. Все смеялись тогда! И как он сватался?

Су Нег. Да никак. Молчал и все.

Лиза. Тебе самой надо было начинать.

Су Нег. Да ты что!.. Приведет меня в свой дом, у них, помнишь, дом был огромный, и просит своего отца, дедушку Ен Дина, стихи почитать, представляешь? Про любовь стихи!

Лиза. И дедушка читал?

Су Нег. Читал!

Лиза. Он тоже чудак. Вы все чудаки!

Су Нег. И так каждый раз — приведет меня, дедушка примется читать стихи...

Лиза. А Гиль Ман? Он что не мог сам, ведь грамотный не хуже отца, вечно с книгами носился!

Су Нег. Я так привыкла, что дедушка читает, что даже и не задумывалась.

Лиза. Говорю, вы все странные какие-то. Ты вон о всех хлопчешь, волнуешься. И даже меня не забываешь. Все косятся на меня, а тебе все равно, будто я тебе самая большая подружка. Спасибо тебе за это.

Су Нег. Чего на тебя косятся, ты вон какая красивая.

Лиза. За Петра, будто не знаешь.

Су Нег (*после паузы*). Ты же с Петром просто так, несерьезно?

Лиза. Много ты знаешь... Петя мужик что надо. Повезло толстушке Хя Сен.

Су Нег. Ну, зачем ты так о Хя Сен, она хорошая.

Лиза. Для тебя все хорошие. Не хочу на чужом горе свою судьбу устраивать, а то бы давно отбила.

Су Нег. Не получится, Лиза.

Лиза. Почему же?

Су Нег. Ты Федора любишь.

Лиза. Любишь... А жизнь-то проходит! Вот где он сейчас, что делает? Почему не найдет меня?.. Как-то сижу с Петей вон там, под деревом, болтаем и всякое такое, да ка-ак стукнет мне в голову — Федора вспомнила! Как сожмется все в груди — никого не надо, убежала домой! Петя ничего не понял, обиделся.

Су Нег. Вот видишь... Вернется Федор.

Лиза. Вот когда вернется, тогда и разберемся. А сейчас я не могу без мужиков, ты понимаешь?

Су Нег оборачивается к Лизе и начинает бить ее по спине своими кулачками. Лиза, защищаясь, отмахивается, хохочет.

Слышится нарастающий гул мотора. Заметались фары в лунной ночи и застыли. Грузовик остановился.

Женщины встrepенулись, встали. К ним подошел Милиционер. (Диалог на русском).

Милиционер. Женщины! Всю ночь мотаемся по степи. Вроде, тут где-то старый чабан Орынбай живет, верно?

Су Нег. Есть, есть!

Милиционер. Значит, приехали. Позовите его, а? Мы сына ему привезли, пусть распишется о получении... груза.

Лиза. Какой груз?

Милиционер. Позовите старика, узнаете.

Су Нег убегает.

Мда-а... Сына-то старику мы привезли... в гробу. С фронтового госпиталя к нам на станцию гроб прибыл, а мы, стало быть, сюда... Вот такие дела.

Лиза стоит в оцепенении. Затем убегает в другую сторону. Милиционер и водитель с трудом снимают с кузова гроб и ставят возле ведер, полных воды. Отдышавшись, оба с жадностью пьют воду.

Лиза привела всю семью Кимов — дедушку Ен Дин, Гиль Маня и Николая.

Милиционер (Ен Дину, на русском). Ты что ли будешь Темиров?

Ен Дин (сыну). Что он говорит?

Гиль Ман. Он думает, что вы Орынбай. (Милиционеру, на русском). Мы корейцы. Ты моя сюда привозил? Давно, давно?

Милиционер. Может быть, привозил...

Гиль Ман. Одна тысяча девятьсот тридцать седьмой год.

Милиционер (после паузы). Выжили, значит...

Гиль Ман. Старик Орынбай казах. Он живет вон там... А почему это гроб?

Милиционер. Видишь ли, дорогой, сын старика Темирова умер. В военном госпитале. К нам на станцию привезли его в гробу. Велено вручить родственникам... Отвоевался солдат.

Ен Дин (сыну). Что он говорит? К чему этот гроб?

Гиль Ман. Сын старика Орынбая на фронте погиб. Привезли в гробу, чтобы родственники могли похоронить.

Ен Дин. О, горе!.. У него и родственников-то нет, как же он похоронит...

Милиционер (рус.). Да где же этот Темиров? (Гиль Ману). Может, ты распишешься в получении груза, а? Нам назад спешить, дел невпроворот. (Протягивает бумагу). Да и крику, вою будет, не могу привыкнуть. Конечно, понимаю, сына в таком оформлении встречать, страшнее не придумать, но не могу, не переносу, когда воют от горя, устал. Распишись, а? И документы солдатика старику передашь. (Подает тонюсенький пакет).

Гиль Ман расписывается, забирает пакет.

Милиционер (рассматривая роспись). Ни хрена себе, одни палочки...

Заводится мотор. Фары заматались по ночному небу. Порученцы уехали.

Ен Дин. Он так гордился, что сын на фронте фашистов бьет. Ждал его с победой.

Гиль Ман. Война...

Николай (подойдя к гробу). Сержант Темиров Бахтыгул... (Касается крышки гроба. Жидко приколоченная, она сдвинулась. От неожиданности он отпрянул). Наверное, в дороге растрясло, гвозди мелкие...

Появляется старик Орынбай, его жена Халима и Су Нег. Орынбай останавливается поодаль. К нему испуганно прижимается Халима.

Орьябай (*еле слышно, на русском*). Что это?
Гиль Ман. Аксакал, это... твой сын. Милиционер привез.
Орьябай. Нет!
Гиль Ман. Милиционер сказал — твой сын. Я расписался.
Орьябай. Открой...

*Николай нерешительно берется за крышку, она сваливается на землю.
Халима бросается к сыну, падает ему на грудь.*

Халима. Зрачок мой! Верблюжонок мой, а-а-а... (Боташым менин, козимнин карашыгы, жаным менин...)

Жырау возносится в ночное небо.

Свет гаснет.

Картина седьмая

*Невысокий холм — могила солдата Темирова Бахтыгула.
Дедушка Ен Дин подходит к старику Орьябаю, стоящему, опершись руками
о чабанский посох.*

Ен Дин (*сыну*). По их обычаю не положено женщинам присутствовать на похоронах. Но пусть разрешит женщинам проститься с его сыном. По корейскому обычаю... Объясни уважаемому человеку.

Гиль Ман. Хорошо. (*Подходит к Орьябаю, останавливается перед ним.
На русском*). Аксакал, разрешите прощаться твоему сыну нашей женщины по-корейски, а?

Орьябай молчит, уставившись в землю невидящим взором.

Твой сын хороший солдат. Всем надо поклон делать. Твоя жена Халима тоже надо ходить на могилу...

Орьябай молчит.

Ен Дин. Почему он молчит? Объясни — наш обычай позволяет женщинам быть на могиле.

Гиль Ман (*Орьябаю, на русском*). Аксакал, мой старик просит — все женщина сюда ходить надо и поклон делать.

Орьябай поднимает глаза и долго смотрит на Гиль Мана. Затем плечи его вздрагивают в беззвучном рыдании. Гиль Ман обнимает старика, бережно прижимая к груди его голову.

(*Отцу*). Я думаю, что он не возражает.

Ен Дин. О, небо... Страшнее горя нет, потерять кровинушку свою! (*Уходит*).

Гиль Ман (*Орынбаю, на русском*). Моя хорошо понимает, это большое горе. Твой сын хороший солдат, страну защищал. Большое горе делить надо, нас много, ничего... Твоя жить надо, корейцы есть, жить будем вместе, а? Не надо плакать, аксакал...

Возвращается дедушка Ен Дин со всеми корейцами этого маленького поселения. Последними идут Аня и Николай.

Женщины в белых косынках.

Су Нег подводит к могиле Халиму. Та опускается на землю и припадает ко холму, будто к сыновней груди. Плачет. Су Нег успокаивает ее.

Хя Сен и Лиза стелят у изголовья могилы белую скатерть. Бабушка подает им разные яства в чашечках, те расторопно раскладывают их — кашу, салаты, курятину, сладости самодельные.

Два граненых стаканчика и бутылка самогона. Один стакан до краев наполняют мутным самогоном и ставят для Бахтыгула. По двое, по трое подходят, наполняют второй стакан, пригубливают, затем сливают в свободную чашку. Делают прощальный поклон, отходят в сторону.

Подходит Аня. Поклон. Отходит. Подходит Николай. Застывает, будто что-то говорит. Поклон. Отходит в сторону.

Звучит хор. Дневное небо расцветивается красными всполохами горя. Прощание с Бахтыгулом окончено. Скатерть убирается. Люди уходят.

Су Нег уводит Халиму, Гиль Ман — Орынбая.

Лиза подходит к Хя Сен. Та в напряжении.

Лиза. Хя Сен, постой... Конечно, не очень удобное место для такого разговора, но ты избегаешь меня... Потому что ненавидишь, я знаю.

Хя Сен. Что тебе надо?

Лиза. Хя Сен, ты прости меня. Много горя я принесла тебе за эти годы, но обещаю, больше этого не будет. С Петей твоим мы больше не будем встречаться. Я прогоню его.

Хя Сен. Я не хочу знать, и тебя не хочу видеть.

Лиза. Да ты не кипятись... Сон мне вещий приснился. Будто Федор мой в океане плавает, вода прозрачная. Плавает и меня зовет. Я поплыла навстречу, зову его, но не слышу своего голоса, а его слышу... Дедушка Ен Дин говорит, что сон вещий, возможно, восточку от Федора получи или же он сам обьявится. Я, правда, не очень верю, а вдруг?

Хя Сен. А я тут причем?

Лиза. Да притом, что Петр твой не отвяжется от меня, пока ты не застукнешь его со мной!

Хя Сен. Вы будете целоваться-обниматься, а я как дурочка должна выследить вас и людей звать в свидетели, так что ли? Никогда, запомни это, я не опущусь до этого!

Лиза. Да выслушай ты меня до конца! Вот сегодня он опять попросил меня прийти к дереву, что у обрыва. Если я согласна, должна запеть ровно в полночь. Тогда он и явится... Твой Петр любит слушать мои песни. Дальше. Вместо меня пойдешь ты, поняла? А я спрячусь за деревом и буду петь. Он придет, и мы вместе устроим ему такое! Я нож с собой прихвачу.

Хя Сен (*испуганно*). Зачем нож?

Лиза. Пусть поклянется, что перестанет блудить, иначеотрежем мужское достоинство, от него все несчастья.

Хя Сен. Я не поняла, что ты собираешься отрезать...

Лиза. Что между ног болтается и покоя не дает, ни себе, никому другому.

Хя Сен. Да ты что!

Лиза. О, испугалась! Не бойся не отрежу!.. Пойми, сон-то вещий, дедушка Ен Дин по книгам разгадывает. Ну?!

Хя Сен. А как же я ночью из дома уйду, он станет искать меня.

Лиза. Придумай что-нибудь, в другой комнате, скажи, будешь ночевать. Вы что, всегда вместе спите?

Хя Сен. Нет.

Лиза. А зря! Вот он и шастает ко мне... Ты не думай, последнее время мы редко встречались.

Хя Сен (*после паузы*). Ты песни пела... А потом?

Лиза. Нашла чего спрашивать... Газету читали! (*Разглядывает Су Нег*). Знаешь, отчего мужики бегают от жен? Ты глянь на себя со стороны, как ты одета? Надо следить за собой, держать себя в форме.

Хя Сен. Да когда же? Целый день на поле, а потом дома работы невпророт...

Лиза. А я не на поле? Я же успеваю. И тебе надо успевать! А не то будет поздно... Давай, иди, а то люди с ума сойдут, о чем это мы с тобой так нежно разговариваем. Иди. И не подведи меня!

Хя Сен. Не знаю...

Лиза. Тогда пеняй на себя!

Свет гаснет.

Картина восьмая

Ночь, обрывистый берег реки. Негромко звучит веселая песня.

К силуэту возле дерева крадется Петр. Приблизившись, опускается на землю. Заслушавшись песней, вздыхает.

Петр. Ну, хватит, я уже тут.

Песня обрывается.

Сказать правду — век бы слушал твои песни.

Петр встает и обнимает силуэт. Встречает сопротивление.

Что это сегодня с тобой, ну-ка повернись...

Хя Сен. Лиза!

Лиза (*выпрыгнув из-за дерева и сбивая Петра с ног*). Хя Сен, придави его руки!.. Сейчас мы тебе покажем! (*Садится верхом на его ноги*). Кобель поганый! Сейчас у тебя будет пусто между ног!

Петр. Вы с ума сошли! Лиза брось нож!..

Лиза. Хя Сен, держи крепче, он вырвется!

Петр. Отпустите, говорят!

Лиза. Не-ет... С сегодняшнего дня ты перестанешь шляться по ночам. Взрослая дочь, а в голове ветер! *(Пытается развязать штаны в поясе).*

Петру удается освободить из-под Хя Сен одну руку.

Если твоя большая голова слушается маленькой, мы липим тебя ее! *(В руке блеснул нож).* Поклянись!

Петр. А-а-а! *(Вырывается и отскакивает).* Ну, дурочки, придумали тоже!..

Лиза. Вот что, Петя, возвращайся домой, и чтоб больше не подходил ко мне!

Петр. Сумаспешные, безмозглые!.. *(Жене).* Ты тоже хороша. Посмотрел бы на тебя... без него. *(Показывает на себе ниже пояса).* Дома поговорим!

Лиза. Попробуй обидеть Хя Сен, проклянью, понял?! В ведьму превращусь и проклянью.

Петр. Идиотки!.. *(Опасливо оглядываясь, уходит).*

Лиза. Иди, Хя Сен, домой и не бойся, он не тронет тебя!

Обратив внимание на нелепый нож в руке Лизы, женщины хохочут. Затем Хя Сен уходит вслед за мужем. Лиза беспомощно опускается на землю, закрыв лицо руками. Смех переходит в плач, из груди вырывается стон...

Свет гаснет.

Картина девятая

Раннее утро. Поляна. В руках у Николая небольшой узелок. Одет он по-походному, в долгую дорогу собрался. Выбегает Аня. Молча обнимаются.

Аня. Ты простился со своими? Что они сказали?

Николай. Они ничего не знают... Я письмо тут написал, пока тебя ждал. Передашь им. К тому времени я уже буду в военкомате. На этот раз они не посмеют отказать.

Аня молчит. Оба садятся на землю. Рядышком.

Аня. Я буду ждать.

Николай. Я верю.

Аня. Сколько бы времени ни прошло, буду ждать. Пока не вернешься... Но я так боюсь за тебя.

Николай. Не бойся. Не бойся. Я должен идти на фронт... Бахтыгул воевал, бил фашистов, а я что, отсиживаться должен? В военкомате узнаю, в какой части воевал Бахтыгул, туда и попрошусь.

Аня. Ты береги себя.

Николай (*после паузы*). Ты за меня не бойся, я вернусь.

Аня. Коля...

Николай. Давай помолчим, а то плакать начнешь.

Аня. Коля, я скоро рожу.

Николай (*не очень понимая*). Как это родишь? Кого?

Аня. Обыкновенно. Ребенка.

Николай. Кто сказал?

Аня. Смешной ты. Раз говорю, значит рожу.

Николай. А кого родишь, мальчика? Или девочку?

Аня. А ты кого хочешь?

Николай. Я? Мальчика. Или девочку! А, может, двойняшек родишь? Вот было бы здорово!

Аня. Мы будем ждать тебя. Сильно-сильно.

Николай. Прямо смешно даже...

Аня. А что смешного?

Николай. Не было никого и вдруг сын!.. Если спросит, где папа, скажи, что на фронт ушел, воевать, скоро вернется... (*Разворачивает письмо, что-то дописывает*).

Аня. Мы будем сильно-сильно ждать тебя!

Николай (*крепко обнимая Аню*). Мне надо спешить, скоро рассвет. Мои могут спохватиться. Вот письмо, дедушке передашь. Я дописал, что у него внук родится...

Появляется Гиль Ман. Видно, что он очень спешит.

Гиль Ман. Коля! Что за дела, куда ты собрался?

Николай. Папа...

Гиль Ман. Ты о матери подумал? Какого будет дедушке, когда узнает?

Николай. Я разговаривал с дедушкой. Сказал, что иду на фронт. Война.

Гиль Ман. И что, отпустил?

Николай. Дедушка ничего не сказал.

Гиль Ман. Какой фронт, какая война? Я не хочу, чтоб тебе было больно, поэтому скажу сразу — тебя не возьмут на фронт, не ходи в военкомат.

Николай. Почему? Мне уже восемнадцать!

Гиль Ман. Не берут корейцев на фронт! Не доверяют!

Николай. Что вы такое говорите, папа? Этого не может быть...

Гиль Ман. Может! Все может быть... Время такое... И потом... Как же ты оставишь Аню? Ты говорил, что всегда будешь с ней рядом, говорил?... (*Ане*). А если действительно возьмут сго на фронт, это же война!

Николай. Папа! О чем вы?.. Я не думаю, что старик Орынбай говорил подобное, когда Бахтыгул уходил на фронт!

Гиль Ман закрывает ладонями лицо и в бессилии опускается на землю.

(*Ане*). Ты прости меня, Аня. Пойми и прости. Я должен идти. Жди. Я обязательно вернусь! Папа, вы тоже простите меня. И объясните маме. Пусть

она и дедушка простят меня, я не хотел сделать им больно. Но я должен идти!.. *(Уходит)*.

Аня. Коля!..

Николай возвращается. Обнимает Аню. Убегает.

Свет гаснет.

Картина десятая

В доме Паков. Петр сидит на краю кана, вытянув руки на коленях. Слева от него — жена Хя Сен.

Петр *(безысходно)*. Так я и знал, что этим все и кончится. Сделал гаденыш свое дело и сбег.

Хя Сен. Он на фронт ушел, в армию.

Петр. Какой фронт, какая армия? Не берут корейцев туда, он просто сбежал!

Хя Сен вздыхает. Плачет беззвучно.

Ты тоже хороша!.. День и ночь толкую, что с этой породой нечего якшаться, не будет от них добра, так нет же!..

Хя Сен. Они любят друг друга.

Петр. Что?! Чтоб я больше не слышал этой болтовни! Когда любят, не убегают!.. Одним словом, я не вынесу такого позора. Пусть она уматывается. Или я уйду!

Хя Сен *(испугано)*. Что вы такое говорите, Петя...

Петр. Породниться с этой сволочной породой — никогда!

Входит Бабушка и ведет за собой печальную Аню.

Ты только глянь на нее, явилась, бесстыжая! Смотреть противно.

Хя Сен *(копаясь в открытом сундуке)*. А вы и не смотрите, зачем душу травить? Подумаешь, дочка рожать собралась. Вы, такой чинный и благородный человек, и вдруг породниться с никчемными грамотеями? И дочка тоже хороша — полюбила человека, а он на фронт убежал! Нет уж, пусть родная дочь сгинет с глаз и рождает ребенка где-нибудь в кустах, не нужны вам, Петя, ни дочь, ни внук, и вообще, никто не нужен!

Петр. Ты что такое несешь, дура?!

Хя Сен. И вообще, эти ваши бесконечные окрики, я тоже ухожу, все!

Бабушка. Да остановитесь вы! Кто кого выгоняет, что за разговоры?

Хя Сен. Что тут непонятного? Петя гонит свою дочь. Я же ее не оставляю, поэтому уходим вместе. Идем, Аня! *(Берет узелок и тянет дочку за руку)*.

Бабушка *(сыну)*. В жизни этой никому не дано жить обособленно. Удержать человека от беды, а не подталкивать к ней, вот обязанность каждого... И если кто-нибудь из вас забудет о том, как помогли нам казаки, если вы забудете тот спасительный кипяток, который дал нам

старик Орынбай в осеннее утро тридцать седьмого года, я прокляну вас!
А теперь поступайте как хотите.

Петр опускает голову. Хя Сен и Аня застывают в дверях. Свет гаснет.

Картина одиннадцатая

В доме Кимов. Дедушка Ен Дин читает письмо. Звучит голос Николая. Слушают Се Нег, Гиль Ман.

Николай (голос). «Дедушка, простите меня, что не попрощался. Я уйду на фронт. Мама и папа, вы тоже простите меня и не тревожьтесь, я скоро вернусь. С победой. Николай. У меня родится сын. Примите в дом мою жену Аню».

Свет гаснет. В лучах прожектора — Рассказчик.

Рассказчик. Так моя мама вошла в дом Кимов... А спустя полгода, осенью, появился в наших краях человек...

Картина двенадцатая

Полдень. Вдали, за пологим холмом, виднеется пожелтевшее рисовое поле, жатые полосы с поваленными снопами. Звучит песня. На дамбу поднимаются усталые люди, складывают косы.

Женщины — Хя Сен, Лиза и Су Нег — стелят на земле скатерть, сервируют «стол». Все усаживаются. Трапеза. Песня закончилась.

Гиль Ман. Дедушка Ен Дин, что в книгах говорится про урожай этого года?

Ен Дин. И без книг видно — урожай будет богатый, лишь бы дождя не было.

Гиль Ман. Да-а, обидно будет, если дождь хлынет, столько сил потратили.

Ен Дин. Будем надеяться на справедливость всевышнего.

Гиль Ман. Был бы он справедливым, мы бы не горевали на чужбине...

Ен Дин. А что, тянет на Дальний восток?

Петр. А кого не тянет в родные края... Интересно, как все сложится, что будет с нами, а? Что скажут про нас наши внуки? А может, им повезет и они вернуться на родину?

Гиль Ман. Кто может сказать, где родина наших внуков?

Ен Дин. Что мы разговорились очень. Не следует вести подобные разговоры, хорошим это не кончится.

Петр. А чего бояться, НКВД что ли рядом?

Ен Дин. Все равно не стоит лишнего болтать. Такое нынче время — воздух, которым мы дышим, и тот имеет уши, я понятно говорю?

Лиза (вскакивая). Это он...

Все оборачиваются в сторону, куда показывает Лиза.

Петр. Точно в ведьму превратилась...

Лиза. Федя-а-а!.. (Рушится на землю и бьется в истерике).

Гиль Ман бежит навстречу Федору.

Су Нег (поднимая Лизу). Ну, чего ты? Это точно, муж твой!..

Все встают, увидев Федора, приближающегося вместе с Гиль Маном. Рукопожатия, смех, возгласы удивления. Наконец, Федор подходит к жене.

Федор. Лиза...

После мгновенного оцепенения Лиза кидается в объятия мужа. И тут замечает, что у Федора нет левой руки. Лиза на мгновение замирает в растерянности, но, придя в себя, сияющая, она оборачивается ко всем.

Лиза. Ну, держитесь, сегодня ночью вся степь будет дрожать!..

Су Нег. Ой, неисправимая!.. Давайте все сюда, обед нас ждет!

Гиль Ман. Эх, водки бы!.. Федя, и как нашел-то нас, рассказывай!

Лиза. Дедушка Ен Дин, помните, весной я рассказывала вам свой сон? Вы сказали, что это вещий сон и он обязательно сбудется. Сбылось! Вот он, Федя! Федя, у тебя все в порядке?

Федор. О чем ты?

Лиза. Ладно, сегодня проверю! Действительно водки бы!

Петр (жене). Су Нег, глянь в свою котомку, утром я туда бутылку закинул.

Гиль Ман. Вот так дела! Чего захочется — тут как тут! Давай сюда!

Су Нег передает Гиль Ману бутылку самогона, и тот разливает в две алюминиевые кружки.

Кружек нет, будем по очереди. Дедушка Ен Дин, вы первый!..

Ен Дин. Радость великая, слов нет!.. (Пригубливает, возвращает сыну).

Гиль Ман. За твое возвращение, Федя! (Выпивает). И где же ты был, не на фронте ли?

Федор (выпив). На фронте. На трудовом фронте, слышали?

Гиль Ман. Трудармия?

Федор. Да... Там не стреляют. Там лес валят. А в других местах уголь добывают, руду... Кого только я не встречал там! Многие не выдерживают, умирают. Одно слово — трудармия. Не стреляют, а смерть за каждым по пятам ходит.

Все понимающе кивают. Федор встает, отходит в сторону и знаком подзывает Гиль Мана. Что-то говорит ему. Тот отступает на шаг, словно получил удар в грудь.

Гиль Ман. Нет, он ушел на фронт... Письмо написал...

Федор. Да послушай, Николай мне все рассказал. Ему сказали, что воевать везут, на передний край, а привезли на Урал, лес валить. Там я его и встретил. Случайно. Даже в одной бригаде работали, в одном бараке жили.

Гиль Ман. Может, не он? Ты же его маленьким видел, сколько лет прошло!..

Федор. Он. Твой сын Коля. Он и рассказал мне, где и как найти вас.

Гиль Ман. Не верю!

Федор извлекает из внутреннего кармана ветхой рубашки стеклянный амулет на шнуре.

Федор. Коля говорил, что этот амулет ему жена подарила. Аня ее звать.

Гиль Ман (*качаясь, будто пьяный*). Коля-а-а... Что же ты наделал...

Су Нег (*подходя к мужу*). Что случилось, вы что, пьяны?

Гиль Ман. Коля-а-а...

Федор (*показывает амулет*). Это я нашел в одежде вашего сына... Коля умер. Его деревом придавило. При мне это случилось... Я вот рукой отделался.

Су Нег судорожно выхватывает амулет, подносит к глазам. И со стоном рушится на землю.

Голос Орынбая (*издалека, на русском*). Суюнши!.. Дорогой Ен Дин! Суюнши давай, у тебя правнук родился!..

Появляется запыхавшийся Орынбай. Трясет руку бабушки Ен Дина.

Орынбай. Моя Халима роды приняла! Друг мой, у тебя правнук родился!..

Над степью разносится крик новорожденного. Затем стихает.

Рассказчик. Этим ребенком был я... Конечно, я не помню отца. Мне рассказала о нем моя мама, когда мне исполнилось десять лет. И тогда мне почему-то показалось, что мама не верит в смерть отца. И она ждала его до самого конца своих дней... От имени детей, внуков и правнуков — бабушки и бабушки, отцы и матери, за то, что вы дали нам жизнь, вырастили и воспитали нас, низкий поклон вам!..

К О Н Е Ц

О Г Л А В Л Е Н И Е

ХАН Дин. ЯНБАНДЕН	5
ХАН Дин. ЖИВОЙ БУДДА	40
ХАН Дин. НЕ СТОИТ РАСКАЧИВАТЬ ДЕРЕВО	76
Аятолий КИМ. ДОРОЖКА ФЕИ В САДУ	98
Аятолий КИМ. ПЛАЧ КУКУШКИ	131
Александр КАН. КОРИДОР	161
ЦОЙ Ея Гын. НЕ УМИРАЙТЕ МОЛОДЫМИ	194
Георгетта КАН. НЕ ЦВЕТЕТ ВИШНЯ ОСЕНЬЮ	213
Георгетта КАН. САД БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ	235
Лаврентий СОН. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕИ НА ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ	265
Лаврентий СОН. СОБОЛИНИ	290
Лаврентий СОН. ПАМЯТЬ	323

ДОРОЖКА ФЕИ В САДУ

Сборник пьес корейских авторов

Составитель и редактор Лаврентий Сон

Дизайнер Анастасия Таукелова

Верстка: Людмила Майжанова, Анастасия Таукелова

Корректор Татьяна Чен

Сдано в набор 09.03.06. Подписано в печать 30.03.06

Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16

Учетно издательских листов 17,2. Условных печатных листов 22. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Жазушы»,

© Издательская компания «RUAN»

г. Алматы, пр. Аль-Фараби, 176, офис 162;

тел. 8 (3272) 998-224;

e-mail: ruan@ok.kz